МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 1 2021

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 1 2021

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 1 2021

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 1 2021

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the catalog of JSC "Economic Newspaper" Publishing House
"The united catalog. Russian press. Newspapers and journals" – 41510 (OK+EC)
Address of JSC "Economic Newspaper" Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2021

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 1 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Акимова Е.В. Проблемы изучения и интерпретации палеолита Усть-Ковы 9

Цюань Цянкунь. История исследования палеолитических памятников Северного Китая 33

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Плита с антропоморфным изображением из ограды чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш 1-1: особенности рисунка, аналогии и вопросы семантики 47

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Иванов Г.Л. Святилище Лысая Сопка на северном побережье озера Байкал: материалы исследований 1963 и 1965 гг. 63

Эрдэнэбаатар Д. О новой классификации оленных камней 90

Степанов А.Д., Воробьев С.А. Карта археологических памятников Усть-Янского района Республики Саха (Якутия) 110

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг третий: мифо-логика времени 125

Лось О.К., Курочкина Е.Н. Традиционный русский костюм: использование в придворной культуре XVIII–XIX вв. как символа национальной принадлежности 138

Черных В.В. Иркутские летописцы 153

Гаврилова Н.И. Юлия Ивановна Базанова: благотворительная деятельность в контексте жизненного сценария женщины купеческого сословия второй половины XIX – начала XX в. 163

Пученков А.С. В Царстве Польском при Александре II и Александре III: по страницам воспоминаний генерала А.И. Деникина 172

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) 182

Ростов Н.Д., Панченко И.А. Правовое и социально-экономическое положение нижних воинских чинов Сибирского военного округа на рубеже XIX–XX вв. 195

Наумов И.В., Висьневски Я. Развитие военно-морского искусства в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: краткое описание 205

Синиченко В.В. К вопросу о поставках в Россию вооружения и снаряжения из-за границы в 1914–1916 гг. 214

Ануфриев А.В., Козлов Д.В., Каба Э. Военнопленные и женщины: между верностью и изменой (гендерные аспекты плена во время Первой мировой войны) 226

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав 240

Бармин В.А. Причины провала призыва мусульман советского Туркестана в Красную армию (1918–1924 гг.) 262

РЕЦЕНЗИЯ

Новиков П.А., Чирикова М.В. Метаморфозы российского общества глазами православного духовенства Крыма: рецензия на монографию «Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах» А.С. Пученкова, В.В. Калиновского 272

Терентьев В.И. Будущее столицы Монголии: рецензия на книгу «Градостроительное развитие г. Улан-Батор» А.Г. Большакова и Н. Нямдорж 277

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 1 2021

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Akimova E.V. The Issues of Studying and Interpretation of Paleolithic of the Ust'-Kova site 9

Quan Qiankun. History of the study of the Paleolithic sites of Northern China 33

Kovalev A.A., Munkhbayar Ch. Stone slab with anthropomorphic picture in the fence of Chemurchek ritual complex Khulagash 1-1: features of picture, analogies and questions on semantic 47

Kharinskii A.V., Emelianova Iu.A., Ivanov G.L. The Lysaya Sopka sanctuary on the northern shore of Lake Baikal: research materials of 1963 and 1965 63

Erdenebaatar D. About the new classification of deer stones 90

Stepanov A.D., Vorobiev S.A. Map of the archaeological sites of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia) 110

HISTORY

Shaforostov A.I. History of formation of the ideas about reality. Step three: mytho-logic of time 125

Los' O.K., Kurochkina E.N. The use of traditional Russian costume as a symbol of national identity in the court culture of the XVIII–XIX centuries 138

Chernykh V.V. Irkutsk chroniclers 153

Gavrilova N.I. Julia Ivanovna Bazanova: Charitable activity in the context of merchant class woman's life scenario in the second half of the XIX – early XX century 163

Puchenkov A.S. In Congress Poland (Kingdom of Poland) under Alexander II and Alexander III: according to the pages of memories of general A.I. Denikin 172

Avilov R.S. The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Part 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on the data of visit of Aleksey N. Kuropatkin) 182

Rostov I.D., Panchenko I.A. Legal and socio-economic status of the lower military ranks of the Siberian Military District at the turn of the XIX–XX centuries 195

Naumov I.V., Wisniewski J. The development of navy skill in the Russian-Japanese War of 1904–1905: concise description 205

Sinichenko V.V. To the issue of arms supplies and equipment to Russia from abroad in 1914–1916 214

Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. Prisoners of war and women: between loyalty and treason (gender aspects of captivity during the First World War) 226

Lannik L.V. The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers 240

Barmin V.A. Reasons for the failure of the conscription of Muslims of Soviet Turkestan to the Red Army (1918–1924) 262

REVIEW

Novikov P.A., Chirikova M.V. Metamorphoses of Russian Society through the Eyes of the Orthodox clergy of the Crimea: a review of the monograph Puchenkov A.S. and Kalinovskiy V.V. "Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920" 272

Terentyev V.I. The future of the capital of Mongolia: a review of the book "Urban Development of Ulan Bator" by A.G. Bol'shakova and N. Nyamdorzh 277

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 1 2021

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 1 2021

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.1
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-9-32

Проблемы изучения и интерпретации палеолита Усть-Ковы

© Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН, гг. Новосибирск – Красноярск, Россия

Аннотация: Стоянка Усть-Кова, наиболее известный памятник позднего палеолита в Северном Приангарье, была затоплена Богучанским водохранилищем в 2014–2015 гг., оставив нерешенными целый пласт вопросов, касающихся как ее возраста, так и культурной принадлежности. Полноценный анализ археологических коллекций, накопленных за годы раскопок, не сделан до сегодняшнего дня. Вернуться к дискуссионным вопросам изучения Усть-Ковы позволяют данные, полученные во время охранно-спасательных работ в зоне строительства Богучанской ГЭС (2008–2011 гг.), и частичная ревизия материалов 1970–1980-х гг. Позднепалеолитический культурный слой Усть-Ковы деформирован криогенными процессами в виде псевдоморфоз по полигонально-жильным льдам. Выделение внутри него трех разнохронологических комплексов археологическими материалами не подтверждается. Возраст палеолита Усть-Ковы должен быть определен в рамках гыданской стадии сартанского похолодания. Позднесартанские отложения, вероятно, были денудированы в финале плейстоцена, что проявилось в ветровой обработке поверхности артефактов, залегающих в верхней части полигонов. На поселении выделяются три условных участка, различающиеся по характеру археологического материала. Традиционный «ковинский» облик имеет каменный и костяной инвентарь центрального участка (рис. 5–10). Характерный набор орудий из кремня, украшения и скульптурные изображения животных из бивня мамонта позволяют обосновывать связь Усть-Ковы с мальтино-буретьским кругом палеолитических памятников Сибири в рамках ангарочулымской культурной области, выделенной З.А. Абрамовой. Перспективным является предположение о том, что «мелкопластинчатые» индустрии Сибири, включая Усть-Кову, могут представлять собой отдаленную сибирскую ветвь граветтоидных индустрий Евразии. В то же время раскопки на периферийных западном и восточном участках поселения выявили новый археологический комплекс, имеющий аналоги в крупнопластинчатых позднекаргинских-раннесартанских индустриях Южной Сибири (рис. 11, 12). В дальнейшей перспективе переработка берегов Богучанского водохранилища может привести к открытию памятников, близких Усть-Кове, и, соответственно, предоставить недостающие аргументы по обсуждаемым вопросам.

Ключевые слова: Северное Приангарье, поздний палеолит, гыданская стадия, криогенные деформации, культурный горизонт, пластинчатая индустрия, бифасы, обработка бивня, мальтино-буретьский пласт

Благодарности: Автор выражает свою признательность доктору исторических наук Н.И. Дроздову за ценные консультации, полученные при подготовке данной статьи. Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Для цитирования: Акимова Е.В. Проблемы изучения и интерпретации палеолита Усть-Ковы // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 9–32. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-9-32

The Issues of Studying and Interpretation of Paleolithic of the Ust'-Kova site

© Elena V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk – Krasnoyarsk, Russia

Abstract: Ust'-Kova site is the most well-known Late Paleolithic site in the Northern Cis-Angaria. In 2014–2015, it was flooded due to the building of Boguchany Dam. Despite the long researches of the site, the issues of the age and the cultural relation are remaining unsolved. Basic collections of stone inventory of 1980s – 2000 haven't been published yet. Using the artifacts that were picked up during the salvage excavations within the area of Boguchany Dam (in 2008–2011) and by the partial revision of the materials of 1970–1980, we can discuss this topic again. The Late Paleolithic cultural layer of Ust'-Kova site is com-

pletely deformed by polygonal ice wedges due to the cryogenic processes. The division of cultural layer into three archaeological components of different chronology (early, middle and late) is not proved due to the archaeological material. Based on the series of radiocarbon data, we can define the age of Ust'-Kova Paleolithic as Gydan stage of Sartan glaciation. Perhaps, deposits of the Late Sartan period were denuded at the end of Pleistocene that could be marked by the wind on the surface of artefacts, which are situated right in the central part of the cryogenic polygon sites. In accordance with archaeological material characteristics the settlement can be roughly divided into three areas. Traditional "kovinsky" area mostly includes stone and bone inventory of the central area (excavated 1970–1980). The distinctive flint tools, jewelers and mammoth tuck sculptural images allows us to present an argument for the belonging of Ust'-Kova to Mal'ta–Buret' Siberian Paleolithic group of sites. At the same time, the excavations within east and west areas of the site helped to reveal a new archaeological component with microblades which are similar to the Late Karga (MIS3) – Early Sartan (MIS2) industries of the Enisey Valley. We suggest that further researches along the banks of Boguchany Dam may help to discover similar sites, which consequently may provide us with extra facts.

Keywords: Northern Angara, Late Paleolithic, Gydan stage, cryogenic deformations, cultural layer, blade industry, biface, tusk processing, Mal'ta–Buret' group of sites

Acknowledgements: The author is grateful to N.I. Drozdov, Doctor of Historical Science, for his valuable advice. The study was made under the project SRW IAET SB RAS "Study, preservation and museumification of the archaeological and ethno-cultural heritage of Siberia" 0264-2021-0008.

For citation: Akimova E.V. (2021) The Issues of Studying and Interpretation of Paleolithic of the Ust'-Kova site. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 9–32. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-9-32

На протяжении многих десятилетий единственным позднепалеолитическим памятником Северной Ангары считалась Усть-Кова в Кежемском районе, получившая мировую известность после открытия в 1981 г. двух зооморфных изображений из бивня мамонта (Васильевский, Дроздов, 1983). Сегодня Усть-Кова уничтожена Богучанским водохранилищем и недоступна для исследований, но проблемы, рожденные «усть-ковинским феноменом», не только не решены до сих пор, но и остаются предметом достаточно жестких дискуссий (Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015; Акимова, 2019).

В настоящее время появилась настоятельная потребность вернуться к материалам Усть-Ковы, полученным в последней трети XX в. Сложность заключается в том, что за прошедшие десятилетия была утрачена значительная часть полевой документации и часть коллекции. Также не представляется возможным полностью восстановить статистику и некоторые аспекты планиграфической ситуации в раскопах (особенно в 1990–1991 и 2000–2001 гг.). В данной статье изложены результаты осмысления многолетних археологических исследований памятника, включая анализ коллекций каменного инвентаря, полученных в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг.

Общая характеристика памятника

До затопления Богучанским водохранилищем позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова располагалась в широтном течении р. Ангары, непосредственно выше устья р. Ковы, левого ангарского притока (рис. 1). В 1937 г. А.П. Окладниковым здесь были найдены остатки кострищ и кости мамонта, залегавшие в лессовидном суглинке на глубине 0,6 м (Береговая, 1960).

Многослойное строение стоянки было установлено в 1972 г. после разведочных работ, проведенных отрядом Иркутского госуниверситета (Дроздов, Дементьев, 1974). Тогда были выявлены три культурных слоя, датированные палеолитом, неолитом и палеометаллом. Стационарные раскопки Усть-Ковы производились в 1976–91 гг. Северо-Ангарской археологической экспедицией Красноярского государственного пединститута под руководством Н.И. Дроздова (Дроздов, Лаухин, Сейфулин, 1977; Дроздов, Лаухин, 1979; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 77–91), в 2000–2001 гг. – отрядом В.П. Леонтьева (Леонтьев, Дроз-

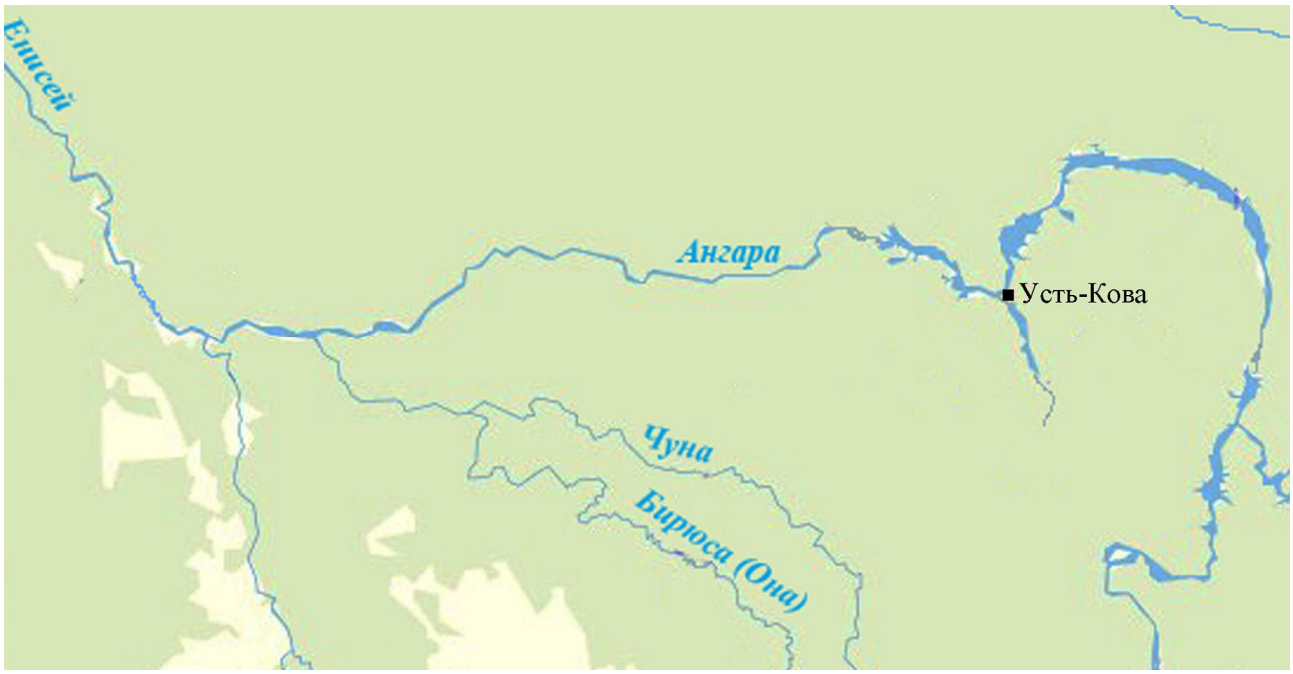

Рис. 1. Место расположения позднепалеолитической стоянки Усть-Кова
Fig. 1. The location of the Late Paleolithic site Ust-Kova

дов, Макулов, Заика, 2000). С началом спасательных работ в зоне строительства Богучанской ГЭС палеолитом Усть-Ковы последовательно занимались отряд Иркутского государственного университета (2008 г.), отряды ИАЭТ СО РАН и Красноярского педуниверситета (2009–2011 гг.) (Леонтьев, Вдовин, 2010; Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014; Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015; Богучанская археологическая…, 2015).

Остатки палеолитического поселения прослеживались вдоль берега Ангары в отложениях II ангарской террасы (14–16 м) и причленяющейся к ней II ковинской (I ангарской?) террасы (9 м) (рис. 2). В 500 м от устья Ковы террасу прорезала широкая глубокая балка. Восточнее ее на протяжении еще 300 м в шурфах 2011 г. и раскопе 1976 г. были зафиксированы только единичные артефакты.

Обобщенный стратиграфический разрез (глубина до 3 м) в прибровочной части террасы имеет следующее строение (рис. 3):

1. Почвенно-растительный горизонт, подстилаемый коричневато-темно-серой супесью.

2. Супесь серая, серо-коричневая, однородная, легкая.

3. Коричневый суглинок, к низу карбонатизированный, содержащий археологический и фаунистический материал позднего палеолита (3а), залегает на ископаемом почвенном горизонте, представленном сложным переслаиванием песков, суглинков, глин и песков (3б), рассеченных узкими криогенными трещинами.

4. Песок серый неслоистый с галечником и дресвой.

С контакта 2 и 3 слоев заложены мощные морозобойные клинья – псевдоморфозы по жильным льдам с шириной в устье до 1–1,5 м, разбивающие всю плейстоценовую толщу отложений на глубину до 2–2,5 м. Разветвленная система трещин образует полигональную сеть с шириной отдельных полигонов до 8–15 м.

Наибольшая плотность находок отмечена непосредственно вдоль бровки (не более 8–10 м в глубь террасы). Это может свидетельствовать о значительной степени разрушения памятника под воздействием паводков, которые на протяжении тысячелетий подтачивали и подмывали склон террасы, оставляя вмерзшие в лед крупные валуны и глыбы (Дроздов, Лаухин, 1979).

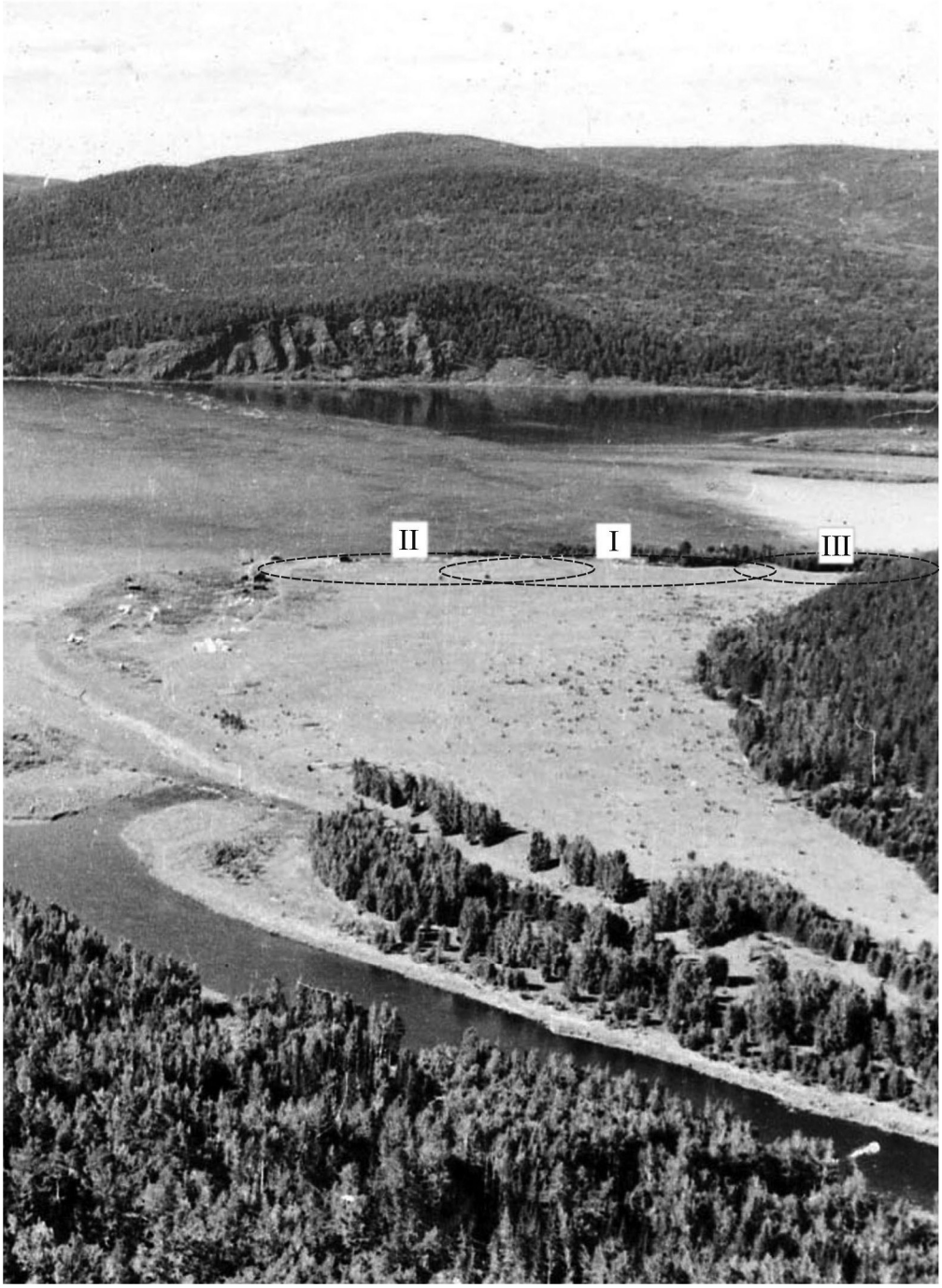

Рис. 2. Вид на устье р. Ковы (фото Н.И. Дроздова, 1978 г.). Схема расположения участков памятника
Fig. 2. The view on Ust-Kova river mouth (photo by Drozdov N.I., 1978). The scheme of the site's zones

Неравномерное распределение археологического материала прослеживается и на всем протяжении ангарской террасы. Выделяются три зоны повышенной концентрации, разделенные широкими участками с относительно немногочисленными находками (рис. 2). Наиболее выразительна и информативна центральная часть памятника, исследования которой проводились, в основном, в первой половине 1980-х гг. Плотность находок каменного и костяного инвентаря здесь достигает от 40 до 100 артефактов на 1 кв. м. Раскопки на приустьевом (западном) участке велись в 1987–89, 2001, 2009–10 гг., по левому борту балки (восточном участке) – в 2011 г. Плотность артефактов здесь менее

Рис. 3. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова. Стратиграфический разрез II ангарской террасы в раскопе 2011 г.
Fig. 3. The Late Paleolithic site Ust-Kova. Stratigraphic section II of Angara terrace in the excavation area 2011

20 предметов на 1 кв. м. Границы между участками в значительной степени условны и определяются постепенным сокращением до минимума количества находок.

Дискуссионные вопросы изучения палеолита Усть-Ковы

Одной из особенностей изучения памятника в 1970–1990-е гг. являлось акцентирование внимания на проблемах палеогеографических и палеоэкологических, что нашло отражение в многочисленных публикациях тех лет (Дроздов, Лаухин, 1979; Лаухин, Дроздов, Панычев, Орлова, 1980; Лаухин, Дроздов, Стариков и др., 1980; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 77–78; Дроздов, Чеха, 1990; Дроздов, Чеха, 2002; Чеха, 1990; Хроностратиграфия…, 1990. С. 148–153). В эти же годы были получены первые радиоуглеродные даты для ископаемого горизонта погребенной почвы – 32865 (СОАН–1960), 30100±310 (ГИН–1741), 28050±670 (СОАН–1875), а также вышележащим карбонатизированному суглинку – 23920±310 (КРИЛ–381) и коричневому суглинку – 14220±100 (ЛЕ–1372), объединенных исследователями в один геологический слой (г. с. 3) (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 80–81; Хроностратиграфия…, 1990. С. 168). Значительно позднее, по результатам раскопок 2008 г., была получена новая дата для погребенной почвы – 33150±150 (СОАН–7543), перекрывающие почву суглинки дали три даты: для нижней части слоя – 19140±135 (СОАН), для средней – 18790±190 (СОАН–7746), для верхней – 16210±85 (СОАН–7544) (Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015, С. 11). В 2011 г. для коричневого суглинка по кости мамонта были получены даты 23929±855 (NSKA–619), 19676±648 (NSKA–620), 22448±774 (NSKA–621) (Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014. С. 311–312).

В конце 1970-х гг. было опубликовано и первое определение палеонтологических материалов, выполненное Э.А. Вангенгейм (Дроздов, Лаухин,

1979). В составе коллекции преобладал мамонт, в меньшем количестве присутствовали кости лошади, северного оленя, бизона, упоминались единичные находки лося и изюбра. В дальнейшем палеофауной Усть-Ковы никто специально не занимался.

В 1976 г. С.А. Лаухиным на восточном участке памятника был описан стратиграфический разрез II террасы Ангары, к отложениям которой приурочена стоянка (Дроздов, Лаухин, 1979; Лаухин, Дроздов, Панычев, Орлова, 1980; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 77–78), позже, в конце 1980-х гг., описание разреза на центральном участке было выполнено В.П. Чехой (Дроздов, Чеха, 1990). Объективные особенности исследуемых разрезов в сочетании с авторским подходом к их интерпретации привели к серьезным нестыковкам в описательной части геологического строения и культурных слоев памятника. Так, если С.А. Лаухиным начало формирования г. с. 2 было датировано ранним голоценом (Дроздов, Лаухин, 1979; Лаухин, Дроздов, Панычев, Орлова, 1980), то В.П. Чехой – началом сартанского времени (Хроностратиграфия…, 1990. С. 150). Соответственно, образование наиболее поздних и наиболее мощных полигональных трещин, разорвавших и деформировавших палеолитический культурный слой, традиционно относящееся к норильской стадии (Кинд, 1974; Цейтлин, 1979; Дроздов, Лаухин, 1979), у В.П. Чехи стало датироваться концом гыданской стадии (Хроностратиграфия…, 1990. С. 153), а дата 14 т. л. н., полученная в 1978 г. по точечным вкраплениям древесного угля из верхней части г. с. 3, была ошибочно перенесена в нижнюю часть г. с. 2 (Дроздов, Макулов, Чеха, 2015).

Однако даже с учетом столь принципиально спорных моментов в интерпретации стратиграфии Усть-Ковы, по степени изученности и информационной представительности эти разрезы были признаны опорными для плейстоцена Северной Ангары. В то же время материалы каменной и костяной индустрии, накопленные за десятилетия раскопок, были введены в научный оборот в ограниченном объеме. Самыми крупными публикациями археологических материалов являются монография «Археологические памятники Северной Ангары» и путеводитель международного симпозиума 1990 г., где Усть-Кова рассматривается в ряду других стоянок (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 77–91; Хроностратиграфия…, 1990).

Начало спасательных работ на Усть-Кове позволило получить и осмыслить новые материалы (Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014; Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015), что в свою очередь стимулировало возвращение к теме Усть-Ковы как уникального позднепалеолитического поселения Сибири.

Наиболее принципиальным вопросом в изучения палеолита Усть-Ковы является обоснованность выделения Н.И. Дроздовым на основании стратиграфии и радиоуглеродных дат, но на минимуме археологического материала, трех разновозрастных комплексов. Ранний комплекс был отнесен к верхней части погребенной почвы каргинского времени, средний и поздний, соответственно, к карбонатизированному и коричневому суглинкам (Дроздов, 1981[1]; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 86–91, 133–135; Хроностратиграфия…, 1990. С. 162, 169–171; Дроздов Н.И., Дроздов Д.Н., Макулов, Лаухин, 2020). Эта гипотеза вызывала возражения (Акимова, Блейнис, 1986), но была принята и закрепилась в археологической литературе на десятилетия (Палеолит СССР, 1984. С. 311–312; Богучанская археологическая…, 2015).

Сомнение в правомерности подобной схемы усть-ковинского палеолита было основано на том, что морозобойное растрескивание и куполообразное вспучивание грунта с последующим вытаиванием ледяных клиньев привели к разносу археологического и фаунистического материала по разным гипсометрическим уровням и залеганию предметов как в центральной части полигонов, так и по бортам и дну трещин с соответствующим перепадом отметок до 1,5–2 м. Это подтверждали и обломки одних и тех же изделий, полученные в разных литологических условиях. Археологический и фаунистический материал концентрировался в

[1] Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья : автореф. дисс... канд. истор. наук. Новосибирск. 1981. 16 с.

плотные многоярусные скопления в виде «гряд» на горизонтальной поверхности (рис. 4) и «потоков» по бортам трещин с различным наклоном и ориентацией отдельных предметов. Никаких реальных различий между артефактами «среднего» и «позднего» комплексов выявлено не было. Вопрос же о раннем комплексе и сегодня остается открытым, но известно, что из каргинской погребенной почвы были получены отдельные предметы только в раскопе 1976 г., расположенном выше Ковинской шиверы, намного восточнее основной территории памятника (Дроздов, Лаухин, 1979). В последующие годы материал, за исключением единичных обломков костей, в погребенной почве обнаружен не был (Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014; Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015. С. 19).

Сдержанную позицию заняли иркутские археологи. По итогам работ 2008 г. Г.И. Медведев с соавторами отмечают, что «сложно было выделить в составе артефактов палеолитического времени три комплекса, так как находки ископаемой культуры палеолита фиксированы единично рассеянными и по вертикали … и в планиграфии распространения их по площади…». Ими используется термин «уровни отложения ископаемой культуры» в качестве «рабочей схемы для исследуемого участка памятника» (Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015. С. 18). Важно отметить, что эти работы велись на западном участке памятника.

По нашему мнению, было бы более правильным рассматривать выделение трех разновременных комплексов ковинского палеолита на рубеже 1970–80-х гг. как естественный этап изучения и осмысления материалов нового памятника. Очевидно, что позднепалеолитический культурный слой Усть-Ковы залегал в толще г. с. 3 независимо от литологической характеристики грунта, но выше каргинской погребенной почвы. Вероятно, само формирование культурного слоя происходило в очень протяженный период времени и в реальности представляло собой наложение остатков разновременных долговременных или кратковременных стоянок. Не исключен и вариант одного долговременного поселения, центральная часть которого была вскрыта в начале 1980-х гг. В любом случае, какое-либо разделение его на определенные хронологические отрезки, особенно в условиях столь выразительных криогенных деформаций, представляется необоснованным.

Учитывая серию радиоуглеродных дат, полученных по кости и углю в разные годы, палеолитический культурный слой Усть-Ковы может быть датирован гыданской стадией сартанского похолодания – от 22 до 16 т. л. н. От предположения о фи-

Рис. 4. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова. Скопление археологического материала в верхней части полигона (1981 г.)

Fig. 4. The Late Paleolithic site Ust-Kova. Accumulation of archaeologic materials in the upper layer of polygon (1981)

нальносартанском возрасте палеолита Усть-Ковы, имеющего свои аргументы (Дроздов Лаухин, 1979; Акимова, Метляев, 2003), приходится отказаться. Однако вытаивание ледяных жил с опусканием участков культурного слоя должно было происходить в раннем голоцене. При работах начала 1980-х гг. было отмечено, что устье трещин, заполненных светлым однородным песком, иногда перекрывается линзами красновато-коричневого суглинка с мезолитическим материалом, идентичным стоянке Усть-Кова I (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 92–101). В этом случае надо признать, что в разрезе практически отсутствует средне- и позднесартанская пачки отложений, а остатки поселения находились в непогребенном состоянии на протяжении тысячелетий.

О самом факте залегания археологического материала на открытой поверхности свидетельствуют следы ветровой обработки в виде дефляции на поверхности каменных артефактов, найденных в верхней части слоя, преимущественно в центре полигонов, в то время как артефакты по бортам и на дне трещин подобных следов не имеют. Это позволяет предполагать, что процессы эоловой обработки артефактов происходили в определенный, относительно краткий период времени, после вытаивания ледяных жил и опускания значительной части материала в образовавшиеся полости.

Раскопки конца 1970 – первой половины 1980-х гг. (центральный участок)

Наиболее информативная часть памятника изучена раскопами 1980–82 гг. С площади 430 кв. м было получено около 12,5 тыс. каменных и костяных артефактов. Непосредственно прилегающие к данному участку с востока, юга и запада раскопы 1977–78 и 1983–85 гг. позволили получить только 1750 предметов с 860 кв. м площади с явной тенденцией сокращения плотности находок до минимума от условного центра к периферии.

Каменная индустрия позднепалеолитического культурного слоя была основана на использовании кремней и кремнистых пород, добытых в виде неокатанных обломков (полосчато-рисунчатые кремни, в том числе окремнённая древесина) или речных галек (окремнённые аргилиты, яшма и прочие силициты, халцедон). Сырьем худшего качества являлись неокатанные обломки глинистых аргиллитов и алевролитов, пепловые туфы (определение Ю.М. Махлаевой, О.Ю. Перфиловой).

Особенностью палеолита Усть-Ковы является использование плоских обломков кремня и окремненного дерева, нередко со следами дефляции. Подобные обломки заменяли сколы и, вероятно, технологически удовлетворяли потребности человека.

Нуклеусы. По статистике 1970–80-х гг. количество нуклеусов сильно завышено за счет оббитых галек и желваков, нуклевидных обломков и галечных стругов (более 200 экз.). В реальности, на основании сохранившейся на сегодняшний день коллекции и иллюстраций 1980-х гг., можно предполагать, что на центральном участке было найдено не более 30–40 экземпляров. В большинстве своем нуклеусы изготовлены из целых речных галек аргиллита, алевролита, яшмы а также обломков или небольших галек полосчатых кремней, реже халцедона. В последнем случае ценность сырья, вероятно, способствовала стремлению к предельной сработанности, вплоть до переоформления, в частности, в скребки, долотовидные или бифасиальные орудия, что далеко не всегда позволяет распознавать исходную форму артефакта (рис. 5.8; 6.8–10).

В целом, именно нуклеусы из кремня и халцедона демонстрируют относительное морфологическое разнообразие. В единичных экземплярах присутствуют одноплощадочные нуклеусы с выпуклым фронтом (рис. 5.1, 3, 7), биполярные нуклеусы с противолежащими фронтами (рис. 6.7) или расположением фронтов на одной плоскости, но под углом друг к другу (рис. 5.5), торцовый нуклеус на плоском окатанном обломке, двуплощадочный бифронт кубовидной формы со смежными ударными площадками (рис. 5.2). Также в коллекции присутствуют изделия неопределимой функциональной принадлежности с характерными негативами снятий на поверхности (рис. 6.1), что допускает их интерпретацию в качестве сработанных нуклеусов для мелких пластин.

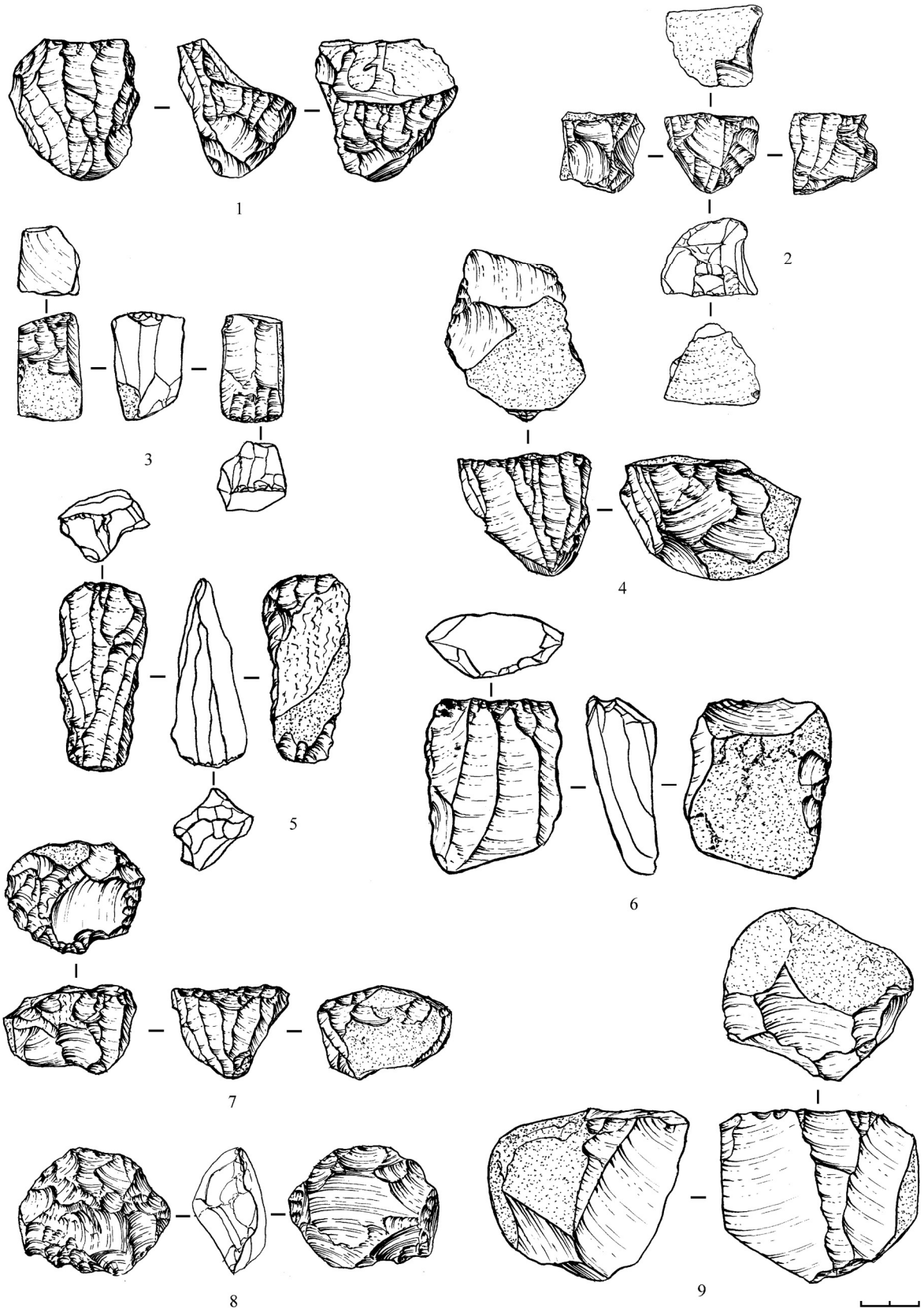

Рис. 5. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (центральный участок, раскопки 1980–83 гг.): *1–9 – нуклеусы*

Fig. 5. The Late Paleolithic site Ust-Kova (central zone, 1980–83 ss. excavations)*: 1–9 cores*

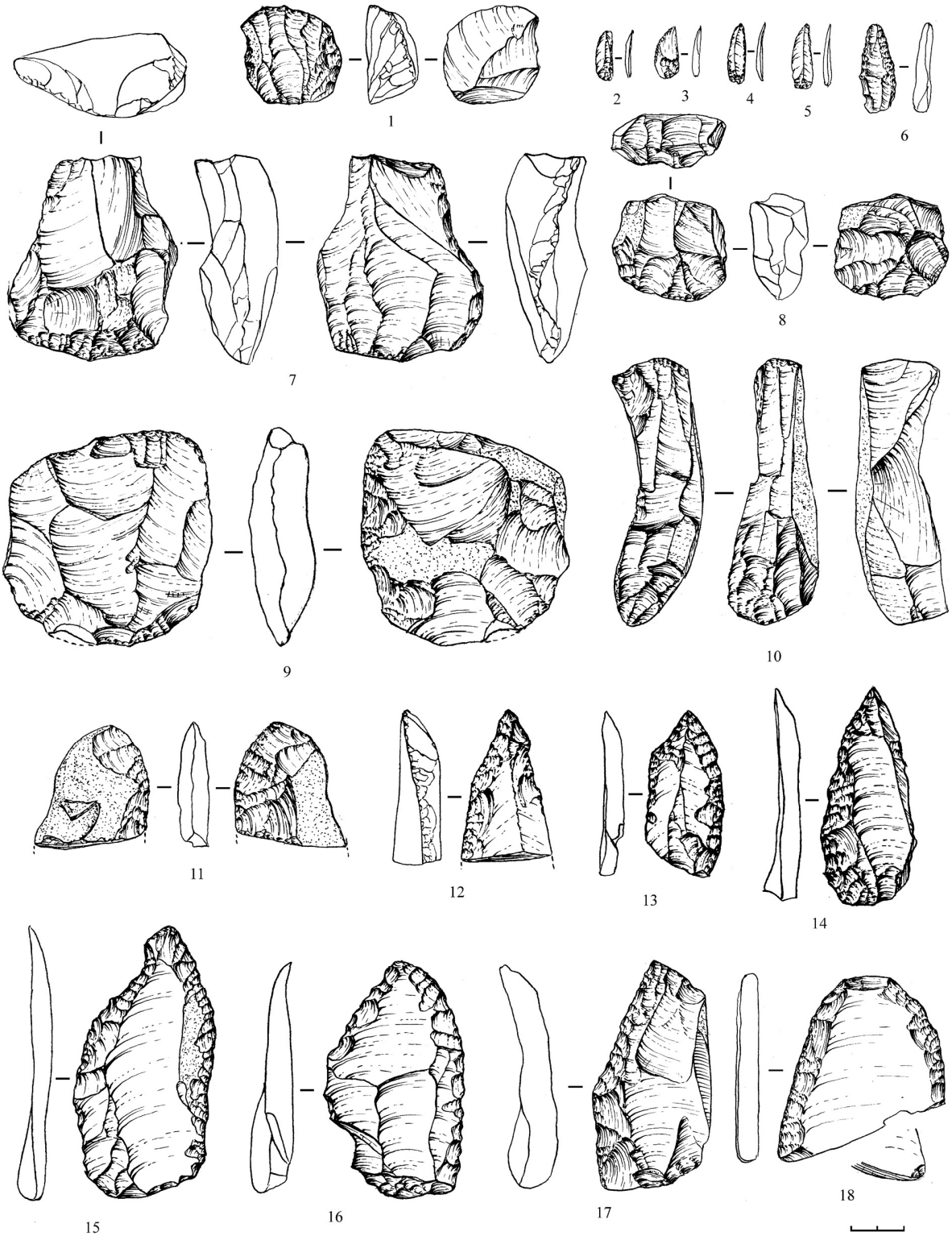

Рис. 6. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (центральный участок, раскопки 1980–83 гг.):
1 – нуклеус-скребок; 2–6 – микропластины с ретушью; 7 – нуклеус; 8 – нуклеус (заготовка долотовидного орудия?); 9 – нуклеус (заготовка бифаса?); 10 – скол с нуклеуса; 11 – обломок ножевидного орудия; 12–16 – остроконечники; 17, 18 – орудия на пластинах

Fig. 6. The Late Paleolithic site Ust-Kova (central zone, 1980–83 ss. excavations): *1 – core-end-scrapper; 2–6 – microblade with retouch; 7 – core; 8 – core (chisel-like tool blank?); 9 – core (biface blank?); 10 – core flake; 11 – piece of knife-like tool; 12–16 – points; 17,18 – blade-tools*

Нуклеусы из галек, как правило, более стандартизированы, относятся к одноплощадочным монофронтам с округлой ударной площадкой, относительно плоским (рис. 5.6) или сильно выпуклым (до концентрического) фронтом с негативами пластинчатых и отщеповых снятий средних и мелких размеров (рис. 5.4, 9) (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 203. Табл. LIX; Хроностратиграфия..., 1990. С. 170. Рис. 94).

Бифасы традиционно считаются одним из ведущих признаков палеолита Усть-Ковы. Общее количество бифасов, полученных в эти годы составляет 20 экз., вместе с обломками и заготовками – более 40 экз. Какую-либо устойчивую серию среди целых предметов выделить трудно: встречаются симметричные и асимметричные бифасы овальной, треугольной, полулунной, сегментовидной форм (рис. 7.1–3, 6–8), а также массивные изделия с выпуклым и прямым противолежащими краями и грубым овальным выступом на конце, что предполагает комбинацию рубящих и режущих функций (по определению В.Е. Щелинского) (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 205. Табл. LXI). Обломки бифасов могли служить основой для других орудий (резцов и проколок).

Утверждение, что бифасы изготовлены на крупных пластинах-леваллуа (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 86), следует считать устаревшим: в качестве заготовок, вероятнее всего, использовались плоские плитки кремня, о чем свидетельствуют следы дефлированной поверхности по обеим сторонам многих изделий (рис. 7.5).

Помимо «полных» бифасов присутствуют также орудия со сплошной обработкой одного фаса и частичной – с противоположного. Как правило, широкая пологая ретушь располагается вдоль лезвия, образуя ровный выпуклый рабочий край (рис. 6.4). В ряде случаев оформление орудия ограничивалось только двусторонней обработкой лезвия (рис. 6.11).

Скребки (83 экз.). Преобладают скребки округлой или овальной форм на массивных отщепах с высоким крутым рабочим краем, оформленным как чешуйчатой, так и узкой длиннофасеточной ретушью (рис. 8.1–3, 6, 10–13), а также концевые скребки на массивных сколах (рис. 8.4, 5, 7, 8, 14, 15), реже – на небольших отщепах. Микроскребков не найдено.

На полностью дефлированном крупном отщепе выполнен скребок с крутой чешуйчатой ретушью по слегка выпуклому краю (рис. 8.9). Данный предмет предполагает вторичное использование древнего артефакта, являясь одним из аргументов наличия на Усть-Кове более раннего комплекса.

Проколки и провертки (более 200 экз.) служили, очевидно, массовым расходным материалом, применяясь для сиюминутных потребностей при обработке бивня. В качестве заготовок могли использоваться любые сколы небольшого размера (отщепы, пластинки, пластинчатые сколы, обломки изделий...) (рис. 9.1–12). Рабочий край в виде тонкого жальца оформлялся на любом удобном участке как вдоль оси по центру или краю заготовки, так и в поперечном или диагональном направлении. Наличие плечиков обязательным не являлось: нередко просто ретушировался прямой выступ на конце заготовки. Жальце могло иметь длину около 1 см, но, как правило, не превышало 2–3 мм. В некоторых случаях проколки имели два противолежащих или смежных жальца (рис. 9.8).

В меньшем количестве найдены проколки средних и крупных размеров с двусторонне обработанным и частично зашлифованным коническим острием на массивных отщепах и первичных сколах (рис. 9.13). В единственном экземпляре известна проколка овально-трехгранная в сечении с полной обработкой ретушью всей поверхности (Хроностратиграфия..., 1990. С. 173. Рис. 97, *б*).

Резцы. Многочисленные срединные и угловые резцы на отщепах и пластинчатых сколах (66 экз.) описаны Н.И. Дроздовым (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 201. Табл. LVII: 1–17). В сохранившейся же коллекции только на обломке бифаса и небольшой серии пластин с ретушью (обломков орудий?) (рис. 9.14–17) (5 экз.) отмечены крупные продольные резцовые сколы. В качестве ударной площадки выступала плоскость поперечного разлома заготовки. Визуально определимых следов работы нет.

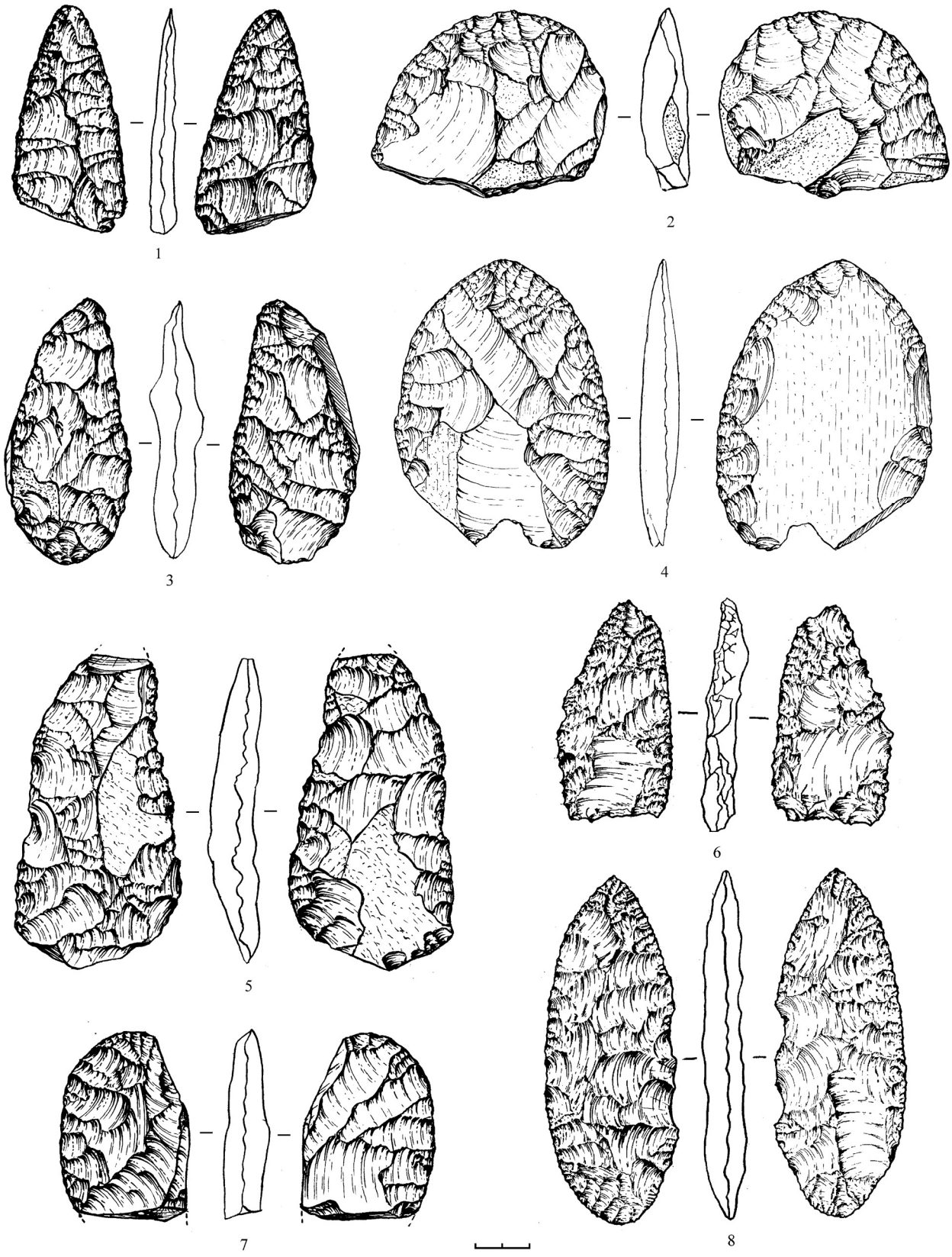

Рис. 7. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (центральный участок, раскопки 1980–83 гг.): *1–3, 6 – бифасы; 4 – ножевидное орудие-унифас; 5, 7, 8 – заготовки бифасов*

Fig. 7. The Late Paleolithic site Ust-Kova (central zone, 1980–83 ss. excavations): *1–3, 6 – bifaces; 4 – knife-like tool – uniface; 5,7,8 – biface blank*

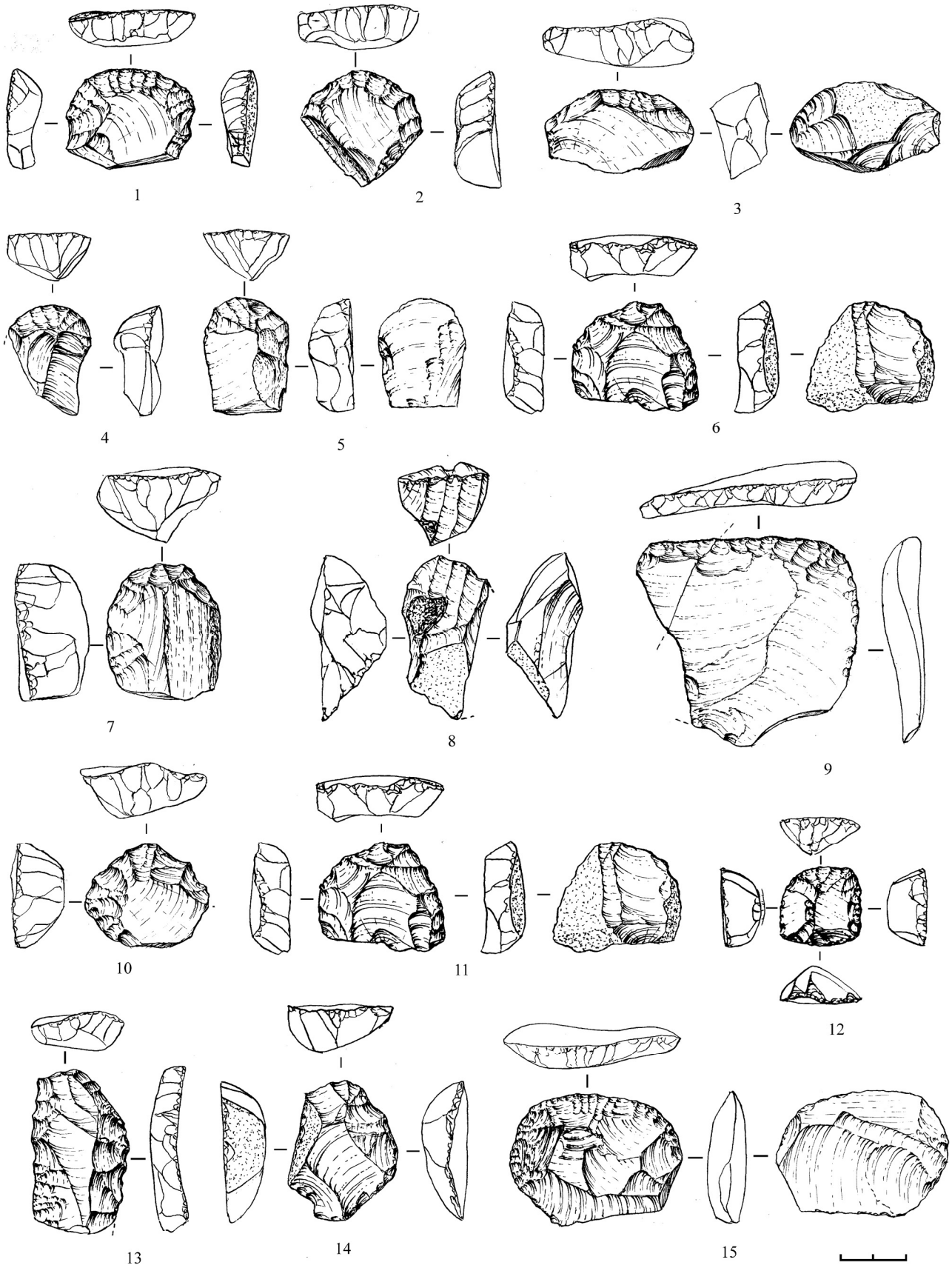

Рис. 8. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (центральный участок, раскопки 1980–83 гг.): *1–15 – скребки*
Fig. 8. The Late Paleolithic site Ust-Kova (central zone, 1980–83 ss. excavations): *1–15 – scrapers*

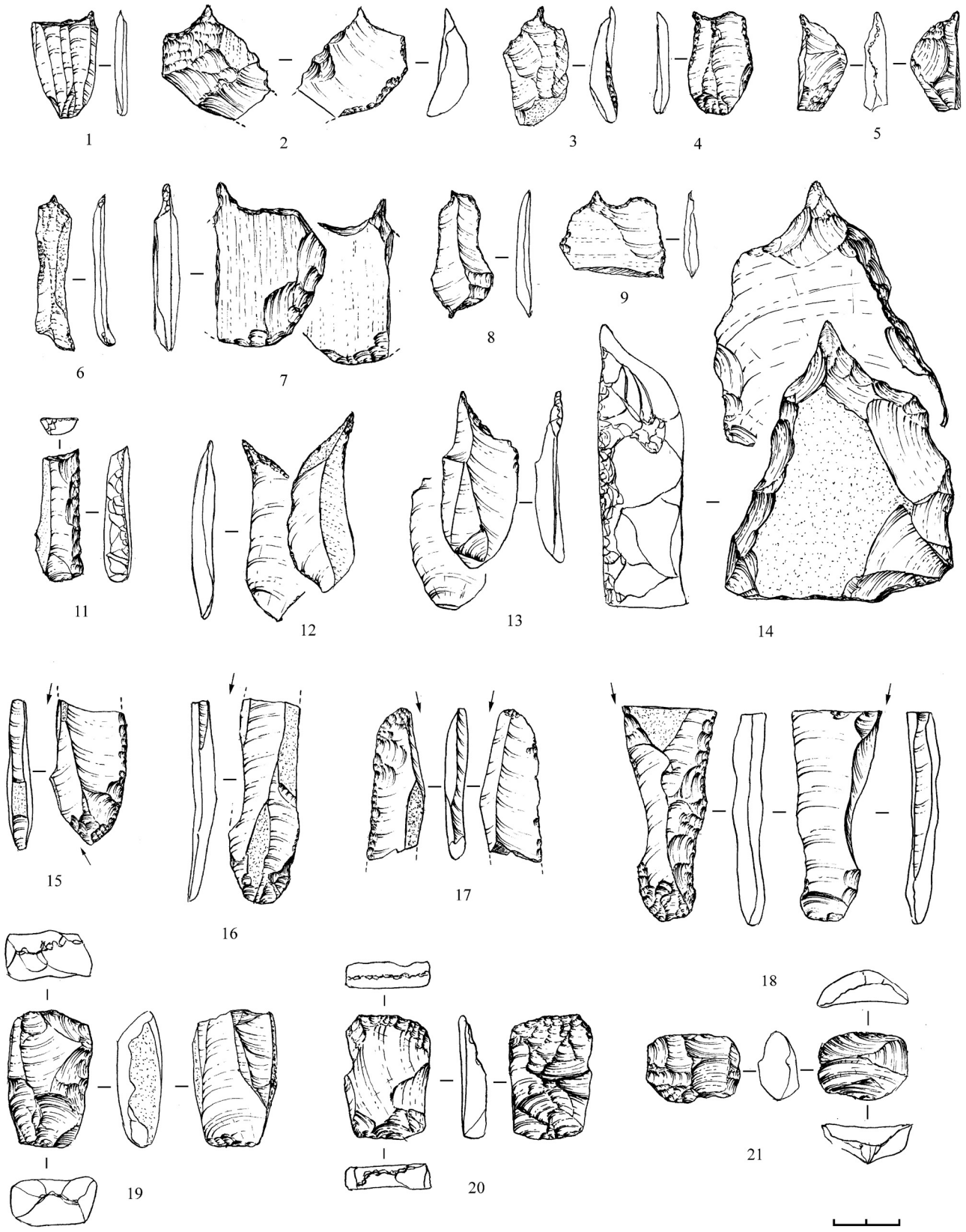

Рис. 9. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (центральный участок, раскопки 1980–83 гг.): *1–14 – проколки; 15–18 – резцы (?); 19–21 – долотовидные орудия*

Fig. 9. The Late Paleolithic site Ust-Kova (central zone, 1980–83 ss. excavations): *1–14 – borers; 15–18 burins (?); 19–21 – chisel-like tools*

Долотовидные орудия (120 экз.) в абсолютном большинстве случаев изготовлены из кремня и, вероятнее всего, из сработанных нуклеусов или их обломков: на целой серии орудий прослеживаются негативы параллельных разнонаправленных пластинчатых снятий. Преобладают прямоугольные вертикальные формы с расположением противолежащих рабочих краев на более узких поперечных участках, как правило, параллельно или со скосом одного края (рис. 9.18, 19). Горизонтальные и соразмерные формы встречаются реже (рис. 9.20).

Орудия на ретушированных пластинах, отщепах или плоских обломках породы (1280 экз.), как правило, не имеют явных функциональных признаков и типологически могут быть определены в диапазоне от скребел, скобелей и ножей до малоинформативных «пластин (отщепов) с ретушью». Многочисленны (около 100 экз.) достаточно выразительные экземпляры с прямым или слегка выпуклым рабочим краем (двумя противолежащими рабочими краями) по одному или обоим краям заготовки (рис. 6.6, 17, 18).

Небольшая часть орудий на ретушированных пластинах может быть определена как остроконечники (18 экз.) с крутой дорсальной ретушью по конвергентным краям (рис. 6.12–16) (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. Табл. LX, *18, 19, 28*). Учитывая обилие обломков пластин с ретушью, исходное количество остроконечников может представляться более значительным.

Микропластины с ретушью (18 экз.) представляют собой миниатюрные орудия (менее 2 см длиной) с мелкой ретушью по одному краю и концу (рис. 5.2–5). При интерпретации их в качестве вкладышей надо признать наличие в палеолите Усть-Ковы деревянных пазовых орудий, т. к. костяных оправ не обнаружено. Микропластины без ретуши столь же немногочисленны (21 экз.).

Галечные орудия (242 экз.) в абсолютном большинстве представлены многочисленными крупными и средними по размеру чопперами, изготовленными как на гальках, так и кусках породы – аргиллита, туфа или, реже, кварцита. Рабочий край, как правило, крутой, сильно выпуклый до концентрического (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. Табл. LVIII: *2–6*). Трасологическое определение серии экземпляров из раскопов 1970–1980-х гг., выполненное В.Е. Щелинским, позволило интерпретировать их в качестве стругов по мягкому материалу (Блейнис, 1984). В то же время, на плоской поверхности, сохраняющей галечную корку, прослеживаются интенсивные точечные забитости от работы в качестве отбойника.

Коллекция изделий из бивня мамонта, полученная в 1980-е гг. на Усть-Кове, уникальна. Наибольшую известность имеют две зооморфные фигурки, интерпретированные как изображения мамонта и «птички, сидящей на гнезде» или, позднее, нерпы (Васильевский, Дроздов, 1983; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 90; Хронострати-графия…, 1990. С. 175; Акимова, Метляев, 2003; Шмидт, 2011; Волков, Лбова, Губар, Швец, 2018) (рис. 10). Найдены плоские округлые бусинки и их заготовки в виде пластин, размеченных на квадраты, а также подвеска-«восьмерка», обломок браслета и целая серия неопределимых изделий, в том числе, в виде овальных «дисков» до 12–15 см в диаметре (Хронострати-графия…, 1990. С. 176).

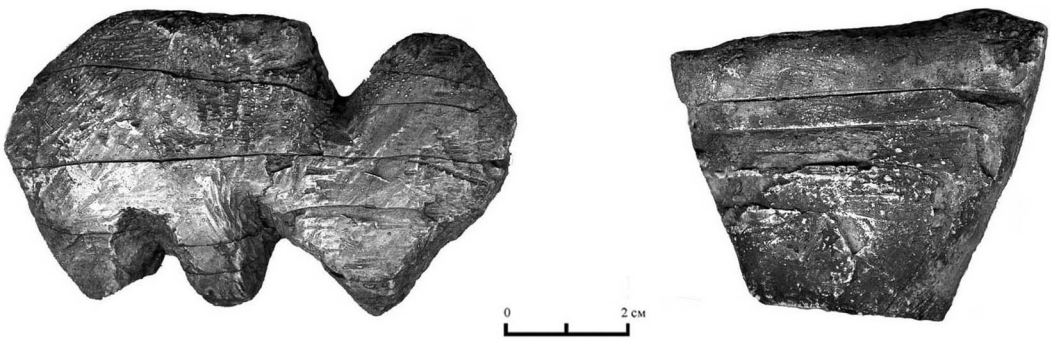

Рис. 10. Скульптурные изображения мамонта и нерпы (центральный участок, 1981 г.)
Fig. 10. Sculptures of mammoth and seal (central area, 1981)

Многочисленны пластины и отщепы из бивня как с негативами предыдущих снятий на «спинке», так и с зашлифованной внешней поверхностью бивня со следами разнонаправленных нарезок и насечек.

Таким образом, на центральном участке получен комплекс артефактов, включающий нуклеусы для средних и мелких пластин и пластинчатых сколов, скребки высокой формы, проколки с тонким жальцем, долотовидные орудия, разнообразные орудия на пластинчатых заготовках, бифасы, чопперы-струги и многочисленные изделия из бивня мамонта, в том числе скульптурные изображения животных. Основным каменным сырьем для изготовления ведущих форм орудий, за исключением чопперов-стругов, являлись плитки и гальки кремня (окремнелого дерева), халцедона, яшмы. На этом фоне чужеродными выглядят крупные пластины из аргиллита, не соответствующие имеющимся нуклеусам.

Раскопки конца 1980 – начала 2000-х гг. (западный участок) и 2011 г. (восточный участок)

Непосредственно восточнее раскопов 1980–82 гг. количество артефактов сокращается до минимума (раскопы 1976–78, 1986 гг.) В 2011 г. на площади 340 кв. м по левому борту балки, пересекающей ангарскую террасу, было получено 915 предметов из камня и бивня, среди которых традиционные для «классического» палеолита Усть-Ковы бусинки и неопределимая поделка эллипсоидной формы из бивня, единичные кремневые проколки (рис. 11.1, 5), в том числе крупная проколка-бифас (рис. 11.10) и проколка-резец на плоском обломке кремня (рис. 11.6), долотовидное орудие, обломки заготовок бифасов (рис. 11.2). В то же время здесь найдены двухплощадочные бифронтальные нуклеусы с негативами средних по размеру пластинчатых сколов, крупные унифасы на массивных пластинчатых сколах и плоских плитках кремня (рис. 11.3, 4, 7), массивное концевое скребло на сколе (рис. 11.11) (Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014).

В 1985–86 гг. были предприняты первые раскопки западнее – в направление к устью Ковы, давшие относительно небольшое количество археологического материала. В 1987–88, 1990–91, 2001, 2008–10 гг. велись работы непосредственно на приустьевом участке, на месте бывшей деревни (Леонтьев, Дроздов, Макулов, Заика, 2000; Леонтьев, Вдовин, 2010; Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015). Не имея возможности полностью проанализировать коллекции этих лет, можно отметить только то, что основным каменным сырьем здесь являются аргиллиты и алевролиты; по сравнению с материалами раскопок начала 1980-х гг. сокращается количество долотовидных орудий и проколок, а также бифасов, встречающихся только в виде обломков. Возможно, особенностью данного комплекса являются орудия на относительно крупных пластинах. В раскопах западного участка неизвестны изделия из бивня, хотя найдены немногочисленные сколы с насечками на поверхности.

В 2001 г. была обнаружена серия остроконечных орудий (10 экз.) на массивных пластинчатых сколах из аргиллита (рис. 12.1–9). В большинстве своем орудия асимметричные в плане и «горбатые» в профиле. Овально-треугольный выступ оформлен крутой чешуйчатой ретушью по краям и тонкой удлиненной конвергентной ретушью непосредственно по острию орудия. Аналогов этим предметам в центральной и восточной частях памятника нет. Из «ковинского облика» выпадают также крупные концевые скребки на пластинах (рис. 12.14), более характерные для позднекаргинских-раннесартанских комплексов Енисея (Лисицын, 2000. С. 17–30; Акимова, Стасюк, Харевич и др., 2018. С. 17–129). Здесь же были найдены крупные пластины и пластинчатые сколы с крутой краевой ретушью (рис. 12.11–12), скребло-унифас (рис. 12.13), массивная проколка (рис. 12.10). К сожалению, реконструировать условия залегания в слое данных артефактов не представляется возможным.

Таким образом, на восточном и западном участках проявляется иная археологическая традиция, вероятно, имеющая корни в крупнопластинчатых позднекаргинских-раннесартанских индустриях Средней Сибири. При этом если на восточном участке присутствуют черты «классической» Усть-Ковы

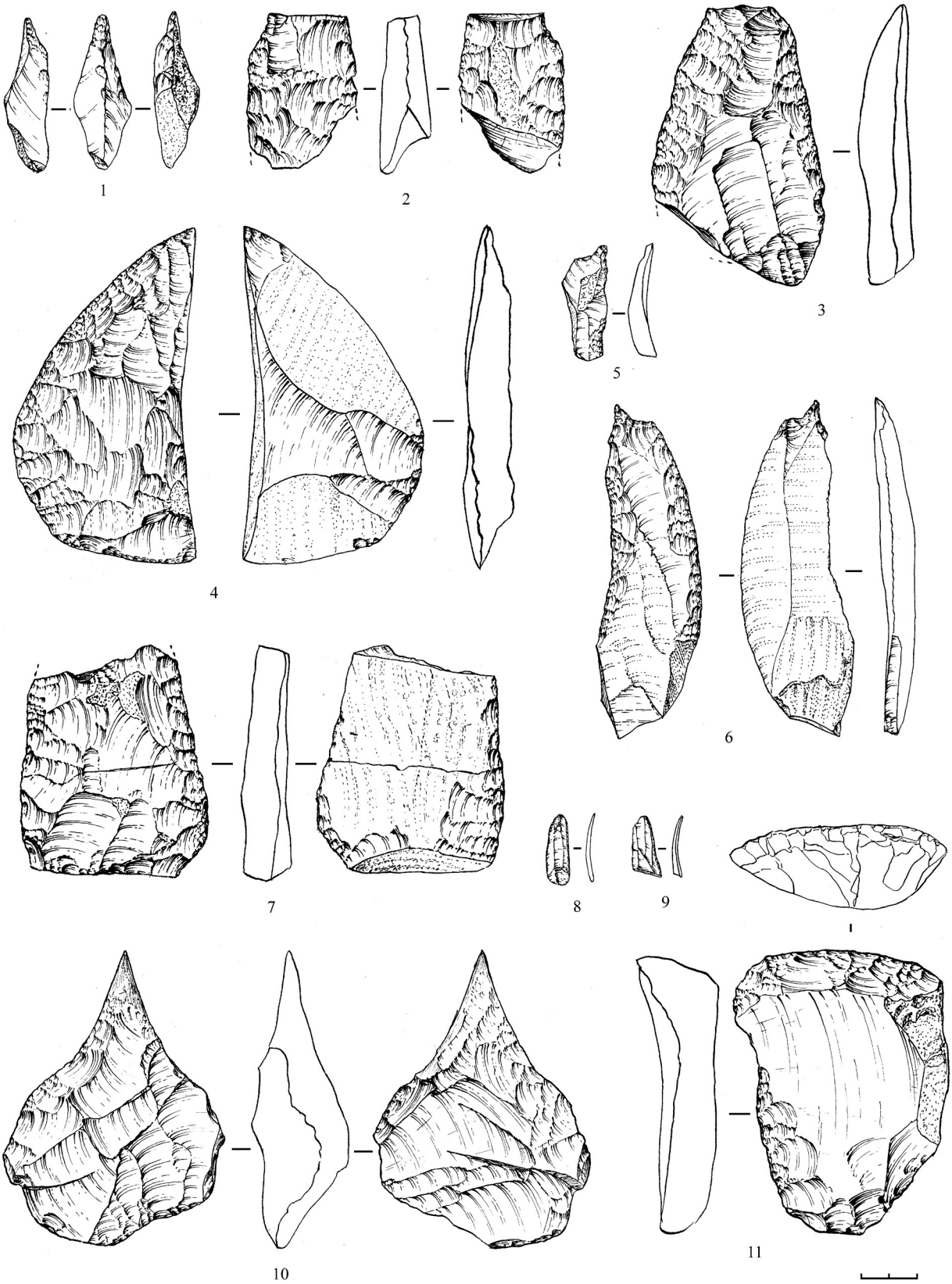

Рис. 11. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (восточный участок, раскопки 2011 г.): *1, 5, 6, 10 – проколки; 2 – обломок бифаса; 3, 4, 7 – скребла-унифасы; 8, 9 – микропластины с ретушью; 11 – скребло*

Fig. 11. The Late Paleolithic site Ust-Kova (east zone, excavations in 2011): *1, 5, 6, 10 – points; 2 – biface piece; 3, 4, 7 – scraper-uniface; 8, 9 – microblades with retouch; 11 – scraper*

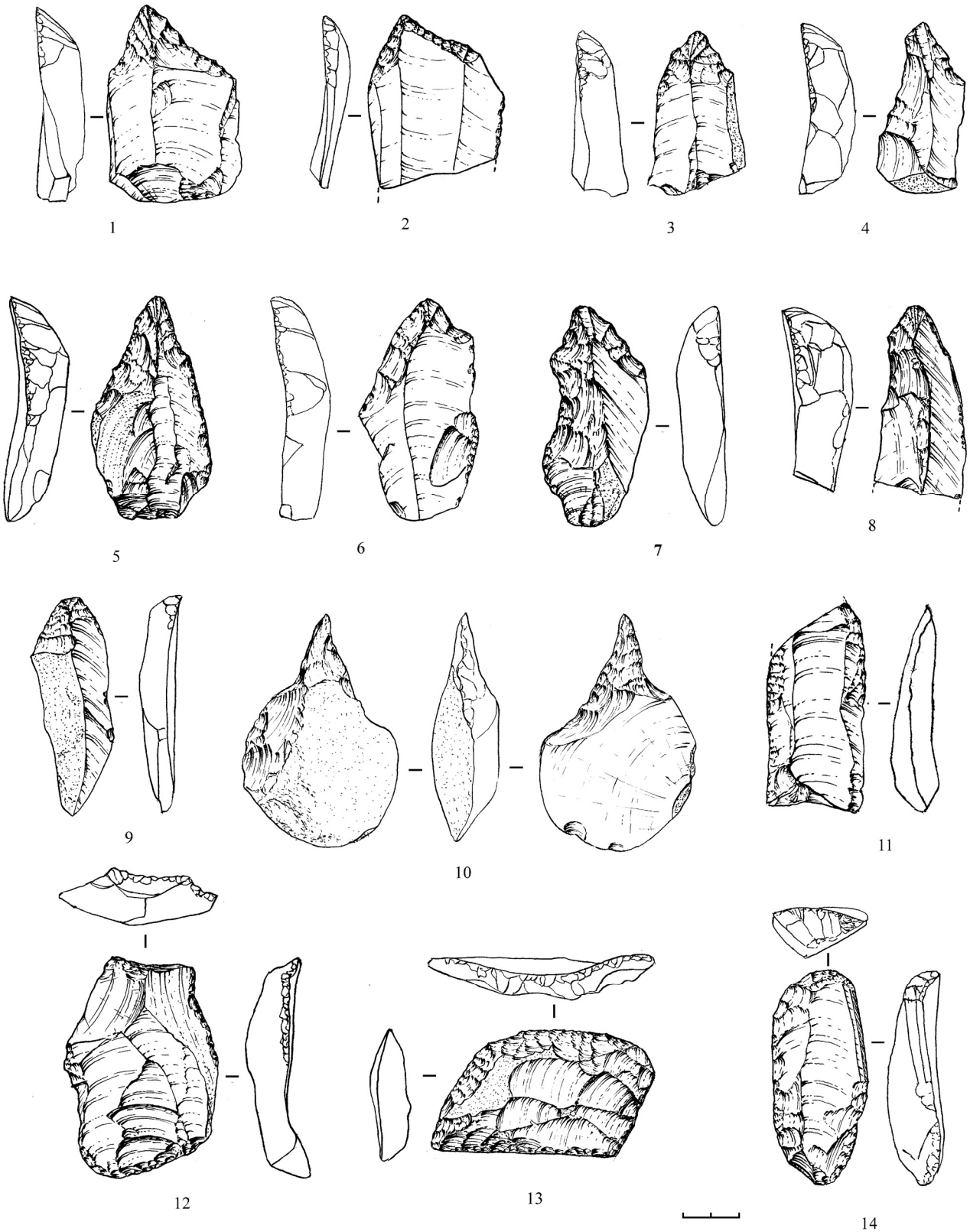

Рис. 12. Позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова (западный участок, раскопки 2001 г.):
1–10 – остроконечники; 11 – проколка; 12 – пластина с ретушью (обломок концевого скребка?); 13, 14 – скребки; 15 – скребло; 16 – скребловидное орудие

Fig. 12. The Late Paleolithic site Ust-Kova (west zone, excavations in 2001): *1–10 – points; 11 – borer; 12 – microblades with retouch (piece of microblade scrapper?); 13, 14 – end-scrappers; 15 – scraper; 16 – scraper-like tool*

в виде поделок из бивня и, возможно, отдельных каменных орудий, то вопрос о подобных «примесях» на западном участке однозначно не решен в связи с отсутствием достоверной информации.

Заключение

На протяжении десятилетий дискутируется вопрос об отнесении Усть-Ковы к единой культурной ветви с Мальтой-Буретью в рамках понятий локальной культуры или культурной общности. Варианты решения диаметрально противоположны: от стремления установить природу сходства и различия между этими памятниками (Дроздов, 1981[1]; Акимова, Кукса, Стасюк и др., 2014; Акимова, 2019) до категорического неприятия даже самой постановки подобного вопроса (Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015). Парадокс ситуации видится в том, что в соавторских публикациях, рассматривающих материалы Усть-Ковы с той или иной позиции, нередко участвуют одни и те же исследователи (Медведев, Липнина, Роговской и др., 2015; Дроздов Н.И., Дроздов Д.Н., Макулов, Лаухин, 2020; Lbova, Volkov, Gubar, Drozdov, 2020).

О близости Усть-Ковы к памятникам мальтино-буретьского круга свидетельствует не только развитая обработка бивня с произведениями искусства, но и сама каменная индустрия с определенным набором орудий, включающим мелкие проколки с тонкими жальцами, скребки высокой формы, разнофункциональные орудия на пластинчатых заготовках. Ковинские же бифасы, вероятно, являются проявлением технологии использования местных плиток кремня и не имеют отношения к дюктайской культуре Якутии. Также остается фактом, что все антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения из бивня мамонта найдены только в Приангарье – на Мальте, Бурети и Усть-Кове. Ангарский каскад гидроэлектростанций, вероятно, сделал недоступными многие перспективные участки для поиска памятников, которые могли бы быть расценены как связующие звенья этой разорванной цепи.

Безусловно, Усть-Кова не является двойником Мальты и речь не идет об единой локальной археологической культуре. Вероятно, стоит использовать термины более высокого порядка и вернуться к предложению З.А. Абрамовой об ангаро-чулымской культурной области, объединяющей специфические памятники Ангары, Енисея и Чулыма типа Тарачихи, Афанасьевой горы и Ачинской стоянки (Абрамова, 1979). В конце 1990-х – 2000-е гг. этот список был значительно расширен за счет 19 к. с. Лиственки у Дивногорска, стоянок Волчиха I и II, Малтат, Конжул, Усть-Ижуль II и др. на Красноярском водохранилище – памятников так называемых «мелкопластинчатых» индустрий Енисея. Возможно, перспективным является предположение, что «мелкопластинчатые» индустрии Сибири, включая Усть-Кову, могут представлять собой отдаленную сибирскую ветвь граветтоидных индустрий Евразии (Лисицын, 1999).

В то же время комплекс артефактов, выявленный на западном и частично на восточном участках поселения, свидетельствует о том, что в устье Ковы селились и носители иной культурной традиции, видимо, не связанной с обработкой бивня и имеющей определенные аналоги в позднекаргинских-раннесартанских индустриях Енисея (Лисицын, 2000; Акимова, Стасюк, Харевич и др., 2018). Также представляется вероятным, что периферийная зона этой стоянки (стоянок?) совпадала с основной типично «ковинской» зоной и отдельные «чужеродные» артефакты могли быть рассеяны по всей территории поселения. Так, вопросы вызывают орудия на крупных пластинах из аргиллита, отмеченные на всей территории памятника. Распознавание же менее выразительных артефактов невозможно в принципе.

Таким образом, позднепалеолитическое поселение Усть-Кова представляет собой комплекс, по крайней мере, двух разнокультурных объектов: Усть-Кова «классическая», связанная тем или иным образом с мальтино-буретьским кругом памятников, и Усть-Кова «крупнопластинчатая», соотносимая с соответствующими индустриями Южной Сибири.

На протяжении многих десятилетий Усть-Кова считалась единственным позднепалеолитическим памятником Северной Ангары. С началом охранно-спасательных работ в зоне строительства Богучан-

ской ГЭС были открыты такие новые позднепалеолитические стоянки как Большая Пеленда (Постнов, 2010), Берямба (Гревцов, Мещерин, Галухин, Журавков, 2011), Колпаков ручей (Рыбин, Кубан, Мещерин, Фролов, 2010), Косой Бык (Дроздов Н.И., Дроздов Д.Н., Макулов, Лаухин, 2020), однако и в этом ряду Усть-Кова оставалась наиболее информативным и наиболее ярким объектом, своеобразной «точкой отсчета» для североангарского палеолита. В этих условиях отсутствие полной и объективной информации о памятнике порождает появление публикаций, основанных, по меньшей мере, на неверных, часто ничем не подкрепленных представлениях как о стратиграфии, так и о характере каменной индустрии Усть-Ковы (Рыбин, Мещерин, 2017).

После пуска Богучанской ГЭС изучение позднего палеолита на 360-километровом участке Ангары от Кодинска до Усть-Илимска стало невозможным. В дальнейшей перспективе переработка берегов Богучанского водохранилища может привести к открытию памятников близких Усть-Кове и, соответственно, предоставить новые материалы и недостающие аргументы по дискуссионным вопросам усть-ковинского феномена.

Библиографический список

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Акимова Е.В. Палеолитическая стоянка Усть-Кова: дискуссионные вопросы изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 14–18.

Акимова Е.В., Блейнис Л.Ю. Палеолитическая стоянка Усть-Кова (по материалам 1982 г.) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1986. С. 63–65.

Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М., Мотузко А.Н. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 311–319.

Акимова Е.В., Метляев С.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 18–19.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М., Лаухин С.А., Мотузко А.Н., Санько А.Ф. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. 180 с.

Береговая Н.П. Палеолитические местонахождения СССР. МИА 81. М.-Л., 1960. С. 81.

Блейнис Л.Ю. Выделение стругов на палеолитической стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красно-

References

Abramova Z.A. (1979) Yenisei Paleolithic. Kokorevo Culture. Novosibirsk: Nauka. 200 p. (In Russ.)

Akimova E.V. (2019) The Late Paleolithic Site Ust'-Kova: Controversial Issues. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XXV. P. 14–18. (In Russ.)

Akimova E.V., Bleinis L.Yu. (1986) Paleolithic Site Ust'-Kova (materials of 1982). *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri: itogi i perspektivy = Archaeological and Ethnographical Researches in East Siberia: results and perspectives.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 63–65. (In Russ.)

Akimova E.V., Kuksa E.N., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Kharevich V.M., Motuzko A.N. (2014) The Last Excavations of the Late Paleolithic Site Ust'-Kova in the Northern Angara Region. *Verkhnii paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii = Upper Paleolithic of the Middle Eurasia and America: Sites, Cultures, Traditions.* St. Petersburg: Saint-Petersburg Oriental Studies. P. 311–319. (In Russ.)

Akimova E.V., Metlyaev S.V. (2003) The Interpretation of the figurine from the Late Paleolithic Site Ust'-Kova. *Drevnosti Prieniseiskogo kraya = Antiquities of Pre-Yenisey Krai.* Krasnoyarsk. Iss. 2. P. 18–19. (In Russ.)

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., San'ko A.F. (2018) Paleolithic of the Derbina Bay. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. 180 p. (In Russ.)

Beregovaya N.P. (1960) Paleolithic sites in the USSR. MIA 81. Moscow – Leningrad. P. 81. (In Russ.)

Bleinis L.Yu. (1984) The hand planer tool on the Late Paleolithic Site Ust'-Kova in the Northern Angara Region. *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii = Problems*

ярск: КГПИ, 1984. С. 56–58.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 179–187.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 244 с.

Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 59–65.

Волков П.В., Лбова Л.В., Губар Ю.С., Швец О.Л. Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования // Вестник Новосибирского государственного университета, 2018. Том 17. Вып. 7. С. 56–66.

Гревцов Ю.А., Мещерин М.Н., Галухин Л.Л., Журавков С.П. Стоянка Берямба – новый объект палеолита в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 391–395.

Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1. С. 204–228.

Дроздов Н.И., Дроздов Д.Н., Макулов В.И., Лаухин С.А. Палеолитические памятники Северного Приангарья (хронология, периодизация, культурная принадлежность) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020.Т. 1. С. 36–37.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А. Палеолитическое местонахождение в устье р. Кова (среднее течение Ангары) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979. С. 38–41.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Сейфулин Н.Х. Раскопки Усть-Ковинской стоянки // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 27.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные процессы и явления плейстоцена в бассейне р. Ангары (позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Иркутский государственный университе, 2015. Вып. 4. С. 110–115.

of Studying of the Stone Age of Eurasia. Krasnoyarsk: KGPI. P. 56–58. (In Russ.)

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D. et al. (2015) Boguchany Archaeological Expedition: the Field Research Sketch (2007–2012). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 179–187. (In Russ.)

Vasilievskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. (1988) Archaeological Sites of the Northern Angara Region. Novosibirsk: Nauka. 244 p. (In Russ.)

Vasilevskii R.S., Drozdov N.I. (1983) Paleolithic figurines of the East Siberia. *Plastika i risunki drevnikh kul'tur = Plastic and Images of the ancient cultures.* Novosibirsk: Nauka. P. 59–65. (In Russ.)

Volkov P.V., Lbova L.V., Gubar Yu.S., Shvets O.L. (2018) Ust'-Kova Mammoth: the Results of Microscopic Researches. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State University.* Vol. 17. Iss. 7. P. 56–66. (In Russ.)

Grevtsov Yu.A., Meshcherin M.N., Galukhin L.L., Zhuravkov S.P. (2011) Beryamba Site: Newly Discovered Paleolithic Site in the Northern Angara Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XVII. P. 391–395. (In Russ.)

Drozdov N.I., Dement'ev D.I. (1974) Archaeological Researches Within the Middle and the Lower Angara. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the People from the South of East Siberia.* Irkutsk. Iss. 1. P. 204–228. (In Russ.)

Drozdov N.I., Drozdov D.N., Makulov V.I., Laukhin S.A. (2020) The Paleolithic Sites of Northern Angara Region (chronology, periodization, cultural characteristics). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare = Proceedings of VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara.* Samara. Vol. 1. P. 36–37. (In Russ.)

Drozdov N.I., Laukhin S.A. (1979) Paleolithic Location in the Mouth of Kova River (The Middle Stream of the Angara River). *Drevnie kul'tury Sibiri i Tikhookeanskogo basseina = Ancient Cultures of Siberia and Pacific Ocean basin.* Novosibirsk: Nauka. P. 38–41. (In Russ.)

Drozdov N.I., Laukhin S.A., Seifulin N.Kh. (1977) Excavations of Ust'-Kova Site. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda = Archaeological Discoveries in 1976*. Moscow: Nauka. P. 27. (In Russ.)

Drozdov N.I., Makulov V.I., Chekha V.P. (2015) Paleocryogenic Processes and Pleistocene Phenomenon in Angara River Basin (The Late Paleolithic Site Ust'-Kova). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia During the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 110–115. (In Russ.)

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Вып. 1. С. 163–177.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблемы сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 174–180.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука, 1974. 255 с.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Орлова Л.А. Усть-Кова на Ангаре – самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной // Доклады АН СССР, 1980. Т. 254. № 2. С. 182–185.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Стариков А.В., Виноградов С.Н., Сейфулин Н.Х., Рябинин А.Л., Форова В.С. Радиоуглеродное датирование плейстоцен-голоценовых отложений в долине широтного течения Ангары // Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980. С. 213–223.

Леонтьев В.П., Вдовин А.С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 534–537.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Заика А.Л. Археологические исследования на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 332–333.

Лисицын Н.Ф. О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // Stratum plus. Археология и культурная адаптация. 1999. № 1. С. 121–125.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН. СПб.: Наука, 2000. Т. II. 232 с.

Drozdov N.I., Chekha V.P. (2002) Paleocryogenisis, Paleogeochemist and the Questions of the Climate Reconstruction of the Quaternary Period (Yenisei and Angara basins). *Osnovnye zakonomernosti global'nykh i regional'nykh izmenenii klimata i prirodnoi sredy v pozdnem kainozoe Sibiri = Basic Regularities of Global and Regional Climate Changes and Natural Environment in the Late Cenozoic of Siberia.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Iss. 1. P. 163–177. (In Russ.)

Drozdov N.I., Chekha V.P. (1990) Paleocryogenic Phenomenon of the Late Paleolithic Site Ust'-Kova and the Issues of Preservation of Cultural Layers. *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii i Ameriki = Chronostratigraphy of Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia and America.* Novosibirsk. P. 174–180. (In Russ.)

Kind N.V. (1974) Geochronology of the Late Antropogen in accordance with isotopic data. Moscow: Nauka. 255 p. (In Russ.)

Laukhin S.A., Drozdov N.I., Panychev V.A., Orlova L.A. (1980) Ust'-Kova Site on Angara River – the most ancient Late Paleolithic sure between Ural Mountains and Lena River, according to the radiocarbon data. *Doklady AN SSSR = Reports of the Academy of Sciense USSR.* Vol. 254. No. 2. P. 182–185. (In Russ.)

Laukhin S.A., Drozdov N.I., Starikov A.V., Vinogradov S.N., Seifulin N.Kh., Ryabinin A.L., Forova V.S. (1980) Radiocarbon dating of Pleistocene-Holocene Sediments in the valley of the low reaches of Angara River. *Geokhronologiya chetvertichnogo perioda = Géochronologie of the Quaternary period.* Moscow: Nauka. P. 213–223. (In Russ.)

Leont'ev V.P., Vdovin A.S. (2010) Preliminary results of an archaeological research of Ust'-Kova Site in the Northern Angara Region in 2010. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XVI. P. 534–537. (In Russ.)

Leont'ev V.P. Drozdov N.I., Makulov V.I., Zaika A.L. (2000) Archaeological research of Ust'-Kova site in the Northern Northern Angara Region in 2000. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. VI. P. 332–333. (In Russ.)

Lisitsyn N.F. (1999) About European-Siberian contacts in the Late Paleolithic. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya adaptatsiya = Stratum plus. Archaeology and Cultural Adaptation.* No. 1. P. 121–125. (In Russ.)

Lisitsyn N.F. (2000) The Late Paleolithic of Chulym-Yenisei interstream area. *Trudy IIMK RAN = Transactions of IIMK RAN.* St. Petesrburg: Nauka. Vol. II. 232 p. (In Russ.)

Медведев Г.И., Липнина Е.А., Роговской Е.О., Ощепкова Е.Б., Дроздов Н.И. Усть-Кова многослойное местонахождение Северного Приангарья. Геоархеологический аспект (по результатам работ 2008 г.) // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 3–36.

Палеолит СССР. Сер. Археология СССР. М.: Наука. 1984. Т. 1. 384 с.

Постнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 565–568.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. Ч. 1. С. 575–581.

Рыбин Е.П., Мещерин М.Н. Некоторые вопросы хронологии и периодизации палеолита Северного Приангарья (по материалам исследований стоянок Колпаков Ручей и Усть-Кова) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 194–197.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) / Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Акимова Е.В., Кольцова В.Г., Артемьев Е.В., Бокарев А.А., Леонтьев В.П., Викулов А.А. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 147–178.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 288 с.

Чеха В.П. Геохимические индикаторы и некоторые палеогеографические особенности стоянки Усть-Кова // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск: ИИФФСО АН СССР, 1990. С. 293–295.

Шмидт И.В. К проблемам переосмысления образности фигурки из Усть-Ковы. Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Матер. LI РАЭСК. Красноярск: КГПУ, 2011. С. 9–11.

Medvedev G.I., Lipnina E.A., Rogovskoi E.O., Oshchepkova E.B., Drozdov N.I. (2015) Multiple-layered site of the Northern Northern Angara Region – Ust'-Kova. Geoarchaeological aspect (based on the results of the research in 2008). *Izvestiya IGU. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Izvestia IGY. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Antropology.* Vol. 12. P. 3–36. (In Russ.)

(1984) Paleolithic of the USSR. Ser. Archeology of the USSR. Moscow: Nauka.Vol. 1. 384 p. (In Russ.)

Postnov A.V. (2010) The results of Bolshaya Pelenda site field studies. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XVI. P. 565–568. (In Russ.)

Rybin E.P., Kuban A.A., Meshcherin M.N., Frolov Ya.V. (2010) Archaeological works on the Igrenkina Shivera and Kolpakov Ruchey sites within the Reservoir of the Boguchany Dam. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy itogovoi sessii IAET SO RAN = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Proceedings of the Final Session of the IAET SB RAS.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XVI. Pt. 1. P. 575–581. (In Russ.)

Rybin E.P., Meshcherin M.N. (2017) Certain issues of chronology and periodization of Paleolithic of the Northern Northern Angara Region (on the researched data of Kolpakov Ruchey and Ust'-Kova sites). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XXIII. P. 194–197. (In Russ.)

Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Akimova E.V., Kol'tsova V.G., Artem'ev E.V. et al. (1990) Chronostratigraphy of the Late Paleolithic sites of the Middle Siberia (Yenisei Basin). Novosibirsk: IIFF SO AN SSSR. P. 147–148. (In Russ.)

Tseitlin S.M. (1979) Geology of the Northern Asia Paleolithic. Moscow: Nauka. 288 p. (In Russ.)

Chekha V.P. (1990) Geochemical indicators and paleographic specific features of Ust'-Kova site. *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii i Ameriki = Chronostratigraphy of the Northern, Central and Eastern Asia and America Paleolithic.* Novosibirsk: IIFF SO AN SSSR. P. 293–295. (In Russ.)

Shmidt I.V. (2011) The problems of reconsiderations of the picturesqueness figurine from Ust'Kova site. *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii: problemy, poisk, otkrytiya = Archaeology, Ethnography, Paleoecology of the Northern Eurasia. Problems, Researches, Discoveries.* Krasnoyarsk: KGPU. P. 9–11. (In Russ.)

Lbova L.V., Volkov P.V., Gubar J.S., Drozdov N.I. Mammoth ivory paleoart objects from the upper Paleolithic assemblage of Ust-Kova site (Eastern Siberia): A technological approach // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 23. P. 1–13. https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100196

Lbova L.V., Volkov P.V., Gubar J.S., Drozdov N.I. Mammoth ivory paleoart objects from the upper Paleolithic assemblage of Ust-Kova site (Eastern Siberia): A technological approach // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 23. P. 1–13. https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100196

Сведения об авторе

Акимова Елена Васильевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, Россия,
✉ e-mail: Elaki2008@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Akimova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk 630090, Russia,
✉ e-mail: Elaki2008@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Е.В. Акимова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

E.V. Akimova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10 февраля 2021 г.
Принята к публикации 24 февраля 2021 г.

Article info

Received January 18, 2021.
Received February 10, 2021.
Accepted February 24, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-33-46

История исследования палеолитических памятников Северного Китая

© Цюань Цянкунь

Университет Цзилинь, г. Чанчунь, Китай

Аннотация: В данной статье рассматривается история археологических исследований палеолита Северного Китая; описываются основные участники и вопросы всё ещё развивающегося столетнего исследования палеолита, а также упоминаются открытия, которые в корне поменяли ранние представления мира о периодизации и географии палеолита в Китае. Китайское палеолитоведение начинается с открытия в пещере Чжоукоудянь останков синантропа (*Homo erectus pekinensis*) и каменных орудий, изготовленных им. Следующим важным шагом в изучении палеолита стало открытие в Китае целой серии стоянок, на которых обнаружены орудия, выполненные в микролитической технике. Впоследствии выяснилось, что часть из них датируется поздним палеолитом, а другие мезолитом или неолитом. Наряду с этим в статье приводятся новейшие результаты исследований палеолита Северного Китая с начала XXI века, которые помогли установить порядок целой серии археологических культур, глубоко исследовать источник происхождения первых людей Китая, а также предпосылки и процесс эволюции неоантропа. В деревне Шанчэнь в уезде Ланьтянь провинции Шэньси найдены каменные изделия возрастом около 2,12 млн лет назад – древнейшие в Восточной Азии. Ашельский бифас, обнаруженный в средней части бассейна реки Хуанхэ в уезде Лонань провинции Шэньси, свидетельствовал о распространении ашельской техники и на территории Китая. Находка в северном Китае пластины, изготовленной в леваллуазской технике, указывала на связи с Монголией и позволяла определить пути расселения Homo sapiens sapiens в древности. В конце статьи содержится обращение к российским учёным с призывом к совместной работе над решением соответствующих вопросов.

Ключевые слова: Северный Китай, палеолит, Чжоукоудянь, синантроп, неоантроп, микролитическая техника, ашельская культура, мустьерская техника, нуклеус, стратиграфия

Для цитирования: Цюань Цянкунь. История исследования палеолитических памятников Северного Китая // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 33–46. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-33-46

History of the study of the Paleolithic sites of Northern China

© Quan Qiankun

Jilin University, Changchun, China

Abstract: This article reviews the history of Paleolitic archaeological research in Northern China, and presents important events and important figures in the development of Paleolithic archaeology in the past 100 years. Through nearly a hundred years of Paleolithic archaeological research, China has undergone several generations of hard work, which has changed the world's original understanding of the time-space framework of Paleolithic archaeology in China. Chinese Paleolithic studies began with the discovery of the remains of a Sinanthropus (*Homo erectus pekinensis*) and stone tools made by him in the Zhoukoudian Cave. The next important step in the study of the Paleolithic was the discovery in China of a series of sites where tools made in microlithic technique were discovered. Subsequently, it turned out that some of them date back to the Late Paleolithic, and others to the Mesolithic or Neolithic. In addition, it summarizes the new developments of Paleolithic archaeology in northern China since the beginning of the new century. These discoveries established a set of the sequence of Chinese archaeological culture in the Paleolithic period, and deeply explored the origin of China's earliest humans and the origin and evolution of modern humans. In the village of Shanchen in Lantian County, Shaanxi Province, stone products were found about 2.12 million years ago – the oldest in East Asia. The Acheulean biface, found in the middle part of the Yellow River basin in Lonan County, Shaanxi Province, testified to the spread of Acheulean technology in China. The discovery in northern China of blades made using the Levallois technique indicated links with Mongolia and made it possible to determine the ways of dispersal of *Homo*

sapiens sapiens in antiquity. Article also calls on Russian scholars to participate in the study of Chinese Paleolithic archaeology and jointly solve some related problems.

Keywords: North China, Paleolithic, Zhoukoudian, sinanthropus, Homo sapiens sapiens, microblade technology, Acheulean culture, Mousterian technology, nucleus, stratigraphy

For citation: Quan Qiankun. (2021) History of the study of the Paleolithic sites of Northern China. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 33–46. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-33-46

Введение

Любое научное исследование начинается с истории появления какого-либо процесса, события, изобретения и т. д.

История изучения памятников древнекаменного века в Северных территориях Китая интересна и многогранна. Долгие годы до средины XX века Китай оставался отсталой аграрной страной, былые открытия, изобретения и технологии остались в далеком прошлом и были забыты.

Интерес к древнейшему прошлому территории Китая проявляли иностранные путешественники, религиозные деятели, ученые. Это были случайные сборы костей вымерших животных: мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя и др. Наряды с ними находили каменные и металлические изделия древнего человека, которые увозили в Европу. Редко, когда ученые, посетившие Китай, публиковали археологические материалы, они оставались до первой половины XX века не известны ученому миру.

С открытием уникального пещерного археологического памятника Чжоукоудянь, не далеко от Пекина, начался процесс глубокого изучения китайского палеолита. Находки костей человека в этой пещере потрясли ученый мир. Антропологи и археологи восстановили облик древнего человека и назвали его «Синантропом» (*Sinanthropus*) а в последствии «Пекинским человеком» (*Homo erectus pekinensis*). Так начиналась история китайской палеолитической археологии.

В своей работе мы попытались рассмотреть не только историю изучения палеолита в Северном Китае, но обобщить гипотезы, концепции и предположения ученых разных направлении в геологии, антропологии, палеозоологии, палеоботанике и др.

Главной задачей нашего исследования стал поиск научных публикаций, позволяющих освятить историю изучения палеолита на Севере Китая (рис. 1). Вся история изучения разделена на 4 части.

1. Ранний этап в изучении палеолита Северного Китая

Самые первые шаги в изучении археологии китайского палеолита были сделаны иностранными учеными, советниками, священниками и представителями других профессией (рис. 2).

В 1920 году французский священник о. Эмиль Лисан (Emile Licent) в ходе проведения обследования на памятниках Чжаоцзяча и Синьцзягоу (уезд Цинъян, провинция Ганьсу) обнаружил один каменный нуклеус и два отщепа, которые стали первыми находками палеолитических артефактов, официально зафиксированных в Китае (Xie Junyi, et. al., 1977).

Через год, в 1921 году шведский геолог и археолог Ю.Г. Андерсон (I.G. Andersson) и австрийский палеонтолог О. Зданский (Otto Zdansky) обследовали местность Чжоукоудянь. Благодаря сведениям, полученным от местных жителей, они обнаружили пещеру Чжоукоудянь-пункт 1, где в дальнейшем были найдены окаменелые костные останки синантропа (Black D., 1926).

В 1922 году Э. Лисан на территории Внутренней Монголии провел раскопки местонахождения Шараоссогол. В 1923 году Парижский музей Франции направил палеонтолога П. Тейяр де Шардена (Pierre Teilhard de Chardin) и Э. Лисана для проведения исследований в районе Ордоса, в ходе которых они открыли уникальную многослойную позднепалеолитическую стоянку Шуйдунгоу. После этого они вновь провели раскопки

Рис. 1. Карта распределения важнейших памятников эпохи палеолита на севере Китая
Fig. 1. Map of the distribution of the most important sites of the Paleolithic era in northern China

1. Sven Hedin

2. M.A. Stein

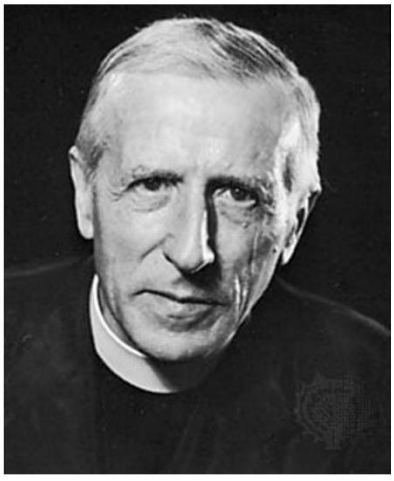
3. Ryuzo Torii

4. Johan Gunnar Andersson

5. Henri Breuil Mons

6. Teilhard de Chardin

Рис. 2. Зарубежные ученые, изучавшие палеолит Китая
Fig. 2. Foreign scientists who studied the Paleolithic of China

на стоянке Шараоссогол, где нашли один ископаемый зуб ребенка и большое количество окаменелых костей млекопитающих. Впоследствии этот зуб был изучен канадским антропологом Дэвисон.Блэком, который назвал его «ордосский зуб» (Ordos tooth). Его отнесли к «хэтаоскому человеку» (Hetao man), который получил известность (Lu Zun'e, 2004).

Суммируя факты, можно сказать, что с начала XX века и вплоть до образования Нового Китая (в 1949 году) регулярные раскопки проводились только на трех палеолитических памятниках: Чжоукоудянь (близ Пекина), Шуйдунгоу (Автономный район Нинся) и Шараоссогол (Автономный район Внутренняя Монголия). А всего к этому времени на территории Китая было известно чуть более 10 памятников палеолитической культуры, причем Южный Китай оставался «белым пятном». Хотя и вышло в свет несколько обобщающих работ, но еще не была достоверно исследована последовательность развития археологически культур. Кроме того, все открытия и исследования археологических местонахождений были сделаны иностранными учеными, основные научные публикации также создавались не на китайском языке. Хотя Китай и учредил свою собственную специальную исследовательскую структуру – Лабораторию по изучению кайнозоя Геологической службы, однако только в Чжокоудяне после 1929 года раскопки стали проводиться под руководством китайских ученых, все другие исследования археологических окаменелостей выполнялись иностранными учеными. Своих специалистов в Китае было очень мало, но именно в Чжоукоудяне при раскопках были получены важные результаты. Этот памятник стал центром антропологических и палеолитических изысканий, поскольку особое место синантропа в истории прогресса человека привлекло внимание мирового научного сообщества. Одновременно шла подготовка специалистов по изучению антропологии и палеолитической археологии в Китае, что создало базу для последующего развития.

2. Открытие пещерной стоянки Чжоукоудянь и формирование сообщества специалистов по археологии китайского палеолита

Палеолитическая археология Китая благодаря работам на Чжоукоудяне получила прекрасную исследовательскую основу. В 30-е годы прошлого столетия исследования комплекса палеолитических стоянок Чжоукоудянь, которые представляли памятники синантропа – пекинского человека, были образцовыми и тщательными во всех областях: концепция исследований, методов раскопок и фиксации полевых материалов. Следует подчеркнуть, что они были одними из передовых в мировом палеолитоведении, поэтому удалось получить чрезвычайно выдающееся результаты. Далее мы рассмотрим историю открытий и исследований памятников Чжоукоудяня.

В 1921 году шведский геолог и археолог Ю.Г. Андерсон (I.G. Andersson) и австрийский палеонтолог О. Зданский (Otto Zdansky) обследовали местность Чжоукоудянь. Благодаря сведениям, полученным от местных жителей, они обнаружили Чжоукоудянь – пункт 1, который как выяснилось в последствии был мастерской синантропа. Но раскопки тогда не проводились (Zdansky O., 1927).

Вплоть до 1923 года в пещере Чжоукоудяне нашли всего два окаменелых зуба, принадлежавших человеку. Ввиду важности этой находки шведский палеонтолог Б. Болин (Birger Bohlin) и китайский геолог Ли Цзе в пункте 1, который и являлся стоянкой синантропа, провели крупномасштабные систематические раскопки, в ходе которых нашли один коренной зуб (моляр) из нижней челюсти пекинского человека (Black D., 1926). Далее, все три найденных ископаемых зуба были изучены Д. Блэком в анатомическом отделении Пекинской больницы Сехэ, после чего древние люди, которым они принадлежали, были официально названы «пекинским синантропом» (Sinanthropus pekinensis), в настоящее время название изменено на «эректус пекинский» (Homo erectus pekinensis) (Black D., 1927). В 1929 году китайский археолог Пэй Вэньчжун (рис. 3) самостоятельно руководил раскопками в Чжоукоудянь – пункт 1. Во второй половине дня 2 декабря он сделал сенсационное открытие – об-

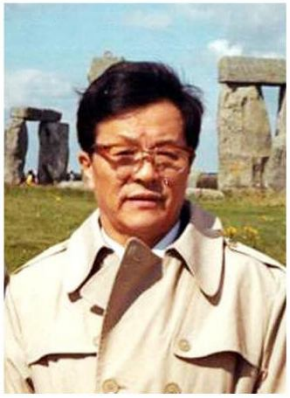
Пэй Вэньчжун

Цзя Ланьпо и Ван Цзянь

Ань Чжимин

Гай Пэй

Гао Син

Вэй Ци

Ван Юпин

Се Фей

Чэнь Цюаньцзя

Рис. 3. Китайские ученые, изучавшие палеолит Китая
Fig. 3. Chinese scientists who studied the Paleolithic of China

наружил целую черепную крышку пекинского человека (Pei Wenzhong, 1934). Позднее удалось раскопать каменные орудия и следы использования огня человеком из пещеры. Это позволило установить тот факт, что процесс становления человека включал стадию существования эректуса.

1933–1937 г. Одновременно с раскопками в Чжоукоудянь – пункт 1 велись раскопки в пунктах Чжоукоудянь-3, 9, 13, 14, 15 и в Шаньдиндун (Верхний грот).

В 1935 году, поскольку Пэй Вэньчжун уехал во Францию изучать археологию палеолита под руко-

водством А. Брейля, руководить работами в Чжоукоудяне стал молодой археолог Цзя Ланьпо. Благодаря ему 15 ноября 1935 года один за другим нашли два целых черепа синантропа, а через 11 дней – еще один, наиболее хорошо сохранившийся череп синантропа (Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1984).

Весной 1937 года были сделаны находки зубов синантропа, фрагменты его костей, нижней челюсти и часть черепа с надбровной дугой. Последний фрагмент (с надбровной дугой) можно было соединить воедино с черепом, найденным ранее (1936). Особого внимания заслуживает обнаруженный в слое 29-го уровня фрагмент левой части верхней челюсти, в которой еще сохранилось шесть зубов. На основе этих образцов восстановили лицевой отдел черепа синантропа. Кроме того, нашли множество окаменелых останков животных и каменные орудия. В 1937 году из-за японской агрессии раскопки в Чжоукоудянь прекратились.

В 1941 году коллекция черепов из Чжоукоудяня синантропа в процессе транспортировки была утеряна и не найдена до сих пор, что нанесло огромный урон китайской и мировой археологии.

Открытия в Чжоукоудянь имели огромное значение и принесли уникальные результаты для мировой науки. Всего в районе Чжоукоудянь найдено более 40 археологических объектов, связанных с культурой синантропа, в том числе пять целых черепов. Около 100 тысяч каменных орудий, которые изготовил и использовал синантроп; найдены следы использования огня и свыше 90 видов окаменелостей млекопитающих.

В процессе раскопок в Чжоукоудяне совершенствовалась методика полевых исследований культурных напластований. В раскопках 1927–1930 годов еще не было строгого контроля стратиграфической последовательности, фиксация артефактов также была нечеткой, что создавало большие трудности в исследовательской работе. С 1932 года начали применять «метод квадратных клеток». Когда пространство раскопа разбивали на «квадраты исследования» (площадью 1 кв. м и глубиной 0,5 м), каждый год – под своим номером. В соответствии с этим методом почва и мелкие фракции из квадратов просеивались через сито, а затем обязательно снова просматривались. Перед раскопками каждый квадрат делился на уровни глубиной по 0,5 м. Каждый уровень зарисовывали на плане в одном масштабе. Через каждые 2 м зарисовывали (в одном масштабе) разрез по осям север – юг и запад – восток; вместе с тем указывали и геологические слои. Для самых важных артефактов обязательно делали измерения, все они фиксировались на планах и разрезах. Кроме этих методик, существовала фотографическая и письменная фиксация. С этого времени начинается применение научных методов раскопок в китайском палеолитоведении, создается очень хороший базис для последующего развития археологической науки. Кроме того, чтобы внести прогресс в тяжелую работу по перемещению грунта, стали использовать лебедки, что увеличивало производительность по сравнению с ручным трудом в 33 раза.

Можно сказать, что раскопки в Чжоукоудяне стали официальной начальной научной точкой отсчета для археологии палеолита в Китае. Сформировалась плеяда специалистов по древнему каменному веку – таких как Пэй Вэньчжун и Цзя Ланьпо и др. Они овладели научными методами раскопок и анализа палеолитических материалов. Благодаря упорной работе в течение полувека, к настоящему времени получены значительные результаты.

3. Открытие и история изучения микролитической технологии в Китае

Самые ранние открытия микролитических артефактов в научном смысле этого термина сделаны на территории Китая в конце XIX века иностранными исследователями. В 1900 году шведский путешественник Свен Хедин (Sven Hedin) в Таримской котловине Синьцзяна собрал коллекцию микролитов. В 1907 году английский ученый М.А. Стейн (M.A. Stein) в том же районе собрал набор каменных изделий, содержавших образцы с микропластинчатой техникой, однако в то время не было дано качественного их определения. В 1906–1908 годах японский археолог Тории Рюдзо (Ryuzo Torii) на памятниках в районе Харчина, Чифэна, Линьси, Чжалайнора в восточной части Внутренней Монго-

лии собрал микролиты, для которых предложил название «микролиты монгольского типа». Он обратил внимание на то, что к северу от гор Телин такие микролиты представляют собой остатки неолитического периода.

В 20-е годы XX века находки микролитов продолжают множиться; например, шведский ученый Ю.Г. Андерсон нашел небольшое количество таких камней в Шаготунь (уезд Цзиньси, провинция Ляонин) и в Чжуцзячжай (г. Синин, провинция Цинхай); французский ученый Э. Лисан собрал много микролитических образцов в Хэбэе и Внутренней Монголии. Общество по изучению восточных провинций также открыло близ Хайлара (Внутренняя Монголия) восемь пунктов, где собрали микролитическую коллекцию.

Лян Сыюн стал самым первым китайским ученым, который объединил изучение микролитов с раскопками. В 1930 году он провел раскопки стоянки Ананси (близ г. Цицикар, провинция Хэйлунцзян), где впервые выделил микролитический слой в общей культурной последовательности. После чего он также обследовал район Линьси и Чифэна, где собрал подъемный микролитический материал.

В период 1927–1935 годов совместная китайско-шведская Северо-Западная научная экспедиция выполнила большую работу по сбору микролитов; китайские ученые Юань Фучжа и Хуан Вэньби совместно со шведским археологом Ф. Бергманом в северо-западных районах Внутренней Монголии, Нинся, Ганьсу и Синьцзяна открыли несколько десятков доисторических памятников, среди собранного там большого количества культурных остатков особо выделяются микролиты. Ян Чжунцзянь в Цицзяоцзинцзы (г. Хами, Синьцзян) нашел ладьевидные нуклеусы – такие же, как в Восточной Азии и Северной Америке, что дало ключ к пониманию распространения и единой сущности микролитов.

В 1937 году японцы двинули свои войска, начав агрессию против Китая. На Северо-Востоке Китая и во Внутренней Монголии была проведена серия исследований; на памятниках, связанных с микролитами, в основном проводились поверхностные сборы; была выдвинута концепция «монгольской микролитической культуры».

В 40-е годы XX века китайский археолог Пэй Вэньчжун изучал микролиты Ганьсу и Цинхая; на основе комплексного анализа он предложил название «микролитическая культура», обратив внимание на то, что в Китае эта культура через Сибирь связана с Европой, а на заключительном этапе она в районе Великой Китайской стены вошла в контакт с культурой Яншао, образовав смешанную культуру. Он также сделал предварительную периодизацию микролитической культуры Китая, выделив четыре этапа: Чжалай, Лунцзян, Линьси и Чифэн. Из них этап Чжалай соответствует эпохе мезолита, а остальные – соответственно, раннему, среднему и позднему этапам неолита. Он также считал, что эта культура распространялась с севера на юг.

После образования Китайской Народной Республики изучение китайских микролитов также вступило на новый этап развития.

Были получены более глубокие знания о географических границах распространения микролитов и их хронологии. Территория, на которой использовались микролиты, ограниченная в прошлом северными степями, расширилась в регионы Центрального, Южного и Юго-Западного Китая; их находили на большей части территории современного Китая. Изменилась хронология также микролитов от позднего палеолита до мезолита, неолита и даже более поздних этапов. Микролиты либо определялись как единая археологическая культура, либо ее заменяли микролитической традицией. Технология изготовления микролитов существовала в разные эпохи вместе со сложными археологическими культурами.

В 1955 году микролиты впервые обнаружили на территории Центрального Китая, в Чаои (провинция Шэньси) и в Шаюань (уезд Дали). В этом регионе обнаружено 15 местонахождений на песчаных дюнах и было собрано 500 артефактов, среди которых есть микронуклеусы и микропластины, керамики вместе с ними не обнаружено; слой с находками перекрывает плейстоценовые отложения.

В 1960-е годы выявлены стратифицированные памятники с микролитами в Сяонаньхай (г. Аньян, провинция Хэнань) и в Чжиюй (уезд Шосянь, провинция Шаньси) (An Zhimin, 1965); время появления микролитов в Северном Китае отнесено к позднему палеолиту. Сяонаньхай близ г. Аньян (провинция Хэнань) представляет собой пещерный памятник, по геологической хронологии он относится к позднему плейстоцену. Верхняя часть его культурного слоя датирована по радиоуглероду как 9050±500 лет назад, нижняя часть культурного слоя – как 22150±500 лет назад. Среди находок, обнаруженных на нем, – цилиндрические, конусовидные, клиновиднвые микронуклеусы. Стоянка Чжиюй (уезд Шосянь) расположена на второй террасе р. Чжиюй, геологическая дата – поздний плейстоцен, дата по радиоуглероду – 28945±1370 лет назад (Jia Lanpo, Gai Pei, You Yuzhu, 1972).

В 1972 году сотрудники Института палеоантропологии и палеонтологии позвоночных АН КНР Гай Пэй и Вэй Ци впервые провели раскопки на группе памятников Хутоулян (округ Нихэвань, провинция Хэбэй), чем положили начало важной работе по изучению палеолита в геоархеологическом районе Нихэвань, которая затем продолжилась открытиями Юфан, Цзицзитань и многих других памятников с микролитами. В ходе постоянных поисков Се Фэй также нашел в восточных районах провинции Хэбэй памятники с микролитами – такие как Тинсыдун (уезд Чанли), Дунхуйкэн (уезд Лянсянь), Мэнцзяцюань (уезд Юйтянь), Чэнгуаньчжэнь (уезд Хуанто) и др. (Xie Fei, 2006).

Начиная с 70-х годов XX века, в Северном Китае находили большое количество памятников с микролитической техникой. Среди них в провинции Шаньси выявили: Сячуань (уезд Циньшуй), Сюэгуань (уезд Пусянь), Шицзытань (уезд Цзисянь), Дафа (уезд Юйцы), Чжаованцунь (уезд Юйшэ), также Динцунь, Ташуйхэ и Янтоушань (уезд Сянфэнь), Сяочжань (г. Датун); в провинции Шэньси – Чаои и Шаюань (уезд Дали); в провинции Хэнань – Минцзин и Даган (уезд Уян); в провинции Шаньдун – Фэнхуанлин (Линьи), Хутай, Цзиньцюэшань.

После наступления XXI столетия несколько очень известных археологов во главе своих отрядов сделали еще больше новых открытий, используя в работе новые методы раскопок и анализа. К наиболее известным археологам можно отнести, например, профессора Гао Сина из Института палеоантропологии и палеонтологии позвоночных АН КНР, отряд которого проводил чрезвычайно продуктивное исследование в Шуйдунгоу. Это также профессор Се Фэй из Института памятников материальной культуры провинции Хэбэй, который во главе своего отряда углублял работы в Нихэвань. Профессор Чэнь Цюаньцзя из Цзилиньского университета проделал выдающуюся работу по археологии палеолита в Северо-Восточном Китае и обнаружил ряд важных памятников позднего палеолита. Эти ученые привлекли значительную часть научного сообщества Китая к углубленному изучению техники микропластин.

Все выше перечисленные открытия значительно обогатили научные знания по археологии Северного Китая позднего палеолита и представили ряд важных позиций для комплексного изучения древнего человека эпохи позднего плейстоцена.

4. Прогресс в археологии палеолита Северного Китая в начале XXI века

Вступив в XXI век, археология раннего палеолита в Китае начала стремительно развиваться, и к настоящему времени китайские археологи добились больших успехов. В частности, на севере Китая был обнаружен ряд новых палеолитических стоянок. Самые важные находки были обнаружены в таких местах, как пещера Цзиньсытай во Внутренней Монголии (Wang Xiaokun, Wei Jian, Chen Quanjia, et al., 2010), археологический комплекс Шицзытань в уезде Цзисянь провинции Шаньси (Song Yanhua, Shi Jinming, 2017a), комплекс археологических памятников Шуйдунгоу в Нинся-Хуэйском автономном районе Китая (Feng Li, Steven L. Kuhn, Ofer Bar-Yosef, et al., 2019), стоянка Линцзин городского округа Сюйчан провинции Хэнань (Li Zhanyang, Wu Xiujie, 2018), стоянка Лицзягоу в городском уезде Синьми провинции Хэнань (Wang Youping, etc., 2011), Лаонайънаймяор в городском округе Чжэнчжоу провинции Хэнань (Chen Youcheng, et al., 2020), пещеры

Суньцзядун в уезде Луаньчуань провинции Хэнань (Shi Jiazhen, et al., 2013), стоянка Гэцзышань уезда Цинтунся Нинся-Хуэйского автономного района (Guo Jialong, et al., 2019), пещера Тунтяньдун в уезде Зимунай Синьцзян-Уйгурского автономного района (Yu Jianjun, et al., 2018), стоянка Сяонаньшань в провинции Хэйлунцзян (Li Youqian, Yang Yongcai, 2015). Кроме того, были открыты ранее неизвестные стоянки, проведены новые раскопки и исследования, а также получены важные материалы и новые результаты исследований.

Новые открытия и исследования охватывают разные эпохи палеолита. Это значительно дополнило образ культур каменного века Китая.

Ранний палеолит

В это время были возобновлены археологические раскопки на стоянке Чжоукоудянь, где был расчищен разрез культурных отложений на пункте 1. В его четвёртом слое было найдено множество каменных изделий и следов использования огня, что ещё раз доказало, что пекинский человек мог использовать огонь (Zhang Shuangquan, et al., 2015).

Каменные изделия эпохи палеолита возрастом около 2,12 млн лет, найденные в деревне Шанчэнь в уезде Ланьтянь провинции Шэньси, стали маркерами старейшего на данный момент пласта эпохи палеолита в Восточной Азии (Zhaoyu Zhu, Weiwen Huang, Yi Wu, et al., 2019).

Ашельский бифас, обнаруженный в средней части бассейна реки Хуанхэ в уезде Лонань провинции Шэньси, изменил наши изначальные представления об отсутствии в Китае технологий обработки камня ашельской культуры (Xing Luda, Wang Shejiang et al., 2015).

Поздний палеолит

С 2003 по 2014 год на стоянке Шуйдунгоу проводился ряд археологических работ на пунктах 1, 2 и др. Помимо обычных для Северного Китая сочетаний каменных отщепов и орудий труда, были также найдены пластины, изготовленные в левалуазской технике, что указывало на тесную связь Северного Китая с Монголией. Это также послужило основой для определения путей расселения Homo sapiens sapiens (Feng Li, Steven L. Kuhn, Ofer Bar-Yosef, et al., 2019).

В пещерной стоянке Цзиньсытай во Внутренней Монголии между седьмым и восьмым культурными слоями были обнаружены группы каменных изделий, чьи технические характеристики явно указывают на принадлежность к мустьерской культуре времён среднего палеолита. Это первый случай, когда следы мустьерской техники были найдены в восточной части Внутренней Монголии, что имеет важное значение в расселении людей и распространении техники в среднем палеолите (Feng Li, Steven L. Kuhn, Fuyou Chen, et al., 2018).

В 2017 году в ходе раскопок в пещере Тунтяньдун в Синьцзяне были найдены отложения культурного слоя от среднего до позднего палеолита возрастом 45 тыс. лет. Типичными изделиями мустьерской культуры являются леваллуазский нуклеус, дисковидный нуклеус, ашельский остроконечник, различные виды скрёбел, а также другие мустьерские остроконечные изделия. В целом в них отчётливо проявились характерные признаки культуры среднего палеолита западной части Старого Света. Это восполнило недостаток стилей, характерных для мустьерской культуры среднего палеолита в Китае. Первая пещера эпохи палеолита, обнаруженная в Синьцзяне, находится недалеко от Алтая (Yu Jianjun, et al., 2018).

За последние десять лет в провинции Хэнань было обнаружено около трёхсот мест со множеством следов технологии изготовления каменных микропластинок. Основная часть стоянок относится к периоду между стадиями MIS 3 и MIS 2. Среди них – стоянка Сиши в уезде Дэнфэн, Лаонайънаймяо в Чжэнчжоу и другие важные палеолитические стоянки (Wang Youping, 2018). Кроме того, в двадцати девяти местах на стоянках Юфан в котловине Нихэвань (провинция Хэбэй) (Nian Xiaomei, 2014)[1],

[1] Nian Xiaomei.(2014). Study on the OSL geochronology of Shuidonggou and Youfang Paleolithic archaeological sites and its archaeological significance. Doctoral dissertation. University of Chinese Academy of Sciences; Institute of Paleovertebrate and Paleoanthropology, Chinese Academy of Sciences.

年小美.水洞沟与油房旧石器考古遗址点的光释光年代学研究及其考古学意义.中国科学院大学;中国科学院古脊椎动物与古人类研究所,2014.

Лунванчань (уезд Ичуань, провинция Шэньси) (Wang Xiaoqing, 2014) и Шицзытань (уезд Цзисянь, провинция Шаньси) в седьмом культурном слое одинаково обнаруживались следы микролитов, возрастом 29–26 kaBP (Song Yanhua, Shi Jinming, 2017b). Новые результаты показывают, что пластинки возрастом 29–26 kaBP, найденные в северной части центрального Китая, – результат использования микролитической техники, на появление которой возможно повлияло изменение среды стадии MIS 2, что привело к расселению людей и распространению палеолитической культуры с Алтая и других центральных и северных регионов Азии на юг.

В северо-восточном районе был обнаружен ряд стоянок, где изготавливались микропластины. За последние годы в провинции Хэйлунцзян была открыта серия стоянок эпохи позднего палеолита – основной возраст датируется стадией MIS 2. Основываясь на типах отщепов и пластин, археологи выделяют два этапа существования стоянок – ранний и поздний. Пластины позднего периода покрывают весь регион исследований (Li Youqian, 2014). В районе горы Чанбайшань провинции Цзилинь также обнаружены места скопления микропластин, изготовленных из обсидиана.

Заключение

На сегодняшний день благодаря почти столетнему археологическому исследованию палеолита в Китае и усердной работе нескольких поколений археологов, число открытых палеолитических стоянок превысило две тысячи; возраст всех стоянок покрывает период от 2 миллионов до 10 тыс. лет назад. Эти открытия в корне поменяли ранние представления мира о периодизации и географии палеолита в регионах Китая. Кроме того, они помогли установить порядок целой серии археологических культур, глубоко исследовать источник происхождения первых людей Китая, а также предпосылки и процесс эволюции неоантропа (Gao Xing, 2019).

Однако исследование эпохи палеолита в Северном Китае всё ещё находится в процессе развития и сталкивается с соответствующими трудностями и вопросами, которые можно решить совместной работой с российскими коллегами.

Библиографический список

An Zhimin. 1965. Trial excavation of Paleolithic cave deposits in Xiaonanhai, Anyang, Henan. Chinese Journal of Archaeology. (1):31. 安志敏. 1965. 河南安阳小南海旧石器时代洞穴堆积的试掘. 考古学报.(1):31.

Black D., 1926. Tertiary man in Asia: the Chou Kou Tien discovery. Bull. Geol. Soc. China, 6:207-208.

Black.D., 1927. On a lower molar hominid tooth form the Chou Kou Tien deposit. Pal.Sin. D.7(1):1-28.

Chen Youcheng, Qu Tong Li, Wang Song Zhi, Lin Yi, Wang Youping. 2020. Preliminary study on the spatial structure of the old grandmother temple ruins in Zhengzhou. Zhongyuan antiquities, 2020 (03): 41-50. 陈宥成,曲彤丽,汪松枝,林壹,王幼平.郑州老奶奶庙遗址空间结构初步研究.中原文物,2020(03):41-50.

Feng Li, Steven L. Kuhn, Fuyou Chen, et al. 2018.The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, North China. 2018, 114:76-84.

Feng Li, Steven L. Kuhn, Ofer Bar-Yosef, et al. 2019.History, Chronology and Techno-Typology of the Upper Paleolithic Sequence in the Shuidonggou Area, Northern China. 2019, 32(2):111-141.

Gao Xing. 2019. Seventy years of exploration - Review and Prospect of Paleolithic Archaeology in China. China

References

An Zhimin. 1965. Trial excavation of Paleolithic cave deposits in Xiaonanhai, Anyang, Henan. Chinese Journal of Archaeology. (1):31.

Black D., 1926. Tertiary man in Asia: the Chou Kou Tien discovery. Bull. Geol. Soc. China, 6:207-208.

Black.D., 1927. On a lower molar hominid tooth form the Chou Kou Tien deposit. Pal.Sin. D.7(1):1-28.

Chen Youcheng, Qu Tong Li, Wang Song Zhi, Lin Yi, Wang Youping. 2020. Preliminary study on the spatial structure of the old grandmother temple ruins in Zhengzhou. Zhongyuan antiquities, 2020 (03): 41-50.

Feng Li, Steven L. Kuhn, Fuyou Chen, et al. 2018.The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, North China. 2018, 114:76-84.

Feng Li, Steven L. Kuhn, Ofer Bar-Yosef, et al. 2019. History, Chronology and Techno-Typology of the Upper Paleolithic Sequence in the Shuidonggou Area, Northern China. 2019, 32(2):111-141.

Gao Xing. 2019. Seventy years of exploration - Review and Prospect of Paleolithic Archaeology in China. China

cultural relic, September 6, 2019, Fifth Edition.高星.2019.七十年的探索历程-
中国旧石器时代考古学的回顾与展望.中国文物报，2019年9月6日，第5版。

Guo Jialong, Yao Leyin, Wang Huimin, Liu Decheng, Nian Xiaomei, Peng Fei, Gao Xing. 2019. Excavation report of the 15th site of pigeon mountain in Qingtongxia, Ningxia. Acta Anthropologica Sinica, 2019,38 (02): 182-190.
郭家龙,姚乐音,王惠民,刘德成,年小美,彭菲,高星.宁夏青铜峡鸽子山第15地点发掘报告.人类学学报,2019,38(02):182-190.

Jia Lanpo, Gai Pei, You Yuzhu. 1972. An excavation report on the Paleolithic site in Shiyu, Shanxi. Journal of Archaeology, 1972 (1): 39-58. 贾兰坡，盖培，尤玉柱. 1972. 山西峙峪旧石器时代遗址发掘报告. 考古学报,1972(1):39–58.

Jia Lanpo, Huang Weiwen. 1984. Excavations in Zhoukoudian. Tianjin: Tianjin Science and Technology Press. 贾兰坡、黄慰文. 1984. 周口店发掘记. 天津：天津科学技术出版社

Li Youqian, Yang Yongcai. 2015. Excavation of Xiaonanshan site in Raohe County, Heilongjiang Province, 2015. Archaeology, 2019 (08): 3-20 + 2.
李有骞,杨永才.黑龙江饶河县小南山遗址2015年Ⅲ区发掘简报.考古,2019(08):3-20+2.

Li Youqian. 2014. Distribution, chronology and technological types of Palaeolithic remains in Heilongjiang. Huaxia archaeology, 2014 (03): 33-43.
李有骞.黑龙江省旧石器遗存的分布、年代及工艺类型.华夏考古,2014(03):33-43.

Li Zhanyang, Wu Xiujie. 2018. Paleohuman fossils and related research progress at the Xuchangren site in Lingjing, Henan Province. Science and Technology Review, 2018, 36(23):20-25.
李占扬,吴秀杰.河南灵井许昌人遗址古人类化石及相关研究进展.科技导报,2018,36(23):20-25.

Lu Zun'e. 2004. A Century Review of Chinese Archaeological Research. Paleolithic Archaeology Volume. Beijing, Science Press. p.3-4. 吕遵谔 2004. 中国考古学研究的世纪回顾. 旧石器时代考古卷. 科学出版社，北京.3-4.

Pei Wenzhong. 1934. The excavation of Zhoukoudian cave layer. Geological Special Report B, No.7: 1-68. 裴文中. 1934. 周口店洞穴层采掘记。地质专报乙种第7号：1-68.

Shi Jiazhen, Gu Xuejun, Li Xuan, Pang Haijiao, Li Zuoxian, Gao Hu. 2013. Excavation of the sunjiadong Paleolithic site in Luanchuan, Henan Province in 2012. Archaeology of Luoyang, 2013 (01): 4-10.
史家珍,顾雪军,李璇,庞海娇,李作献,高虎.河南栾川孙家洞旧石器遗址2012年发掘简报.洛阳考古,2013(01):4-10.

Song Yanhua, Shi Jinming. 2017a. Excavation of Shizitan site s29 in Jixian County, Shanxi Province. Archaeology, 2017 (02): 35-51 + 2.
宋艳花,石金鸣.山西吉县柿子滩遗址S29地点发掘简报.考古,2017(02):35-51+2.

Song Yanhua, Shi Jinming. 2017b. Brief Report on Excavation of S29 Site at Shizitan Site in Jixian County, Shanxi.

cultural relic, September 6, 2019, Fifth Edition.

Guo Jialong, Yao Leyin, Wang Huimin, Liu Decheng, Nian Xiaomei, Peng Fei, Gao Xing. 2019. Excavation report of the 15th site of pigeon mountain in Qingtongxia, Ningxia. Acta Anthropologica Sinica, 2019,38 (02): 182-190.

Jia Lanpo, Gai Pei, You Yuzhu. 1972. An excavation report on the Paleolithic site in Shiyu, Shanxi. Journal of Archaeology, 1972 (1): 39-58.

Jia Lanpo, Huang Weiwen. 1984. Excavations in Zhoukoudian. Tianjin: Tianjin Science and Technology Press.

Li Youqian, Yang Yongcai. 2015. Excavation of Xiaonanshan site in Raohe County, Heilongjiang Province, 2015. Archaeology, 2019 (08): 3-20 + 2.

Li Youqian. 2014. Distribution, chronology and technological types of Palaeolithic remains in Heilongjiang. Huaxia archaeology, 2014 (03): 33-43.

Li Zhanyang, Wu Xiujie. 2018. Paleohuman fossils and related research progress at the Xuchangren site in Lingjing, Henan Province. Science and Technology Review, 2018, 36(23):20-25.

Lu Zun'e. 2004. A Century Review of Chinese Archaeological Research. Paleolithic Archaeology Volume. Beijing, Science Press. p. 3-4.

Pei Wenzhong. 1934. The excavation of Zhoukoudian cave layer. Geological Special Report B, No.7: 1-68.

Shi Jiazhen, Gu Xuejun, Li Xuan, Pang Haijiao, Li Zuoxian, Gao Hu. 2013. Excavation of the sunjiadong Paleolithic site in Luanchuan, Henan Province in 2012. Archaeology of Luoyang, 2013 (01): 4-10.

Song Yanhua, Shi Jinming. 2017a. Excavation of Shizitan site s29 in Jixian County, Shanxi Province. Archaeology, 2017 (02): 35-51.

Song Yanhua, Shi Jinming. 2017b. Brief Report on Excavation of S29 Site at Shizitan Site in Jixian County, Shanxi.

Archaeology, 2017(02):35-51+2.
宋艳花,石金鸣.山西吉县柿子滩遗址S29地点发掘简报.考古,2017(02):35-51+2.

Wang Xiaokun, Wei Jian, Chen Quanjia, Tang Zhuowei, Wang Chunxue. 2010. A preliminary study on the Excavation of Jinstai Cave Site. Acta Anthropologica sinica, 2010, 29(01):15-32.
王晓琨,魏坚,陈全家,汤卓炜,王春雪.内蒙古金斯太洞穴遗址发掘简报.人类学学报,2010,29(01):15-32.

Wang Xiaoqing. 2014. Observation and Research on the first site of Longwangfu site in Yichuan, Shaanxi Province. Archaeology and cultural relics, 2014 (06): 59-64.
王小庆.陕西宜川龙王辿遗址第一地点细石器的观察与研究.考古与文物,2014(06):59-64.

Wang Youping, Zhang Songlin, He Jianing, Wang Songzhi, Zhao Jingfang, Qu Tongli, Wang Jiayin, Gao Xiaoxu. 2011. Excavation Report of Lijiagou Site in Xinmi City, Henan. Archaeology, 2011(04):3-9+115+97-99.
王幼平,张松林,何嘉宁,汪松枝,赵静芳,曲彤丽,王佳音,高霄旭.河南新密市李家沟遗址发掘简报.考古,2011(04):3-9+115+97-99.

Wang Youping. 2018. The late Paleolithic environmental change and human migration in North China. Acta Anthropologica Sinica, 2018,37(03):341-351.
王幼平.华北旧石器晚期环境变化与人类迁徙扩散.人类学学报,2018,37(03):341-351.

Xie Fei. 2006. Nihewan Paleolithic Culture. Shijiazhuang: Huashan Literature and Art Publishing House. P.4-11. 谢飞. 泥河湾旧石器文化. 花山文艺出版社.2006. P.4-11

Xie Junyi et al. 1977. Paleolithic in Qingyang, Gansu. Vertebrates and Paleohumans, (3): 211-222. 谢骏义等.1977. 甘肃庆阳地区的旧石器. 古脊椎动物与古人类,(3):211-222.

Xing Luda, Wang Shejiang, Zhang GaiKe, Yu Qingyao, Zhang Xiaobing, Liu Tuo. 2015. Newly Discovered Paleolithic Artifacts from the Yeyuan Open-air Site in the Luonan Basin, Central China. Acta Anthropologica Sinica, 2015,34 (01): 1-13. 邢路达, 王社江, 张改课, 于青瑶, 张小兵, 刘拓. 陕西洛南盆地夜塬地点发现的石制品. 人类学学报, 2015,34(01):1-13.

Yu Jianjun, Wang Youping, he Jianing, Feng Yue, Li Yulong, Li Wencheng. 2018. Tongtiandong site in Jimunai County, Xinjiang. Archaeology, 2018 (07): 3-14 + 2.
于建军,王幼平,何嘉宁,冯玥,李昱龙,李文成.新疆吉木乃县通天洞遗址.考古,2018(07):3-14+2.

Zdansky O. 1927. Prelininaly notice of a hominid of two teeth of a hominid from a cave in Chihili (China). Bull. Geol. Soc. China,5:281-284.

Zhang Shuangquan, Gao Xing, Chen Fuyou, Li Yan, Zhang Le, Zhang Xiaoling, Li Jingshu. 2015. A report of the 2009-2010 field excavations at the west section of Zhoukoudian Loc.1. Acta Anthropologica Sinica, 2016,35 (01): 63-75.
张双权,高星,陈福友,李俨,张乐,张晓凌,栗静舒.周口店第一地点西

Archaeology, 2017(02):35-51+2.

Wang Xiaokun, Wei Jian, Chen Quanjia, Tang Zhuowei, Wang Chunxue. 2010. A preliminary study on the Excavation of Jinstai Cave Site. Acta Anthropologica sinica, 2010, 29(01):15-32.

Wang Xiaoqing. 2014. Observation and Research on the first site of Longwangfu site in Yichuan, Shaanxi Province. Archaeology and cultural relics, 2014 (06): 59-64.

Wang Youping, Zhang Songlin, He Jianing, Wang Songzhi, Zhao Jingfang, Qu Tongli, Wang Jiayin, Gao Xiaoxu. 2011. Excavation Report of Lijiagou Site in Xinmi City, Henan. Archaeology, 2011(04):3-9+115+97-99.

Wang Youping. 2018. The late Paleolithic environmental change and human migration in North China. Acta Anthropologica Sinica, 2018,37(03):341-351.

Xie Fei. 2006. Nihewan Paleolithic Culture. Shijiazhuang: Huashan Literature and Art Publishing House. P.4-11.

Xie Junyi et al. 1977. Paleolithic in Qingyang, Gansu. Vertebrates and Paleohumans, (3): 211-222.

Xing Luda, Wang Shejiang, Zhang GaiKe, Yu Qingyao, Zhang Xiaobing, Liu Tuo. 2015. Newly Discovered Paleolithic Artifacts from the Yeyuan Open-air Site in the Luonan Basin, Central China. Acta Anthropologica Sinica, 2015,34 (01): 1-13.

Yu Jianjun, Wang Youping, he Jianing, Feng Yue, Li Yulong, Li Wencheng. 2018. Tongtiandong site in Jimunai County, Xinjiang. Archaeology, 2018 (07): 3-14 + 2.

Zdansky O. 1927. Prelininaly notice of a hominid of two teeth of a hominid from a cave in Chihili (China). Bull. Geol. Soc. China,5:281-284.

Zhang Shuangquan, Gao Xing, Chen Fuyou, Li Yan, Zhang Le, Zhang Xiaoling, Li Jingshu. 2015. A report of the 2009-2010 field excavations at the west section of Zhoukoudian Loc.1. Acta Anthropologica Sinica, 2016,35 (01): 63-75

剖面2009-2010年发掘报告.人类学学报,2016,35(01):63-75.

Zhaoyu Zhu, Weiwen Huang, Yi Wu, et al. 2019. New progress in the geochronology of hominin relics in loess strata of the Chinese Loess Plateau. Science Bulletin, 2019, 64 (25): 2641-2653.
朱照宇,黄慰文,吴翼,邱世藩,饶志国,杨石霞,侯亚梅,谢久兵,韩江伟,付淑清,欧阳婷茹,周厚云,彭菊莎,Robin Dennell. 黄土高原黄土地层古人类遗迹年代研究新进展.科学通报,2019,64(25):2641-2653.

Zhaoyu Zhu, Weiwen Huang, Yi Wu, et al. 2019. New progress in the geochronology of hominin relics in loess strata of the Chinese Loess Plateau. Science Bulletin, 2019, 64 (25): 2641-2653.

Сведения об авторе

Цюань Цянькунь,
сотрудник Ведущей Лаборатории эволюции окружающей среды Северо-Восточной Азии и ее обитателей в древности; преподаватель Института археологии,
Цзилиньский университет Министерства образования Китая,
132000, No. 2699 Улица Цяньцзинь, Город Чанчунь, Провинция Цзилинь, Китай,
✉ e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn

Information about the author

Quan Qiankun,
Researcher, Leading Laboratory for Evolution of Past Life and Environment in Northeast Asia China; Assistant Professor of the School of Archaeology,
Jilin University, Ministry of Education of China,
132000, No. 2699, Qianjin Road. Jilin Province·P.R. China,
✉ e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn

Заявленный вклад автора

Цюань Цянкунь выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Quan Qiankun carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 9 декабря 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 15 января 2021 г.
Принята к публикации 25 января 2021 г.

Article info

Received December 9, 2020.
Received January 15, 2021.
Accepted January 25, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.27
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-47-62

Плита с антропоморфным изображением из ограды чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш 1-1: особенности рисунка, аналогии и вопросы семантики

© А.А. Ковалев[a], Ч. Мунхбаяр[b]

[a] Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия
[b] Ховдинский государственный университет, г. Ховд, Монголия

Аннотация: В 2018 году Российско-монгольской экспедицией под руководством А.А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра был полностью исследован чемурчекский ритуальный комплекс Хулагаш, представляющий собой прямоугольную ограду из каменных плит, украшенных снаружи рисунками фантастических существ и животных. В том числе была изучена in situ и отреставрирована каменная плита с антропоморфным изображением, которое более ста лет назад было впервые зарисовано финским путешественником Й.Г. Гранэ. На этой плите изображен параболический контур с антропоморфной фигурой с раскинутыми руками внутри. Как было установлено, антропомрофная фигура была высечена поверх параболического контура. Аналогичные изображения антропоморфов в контуре были найдены при раскопках соседней чемурчекской ритуальной ограды Хар чулуут. Из пяти фрагментарно сохранившихся в Хар чулуут композиций как минимум в четырех случаях антропоморфные фигуры наносились после изображения контура. Особенности этих рисунков не позволяют принять гипотезу В.Д. Кубарева о том, что они изображают некоего «шамана», скрытого за ширмой. Напротив, скорее это символический образ эманации божества. Обращает на себя внимание то, что антропоморфные фигуры в контуре, как правило, лишены признаков пола и окружены округлыми пятнами или точками. Это может указывать на их сверхъестественную природу. Наиболее ранние изображения аналогичных параболических фигур происходят из контекста мегалитических культур неолита Франции и Северной Италии. Эти фигуры лишены явной антропоморфности, добавление «реалистических» деталей произошло уже после проникновения традиций мегалитического искусства с запада в центр Евразии. Традиция совмещения антропоморфных фигур с параболическим или прямоугольным контуром распространяется вплоть до Западного Тибета (Ладакх), где обнаружены аналогичные петроглифы.

Ключевые слова: чемурчекский культурный феномен, ранний бронзовый век, петроглифы, антропоморфы, ритуальные сооружения, Монгольский Алтай, Ладак, Франция, Альпы, мегалитическое искусство

Для цитирования: Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Плита с антропоморфным изображением из ограды чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш 1-1: особенности рисунка, аналогии и вопросы семантики // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 47–62. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-47-62

Stone slab with anthropomorphic picture in the fence of Chemurchek ritual complex Khulagash 1-1: features of picture, analogies and questions on semantic

© Alexey A. Kovalev[a], Chuluunbat Munkhbayar[b]

[a] Insitute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[b] Khovd State University, Khovd, Mongolia

Abstract: In 2018, the Russian-Mongolian expedition led by A.A. Kovalev and Ch. Munkhbayar completely excavated the Chemurchek ritual complex Khulagash, which was built like a rectangular fence of stone slabs decorated on the outside with petrogliphs of fantastic creatures and animals. In particular, a stone slab with an anthropomorphic image, which was first copied more than a hundred years ago by the Finnish traveler J.G. Granö, was studied in situ and restored. On this slab is chiseled a parabolic contour with an anthropomorphic figure with arms spread out inside. It was found that an anthropomorphic figure was carved over a parabolic contour. Similar images of anthropomorphs in the contour were found during excavations of the neighboring Chemurchek ritual fence Khar Chuluut. Of the five compositions that have been fragmentarily preserved in Khar Chuluut, at least in four cases anthropomorphic figures were applied after drawing the outline. The features of these drawings

do not allow us to accept the hypothesis of V.D. Kubarev that they depict a certain “shaman” hidden behind a screen. On the contrary, it is rather a symbolic image of the emanation of a deity. It is noteworthy that anthropomorphic figures in the outline, as a rule, are devoid of signs of gender and are surrounded by rounded spots or dots. This may indicate their supernatural nature. The earliest images of similar parabolic figures come from the context of megalithic cultures of the Neolithic of France and Northern Italy. These figures are devoid of obvious anthropomorphism, the addition of “realistic” details occurred after the invasion of the traditions of megalithic art from the west into the center of Eurasia. The tradition of combining anthropomorphic figures with a parabolic or rectangular contours extends up to Western Tibet (Ladakh), where similar petroglyphs are found.

Keywords: Chemurchek cultural phenomenon, Early Bronze Age, petroglyphs, anthropomorphs, ritual structures, Mongolian Altai, Ladakh, France, Alps, megalithic art

For citation: Kovalev A.A., Munkhbayar Ch. (2021) Stone slab with anthropomorphic picture in the fence of Chemurchek ritual complex Khulagash 1-1: features of picture, analogies and questions on semantic. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 47–62. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-47-62

В июне – июле 2018 года отряд Международной Центрально-Азиатской экспедиции Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов и Ховдинского государственного университета под руководством А.А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра провел полные научные раскопки чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш в регионе верхнего бассейна реки Ховд (Кобдо) (Мөнхбаяр, Ковалев, Буян-Орших, Сухбаатар, 2019; Мөнхбаяр, Ковалев, 2019. С. 124, 126). Комплекс Хулагаш (по полевому отчету объект Хулагаш 1-1) расположен на делювиальном склоне в 560 м к северо-востоку от русла реки Их-Хулагашин-гол, в 5 км к западу от берега озера Даян-нур, на территории Сагсай сомона Баян-Ульги аймака. Через памятник проходит проселочная дорога, ведущая к перевалу Хулагашийн (Улаагчийн) даваа. Координаты объекта по GPS-приемнику: N – 48° 21.869', E – 88° 56.225'. Высота над уровнем моря: 2322 м. Памятник состоял из двух построек, сооруженных по одной оси. Постройка 1 представляла собой ориентированную длинной осью по линии юго-запад – северо-восток трапециевидную ограду длиной 31 м, шириной с юго-западной стороны 16 м, с северо-восточной – около 18 м, составленную из вертикально установленных каменных плит. Плиты имеют подпрямоугольные либо подтрапециевидные очертания. Большинство плит – с обработанными гранями, причем часто со всех четырех сторон. Верхняя грань часто оформлена в виде зубцов, либо ей придана дугообразная форма. На большинстве плит ограды и их обломках прослеживаются многочисленные рисунки, нанесенные выбивкой или гравировкой. Дневной поверхностью в пределах ограды служил слой предматерикового суглинка (почвенный слой, вероятно, был снят). Поверх этого слоя в продольном и поперечном направлении наподобие помостов уложены стволы лиственницы с корой. На этом же уровне выявлены уложенные ветви ивы (?). Поверх дерева в некоторых местах выложены каменные платформы в один-два слоя. В центре постройки 1, на дне земляной ямы глубиной 1,6 м, в каменном ящике из вертикально установленных плит, было устроено погребение пожилого мужчины (Ковалев, Солодовников, Мунхбаяр и др., 2020). Материковый выкид из погребальной ямы лег непосредственно на слой предматерика и был перекрыт стволами лиственницы, ветвями ивы и каменными платформами, что говорит о синхронности осуществления погребения и функционирования ритуального комплекса. В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по костям погребенного была получена радиоуглеродная дата Le-11822 3990±105 л. н., что после калибровки в программе OxCal 3.1 относит захоронение с вероятностью 68,2 % к следующим временным отрезкам: 2850 (2,4 %) 2800, 2700 (65,8 %) 2300 л. до н. э., с вероятностью 95,4 % – к периоду 2900–2200 л. до н э. Радиоуглеродная дата, полученная в той же лаборатории по образцу дерева из «помоста» на памятнике, Le-11821 составляет 3990±25 л. н., что после калибровки в про-

грамме OxCal 3.1 относит образец с вероятностью 68,2 % к следующим временным отрезкам: 2565 (41,4 %) 2520, 2495 (26,8 %) 2470 л. до н. э., с вероятностью 95,4 % – к периоду 2580–2460 л. до н. э.

Постройка 2 пристроена к северо-восточной стенке постройки 1. Это ограда подпрямоугольных очертаний длиной 22 м, шириной 18 м, северо-восточная сторона выпуклая. Стороны выложены из одного-двух рядов булыжника и каменных обломков. По длинной оси постройки зачищены остатки двух порталов шириной около 2 м, выложенных из одного ряда камня, в середине, между порталами, возможно, сохранились остатки выложенного таким же образом прямоугольника.

Планировка комплекса, а также воспроизведенные на плитах образы и композиции в целом аналогичны изображениям, обнаруженным при раскопках ритуального комплекса Хар чулуут в 2015 и 2019 годах (Ковалев, Мунхбаяр, 2015; Мөнхбаяр, Ковалев, Буян-Орших, Сүхбаатар, Мөнхбат, 2019). Комплекс Хар чулуут 1-1 расположен в 25 км от комплекса Хулагаш, на территории Улаанхус сомона Баян-Ульги аймака. Третий подобный памятник – Чулуут булаг (Таст булаг) – обнаружен А.А. Ковалевым и Ч. Мунхбаяром также на территории Улаанхус сомона, в 15 км к югу от Хар чулуут. Все они расположены в районе озера Даян-нур, примерно в 80–100 км пешеходного пути от эпонимного памятника чемурчекского культурного феномена – комплекса могильников с каменными статуями на речке Чемерчек (切木尔切克 (Qie’muerqieke), Чемурчек) в городском уезде Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Дорога на озеро Даян-нур отсюда пролегает через перевал Ирмэгтийн даваа (в российских источниках – Урмогайты), активно использовавшийся вплоть до первой половины XX века. Обнаружение ритуальных оград с рисунками на стенках, а также прямоугольных ритуальных оград со стелами и многочисленных петроглифов периода ранней бронзы в высокогорной местности в верховьях реки Ховд (Кобдо), непосредственно близ центра расселения чемурчекского населения, однако более чем на 1000 метров выше, позволило выдвинуть предположение о том, что этот высокогорный район использовался носителями чемурчекского культурного феномена как ритуальная, сакральная территория (Ковалев, 2015; Ковалев, Мунхбаяр, 2015. С. 168).

Комплекс Хулагаш 1-1 был обнаружен в 1909 году финским географом Й.Г. Гранё, который (под названием Chologas) опубликовал описание его внешнего вида и план (Granö, 1912. S. 32, Taf. XIV. Fig. 2) (рис. 1.1). Й.Г. Гранё обнаружил памятник, двигаясь по дороге, ведущей от реки Годон-гол к долине реки Сагсай-гол, которая в этом месте проходила непосредственно через ограду постройки 2. Внимание исследователя привлекла одна из плит северо-западной стенки ограды 1, сохранившая свое первоначальное положение. На этой плите глубокой выбивкой была изображена антропоморфная фигура в параболическом контуре, окруженная изображениями нескольких «дисков». В публикации Й.Г. Гранё вопроизвел зарисовку этой композиции (Granö, 1912. Taf. XIV. Fig. 3) (рис. 1.2).

В течение ста лет находка Гранё не привлекала внимания исследователей. Не было и попытки локализовать памятник, который в результате оказался вне рамок свода объектов археологического наследия Баян-Ульги аймака (Төрбат, Баяр, Цэвээндорж и др., 2009). Впервые обратился к находке Гранё В.Д. Кубарев, который в начале 2000-х годов использовал этот рисунок в качестве аналогии для обнаруженных ранее «полиморфных» фигур на наскальных изображениях Бага ойгур/Цагаан салаа (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. С. 74–75; Кубарев, 2009. С. 54–55). Имея в своем распоряжении только лишь схематичный план комплекса Хулагаш, он попытался поставить его в ряд четырехугольных каменных оградок с «воротиками», характерными для Баян-Ульги, Горного Алтая и Тувы. Такие оградки имеют, как правило, подквадратную в плане форму, прямоугольную «платформочку» и следы кострища внутри; датировка их сегодня определяется, по данным радиоуглеродного анализа, первой третью 2 тыс. до н. э. (Кубарев, 1980. С. 76, 88; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004. С. 30–39; Төрбат, Баяр, Цэвээндорж и др., 2009. С. 175–179; Семенов, 1997. С. 29–32. Рис. 49, 50, 52; Семенов, 2018. С. 313–314. Рис. 360; Bourgeois, De

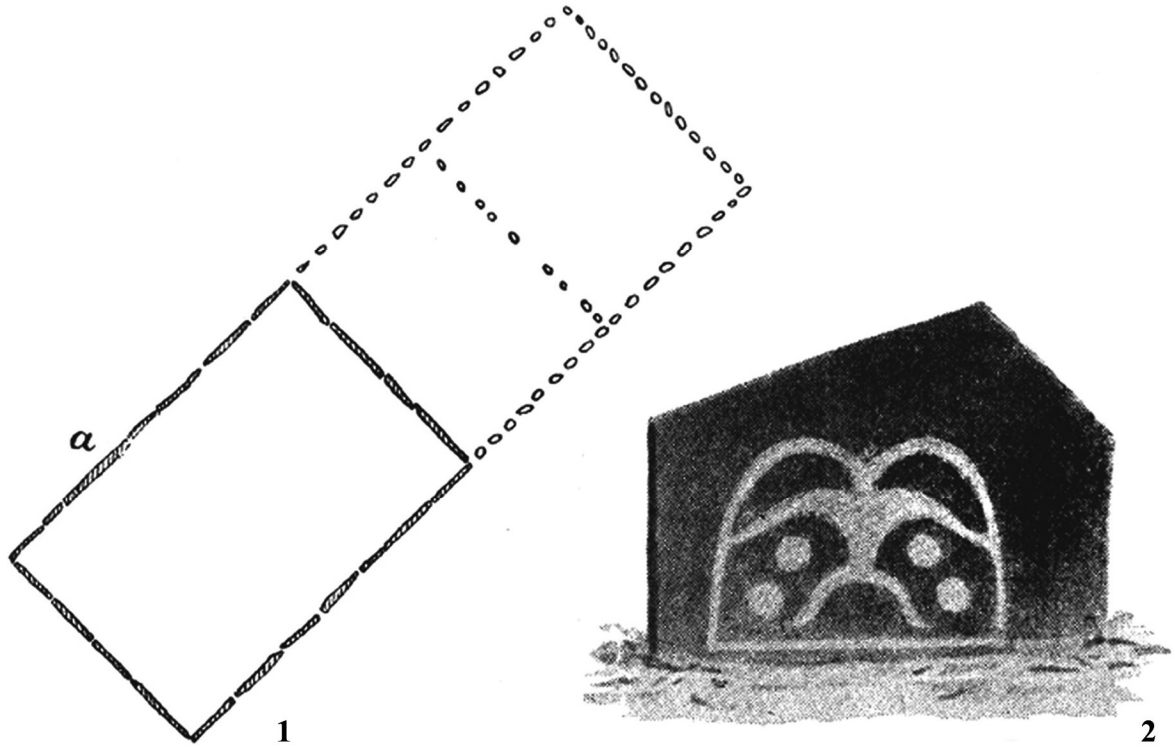

Рис. 1. Выполненный Й.Г. Гранё в 1909 году план памятника Хулагаш (1) и зарисовка плиты с изображением (2), расположение которой обозначено на плане буквой «а» (по Granö, 1912. S. 32, Taf. XIV, Fig. 2, 3)
Fig. 1. Performed by J.G. Granö in 1909 a plan of the Hulagash enclosure (1) and a sketch of a slab with an image (2), the location of which is indicated on the plan with the letter "a" (after Granö, 1912. S. 32, Taf. XIV, Fig. 2, 3)

Langhe, Ebel et al., 2017. P. 25 и др.). Однако раскопки комплексов Хар чулуут и Хулагаш показали, что эти памятники не связаны с такими подквадратными оградками, относятся к более раннему периоду и включены в иной культурный контекст.

Как и схожие рисунки, обнаруженные им в петроглифах Монгольского Алтая (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. Рис. 69), В.Д. Кубарев интерпретировал воспроизведенную Гранё композицию как изображение «женщины-шаманки», прячущей свое тело за «ширмой» (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. С. 74–75; Кубарев, 2009. С. 54–55). Эта трактовка вызвала возражения А.А. Ковалева, считающего эти фигуры изображениями фантастических существ и предположившего их связь с символическими фигурами неолита Франции (Ковалев, 2015. С. 394). Проблему интерпретации затрудняет, в частности, недостаточность данных полевых исследований. К сожалению, публикации В.Д. Кубарева не дают однозначного ответа на вопрос о последовательности нанесения отдельных элементов рисунка, в частности, антропоморфной фигуры и «контура».

Данные детальной фиксации плиты с изображением, предпринятой в ходе полевых и камеральных исследований комплекса Хулагаш в 2018 году, несомненно, позволят с большей достоверностью рассмотреть вопрос о семантике подобных композиций.

Плита, отмеченная Й. Гранё в 1909 году, была в 2018 году обнаружена в составе ограды постройки 1 комплекса Хулагаш на том же месте, в 2-х м от юго-западного угла ограды, однако в очень плохом состоянии. Плита подверглась растрескиванию, ее верхний правый угол осыпался, обломки его были собраны рядом с оградой на уровне современной дневной поверхности. Как и другие плиты ограды, данная плита была вкопана в траншею глубиной около 0,5 м. При извлечении сохранившейся in situ части плиты из траншеи было установлено, что она также разделилась на отдельные фрагменты по сквозным трещинам. Всего было учтено 9 фрагмен-

тов плиты. Плита была зафиксирована in situ на графическом плане комплекса под индексом ХЛГ-53. Каждый фрагмент были маркирован тем же индексом на гранях. Собранные фрагменты плиты были транспортированы в город Ховд, где были переданы на хранение в музей Ховдинского государственного университета. С целью проведения консервации и документирования изображений на плитах, найденных в ходе раскопок 2018 года, был заключен трудовой договор со специалистом по документированию наскальных изображений, кандидатом исторических наук, А.Н. Мухаревой, которая была направлена в командировку в город Ховд. Ею были выполнены описание, контактная копия, фотофиксация изображения и плиты в целом. В ходе проведенных ею консервационных мероприятий все имеющиеся куски плиты были расчищены от загрязнений. Затем к наиболее крупной (правой) части камня было подклеено пять мелких фрагментов, и ещё два небольших фрагмента было подклеено ко второй (левой) части плиты. Склеивание фрагментов осуществлялось полиэфирной смолой Sirca 113HC, в качестве отвердителя применялся катализатор Бутанокс М-50. Иногда в готовый состав добавлялась мелкая каменная крошка для увеличения его тиксотропных свойств. Учитывая массивность получившихся фрагментов, в 2018 г. было принято решение не склеивать два крупных куска между собой. В 2019 году в командировку в город Ховд были направлены специалисты по консервации петроглифов А.С. Техтереков и Л.Л. Бове, которым удалось соединить эти фрагменты между собой. К настоящему времени плита подготовлена к экспонированию.

Поверхность плиты выше современной дневной поверхности имеет естественную патину черно-синего цвета, ниже – желто-коричневого цвета, что говорит о достаточно быстром отложении аллювиальных наслоений (до 0,25 м) с этой стороны комплекса, открытой господствующим западным ветрам. Современная почва закрывала даже часть рисунка – стопы антропоморфа. Судя по наклонному положению рисунка и правой грани плиты, она за истекшие тысячелетия отклонилась примерно на 10 градусов на левую (от наблюдателя) сторону. В приводимых фотографии и прорисовке сделана поправка на это отклонение (рис. 2).

После реставрации установлено, что плита ХЛГ-53 имела высоту около 1,05 м, наибольшую ширину 0,84 м, толщину в нижней части до 0,2 м. Верхняя грань плиты, имеющая естественные скосы, была подработана в древности, чтобы придать ей волнообразную форму. К настоящему времени ряд из заглаженных искусственных выемок сохранился только на левой стороне этой грани. Всего в этом ряду насчитывается не менее двенадцати сохранившихся фасеток (рис. 2). Обычай оформлять верхние грани плит ограды в виде волнистой линии, часто – выпуклой, зафиксирован при раскопках всех трех чемурчекских ритуальных оград с рисунками (Ковалев, Мунхбаяр, 2015. Рис. 28, 31, 35, 42, 64; Мөнхбаяр, Ковалев, Буян-Орших, Сүхбаатар, Мөнхбат, 2019. Зур. 14).

В верхней половине лицевой грани плиты, ближе к ее правой грани, располагается рисунок параболического (в форме «двойной параболы») контура 44 см высотой и 53 см шириной (рис. 3). Фигура выполнена сплошной забивкой-пикетажем, мелкими выбоинами. Ширина линии контура колеблется от 1,3 до 3,5 см. В ходе работ мастер старался придать изображению ровные края, прослеживаются как минимум две линии, предварительно вырезанные в камне для определения границ изображения. Тем не менее, особенно в нижней части, ширина контура сильно колеблется и его края остаются рваными, что создает впечатление незавершенности работы. В верхней части выбивка по краю контура значительно углублена, края изображения заглажены, чтобы придать фигуре ровный абрис. Середина верхней части контура по принципу «двойной параболы» образует подтреугольное углубление, от которого вертикально вниз спускается небольшой расширяющийся отрезок (рис. 4.4). Более глубокой выбивкой по центральной оси контура нанесена антропоморфная фигура анфас с раскинутыми руками. Половые признаки не выражены. Ее абрис по всему периметру подчеркнут «канавкой», края заглажены. На фигуре заметны следы заглаживания в целях создания

Рис. 2. Плита ХЛГ-53. Фрагменты плиты, собранные в ходе раскопок 2018 года (1), фото (2), микалентная копия (3) и схема плиты с изображением (4). Фото и микалентная копия выполнены А.Н. Мухаревой
Fig. 2. Plate KhLG-53. Fragments of a slab, collected during excavations in 2018 (1), photo (2), a micalent copy (3) and a schematized draving of a slab with an image (4). Photo and micalent copy made by A.N. Mukhareva

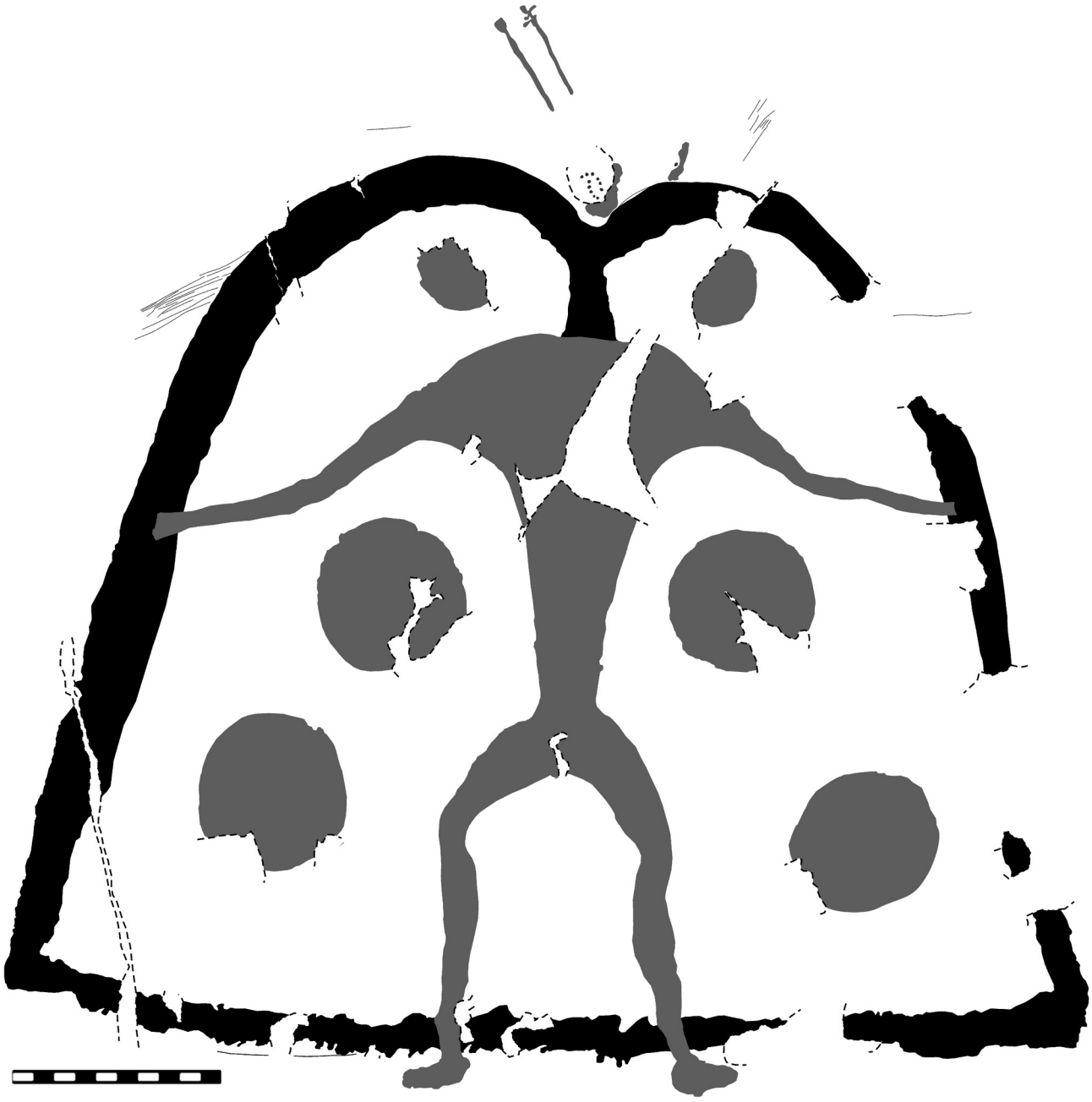

Рис. 3. Прорисовка изображений на плите ХЛГ-53. Заливкой отображены зоны, заполненные пикетажем; пунктиром отмечены границы участков с утраченным рисунком
Fig. 3. Drawing of images on the plate KhLG-53. Filliing shows zones filled with piquetage; the dotted line marks the boundaries of the areas with the lost piquetage pattern

углублений под «грудью»; возможно, автор рисунка старался передать нижний контур грудных мышц. Углубленный верхний абрис фигуры проходит на линии ее «плеч», пересекая менее глубокую выбивку вертикального отрезка параболического контура. Заходящие на параболический контур руки и пересекающие его ноги антропоморфа также более углублены, чем этот контур (рис. 4.3, 5). Таким образом, очевидно, мастер старался показать видимость антропоморфной фигуры на фоне параболического контура. По бокам антропоморфа изображены шесть симметричных дисковидных фигур, края которых также подчеркнуты «канавками».

Рис. 4. Плита ХЛГ-53. Фотографии фрагментов изображения
Fig. 4. Plate KhLG-53. Photos of fragments of the image

В верхнем подтреугольном углублении снаружи параболического контура прослеживаются следы неглубокого сплошного пикетажа; часть поверхности плиты здесь отломлена, однако в пределах этого вылома прослеживаются отдельные искусственные выбоины (рис. 4.2). Исходя из наблюдений за состоянием сланцевых плит с рисунками, обнаруженными при раскопках ограды Хар чулуут в 2015 году, нельзя исключать, что эта округлая выщерблина по центру углубления могла образоваться в результате сплошной забивки поверхности плиты пикетажем. В этом случае подтреугольное углубление могло быть увенчано небольшой округлой или U-образной фигурой. В композицию также скорее всего входили две косые линии над контуром, образованные неглубоким сплошным пикетажем. Чемурчекские параболические фигуры обычно завершаются «антеннами», либо симметрично развернутыми, либо идущими в одну сторону от центра (Ковалев, Мунхбаяр, 2015. С. 159; Юй Цзяньцзюнь, 2015. С. 78). Таким образом, в случае общей незавершенности рисунка, косые линии могли представлять собой «антенны», которые должны были смыкаться с округлой фигурой по центру подтреугольного углубления.

С левой (от зрителя) стороны контура наискось отходит полоса, образованная не менее чем двенадцатью продольными гравированными линиями (рис. 4.1). Параболические и прямоугольные «антропоморфы» с антеннами, зафиксированные в Монгольском Алтае и Южном Казахстане (Сауыскандык) иногда показаны с отходящими от них «отростками» или предметами (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. Рис. 69, *8*; Ковалев, Мунхбаяр, 2015. Рис. 28; Самашев, Мургабаев С., Елеуов, 2014. Рис. 440, 441; Молодин, Черемисин, Батболд, Ненахова, 2019. Рис. 7). На плите вне контура зафиксировано еще несколько гравированных линий и следы выбивки.

Как показано выше, антропоморфная фигура на плите ХЛГ-53 нанесена более глубокой выбивкой, чем параболический контур, пикетаж контура не перекрывает это изображение, что может означать наложение антропоморфа на контур сверху. В верхней части плиты снаружи контура, возможно, предполагалось изображение антенн и какого-то округлого завершения. Еще одной особенностью рисунка является то, что пространство между контуром и антропоморфом заполнено округлыми фигурами. Также обращает на себя ванимание «бесполость» антропоморфного образа. Можно привести примеры аналогичных решений в изображениях с соседних ритуальных оград. В частности, на ритуальном комплексе Хар чулуут в ходе раскопок 2015 года были обнаружены остатки одной или двух плит, стоявших в южной стенке ограды, покрытых изображениями антропоморфных фигур в параболических и подпрямоугольных контурах (Ковалев, Мунхбаяр, 2015. Рис. 33) (рис. 5). Из пяти изображений в четырех можно предположить нанесение антропоморфного изображения поверх контура (фрагменты ХЧ-С5, ХЧ-108, ХЧ-164, ХЧ-188/192), в одном случае нога антропоморфа не перекрывает контур, а изображена сверху и снизу от него (фрагмент ХЧ-110). В четырех случаях поле между контуром и антропоморфной фигурой покрыто округлыми пятнами. На фрагменте ХЧ-164 представлен верх антропоморфной фигуры, у которой отсутствует голова, а от плеч вверх идет ровная, чуть расширяющаяся полоса, завершающаяся сужением и подобием «плюмажа». К плечам антропоморфной женской (в платье?) фигуры на фрагменте ХЧ-188/192 спускается такой же внутренний отросток параболического контура, как и в рассматриваемом случае ХЛГ-53. Если в случае ХЧ-188/192 мы можем хотя бы предполагать половую принадлежность изображенного персонажа, то в остальных четырех случаях из пяти признаков пола не наблюдается, что совсем не характерно для остальных антропоморфных изображений Хар чулуута, но аналогично рассматриваемому антропоморфу из святилища Хулагаш.

Интересно, что подобные изображения «бесполого» антропоморфа в параболическом, прямоугольном и округлом контурах найдены в Западном Тибете, а именно в Ладаке (Индия), на местонахождении Домкхар (Bruneau, 2015. Fig. 7; Bruneau, Belezza, 2013. Fig. V. 45, 46) (рис. 6.1, 2). Ранее на это уже обратил внимание Ц. Турбат

Рис. 5. Аналогии изображениям на плите ХЛГ-53 в ритуальной ограде Хар чулуут (раскопки А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра, 2015 г.): *1 – фрагмент ХЧ-110; 2 – фрагмент ХЧ-108; 3 – фрагмент ХЧ-164; 4 – плита ХЧ-С5; 5 – фрагменты ХЧ-188/192*

Fig. 5. Analogies to the images on the KhLG-53 slab in the Khar Chuluut ritual fence (excavations of A. Kovalev and Ch. Munkhbayar, 2015): *1 – KhCh-110 fragmen; 2 – KhCh-108 fragment; 3 – KhCh-164 fragment; 4 – KhCh-C5 slab; 5 – KhCh-188/192 fragments*

(Төрбат, 2019. С. 13. Зур. 11). Одна из фигур имеет хорошо проработанный силуэт антропоморфного туловища с ногами, проходящими поверх нижней перекладины контура, а также заполнение округлыми пятнами. Фигура антропоморфа заканчивается выше контура уплощенной «головой» (?). Вероятно, эти изображения являются свидетельством широкого распространения чемурческих религиозных представлений в Центральной Азии. В Верхнем Тибете и Ладаке известны и иные изображения, представляющие аналогии чемурчекским параболическим и прямоугольным контурам, авторы публикаций называют их «маскоидами», поскольку в контуре часто изображаются глаза и «рот», однако

Рис. 6. Аналогии изображениям на чемурчекских оградах в Верхнем Тибете и Ладаке*: 1, 2 – Домкхар (Ладак); 3, 4 – Гокра (Верхний Тибет); 5 – Мурги Токпо (Ладак) (по Bruneau, Belezza, 2013)*

Fig. 6. Analogies to images on Chemurchek culture ritual fences in Upper Tibet and Ladakh: *1, 2 – Domkhar (Ladakh); 3, 4 – Gokra (Upper Tibet); 5 – Murgi Tokpo (Ladak) (by Bruneau, Belezza, 2013)*

Рис. 7. Параболические и прямоугольные фигуры с антеннами в мегалитическом искусстве Франции и Италии (5 – первая половина 3 тыс. до н. э.): *1 – дольмен ле Берсо (Эр и Луара, Франция); 2, 3 – менгиры ля Пьер-о-Фе и лез Юбле (Сона и Луара, Франция); 4 – Шеналь (Аоста, Италия); 5 – ла Барма (Вальтурненче, Италия); 6–10 – мегалитические гробницы 5–4 тыс. до н. э. региона Бретань (Франция) (по Arca, Daudry, Fossati et al., 2016; Shee Twohig, 1981)*

Fig. 7. Parabolic and rectangular figures with antennae in the megalithic art of France and Italy (5th – first half of the 3rd mill. BC): *1 – dolmen Le Berceau a Saint-Piat (Eure-et-Loire, France); 2, 3 – menhirs la Piérre aux Fées and les Ublaies (Saône-et-Loire, France); 4 – Chenal (Aosta, Italy); 5 – la Barma (Valtournenche, Italy); 6–10 – megalithic tombs of 5–4 mill. BC in Brittany (France) (after Arca, Daudry, Fossati et al. 2016; Shee Twohig, 1981)*

часть таких контуров можно считать изображениями «туловища» сверхъественного существа даже в случае изображения на нем «глаз» (рис. 6.3–5). От них отходят ноги, головы, предметы вооружения; одно изображение (рис. 6.4) представляет пару таких существ, видимо, мужского и женского пола, соединенных хорошо проработанной линией. Антенны на тибетских контурах уже не изображаются, антропоморфность фигур более выражена, чем на Алтае, что указывает на более позднюю датировку тибетских фигур.

Приведенные аналогии указывают на то, что изображения антропоморфных фигур, совмещенных с параболическим или прямоугольным контуром, заключали гораздо более сложный смысл, чем тот, который предположил в свое время В.Д. Кубарев. Наложение антропоморфных фигур сверху на контур и соединение их «шеи» с «параболическим» сверхъестественным существом может означать эманацию божества. Округлые пятна, заполняющие контур, связаны именно с проявленностью антропоморфной фигуры и должны символизировать особые аспекты происходящего. Отсутствие признаков пола подчеркивает фантастическую природу изображенных существ.

Происхождение параболических фигур с антеннами, как и чемурчекского феномена в целом, А. Ковалев связывает с неолитом Франции. К настоящему времени только на территории Франции и Северо-Западной Италии найдены такие изображения, древнейшие из которых относятся к 5 тыс. до н. э. (Барненез, регион Бретань), а самые поздние – к середине 3 тыс. до н. э. (Мон-Бего, департ. Приморские Альпы) (Shee Twohig, 1981; Arca, Daudry, Fossati et al., 2016; Lumley, Echassoux, 2012. P. 234–249; Huet, 2017. P. 108–111) (рис. 7). В отличие от чемурчекских, эти фигуры лишены таких признаков антропоморфности, как ноги, которые изображены на большинстве монгольских находок (но далеко не на всех!). Тем более на них отсутствуют изображения туловища человека. Однако в западноевропейском мегалитическом искусстве 5–4 тыс. до н. э. «реалистическое» воспроизведение человеческой фигуры полностью отсутствовало. В конце 4 тыс. до н. э. появляются первые антропоморфные статуи, однако антропоморфные наскальные рисунки фиксируются только с середины 3 тыс. до н. э. Дополнение антропоморфных признаков к изображениям сверхъестественных существ в чемурчекском искусстве связано с новым культурным контекстом, в котором оказались пришельцы с далекого Запада, с изобразительными традициями Передней Азии и Сибири.

Библиографический список

Ковалев А.А. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвящённых 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алтайского. Государственного университета, 2015. С. 391–395.

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 155–214.

References

Kovalev A.A. (2015) Upper Kobdo basin as a Chemurchek ritual territory. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovanii: sbornik statei, posvyashchennykh 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina = Archeology of Western Siberia and Altai: the experience of interdisciplinary research: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin.* Barnaul: Altai State University. P. 391–395. (In Russ.)

Kovalev A.A., Mønkhbayar CH. (2015) Chemurchek ritual complex Khar Chuluut 1 in the headstream of the Khovd (Kobdo) River (preliminary report). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' II. Rezul'taty issledovanii v tsentral'noi chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel = Earliest Europeans in the Heart of Asia: Chemurchek Cultural Phenomenon. Part II. Research results in the central part of the Mongolian Altai and in the sources of the Kobdo; sites of Xinjiang and outlying lands.* St. Petersburg. P. 155–214. (In Russ.)

Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 78–95.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 69–91.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 263 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 640 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. Вып. 3. Материалы по археологии Сибири. 256 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Батболд Н., Ненахова Ю.Н. В поисках наскальных изображений на Северо-Западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 489–497.

Семенов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. Вып. 54. Археологические изыскания. 48 с.

Семенов Вл.А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018. 340 с.

Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А. Ховд их сургууль, Төв Азийн археологийн шинжилгээ экспедицийн сүүлийн 5 жилийн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны үр дүн **//** Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов XIV Международной научной конференции (18–19 сентября 2019, г. Ховд). Ховд, 2019. Т. 2. С. 121–129.

Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Д. Монгол – Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Их хулагаш, Ямаатын голын археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи-2018. Улаанбаатар, 2019. Т. 70–86.

Kovalev A.A., Solodovnikov K.N., Munkhbayar CH., Erdene M., Nechvaloda A.I., Zubova A.V. (2020) Paleoanthropological study of the skull of a person buried in a burial at the Chemurchek sanctuary of Khulagash (Bayan-Ulgiy aimag, Mongolia). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography.* No. 1 (48). P. 78–95. (In Russ.)

Kubarev V.D. (1980) Archaeological sites of the Kosh-Agach region (Gorny Altai). *Arkheologicheskii poisk (Severnaya Aziya) = Archaeological survey. Northern Asia.* Novosibirsk: Nauka. P. 69–91. (In Russ.)

Kubarev V.D. (2009) Sites of Karakol culture in Altai. Novosibirsk: IAET SO RAN. 263 p. (In Russ.)

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Yakobson E. (2005) Tsagaan Salaa and Baga-Oigur petroglyphs. Mongolian Altai. Novosibirsk: IAiE SO RAN. 640 p. (In Russ.)

Molodin V.I., Polos'mak N.V., Novikov A.V., Bogdanov Ye.S., Slyusarenko I.YU., Cheremisin D.V. (2004) Archaeological sites of the Ukok plateau (Gorny Altai). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. Iss. 3. Materials on Archaeology of Siberia. 256 p. (In Russ.)

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Batbold N., Nenakhova YU.N. (2019) In search of rock carvings in Northwest Mongolia. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories.* Novosibirsk: IAET SO RAN. T. XXV. P. 489–497. (In Russ.)

Semenov Vl. A. (1997) Mongun-Taiga (archaeological researches in Tuva, 1994–1995). St. Petersburg: IIMK RAN. Iss. 54. Archaeological investigations. 48 p. (In Russ.)

Semenov Vl.A. (2018) Toora-Dash – a multi-layered site on the Yenisei in Tuva. St. Petersburg: IIMK RAN; Nevskaya Knizhnaya Tipografiya. 340 p. (In Russ.)

Mönkhbayar Ch., Kovalev A.A. (2019) Results of Archaeological Exploration and Excavation of Khovd University and Central Asian Archaeological Expedition during 5 years. *Prirodnyye usloviya, istoriya i kulitura zapadnoi Mongolii i sopryedyelinykh ryegionov. Tyezisy dokladov XIV myejdunarodnoi nauchnoi konfyeryentsii (18–19 syentyabriya 2019, g. Khovd) = Natural conditions, history and culture of western Mongolia and adjacent regions. Abstracts of the XIV International Scientific Conference (18–19 September 2019, Khovd city.* Khovd. Vol. 2. P. 121–129.

Mönkhbayar Ch., Kovalev A.A., Buyan-Orshikh Ts., Sükhbaatar D. Mongol – Orosyn khamtarsan kheeriin shinjilgeenii angiin Bayan-Ölgii aimgiin Sagsai sumyn nutag Ikh khulagash, Yamaatyn golyn arkhyeologiin dursgalyn sudalgaa [Archaeological field works of Mongolian-Russian joint field research unit on Ikh Khulagash and Yamaat rivers in Sagsai soum, Bayan-Ulgii aimag] // Mongolyn arkhyeologi-2018 [Mongolian Archaeology-2018]. Ulaanbaatar, 2019. P. 70–86.

Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Б., Мөнхбат Ц. Монгол–Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Улаанхус сумын нутаг Хар чулуут, Чулуут булагийн археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи – 2019 эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2019 оны 12 дугаар сарын 20–21). Улаанбаатар, 2019. Т. 176–189.

Төрбат Ц. Хэмцэгийн соёлын хадны зураг (2015 оны өгүүлэл) // Археологийн судлал. Т. XXXVIII. Fasc. 1. 2019. С. 5–16.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I. Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Сауыскандық петроглифтері. Sauyskandyk petroglyphs. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Ә.Х. Марғулан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының басла тобы, 2014. 374 б.

Arca A., Daudry D., Fossati A., Raiteri L. Le incisioni rupestri di Chenal e La Barma (AO) e i percorsi della pietra verde, tra Piemonte occientale, Valle d'Aosta e Bretagna. Bulletin d'etudes prehistoriques et archeologiques alpines 27, 2016. P. 145–160.

Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V, Dvornikov E.P., Konstantinov N., Gheyle W. Geometric stone settings in the Yustyd Valley and its surroundings (Altai Mountains, Russia): Bronze Age 'virtual dwellings' and associated structures // Archaeological Research in Asia. Vol. 10, June 2017. P. 17–31

Bruneau L. Étude thématique et stylistique des pétroglyphes du Ladakh (Jammu et Cachemire, Inde): une nouvelle contribution à l'art rupestre d'Asie centrale pour l'Âge du Bronze // Eurasia Antiqua. Band 18 (2012). Bonn: Rudolf Habert Verlag, 2015. P. 69–88.

Bruneau L., Belezza J.V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh (Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the 'Western Tibetan Plateau Style') // Revue d'Etudes Tibétaines. No. 28, Décembre 2013. P. 5–161.

Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal de la Société finno-ougrienné XXVIII. 1912. P. 1–67.

Huet, Th. Les gravures piquetées du Mont-Bego (Alpes-Maritimes). Organisation spatiale et sériation (VIe-IIe millénaire av. J.-C.). Paris: Société préhistorique française, 2017. 166 p. (Memoire 63 de la Société préhistorique française).

Mönkhbayar Ch., Kovalev A.A., Buyan-Orshikh Ts., Sükhbaatar B., Mönkhbat Ts. Mongol–Orosyn khamtarsan kheeriin shinjilgeenii angiin Bayan-Ölgii aimgiin Ulaankhus sumyn nutag Khar chuluut, Chuluut bulagiin arkhyeologiin dursgalyn sudalgaa [Archaeological field works of Mongolian-Russian joint field research unit in Khar Chuluut and Chuluut Bulag sites in Ulaankhus soum, Bayan-Ulgii aimag]. // Mongolyn arkhyeologi – 2019 erdem shinjilgeenii khurlyn emkhtgel (2019 ony 12 dugaar saryn 20–21) [Mongolian Archaeology – 2019. Proceedings of the Scientific Conference (December 20–21, 2019)]. UB., 2019. P. 176–189.

Törbat Ts. Khemtsegiin soyolyn khadny zurag (2015 ony ögüülel) [Petroglyphs of Khemtseg culture (2015 article)] // Arkhyeologiin sudlal [Studia archaeological]. T. XXXVIII. Fasc. 1. 2019. S. 5–16.

Törbat Ts., Bayar D., Tseveendorj D., Battulga Ts., Bayarkhüü N., Iderkhangai T., Jiskar P.Kh. Mongol Altain arkhyeologiin dursgaluud – I. Bayan-Ölgii aimag. [Archaeological sites of Mongol Altai – I. Bayan-Ölgii aimag]. Ulaanbaatar: Öngöt khevlel, 2009. 424 s.

Samaşev Z., Mwrgabaev S., Elewov M. Sawıskandıq petroglïfteri. Sauyskandyk petroglyphs. Petroglïfı Sawıskandıka. Astana: Ä.X. Marğwlan atındağı Arxeologïya ïnstïtwtınıñ Astana qalasındağı fïlïalınıñ basla tobı, 2014. 374 b.

Arca A., Daudry D., Fossati A., Raiteri L. Le incisioni rupestri di Chenal e La Barma (AO) e i percorsi della pietra verde, tra Piemonte occientale, Valle d'Aosta e Bretagna. Bulletin d'etudes prehistoriques et archeologiques alpines 27, 2016. P. 145–160.

Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V, Dvornikov E.P., Konstantinov N., Gheyle W. Geometric stone settings in the Yustyd Valley and its surroundings (Altai Mountains, Russia): Bronze Age 'virtual dwellings' and associated structures // Archaeological Research in Asia. Vol. 10, June 2017. P. 17–31

Bruneau L. Étude thématique et stylistique des pétroglyphes du Ladakh (Jammu et Cachemire, Inde): une nouvelle contribution à l'art rupestre d'Asie centrale pour l'Âge du Bronze // Eurasia Antiqua. Band 18 (2012). Bonn: Rudolf Habert Verlag, 2015.

Bruneau L., Belezza J.V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh (Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the 'Western Tibetan Plateau Style') // Revue d'Etudes Tibétaines. No. 28, Décembre 2013. P. 5–161.

Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal de la Société finno-ougrienné XXVIII. 1912. P. 1–67.

Huet, Th. Les gravures piquetées du Mont-Bego (Alpes-Maritimes). Organisation spatiale et sériation (VIe-IIe millénaire av. J.-C.). Paris: Société préhistorique française, 2017. 166 p. (Memoire 63 de la Société préhistorique française).

Lumley H., Echassoux A. La montagne sacrée du Bego. Préoccupations économiques et mythes cosmogoniques des premiers peuples métallurgistes des Alpes méridionales. Paris: CNRS Editions, 2012. 364 p.

Shee Twohig E. The megalithic art of Western Europe. Oxford : Clarendon Press, 1981. 281 p.

Юй Цзяньцзюнь. Аэртай каогу чжи син (Археологическое путешествие по Алтаю) // Дачжун каогу. 2015. № 7. С. 74–80. 于建军. 阿尔泰考古之行. 大众考古 2015(7)。第74–80页。

Lumley H., Echassoux A. La montagne sacrée du Bego. Préoccupations économiques et mythes cosmogoniques des premiers peuples métallurgistes des Alpes méridionales. Paris: CNRS Editions, 2012. 364 p.

Shee Twohig E. The megalithic art of Western Europe. Oxford : Clarendon Press, 1981. 281 p.

Yú Jiànjūn. Aertai kaogu zhi xing [Altai archaeological trip]. Dazhong kaogu [Public archaeology]. 2015. № 7. P. 74–80. 于建军. 阿尔泰考古之行. 大众考古 2015(7)。第74–80页。

Сведения об авторах

Ковалев Алексей Анатольевич,
научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия,
Институт археологии Российской академии наук,
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Россия,
✉ e-mail: chemurchek@mail.ru

Мунхбаяр Чулуунбат,
доцент, заведующий кафедрой этнографии и археологии,
Ховдинский государственный университет,
84000, Ховд аймаг, Жаргалант сум, Ховд, Монголия,
✉ e-mail: munkh_boroldoi@yahoo.com

Information about the authors

Alexey A. Kovalev,
Researcher of the Department of Archaeological Heritage Preservation,
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulianova street, Moscow 117036, Russia,
✉ e-mail: chemurchek@mail.ru

Chuluunbat Munkhbayar,
Associate Professor, Director of the Department of Ethnography and Archaeology,
Khovd State University,
Khovd province, Jargalant soum, 84000 Khovd, Mongolia,
✉ e-mail: munkh_boroldoi@yahoo.com

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 29 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 17 декабря 2020 г.
Принята к публикации 11 января 2021 г.

Article info

Received November 29, 2020.
Received December 17, 2020.
Accepted January 11, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-63-89

Святилище Лысая Сопка на северном побережье озера Байкал: материалы исследований 1963 и 1965 гг.

© А.В. Харинский[a, b], Ю.А. Емельянова[a], Г.Л. Иванов[c]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[c] Иркутский областной краеведческий музей, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В 1963 и 1965 гг. В.В. Свининым и Л.П. Хлобыстиным проводились исследования на Лысой Сопке – возвышенности, расположенной в юго-западной части поселка Нижнеангарск Северобайкальского района Республики Бурятия, в 160 м от озера Байкал. На сопке собран подъемный материал, заложен раскоп размером 5 х 6 м и шурф 1 х 2 м. Археологические находки были представлены фрагментами керамической посуды, изделиями из камня и костями животных. Небольшая часть посуды, залегавшая во втором культурном слое, была покрыта оттисками сетки-плетенки. Это самая ранняя керамика, известная на северном побережье Байкала. Она датируется VIII – началом VII тыс. л. н. Большая часть фрагментов керамических сосудов найдена в первом культурном слое. Она орнаментирована налепными валиками, разнообразными штампами и оттисками лопаточки. В дальнейшем за ней закрепилось название «керамика северобайкальского типа». Предварительно ее можно датировать второй половиной III–II тыс. до н. э. Находки с Лысой Сопки были переданы В.В. Свининым на хранение в Иркутский областной краеведческий музей и вошли в состав коллекций № 10292 и № 10293. Анализ материалов из археологических коллекций с Лысой Сопки позволил подробно описать обнаруженные здесь остатки керамических сосудов и дать детальную характеристику посуде северобайкальского типа. Геоморфологические особенности возвышенности и расположение на ней археологического материала дает основания рассматривать этот природный объект как древнее святилище, на котором с раннего неолита и до монгольского периода проводились ритуалы, посвященные небесным покровителям.

Ключевые слова: Байкальский регион, Нижнеангарск, В.В. Свинин, древнее святилище, Лысая Сопка, керамические сосуды северобайкальского типа, бронзовый век, керамика с оттисками сетки-плетенки, неолит

Для цитирования: Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Иванов Г.Л. Святилище Лысая Сопка на северном побережье озера Байкал: материалы исследований 1963 и 1965 гг. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 63–89. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-63-89

The Lysaya Sopka sanctuary on the northern shore of Lake Baikal: research materials of 1963 and 1965

© Artur V. Kharinskii[a, b], Iuliana A. Emelianova[a], Grigorii L. Ivanov[c]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
[c] Irkutsk museum of regional studies, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In 1963 and 1965 V.V. Svinin and L.P. Khlobystin conducted research on the Lysaya Sopka, a hill located in the southwestern part of the village of Nizhneangarsk in the Severobaikalsky district of the Republic of Buryatia, 160 m from Lake Baikal. Open surface artifacts were collected on the hill and a 5 x 6 m excavation area with a 1 x 2 m test pit were laid. The archaeological finds were represented by fragments of ceramic vessels, lithics and animal bones. A small part of the dishes from the second cultural layer was covered with impressions of the netting. This is the earliest pottery known on the northern coast of Lake Baikal. It dates back to the VIII-beginning of the VII millennium BC. Most of the fragments of ceramic vessels were found in the first cultural layer. They are ornamented with riveted rollers, various stamps and impressions of the spatula, were located in the first layer. Later such pottery was named as the ceramics of the North Baikal Type. Previously, it can be dated to the sec-

ond half of the III-II thousand BC. The finds from the Lysaya Sopka were transferred by V.V. Svinin to the Irkutsk Regional Museum of Local Lore for storage and were included in the collections No. 10292 and No. 10293. The analysis of materials from the archaeological collections from the Lysaya Sopka allowed us to characterize in detail the remains of ceramic vessels found here and to give a detailed description of the dishes of the Northern Baikal type. The geomorphological features of the hill and the location of archaeological material on it give grounds to consider this natural object as an ancient sanctuary, where rituals dedicated to heavenly patrons were held from the early Neolithic to the Mongol period.

Keywords: Baikal region, Nizhneangarsk, V.V. Svinin, ancient sanctuary, Lysaya Sopka, ceramic vessels of the Northern Baikal type, Bronze Age, ceramics with impressions of netting, Neolithic

For citation: Kharinskii A.V., Emelianova Iu.A., Ivanov G.L. (2021) The Lysaya Sopka sanctuary on the northern shore of Lake Baikal: research materials of 1963 and 1965. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 63–89. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-63-89

Введение

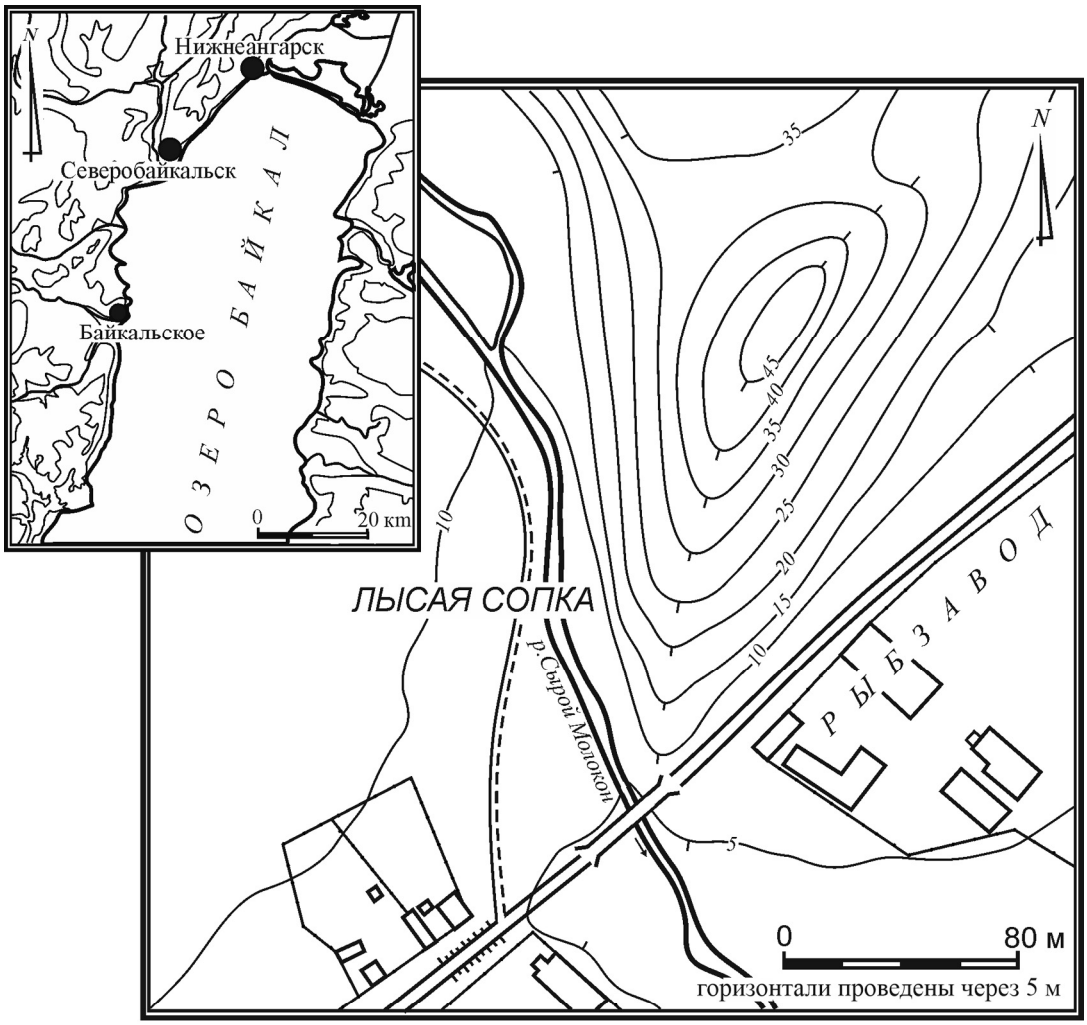
Окружающий ландшафт всегда играл важную роль в жизни человеческих коллективов. Каждый из его элементов имел в представлениях людей определенное назначение и формировал к себе особое отношение. К числу наиболее важных участков местности относились возвышенности, доминирующие над близлежащей территорией. Это были холмы, сопки, скалы или горы. С них открывался прекрасный обзор на всю окружающую местность и создавалось впечатление, что с этой вершины ты можешь следить за всеми, происходящими внизу, процессами и контролировать их.

Во времена, когда сакральные представления играли в жизни людей намного более важную роль, чем в нынешнее время, возвышенности воспринимались как место, где можно встретить представителей небесного мира, которые покровительствовали людям, помогая им, а в случае необходимости и наказывая их. Эти духи-покровители наделялись человеческими чертами. Их можно было задобрить подарками, угощениями, песнями, танцами, состязаниями, добившись, таким образом исполнения своих просьб.

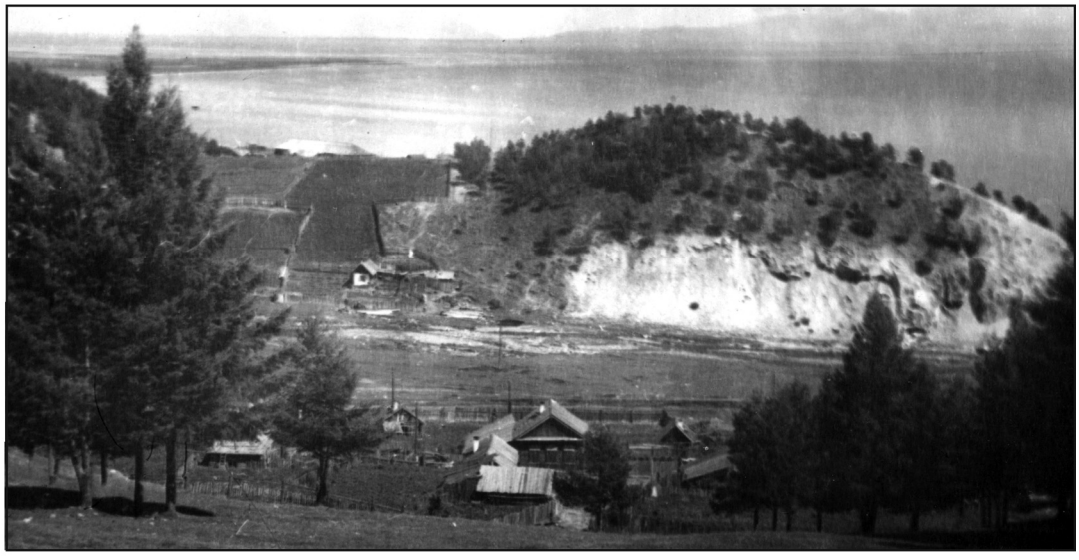
Мест, где проводились и проводятся в настоящее время обряды, посвященные духам – покровителям местности, известно много. Одно из них – Лысая Сопка, расположенная в юго-западной части поселка Нижнеангарск – административного центра Северобайкальского района Бурятии (рис. 1.1). Лысая Сопка находится на левом берегу реке Сырой Молокон, в 160 м от места её впадения в озеро Байкал. Высота возвышенности над уровнем озера составляет практически 50 м. Юго-западный склон Лысой Сопки наиболее пологий, западный, юго-восточный и северо-восточный склоны – крутые. С северо-западной стороны возвышенность соединялась перешейком с юго-восточными отрогами горного хребта, тянущегося вдоль берега Байкала. На перешейке располагались огороды жителей Нижнеангарска (рис. 1.2). С началом строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в 1978 г., которая проходила через территорию поселка, перешеек был срыт. Параллельно железной дороги строилась и автомагистраль, подрезавшая с южной и юго-восточной сторон подножие Лысой Сопки (рис. 2).

Вдоль юго-западного и южного склонов возвышенности располагаются скальные выходы. Один из них – вертикально стоящий плоский останец высотой более 2 м. На вершине сопки растут лиственницы. Через нее с юго-запада на северо-восток проходит линия электропередач, три деревянных столба которой установлены на возвышенности. У южного подножия Лысой Сопки и на ее вершине фиксируются следы небольших карьеров (рис. 3).

Непригодность сопки для жилья и наличие на ее вершине большого количества археологического материала позволяют рассматривать ее как природное святилище, посвященное духу-покровителю этой местности и проживавшим на ней людям. Обнаруженные в этом случае артефакты и костные останки животных можно рассматривать как подношения духу. Насколько давно сформировался этот культ на северном побережье озера Байкал и как долго он здесь существовал, помогут выяснить материалы, полученные в результате

1

2

Рис. 1. Нижнеангарск, Лысая Сопка в 1963 г.: *1 – топографический план; 2 – снято с запада.* ***Фото В.В. Свинина***
Fig. 1. Nizhneangarsk, Lysaya Sopka in 1963: *1 – topographic plan; 2 – taken from the west.* ***Photo of V.V. Svinin***

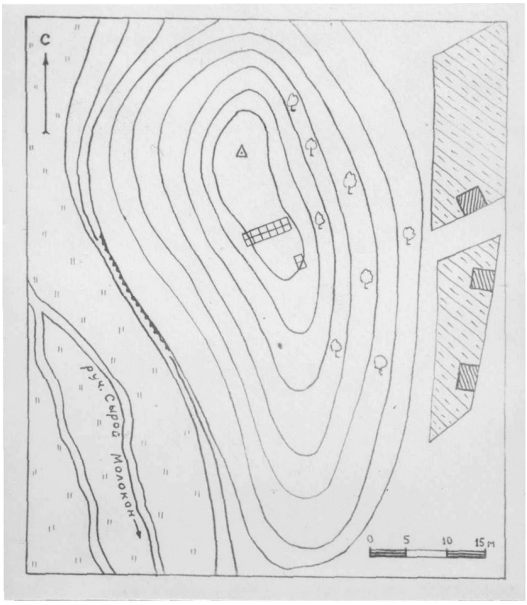

1

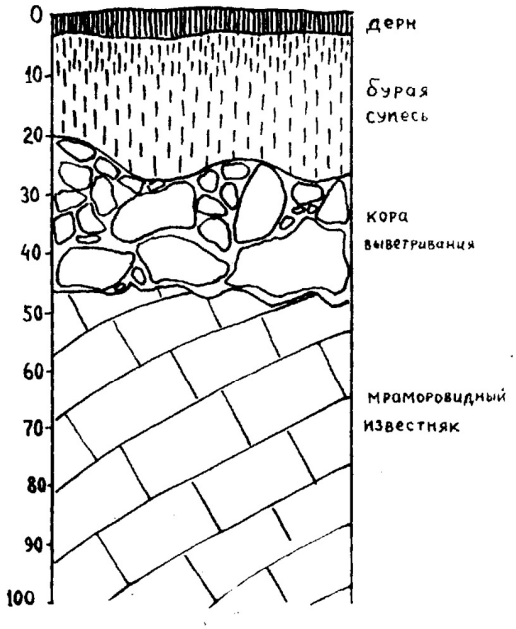

2

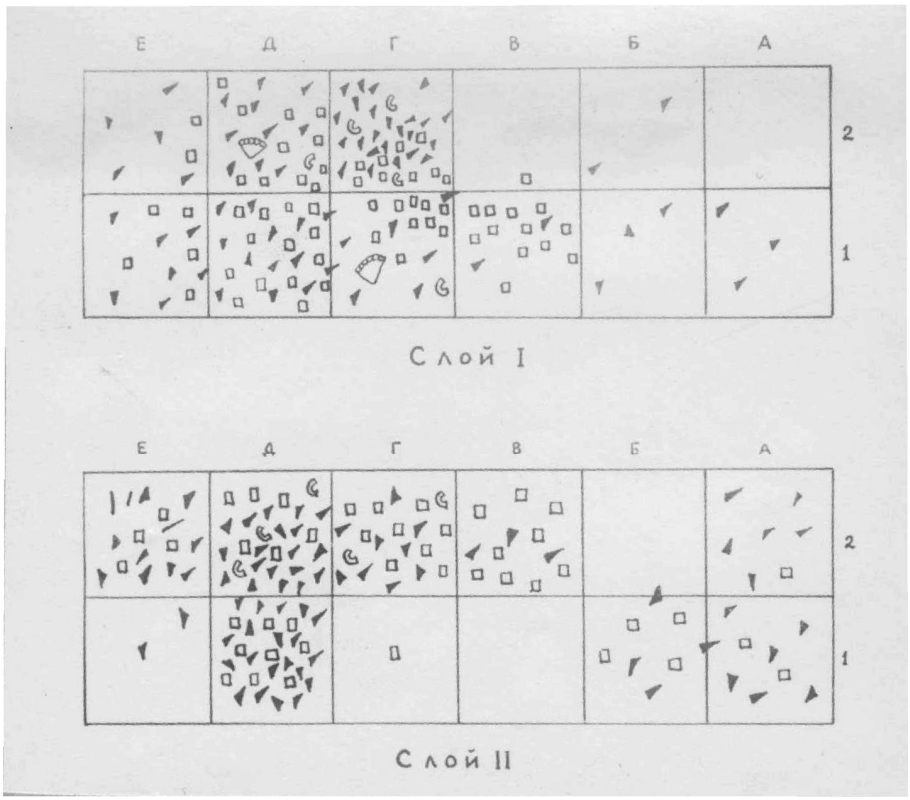
Рис. 2. Лысая Сопка в 2006 г.: *1 – снято с юго-запада; 2 – снято с юга.* ***Фото А.В. Харинского***
Fig. 2. Lysaya Sopka in 2006: *1 – taken from the south-west; 2 – taken from the south.* ***Photos of A.V. Kharinsky***

1

2

3

Рис. 3. Лысая Сопка, 1963 г.: *1 – план местоположения раскопа и шурфа на Лысой Сопке в Нижне-Ангарске (Коновалов, Свинин, Хамзина, Хлобыстин, 1965. Рис. 68)[3]; 2 – стратиграфический разрез раскопа на Лысой Сопке в Нижне-Ангарске (Коновалов, Свинин, Хамзина, Хлобыстин, 1965. Рис. 69)[3]; 3 – план I и II слоев раскопа в Нижне-Ангарске (Коновалов, Свинин, Хамзина, Хлобыстин, 1965. Рис. 70)[3]*

Fig. 3. Lysaya Sopka, 1963 (Konovalov, Svinin, Khamzina, Khlobystin, 1965)[3]: *1 – plan of the location of the excavation and the test-pit on Lysaya Sopka in Nizhne-Angarsk (Konovalov et al., 1965. Fig. 68)[3]; 2 – stratigraphic section of the excavation on Lysaya Sopka in Nizhne-Angarsk (Konovalov et al., 1965. Fig. 69); 3 – plan of the I and II layers of the excavation area in Nizhne-Angarsk (Konovalov et al., 1965. Fig. 70)[3]*

археологических раскопок, первые из которых проводились на Лысой Сопке в 1963 и 1965 гг.

История исследования

В 1963 г., во время обследования северного побережья озера Байкал, в центре пос. Нижнеангарск, на вершине Лысой Сопки В.В. Свининым и Л.П. Хлобыстиным собран подъемный материал, представленный изделиями из камня и керамики. Большая часть находок обнаружена на вершине сопки и к западу от нее. На месте сбора находок разбит раскоп размером 2 х 6 м. Длинными стенками, по данным В.В. Свинина, он был ориентирован по линии ЮЗ – СВ. В 5 м к ЮВ от правого угла раскопа заложен шурф 1 х 2 м. Археологический объект охарактеризован исследователями как стоянка (Свинин, 1966a; Свинин, 1966b[1]; Свинин, 1966c[2]).

В.В. Свининым был составлен глазомерный план Лысой Сопки и расположенных на нем раскопа и шурфа (Коновалов, Свинин, Хамзина, Хлобыстин, 1965. Рис. 68[3]). При сопоставлении этого плана с инструментальным топопланом Лысой Сопки, выполненной в более позднее время, выясняется, что ориентация как памятника, так и земляных выемок, расположенных на нем, не точна. Они развернуты приблизительно на 20° на северо-запад, по сравнению с их истинным положением (рис. 3.1). При осмотре раскопа В.В. Свинина Т.А. Абдуловым в 1963 г. выяснилось, что он ориентирован длинными стенками практически по линии запад – восток (рис. 4).

Для нумерации квадратов раскопа в 1963 г. использовалось буквенно-цифровое обозначение. С короткой стороны располагались цифры: 1 – с юга, 2 – с севера. С длинной стороны раскопа располагались буквы (А, Б, В, Г, Д, Е), следующие в алфавитном порядке с востока на запад (рис. 3.3). Квадраты шурфа получили нумерацию VA и VIA, что указывает на то, что они находились к югу от квадрата 1А, на расстоянии 4 м.

В 1965 г. В.В. Свининым обследован участок байкальского побережья от с. Байкальское до бухты Дагары (Свинин, 1966a). На вершине Лысой Сопки им расширен раскоп, заложенный в 1963 г. Его размер составил 5 х 6 м. В ходе раскопок выявлено два горизонта залегания находок (рис. 3.2). Первый культурный слой представлен фрагментами штриховой керамики, украшенными налепными треугольными валиками и всевозможными штампами, а также каменным инвентарем. Второй слой включает фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки и кварцитовые отщепы (рис. 4). В районе раскопа и шурфа исследователем выявлена следующая стратиграфия:

1) дерн мощностью 3–5 см, без находок;

2) красно-бурая супесь с включением обломочного материала, мощностью 10–20 см, включающая остатки 1 культурного слоя;

3) желто-бурая супесь с большим содержанием грубообломочного материала, мощностью 10–15 см, содержащая остатки 2 культурного слоя;

4) кора выветривания, представляющая обнажение мраморовидных известняков.

В 1978 г. работы на Северном Байкале проводили А.Д. Цыбиктаров и Л.В. Тиваненко (Цыбиктаров, 1979[4]; Тиваненко, 1979[5]). У южного подножия Лысой Сопки исследователями заложен раскоп и три шурфа, найдены скребки, ножевидная пластинка, отщепы и фрагменты костей животных. Археологический объект получил название Лысая Сопка 2. С южной и юго-восточной сторон Лысой Сопки, в нижней части склона, на высоте 1,5–3 м, на скальных выходах А.В. Тиваненко отмечены рисунки, выполненные красной охрой (Тиваненко,

[1] Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 3206. Иркутск, 1966b. 47 л.

[2] Свинин В.В. Отчет о полевых исследованиях Северо-Байкальской археологической экспедиции бурятского филиала ВГО летом 1965 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 3207. Иркутск, 1966c. 146 л.

[3] Коновалов П.Б., Свинин В.В., Хамзина Е.А., Хлобыстин Л.П. Археологические исследования на озере Байкал в 1963–1964 гг. Иркутск – Улан-Удэ, 1965. 35 л. и 103 рис.

[4] Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкал // Архив ИА РАН. Р. 1. № 7413. Улан-Удэ, 1979. 54 л.

[5] Тиваненко А.В. Древние наскальные рисунки Забайкалья. Итоги археологической экспедиции в 1978 году // Архив ИА РАН. Р. 1. № 7040. Улан-Удэ, 1979. 178 л.

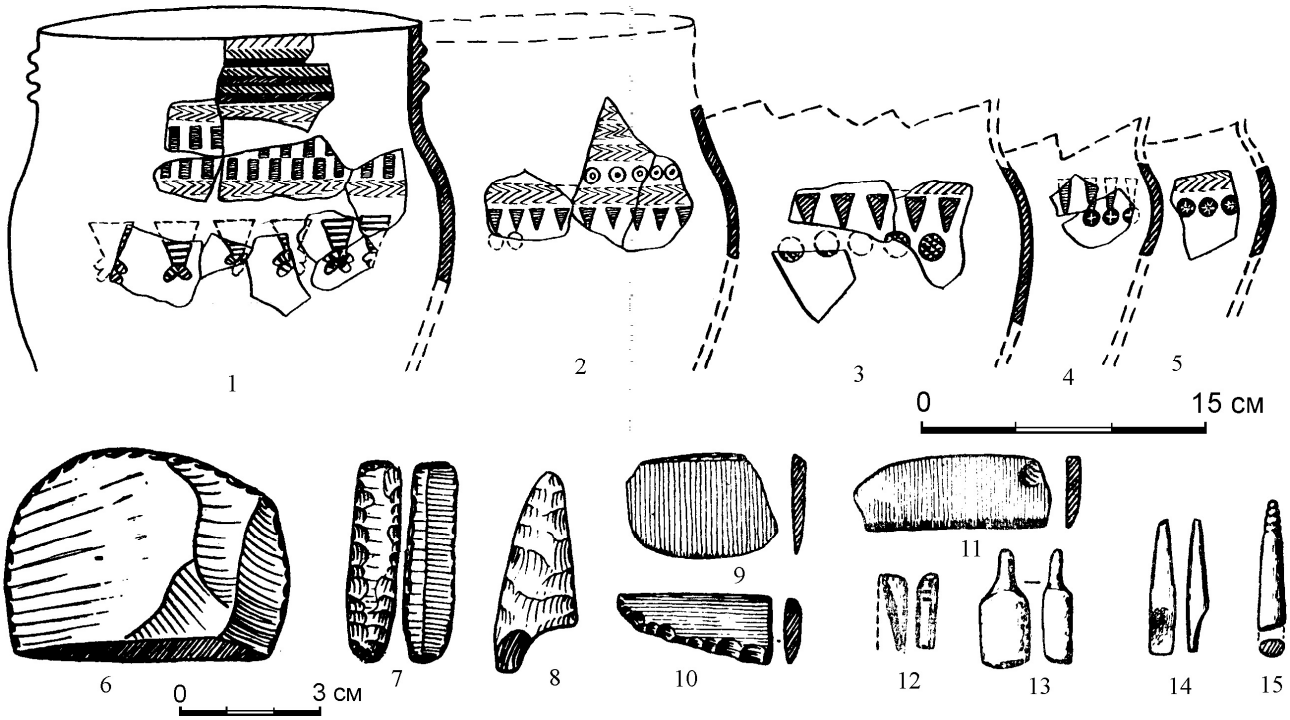

Рис. 4. Лысая Сопка, археологический материалы, полученные В.В. Свининым в 1963 и 1965 гг.: *1–5 – керамические сосуды; 6 – скребок на отщепе; 7 – пластинка-вкладыш; 8 – наконечник стрелы; 9 – сланцевый нож; 10, 11 – нефритовые ножи; 12–15 – стерженьки рыболовных крючков и заготовки (Свинин, 1966а. Рис. 3, рис. 4)*

Fig. 4. Lysaya Sopka, archaeological materials obtained by V.V. Svinin in 1963 and 1965: *1–5 – ceramic vessels; 6 – a scraper on a chip; 7 – a blade-insert; 8 – an arrowhead; 9 – a slate knife; 10, 11 – jade knives; 12–15 – rods of fish hooks and blanks (Svinin, 1966a. Fig. 3, fig. 4)*

1985; Тиваненко, 1990). Впоследствии этот археологический объект получил название Лысая Сопка 3.

В 1979 г. в зоне строительства трассы БАМ на северном побережье Байкала археологами из Иркутского университета под руководством Т.А. Абдулова проводились спасательные археологические работы (Абдулов, 1980)[6]. На Лысой Сопке ими заложено два раскопа площадью 96 и 32 м^2, расположенных к югу от раскопа В.В. Свинина (рис. 5). Находки зафиксированы в слое супеси красно-бурого цвета. Изделия из камня включали монофронтальный и клиновидный нуклеусы, концевые скребки, трансверсальные резцы, стерженьки рыболовных крючков, камни со следами распилов, наконечники стрел, провертки, вкладыши, шлифованный топор. Обнаруженные во время раскопок керамические сосуды орнаментированы налепными рассеченными валиками и всевозможными штампами (Абдулов, Пилипчук, 1982).

У южного подножия Лысой Сопки, на объекте Лысая Сопка 2 Т.А. Абдуловым разбит раскоп 3 х 5 м, ориентированный длинными стенками поперек склона возвышенности. Археологический материал в раскопе не обнаружен, что указывало на то, что артефакты, собираемые у подножия сопки перемещались туда с ее вершины (Лысая Сопка 1). Наличие найденных в 1978 г. А.В. Тиваненко на Лысой Сопке петроглифов исследованиями в 1979 г. не подтвердилось.

В 1986 г. отрядом Иркутского университета под руководством А.В. Харинского проводилась археологическая разведка вдоль автомобильной дороги Северобайкальск – Кичера – Уоян (Харин-

[6] Абдулов Т.А. Отчет о полевых исследованиях Северо-Байкальской спасательной группы Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета в 1979 году // Архив ИА РАН. Р. 1. № 9914. Иркутск, 1980. 154 л.

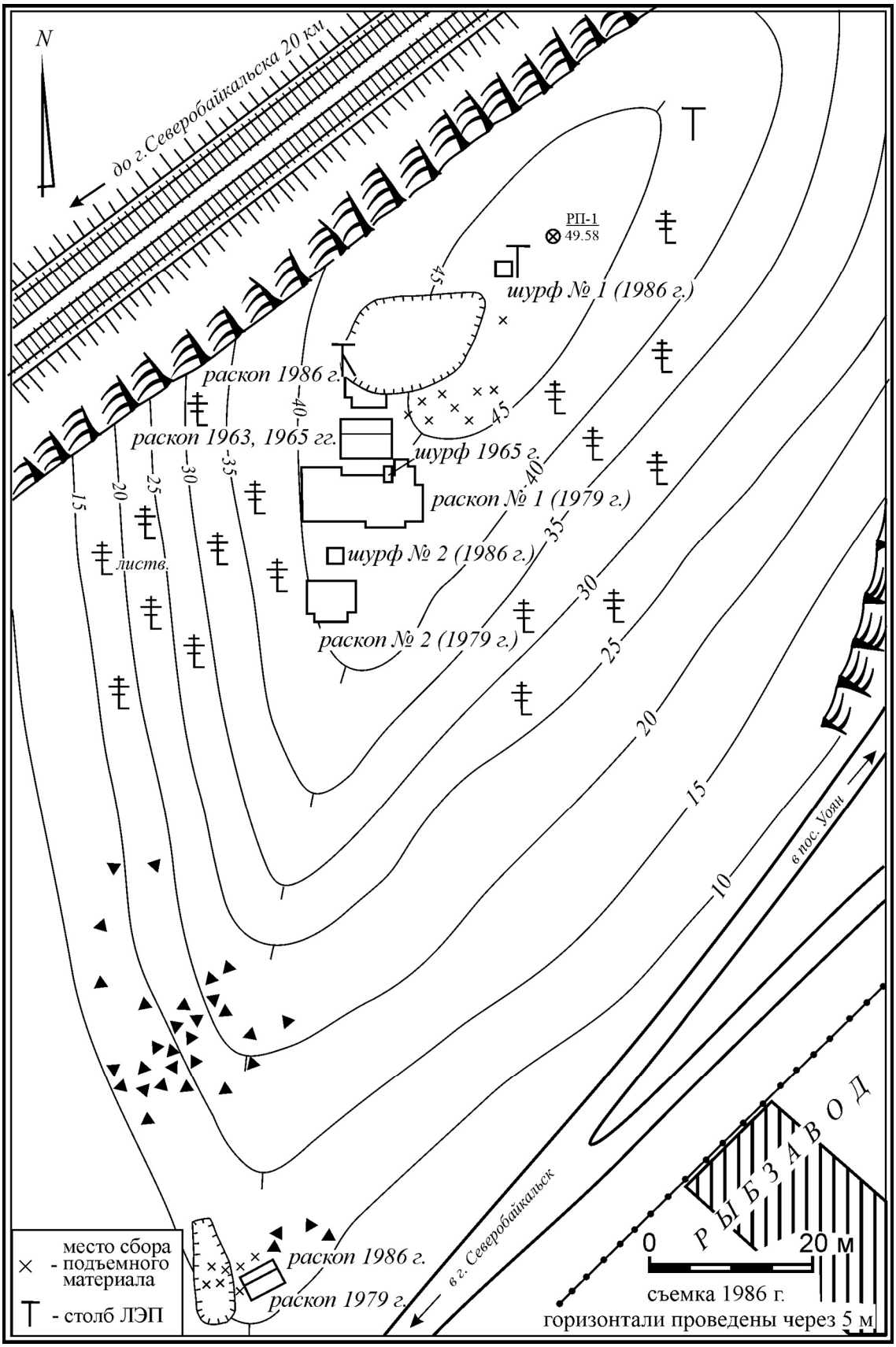

Рис. 5. Расположение археологических раскопов на Лысой Сопке
Fig. 5. Location of the archaeological excavation area on the Lysaya Sopka

ский, 1987[7]; Абдулов, Базалийский, Бердникова и др., 1988). На местонахождении Лысая Сопка 1 им заложен раскоп площадью 11 м^2. К северо-востоку и югу от него разбито два шурфа (рис. 5). Археологический материал зафиксирован в двух геологических слоях супеси серого цвета и нижележащей супеси оранжевого цвета. В первом культурном слое найден призматический микронуклеус, бифас, кварцитовые отщепы, фрагменты керамики, орнаментированные отступающей лопаточкой и рядом круглых ямочек, во втором слое – стерженек рыболовного крючка и фрагменты штриховой керамики. На памятнике Лысая Сопка 2 к раскопу 1979 г. с северо-западной стороны была сделана прирезка размером 1 х 5 м. Археологический материал в прирезке не обнаружен.

Данные, полученные в ходе исследований Лысой Сопки 1, были опубликованы исследователями лишь частично (Свинин, 1966а; Абдулов, Пилипчук, 1982). Находки 1963 и 1965 гг. В.В. Свинин передал на хранение в Иркутский областной краеведческий музей. Коллекция музея № 10292 включает каменные орудия, отщепы и керамику, найденные на стоянке Лысая Сопка (подъемный материал и раскоп 1963 г.). Она содержит 180 предметов (без отщепов) из раскопок Л.П. Хлобыстина и В.В. Свинина (август 1963 г.). Коллекция № 10293 состоит из каменных орудий, отщепов и керамики, найденных на стоянке Лысая Сопка (раскоп 1965 г.). Она содержит 59 предметов из раскопок В.В. Свинина и Л.П. Хлобыстина.

Археологические находки 1963 и 1965 гг. со стоянки Лысая Сопка

Подъемный материал коллекции № 10292, включает 47 фрагментов керамики, небольшую гальку (отбойник?), 11 изделий из камня и 17 каменных отщепов. Первый культурный слой раскопа 1963 г. представлен 43 фрагментами керамических сосудов и 56 каменными артефактами. Судя по описи, в квадратах 1Г, 1Д, 2А, 2В находки не упоминаются. Если же судить по плану раскопа, находки не были обнаружены только в квадрате 2А (рис. 3.3). Второй культурный слой раскопа включал 41 фрагмент керамики и 59 находок из камня. В квадратах 1Б, 1В, 1Г, 1Е, 2А, 2Б археологический материал не упоминается. На планах находок нет в квадратах 1В, 2Б. В шурфе археологический материал не разделялся по слоям. В квадрате VA найдено 8 керамических и 14 каменных артефактов, в квадрате VIA – 12 керамических и 9 каменных артефактов.

Коллекция № 10293 включает находки из раскопа 1965 г. Они разделяются на два слоя. В слое 1 зафиксировано 24 фрагмента керамических сосудов, 34 изделия из камня, 7 фрагментов кости. Все находки, исходя из описи, распределяются в 3-х квадратах – 4А, 5В, 5Г. В слое 2 выявлен 61 фрагмент керамических сосудов, 69 изделий из камня и 1039 фрагментов кости. Находки распределяются по квадратам 4В, 4Г, 4Д, 5Б, 5В, 5Г и 5Е.

В коллекцию № 10293 также входят фрагменты керамических сосудов без индивидуальных номеров. Их происхождение не совсем понятно. Можно лишь предположить, что они также имеют отношение к раскопу 1965 г., так как имеют единый коллекционный номер с пронумерованными артефактами.

Керамика. Среди фрагментов керамических сосудов с Лысой Сопки отмечено 3 варианта оформления внешней поверхности. Помимо гладкостенных сосудов здесь обнаружены остатки сосудов, покрытых техническим декором в виде штрихов и сетки-плетенки. На некоторых сосудах отмечается заглаживание технического декора. Вследствие этого фрагменты от одного сосуда могут быт гладкими и иметь технический декор.

У сосудов, фрагменты которых имеются в коллекции, как правило, можно выделить четыре конструктивных элемента: тулово, шейку, устье и придонную часть. ***Тулово*** (корпус) – основная часть сосуда, главным образом реализующая его форму. Сверху и снизу тулово ограничено экстремальными точками перегиба контура. Сливаясь воедино, они образуют две горизонтальные линии – верхнюю и нижнюю экстремали. ***Шейка*** – элемент, расположенный выше тулова, соответствующий наимень-

[7] Харинский А.В. Полевые исследования на Северном Байкале летом 1986 года // Архив ИА РАН. Р. 1. № 11697. Иркутск, 1987. 49 л.

шему диаметру сосуда. ***Придонная часть*** – сужающийся книзу элемент, расположенный между туловом и дном сосуда. ***Устье*** – расширение сосуда в крайней верхней его части, оканчивающееся, как правило, венчиком. ***Венчик*** – определенным образом оформленная верхняя часть сосуда, нижней границей которой будет перпендикуляр, проведенный к верхней точке перегиба внешнего контура крайнего конструктивного элемента сосуда. Налеп на венчике не следует путать с налепным орнаментом. Если налеп удален от верхнего края сосуда на расстояние, не превышающее его ширину, то он будет являться частью венчика, в противном случае его следует считать налепным орнаментом и соотносить с нижележащим элементом сосуда.

На керамических сосудах с Лысой Сопки выделяются три группы форм венчиков: ***грибовидная, прямая*** и ***приостренная*** (рис. 6). Венчик первой группы образован в результате прикрепления глиняных валиков с внутренней и внешней стороны верхней части сосуда, вследствие чего края венчика слегка нависают над его стенками. Верхняя поверхность венчика горизонтальная. Нижняя грань налепа располагается под углом к его внешней и внутренней стенкам. У прямых венчиков верхняя поверхность располагается перпендикулярно к внешней и внутренней стенкам. У приостренных венчиков верхняя поверхность заканчивается углом-гребнем.

Среди грибовидных венчиков выделяются 2 типа – ***внешне асимметричные*** (край верхней поверхности венчика нависает над внешней стенкой сосуда) и ***внутренне асимметричные*** (при нависании края верхней поверхности над внутренней стенкой сосуда). Среди прямых венчиков отмечено три типа ***симметричные, внешне асимметричные*** и ***наклонные*** – приостренные с внешней стороны. У симметричных прямых венчиков ширина верхней поверхности соответствует ширине нижележащих элементов сосуда. У внешне асимметричных венчиков с внешней стороны имеется четырехугольный налеп. Наклонные венчики располагаются под углом к нижележащим элементам сосуда. Среди приостренных венчиков выделяется один тип – ***внешне асимметричные***. Внешняя сторона венчика у них является продолжением внешней стенки сосуда.

Сосуды с Лысой Сопки украшались разнообразными элементами орнамента. Отмечено пять способов их нанесения: ***продавливание, протаскивание, прочерчивание, прокол и налеп***. Техника нанесения стала основой для деления элементов орнамента на отделы. При выделении групп элементов орнамента учитывались особенности техники их нанесения и поперечный разрез каждого из них. Форма элемента орнамента определяла тип (рис. 7).

Форма венчика	Симметричная	Внешне асиммстричная	Внутренне асимметричная	Наклонная
Грибовидная				
всего	0	22 (61,1%)	1 (2,8%)	
Прямая				
всего	5 (13,9%)	4 (11,1%)	0	2 (5,5%)
Приостренная				
всего	0	2 (5,5%)	0	

Рис. 6. Лысая Сопка, материалы 1963 и 1965 г., формы венчиков керамических сосудов
Fig. 6. Lysaya Sopka, materials of 1963 and 1965, shapes of the rim of ceramic vessels

Техника нанссения орнамента	Особенности техники	Элемент орнамента	Встречаемость элемента
отдел	*группа*	*тип*	
продавливание	штамп	круглый	4 (2,1%)
		круглый восьмилучевой с внутренним кругом	1 (0,5%)
		круглый с внутренним кругом	2 (1,0%)
		круглый сетчатый	4 (2,1%)
		прямоугольный	25 (13,0%)
		прямоугольный наклонно рифленый	3 (1,6%)
		треугольный поперечно рифленый	2 (1,0%)
		треугольный разнонаправленный наклонно рифленый	1 (0,5%)
		крестовидный поперечно рифленый	1 (0,5%)
		ромбовидный с вписанным внутрь ромбом	1 (0,5%)
	лопаточка	с угловым вырезом	49 (25,5%)
		остроугольная	2 (1%)
		тупоугольная	3 (1,6%)
		округлая	5 (2,6%)
		прямая	8 (4,1%)
	накол	круглый	5 (2,6%)
		прямой	1 (0,5%)
	палец	вертикальный нажим	3 (1,6%)
протаскивание	полукруглая	горизонтальное	7 (3,6%)
прочерчивание	прямолинейное	горизонтальное	1 (0,5%)
		наклонное	2 (1%)
прокол	цилиндрическое	круглое отверстие	3 (1,6%)
налеп	треугольный валик	горизонтальный	58 (30,2%)
		прямоугольный	1 (0,5%)

Рис. 7. Лысая Сопка, материалы 1963 и 1965 г., орнаменты керамических сосудов
Fig. 7. Lysaya Sopka, materials of 1963 and 1965, ornaments of ceramic vessels

Среди продавленных орнаментов можно выделить четыре группы: нанесенные на поверхность сосуда с помощью вдавления ***штампа***, посредством ***лопаточки, накола*** и ***пальца***. В первом случае вдавление производилось торцевой ровной частью орнаментира, иногда украшенной рельефным узором. Орнамент, полученный с помощью штампа, в разрезе имеет форму четырехугольника. Орнамент, сделанный с помощью лопаточки, наносился вдавлением угла орнаментира, образованного торцевой и боковой гранями. В разрезе такое вдавление имело форму прямоугольного треугольника. Техника накола предполагала торцевое вдавление заостренного орнаментира. В разрезе оттиск имел форму треугольника. Пальцевое вдавление в разрезе имело форму полукруга.

Техника протаскивания предполагает нанесение узора с помощью орнаментира, который с нажатием, не прерываясь, ведут по поверхности сосуда. При этом поверхность глины, по которой проходит орнаментир, не разрывается, а проминается. В разрезе этот орнамент имеет полукруглую форму. Прочерченный орнамент получался в результате проведения по поверхности сосуда острым предметом, который разрывает поверхность глины. В разрезе он треугольной формы. Прокол предполагает создание сквозных отверстий на поверхности сосуда. На емкостях с Лысой Сопки отмечены только круглые отверстия. Налепной орнамент выполнялся путем накладывания на поверхность сосуда, не деформируя ее, валиков, лент или фигур из глины. Налепные валики на посуде с Лысой Сопки треугольной формы. На поверхности горшков они как правило располагаются горизонтальными линиями.

При анализе керамики подсчет элементов орнамента проводился только на тех фрагментах, на которых форма орнамента видна полностью. Если на фрагменте один и тот же элемент встречается несколько раз, то он учитывается как один. Из фрагментов керамических сосудов с Лысой Сопки не удалось полностью восстановить ни одного сосуда. Поэтому не исключено, что элементы орнамента или венчики одного сосуда, фиксируемые на разных фрагментах, будут учтены несколько раз.

Подъемный материал. Внешнее оформление стенок сосудов, фрагменты которых составляют подъемный материал, включают два варианта технического декора. Фрагмент керамики под № 1 темно-серого цвета толщиной 4–5 мм. Внешняя поверхность фрагмента покрыта оттисками сетки-плетенки. Ячейки оттисков округлой формы диаметром около 3 мм, они располагаются рядами вплотную друг к другу. Фрагменты керамики под № 2–30 украшены орнаментом. У многих из них размеры небольшие, поэтому определить, что представляет их внешняя поверхность вне зоны орнаментации, невозможно. Фрагменты под № 32, 37, 42, 44–47 гладкостенные. Они светло-серого и светло-коричневого цвета, толщиной 3–4 мм. Фрагменты керамических сосудов под № 31, 33–36, 38–41, 43 с внешней стороны украшены параллельными штриховыми оттисками шириной 2–3 мм, расположенными на расстоянии 2–3 мм друг от друга. Они светло-коричневого цвета толщиной 4–6 мм.

Одиннадцать фрагментов керамики из подъемного материала представлены венчиками. Семь из них грибовидные внешне асимметричные (№ 3, 4, 8, 9, 10, 12, 26) (рис. 8.2, 3, 6) один внутренне асимметричный (№ 27), два прямых симметричных (№ 13, 25), один прямой внешне асимметричный (№ 2) (рис. 8.1) и один приостренный внешне ассиметричный (№ 30). Грибовидные асимметричные венчики образовывались в результате налепа с их внешней или внутренней сторон треугольного в сечении валика шириной 8–10 х 6 мм. Верхняя грань валика является продолжением верхней поверхности стенки сосуда. Таким же образом формировались и прямые асимметричные венчики, но налепной валик, крепившийся к ним, был в разрезе прямоугольной формы. Его размеры составляли 6 х 13 мм.

Пять фрагментов керамики из подъемных сборов украшены вдавлениями прямоугольного вертикального штампа. В четырех случаях он был узким – размером 2–3 х 8–14 мм (№ 9, 13, 24, 27) (рис. 8.3, 9) и в одном случае широким – размером 5 х 10 мм (№ 14). Два фрагмента керамики орнаментированы прямоугольным наклонно рифлёным

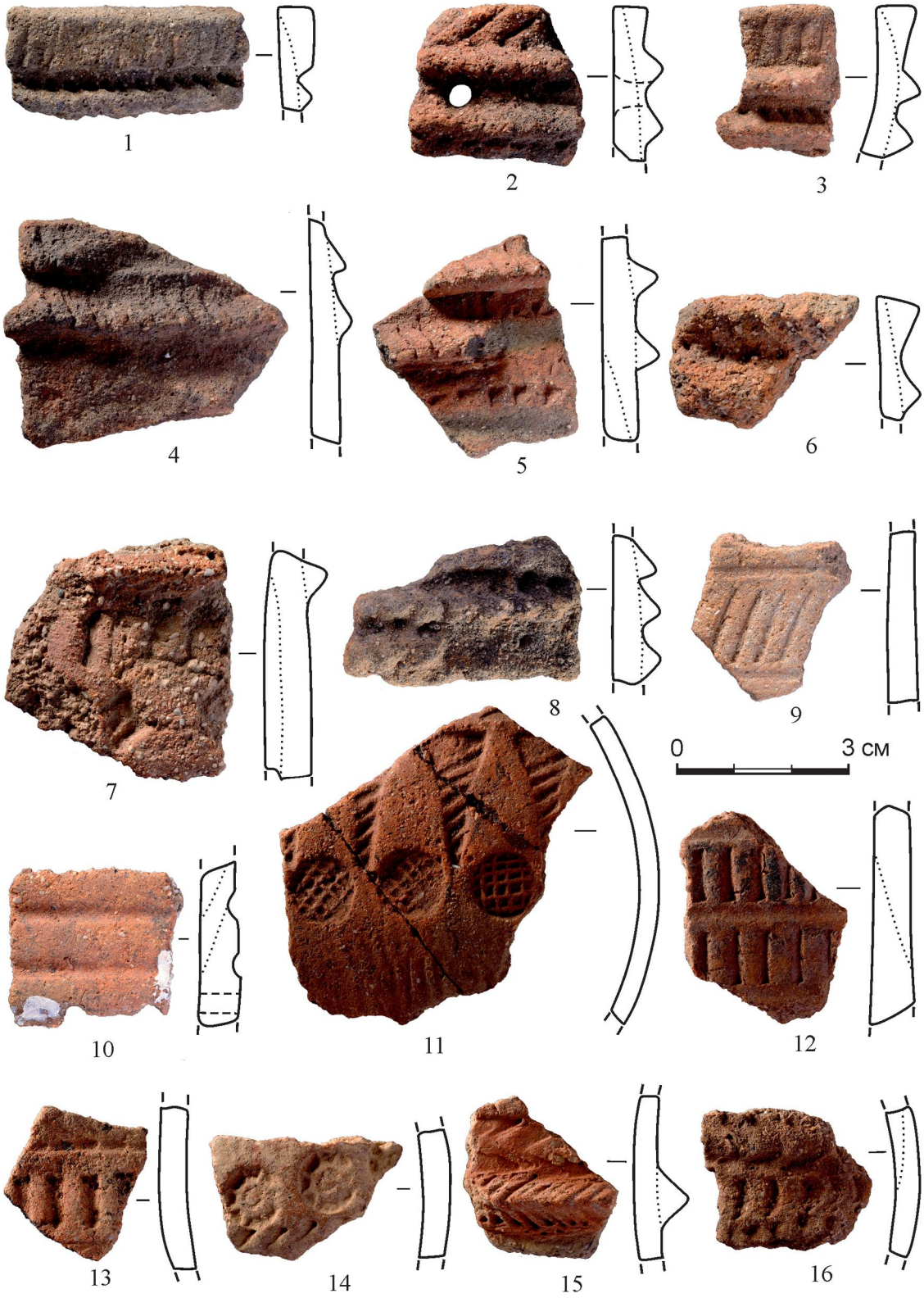

Рис. 8. Лысая Сопка, 1963 г., фрагменты керамических сосудов: *1–10 – подъемный материал; 11–16 – раскоп, 1 слой. 1 – № 2; 2 – № 3; 3 – № 9; 4 – № 6; 5 – № 5; 6 – № 8; 7 – № 15; 8 – № 7; 9 – № 24; 10 – № 28; 11 – № 101; 12 – № 96; 13 – № 97; 14 – № 98; 15 – № 102; 16 – № 103.* ***Фото А.Б. Данилова***

Fig. 8. Lysaya Sopka, 1963, fragments of ceramic vessels: *1–10 – open surface findings; 11–16 – excavation, 1 layer. 1 – № 2; 2 – № 3; 3 – № 9; 4 – № 6; 5 – № 5; 6 – № 8; 7 – № 15; 8 – № 7; 9 – № 24; 10 – № 28; 11 – № 101; 12 – № 96; 13 – № 97; 14 – № 98; 15 – № 102; 16 – № 103.* ***Photos by A.B. Danilov***

штампом размером 5 х 10 мм (№ 17, 18) и один треугольным поперечно рифлёным штампом (№ 19). Один фрагмент украшен ромбовидным штампом с вписанным внутрь ромбом (№ 15). Его размер 10 х 12 мм (рис. 8.7).

Семь фрагментов керамики украшены оттисками лопаточки. Лопаточкой с угловым вырезом украшено 7 керамических фрагмента (№ 2–4, 6, 7, 13, 15). Размер элемента составляет 2–5 х 6–10 мм. Как правило, этот элемент украшает валики. Вдавления располагаются углом вправо на расстоянии 2 мм друг от друга (рис. 8.1, 2, 4, 7, 8). Два фрагмента орнаментированы лопаточкой с остроугольным окончанием (№ 12, 22), один с тупоугольным окончанием (№ 21), один – с округлым окончанием (№ 23), шесть – с прямым окончанием (№ 2, 3, 5, 8, 9, 15, 26, 30). Размер прямых вдавлений 1–4 х 6–11 мм. Они могли располагаться наклонно или вертикально и украшали преимущественно верхнюю часть устья сосуда или одну из граней валиков.

Два фрагмента керамики орнаментированы округлыми наколами (№ 3, 11). Три фрагмента украшены горизонтальными параллельными полосами шириной 2–4 мм, выполненными в технике протаскивания (№ 24, 28, 29) (рис. 8.9, 10). Один из фрагментов керамики украшен прямыми наклонными прочерченными линиями (№ 25).

Налепные горизонтальные валики украшают тринадцать керамических фрагментов. В двух случаях валик не рассечен (№ 10, 15) (рис. 8.7), в трех случаях рассечен прямой лопаточкой (№ 5, 7, 9) (рис. 8.3, 5, 6), в одном лопаточкой остроугольной (№ 12) и в семи случаях рассечен лопаточкой с угловым вырезом (№ 2–4, 6, 7, 8, 13) (рис. 8.1, 2, 5, 8). Ширина валиков составляет 5–10 мм, толщина 3–6 мм. На одном из сосудов отмечены круглые отверстия, располагающиеся в верхней части устья между налепными валиками (№ 3). По краям диаметр отверстия составлял 7 мм, в центре 5 мм (рис. 8.2).

Раскоп 1963 г., 1 слой. Фрагменты под № 84, 86, 87, 89–95, 106–109, 123 (11 шт.), 128, 130–132, 135–138 из 1 слоя раскопа 1963 г. – гладкостенные. Они светло-коричневого цвета, толщиной 2–5 мм. Фрагменты керамических сосудов под № 123 (2 шт.), 129, 123 с внешней стороны украшены параллельными штриховыми оттисками шириной 1,5–2 мм, расположенными на расстоянии 1 мм друг от друга. Фрагменты светло-коричневого цвета толщиной 3–4 мм. Фрагменты керамики под № 96–98, 101–105, 110, 112–116, 118–122, 124, 139 украшены орнаментом.

Четыре фрагмента керамики из 1 слоя раскопа представлены венчиками. Два из них грибовидные внешне асимметричные (№ 114, 116). Их высота 5 и 8 мм, ширина 6 мм (рис. 9.1, 5). С внешней стороны венчики украшены наклонными вдавлениями прямого узкого штампа. При этом у фрагмента № 116 верхняя сторона деформирована вдавлениями пальца, наносившимися сверху вниз. У третьего фрагмента прямой внешне асимметричный венчик (№ 113). Его высота 8 мм, ширина 6 мм (рис. 4). У четвертого фрагмента острый внешне ассиметричный венчик (№ 120).

Четыре фрагмента керамики украшены вдавлениями прямоугольного вертикального штампа, размеры которого составляли 2–3 х 6–9 мм (№ 96, 97, 103, 104) (рис. 8.12, 13, 16; рис. 9.3) и три фрагмента – вдавлениями узкого прямоугольного наклонного штампа размером 1 х 10 мм (№ 113, 114, 116) (рис. 9.1, 4, 5). Два фрагмента керамики орнаментированы круглым сетчатым штампом диаметром 12 мм (№ 101, 119) (рис. 4.3; рис. 8.11) и один – круглым восьмилучевым штампом диаметром 12 мм с внутренним кругом (№ 98) (рис. 8.14). Один фрагмент украшен треугольным разнонаправленным наклонно рифленым штампом (№ 101). Его размер 11 х 28 мм (рис. 4.1; 8.11).

Девять фрагментов керамики украшены оттисками лопаточки. Лопаточкой с угловым вырезом украшено 8 керамических фрагментов (№ 102, 103, 110, 113, 114, 116, 121, 122). Как правило, этот элемент украшает валики. Вдавления располагаются углом вправо на расстоянии 2 мм друг от друга (рис. 8.15, рис. 7.1, 4, 5). На двух фрагментах этот орнамент украшает и тулово сосуда (рис. 8.15, 16). Один фрагмент орнаментирован лопаточкой с округлым окончанием (№ 115). Размер этого элемента 3 х 10 мм (рис. 9.2).

Один фрагмент керамики орнаментирован прямыми наколами (№ 120), которые располага-

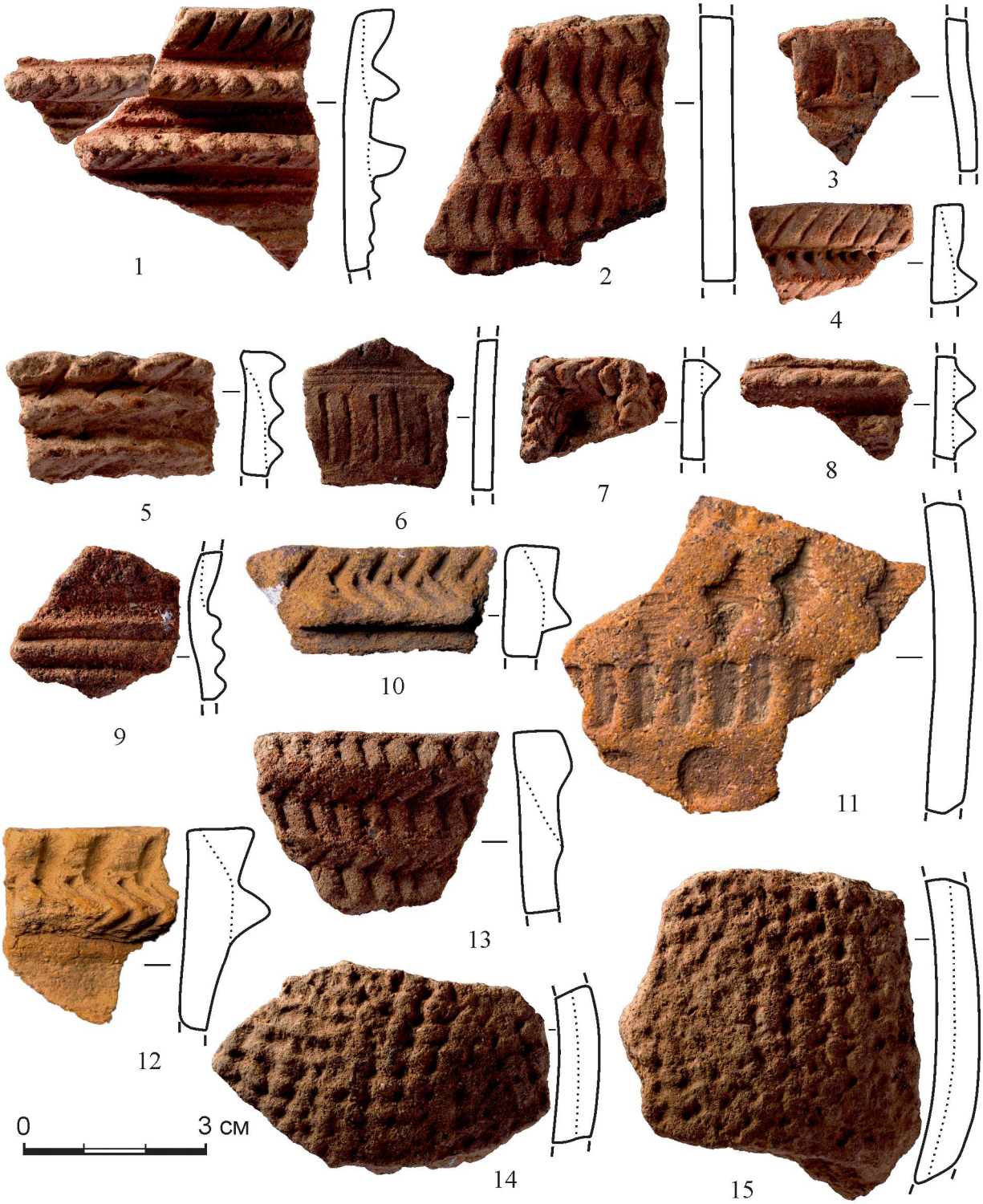

Рис. 9. Лысая Сопка, фрагменты керамических сосудов: *1–5, 8 – раскоп 1963 г., 1 слой; 13–15 – раскоп 1963 г., 2 слой; 6, 7, 9 – шурф 1963 г.; 10–12 – коллекция № 10293, 1965 г. 1 – № 114, 121; 2 – № 115; 3 – № 104; 4 – № 113; 5 – № 116; 6 – № 141; 7 – № 150; 8 – № 122; 9 – № 142; 10–12 – без №; 13 – № 162; 12 – № 142; 14 – № 166; 15 – № 163.* ***Фото А.Б. Данилова***

Fig. 9. Lysaya Sopka, fragments of ceramic vessels: *1–5, 8 – excavation of 1963, 1 layer; 13–15 – excavation of 1963, 2 layer; 6, 7, 9 – test-pit of 1963; 10–12 – collection No. 10293, 1965. 1 – № 114, 121; 2 – № 115; 3 – № 104; 4 – № 113; 5 – № 116; 6 – № 141; 7 – № 150; 8 – № 122; 9 – № 142; 10–12 – we №; 13 – № 162; 12 – № 142; 14 – № 166; 15 – № 163.* ***Photos by A.B. Danilov***

лись с внешней и внутренней сторон остроугольного венчика. Один фрагмент украшен вдавлениями пальца, наносившимися сверху вниз (№ 116). Один фрагмент украшен горизонтальными параллельными полосами шириной 2–4 мм, выполненными в технике протаскивания (№ 114) (рис. 9.1). Один из фрагментов керамики орнаментирован прямыми наклонными прочерченными линиями (№ 25). Налепные горизонтальные валики украшают семь керамических фрагментов. Во всех случаях валик рассечен лопаточкой с угловым вырезом (№ 102, 110, 113, 114, 116, 121) (рис. 8.15; рис. 9.1, 4, 5, 8).

Раскоп 1963 г., 2 слой. Во 2 слое раскопа 1963 г. обнаружено 18 фрагментов гладкостенной керамики (№ 152, 154–156, 158–161, 165, 168–171, 174–178). Они светло-коричневого цвета, толщиной 2–4 мм. Фрагменты керамических сосудов, украшенные штриховыми оттисками, отсутствуют. У 10 фрагментов керамических сосудов внешняя поверхность покрыта оттисками сетки-плетенки (№ 163 (8 шт.), 166, 167). Ячейки оттисков округлой формы диаметром около 3 мм, они располагаются рядами вплотную друг к другу. Фрагменты серого цвета толщиной 5–8 мм, с внутренней стороны фиксируется нагар. Четыре фрагмента керамики под № 157, 162, 164, 172 украшены орнаментом.

Один фрагмент керамики из 2 слоя раскопа представлен венчиком прямой внешне асимметричной формы (№ 162). Его высота 10 мм, ширина 9 мм (рис. 9.11). Венчик образован посредством четырехугольного налепа с внешней стороны сосуда. Верхняя и внешняя стороны венчика украшены рядами вдавлений широкоугольной лопаточки.

Один фрагмент керамики украшен вдавлением круглого штампа диаметром 9 мм (№ 164) и один фрагмент с оттисками тупоугольной лопаточки (№ 162) (рис. 9.11). Оттиски располагаются рядами вплотную друг к другу и повернуты углом влево.

Шурф 1963 г. В шурфе обнаружено 43 находки. Среди них 20 фрагментов керамических сосудов и 23 изделия из камня. Среди фрагментов керамики, находящихся в коллекции, 4 гладкостенные (№ 144–146, 148). Они светло-коричневого цвета, толщиной 4–6 мм. Фрагменты керамических сосудов под № 143, 147 и 149 с внешней стороны украшены штриховыми оттисками шириной 1–3 мм, расположенными на расстоянии 1 мм друг от друга. Фрагменты светло-коричневого цвета толщиной 4–5 мм. Фрагменты керамики под № 139–142, 150 украшены орнаментом.

Один фрагмент керамики украшен вдавлениями прямоугольного вертикального штампа, размеры которого составляли 1,5 х 12 мм (№ 141) (рис. 9.6). Три фрагмента украшены оттисками лопаточки с угловым вырезом (№ 139, 140, 150). Все они рассекают налепные валики (рис. 9.7). Два фрагмента украшены горизонтальными параллельными полосами шириной 2 мм, выполненными в технике протаскивания (№ 141, 142) (рис. 9.6, 12). Налепные горизонтальные валики украшают два керамических фрагмента (№ 139, 140). На одном фрагменте налепные валики образуют «П»-образную фигуру, пропорции которой полностью не сохранились (№ 150) (рис. 9.7). Во всех случаях валик рассечен лопаточкой с угловым вырезом.

Раскоп 1965 г., 1 слой. В 1 слое раскопа 1965 г. зафиксировано 6 фрагментов гладкостенной керамики (№ 1, 2, 5, 6, 9, 11). Они светло-коричневого цвета, толщиной 3–7 мм. Фрагменты керамических сосудов под № 4 (6 шт.), 12, 15, 16 с внешней стороны украшены параллельными штриховыми оттисками. Фрагменты светло-коричневого цвета толщиной 3–4 мм. Фрагменты керамики под № 7, 8, 10, 12, 13 украшены орнаментом.

Один фрагмент керамики из 1 слоя раскопа представлен венчиком грибовидной внешне асимметричной формы (№ 7). Его высота 6 мм, ширина 7 мм. С внешней стороны венчик украшен наклонными вдавлениями прямого узкого штампа.

Другой фрагмент керамики орнаментирован круглым сетчатым штампом диаметром 12 мм (№ 8), еще один – круглым штампом с внутренним кругом диаметром 9 мм (№ 10). Два фрагмента керамики украшены оттисками лопаточки с угловым вырезом. У фрагмента № 7 вдавления рассекали налепные валики, а у фрагмента № 12 располагались по тулову сосуда. На фрагменте № 7 также присутствуют вдавления прямого узкого штампа

и два налепных горизонтальных валика, треугольных в сечении.

Раскоп 1965 г., 2 слой. Во 2 слое раскопа 1965 г. обнаружено 16 фрагментов гладкостенной керамики (№ 20–24, 30, 32, 34–38, 49, 52, 54, 56). Они светло-коричневого цвета, толщиной 3–5 мм. Пятнадцать фрагментов керамических сосудов украшено штриховыми оттисками (№ 25–27, 29, 31, 39, 40, 45, 46, 50, 51, 53, 57–59). Фрагментов керамических сосудов, внешняя поверхность которых покрыта оттисками сетки-плетенки, во 2 слое не зафиксировано.

Один фрагмент керамики из 2 слоя раскопа представлен венчиком прямой внешне асимметричной формы (№ 162). Его высота 10 мм, ширина 9 мм (рис. 9.11). Венчик образован посредством четырехугольного налепа с внешней стороны сосуда. Верхняя и внешняя сторона венчика украшена рядами вдавлений широкоугольной лопаточки, развернутой острием налево.

Один фрагмент керамики украшен вдавлением круглого штампа диаметром 9 мм (№ 164) и один фрагмент с оттисками тупоугольной лопаточки (№ 162) (рис. 9.11). Оттиски располагаются рядами вплотную друг к другу и повернуты углом влево.

Коллекция № 10293, фрагменты керамики без индивидуальных номеров. Эта группа артефактов включает 408 гладкостенных фрагментов. Они светло-коричневого цвета, толщиной 3–10 мм. Двадцать девять фрагментов керамических сосудов с внешней стороны украшены параллельными штриховыми оттисками. Фрагменты светло-коричневого цвета толщиной 3–4 мм. Пять фрагментов керамических сосудов с внешней стороны покрыты оттисками сетки-плетенки. Девяносто один фрагмент керамики орнаментирован.

Семнадцать фрагментов керамики представлены венчиками. Три из них обладают прямым венчиком шириной 5–11 мм. Два сосуда имеют прямой наклонный венчик. У одного из сосудов он шириной 4 мм (рис. 1.1), у другого 5–6 мм (рис. 10.3). Наклон наружу венчик приобретал благодаря глиняной ленте, закреплявшейся сверху, снаружи емкости во время формовки сосуда. У 12 фрагментов отмечен грибовидный внешне асимметричный венчик высотой 5–6 мм и шириной 5–8 мм. С внешней стороны венчики украшены наклонными или вертикальными вдавлениями прямого узкого штампа (рис. 9.10, 12). При этом у двух фрагментов верхняя сторона венчика украшена поперечными вдавлениями пальца, наносившимися сверху вниз.

Тринадцать фрагментов керамики украшены вдавлениями прямоугольного вертикального штампа, размеры которого составляли 1–4 х 6–10 мм (рис. 9.10–12). Один фрагмент керамики орнаментирован прямоугольным наклонно рифленым штампом размером 5 х 11 мм. Два фрагмента орнаментированы круглым штампом диаметром 8 и 10 мм. На одном из них также располагаются вдавления крестовидного поперечно рифленого штампа размером 9 х 13 мм (рис. 9.11). Один фрагмент украшен треугольным поперечно рифленым штампом размером 9 х 15 мм.

Сорок пять фрагментов керамики украшены оттисками лопаточки. Лопаточкой с угловым вырезом украшен 31 керамический фрагмент (рис. 9.10, 12). Четыре фрагмента орнаментированы лопаточкой с округлым окончанием размером 2–3 х 5–10 мм. На одном фрагменте отмечены вдавления тупоугольной лопаточкой размером 3 х 10 мм. У одного фрагмента налепной валик рассечен наклонными вдавлениями треугольной в сечении лопаточки (рис. 10.1).

Три фрагмента керамики орнаментированы круглыми наколами диаметром 2–5 мм (рис. 10.3). Два фрагмента украшены вдавлениями пальца, наносившимися по верхней грани венчика. Один фрагмент украшен горизонтальной полосой шириной 2 мм, выполненной в технике протаскивания. Два фрагмента украшены круглыми отверстиями диаметром 2 и 5 мм. Один из фрагментов керамики украшен прямой горизонтальной прочерченной линией (рис. 10.3). Налепные горизонтальные валики украшают 36 керамических фрагментов. Толщина большинства валиков 5–9 мм. Они рассечены лопаточкой с угловым вырезом (рис. 9.10, 12). На одном из сосудов валик шириной 4–5 мм рассечен

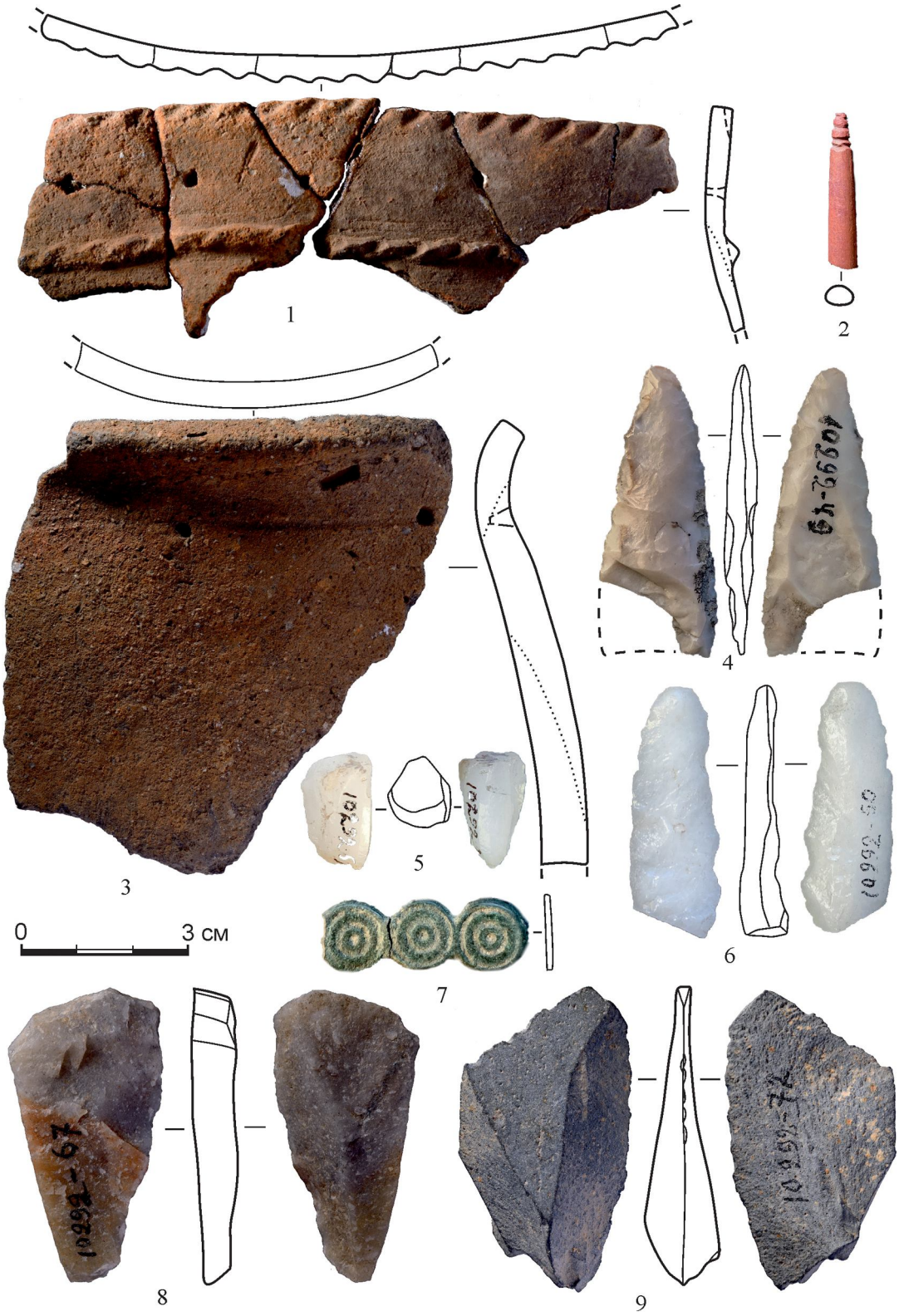

Рис. 10. Лысая Сопка: *1, 3 – коллекция № 10293, 1965 г., фрагменты керамических сосудов; 2, 4–9 – коллекция № 10292, 1963 г., подъемный материал; камень: 2 – № 82; 4 – № 49; 5 – № 51; 6 – № 50; 8 – № 67; 9 – № 72; бронза: 7 – № 83.* ***Фото А.Б. Данилова***

Fig. 10. Lysaya Sopka: *1, 3 – collection No. 10293, 1965, fragments of ceramic vessels; 2, 4–9 – collection No. 10292, 1963, open surface findings; stone: 2 – № 82; 4 – № 49; 5 – № 51; 6 – № 50; 8 – № 67; 9 – № 72; bronze: 7 – № 83.* ***Photos by A.B. Danilov***

наклонными вдавлениями треугольного в сечении орнаментира (рис. 10.1).

Камень. ***Подъемный материал.*** Среди подъемных сборов, проведенных на Лысой Сопке, присутствуют изделия из камня, заготовки каменных изделий, отходы производства каменных орудий. К последней категории изделий относятся отщепы из светло-серого и белого кварцита (№ 61–69 и № 73), а также скол из прозрачного светло-серого кварцита (№ 53). На двух из них (№ 66 и 67) отмечены следы подработки. Пять отщепов получены из серого кремня (№ 60, 70, 71, 74, 78). Один из них имеет пластинчатую форму (№ 60), у двух зафиксированы следы подработки (№ 70, 71). Найдено четыре отщепа из сланца светло-серого – светло-коричневого цвета (№ 75–77, 79). На Лысой Сопке обнаружена галька размером 2,2 х 3,3 х 4 см. Одна из ее уплощенных поверхностей подвергалась неоднократной обивке (№ 48).

Среди других каменных орудий встречена заготовка орудия из серого кремня (№ 52) и клиновидный сработанный микронуклеус из белого кварцита высотой 1,8 см, с рабочей площадкой размером 1,0 х 1,1 см (№ 51) (рис. 10.5). На Лысой Сопке обнаружены 6 каменных пластин и их сегментов, полученных из белого кварцита (№ 54), прозрачного халцедона (№ 55), светло-серого кремня (№ 56, 59), светло-серого кварцита (№ 57), оранжевого халцедона (№ 58).

На одном из кварцитовых отщепов был сделан концевой скребок (№ 67). Он приостренно-овальной формы. Лезвие скребка овальное, оформлено крутой ретушью. Основание приострено. Наибольшая толщина (0,9 см) фиксируется ближе к лезвию. Длина скребка 5,5 см, ширина лезвия 2,8 см, ширина основания 0,9 см (рис. 10.8). Один из кремневых отщепов, вероятно, использовался как нож (№ 72). Его размер 0,8 х 3,0 х 5,3 см, длина лезвия 4,5 см. На одной из его граней обнаружена утилизационная ретушь (рис. 10.9).

Из белого кварцита изготовлена пластина-вкладыш (№ 50). С одного из краев вкладыш заострен, ближе к острию лезвие изгибается вверх. Длина орудия 3,9 см, ширина в основании 1,2 см, толщина 0,7 см. В сечении оно имеет треугольную форму. Краевая обработка фиксируется только с одной стороны (рис. 4.7; рис. 10.6). Из белого кремня изготовлен наконечник с обломанной базой (№ 49). Он с прямой линией насада и, вероятно, симметричным фасом. Краевая обработка фиксируется с обеих сторон. Его наибольшая ширина 2 см соответствует ширине насада. Высота наконечника 4,8 см, толщина 0,5 см (рис. 4.8; рис. 10.4).

К числу изделий из камня относятся также две заготовки из бурого сланца (№ 80 и 81), на одной из которых фиксируются следы пропила с двух сторон. Найден также обломок верхней части основания рыболовного крючка байкальского типа из этого же материала (№ 82). Он конический по форме. Диаметр его нижней части (середина основания) 5 мм. Верхняя часть приострена. На ней имеются четыре горизонтальных круговых прорези для крепления лески (рис. 4.15; рис. 10.2).

Раскоп 1963 г., 2 слой. Во 2 слое раскопа 1963 г. обнаружены две каменных пластины: дистальный трехгранный сегмент размером 5 х 14 мм (№ 179) и медиальный четырехгранный сегмент размером 7 х 10 мм (№ 180). Кроме этого, в раскопе найдена галька размером 2 х 4,5 х 4,8 см (№ 173).

Раскоп 1965 г., 2 слой. Во 2 слое раскопа 1965 г. обнаружен проксимальный трехгранный сегмент кремневой пластины размером 14 х 18 мм (№ 48). В слое найдена и четырехгранная колотая галька (отбойник) размером 3,4 х 3,8 х 8 см (№ 47).

Металл. Среди собранного подъемного материала имеется и маленькая цельнолитая металлическая поделка (украшение) (№ 83) (рис. 10. 6). Она состоит из трех, расположенных в ряд, кругов диаметром 1,1 см, украшенных по краю выступающим бортиком шириной 1 мм. Внутри кругов находятся два выступающих концентрических кольца шириной 1 мм. Внутренний диаметр одного из них 2 мм, другого 6 мм. Оборотная сторона изделия гладкая.

Обсуждение

Исследователи Лысой Сопки выделили среди материалов, обнаруженных на ней, две группы

фрагментов керамической посуды. Первая из них включала остатки сосудов с оттисками сетки-плетенки, вторая – фрагменты со штриховыми оттисками, оставленными, по мнению В.В. Свинина, в результате ударов по поверхности глиняных емкостей лопаточкой, обмотанной травой. Фрагментов с оттисками сетки-плетенки немного. В коллекциях 1963 и 1965 гг. их всего 16 экземпляров: один фрагмент из подъемных сборов, пять – не имеют четкой привязки и десять – из второго слоя раскопа 1963 г. Во время раскопок 1979 г. были обнаружены лишь фрагмент тулова и часть венчика от сосуда с оттисками сетки-плетенки. Венчик сосуда симметричный, грибовидной формы, орнаментирован горизонтальным пояском сквозных отверстий и наклонными параллельными (прослежено две) линиями. Как и В.В. Свинин, Т.А. Абдулов и Н.П. Пилипчук датируют сетчатую керамику с Лысой Сопки исаковско-серовским этапом неолита Прибайкалья (Абдулов, Пилипчук, 1982. С. 57).

В раскопе 1963 г. керамика с оттисками сетки-плетенки (рис. 9.13, 14) залегала вместе с гладкостенной керамикой. Рядом с ней обнаружена верхняя часть сосуда, украшенная рядами вдавлений тупоугольной лопаточки с венчиком прямой внешне асимметричной формы (рис. 9.11), представляющего иную, чем керамика с оттисками сетки-плетенки, группу сосудов. Можно предположить, что эти типы керамики в какой-то период времени существовали синхронно, но не исключено, что материалы 2 слоя раскопа 1963 г. были смешанными, и более поздняя керамика, украшенная оттисками тупоугольной лопаточки, проникла во 2 слой случайно.

На северном побережье Байкала керамика с оттисками сетки-плетенки встречена в одном геологическом слое вместе с гладкостенной керамикой как на Лысой Сопке, так и на поселении Байкальское 3 (Емельянова, Харинский, 2008). На стоянке Богучанская 13 остатки сосудов с негативами сетки-плетенки располагались ниже, чем гладкостенная керамика, орнаментированная также, как и керамика 1 культурного слоя Лысой Сопки (Харинский, Емельянова, Рыков, 2009). Основываясь на стратиграфических наблюдениях с этой стоянки, можно говорить о керамике с оттисками сетки-плетенки, как самой ранней в этой части Прибайкалья. К настоящему времени по керамике с оттисками сетки-плетенки с северного побережья Байкала имеется только одна радиоуглеродная дата – 6965 ± 47 (Ua-50439) (δ^{13}C‰ VPDB -27,3). Она получена по нагару с внутренней стороны керамического сосуда, обнаруженного на стоянке Усть-Рель 1, в с. Байкальское, к западу от причала на берегу Байкала. С учетом калибровки возраст этого сосуда определяется в пределах 5979–5736 гг. до н. э.[8], что соответствует раннему неолиту Прибайкалья – китойская и другие региональные погребальные традиции (8000–7000/6800 л. н.) (Weber, Schulting, Bronk Ramsey et al., 2016). Этим временем, вероятно, следует датировать и нижний слой Лысой Сопки, в котором зафиксирована керамика с оттисками сетки-плетенки.

В другую группу керамических сосудов, обнаруженных на Лысой Сопке, исследователи включают гладкостенные емкости и емкости со штриховыми оттисками. Учитывая ее технологическое своеобразие, Т.А. Абдулов и Н.П. Пилипчук ставят вопрос о выделении самобытной культуры Северного Байкала, предлагая назвать ее северобайкальской и датировать II тыс. до н. э. (Абдулов, Пилипчук, 1982. С. 64). О характерных чертах северобайкальских керамических сосудов и их датировке имелось несколько, порой несовпадающих мнений (Горюнова, Лыхин, 1985; Гришин, 1986; Горюнова, 1996; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Емельянова, Харинский, 2008; Емельянова, Абдулов, 2009; Емельянова, 2016), обзор которых можно найти в статье А.В. Харинского, Ю.А. Емельяновой и Г.К. Рыкова (Харинский, Емельянова, Рыков, 2009).

Из всех венчиков сосудов, найденных В.В. Свининым на Лысой Сопке, грибовидные внешне асимметричные составляют 61,1 %. Они образованы в результате налепа с внешней стороны верхней части сосуда треугольного в сечении валика размером 8–10 х 6 мм. Верхняя поверхность

[8] Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer, Bard, Bayliss et all, 2013).

венчика прямая. Подобные венчики характерны для сосудов северобайкальского типа (рис. 8.2, 3, 6; рис. 9.1, 10, 12). Близки по своим морфологическим и технологическим характеристикам к ним прямые внешне асимметричные венчики, составлявшие 11,1 % в коллекции находок. Налепной валик, крепившийся к ним с внешней стороны, был в разрезе прямоугольной формы. Его размеры составляли 6 х 13 мм. К сожалению, представленные в коллекции фрагменты малы по размеру и не позволяют определить, как выглядел сосуд ниже верхней части устья (рис. 8.1; рис. 9.4). Поэтому достаточно уверенно относить данную форм венчиков к типично северобайкальскому типу керамики представляется преждевременным.

Устье и верхняя часть тулова украшались орнаментом. При его нанесении поверхность сосуда заглаживалась. С нее удалялись штриховые оттиски. В нижней части тулова, которая не орнаментировалась, штриховые оттиски сохранялись (рис. 8.11). Примеры отсутствия или присутствия штриховых оттисков можно наблюдать и на сосудах из раскопов 1979 г. (Абдулов, Пилипчук, 1982. Рис. 1.3, 4).

Среди орнаментов на северобайкальской посуде с Лысой Сопки преобладают треугольные в сечении горизонтальные налепные валики – 30,2 % от всех элементов орнамента, оттиски лопаточки с угловым вырезом – 25,5 % и прямоугольные штампы – 13 %. Валики располагаются несколькими рядами только на устье сосуда, заполняя или его верхнюю часть, или всю его поверхность. В первом случае обычно на сосудах фиксируется два валика (рис. 8.2, 3; рис. 9.1, 5). Иногда встречаются три или четыре валика, расположенные друг под другом (Емельянова, 2016. Рис. 1. 19–22). Во втором случае на устье сосуда располагаются пять валиков (Абдулов, Пилипчук, 1982. Рис. 1–3). Оттиски лопаточки с угловым вырезом чаще всего украшали валики. Они наносились поперек них, вырезом направо, на расстоянии 2 мм друг от друга (рис. 8.15; рис. 9.1, 4, 5, 10, 12). Отмечены случаи украшения этим орнаментом и непосредственно поверхности сосуда. Вдавления располагались в ряд на верхней части тулова (рис. 8.15; рис. 9.3) или в нижней части устья (Емельянова, 2016. Рис. 1.19). Прямоугольные штампы преимущественно наносились на внешнюю сторону венчика сосудов, выше валиков. Они образовывали горизонтальный ряд из наклонно или вертикально располагавшихся элементов. Фиксируются как элементы шириной около 3 мм (рис. 9.1, 10,12), так и шириной 1–2 мм (рис. 8.2, 3; рис. 9.5). В некоторых случаях прямоугольный штамп с внешней стороны венчика заменяли вдавления прямой лопаточки. Широкий вариант прямоугольного штампа в некоторых случаях украшал верхнюю часть тулова сосуда, образуя горизонтальный ряд (рис. 8. 7, 13; рис. 9.11).

Среди других элементов орнамента, зафиксированных на сосудах северобайкальского типа, следует отметить вдавления прямой (4,1 %), округлой (2,6 %), тупоугольной (1,6 %) и остроугольной лопаточкой (1 %), которые располагались рядами в верхней части тулова сосуда. В Прибайкалье только на сосудах северобайкальского типа отмечена орнаментация различными штампами. Кроме прямоугольного штампа, среди материалов с Лысой Сопки встречаются фрагменты с оттисками круглого (2,1 %), круглого сетчатого (2,1 %) (рис. 8.11; рис. 9.11), прямоугольного наклонно рифленого (1,6 %), треугольного поперечно рифленого (1,0 %) и других штампов.

На ряде северобайкальских сосудов встречаются горизонтальные бороздки, выполненные методом протаскивания. Такие бороздки иногда располагались под валиком, как бы подрезая их снизу (рис. 9.1). Они выполняли и самостоятельные декоративные функции, сочетаясь с вертикальными или наклонными оттисками прямоугольного узкого штампа (рис. 8.9, 10, 12; рис. 9.6, 9). Из-за фрагментарности сосудов, украшенных этим орнаментом, трудно определить: были ли они все северобайкальского типа или этот декор встречается и на емкостях, относящихся к иному керамическому типу.

Орнаментом покрывалось устье и верхняя часть тулова. Каждый орнамент наносился в определенной части сосуда. Верхняя часть устья в районе венчика украшалась вдавлениями прямой лопаточки, располагавшейся наклонно или вертикально или наколами круглой или овальной фор-

мы. Среднюю и нижнюю часть устья занимали ряды горизонтальных валиков, рассеченных вдавлениями лопаточки с угловым вырезом или остроугольной лопаточки. Верхняя часть тулова украшалась рядами оттисков округлой лопаточки или лопаточки с угловым вырезом. Также в этой части сосуда могли находится ряды оттисков прямоугольного или треугольного штампов. Ниже всех в средней части тулова располагались ряды вдавлений круглого штампа.

К настоящему времени нет достаточных данных, на основании которых можно было бы дифференцировать остатки емкостей с Лысой Сопки, относимых к сосудам северобайкальского типа на более дробные керамические типы с четкой хронологической привязкой. Подобная ситуация характерна и для поселения Байкальское 3. Обнаруженные здесь артефакты в основном представлены остатками керамических сосудов северобайкальского типа, залегавшими во 2 и 3 культурных слоях. На основании радиоуглеродных дат, время их использования преимущественно соотносится со второй половиной III–II тыс. до н. э. (Емельянова, 2016. Рис. 1. 19). Предложенные хронологические рамки носят предварительный характер и требуют уточнения, особенно касающегося начальных периодов формирования северобайкальской керамической традиции. Одним из первых шагов на пути решения этой задачи, на наш взгляд, является уточнение понятия «сосуды северобайкальского типа». Особенно это важно для керамических комплексов Лысой Сопки и Байкальского 3, где обнаружено большое количество фрагментированной посуды, схожей по технологическим, морфологическим и орнаментальным параметрам и объединенной в одну типологическую группу – керамика северобайкальского типа.

Обращаясь к материалам с Лысой Сопки, поселения Байкальское 3, стоянок Богучанская 13 и Северобайкальская 1, попробуем охарактеризовать керамические сосуды северобайкальского типа, основываясь на их форме и орнаментации (рис. 11). Попытки подобных обобщений уже предпринимались, поэтому мы лишь дополним некоторые из обозначенных ранее характеристик (Емельянова, Кичигин, 2016). Сосуды северобайкальского типа круглодонные, имеют гладкую поверхность или частично покрыты штриховыми оттисками. Они состоят из четырех конструктивных элементов: придонной части, тулова, шейки и устья, оканчивающегося венчиком. Высота сосудов колеблется от 12 до 32 см, максимальная ширина тулова 17–40 см, ширина венчика 15–36 см, высота устья 3,5–7 см. У северобайкальских сосудов шаровидное тулово, устье прямое или слегка отклоняющееся наружу. Венчик внешне асимметричной грибовидной или прямой формы. Он образован за счет налепа в верхней части сосуда с внешней стороны треугольного или четырехугольного в сечении валика. Устье сосуда украшено 2–5 горизонтальными рядами налепных, треугольных в сечении, валиков. Валики в большинстве случаев рассекались вдавлениями лопаточки с угловым вырезом или остроугольной лопаточкой. Нижняя часть устья и верхняя часть тулова покрывалась горизонтальными рядами вдавлений лопаточек округлой и тупоугольной формы или лопаточкой с угловым вырезом. Горизонтальные ряды отступающей лопаточки чередовались с рядами круглых, прямоугольных, треугольных и иных штампов, а также горизонтальных борозд, полученных способом протаскивания. Ниже всего на сосуде, в средней части тулова, располагались ряды треугольных, круглых и иных штампов.

Из-за малых размеров, некоторые фрагменты керамики бывает трудно отнести к какому-либо керамическому типу. В этом случае наличие на них таких элементов орнамента, как треугольные в сечении валики, рассеченные лопаточкой с угловым вырезом, и штампы различных форм, позволят практически безошибочно идентифицировать эти фрагменты как остатки сосудов северобайкальского типа.

Остатки нескольких гладкостенных сосудов, обнаруженных на Лысой Сопке, не относятся к сосудам северобайкальского типа и датируются более поздним временем. К их числу относятся фрагменты верхних частей двух сосудов без номеров из коллекции № 10293. Первый из сосудов имеет слегка отогнутое наружу устье, которое располага-

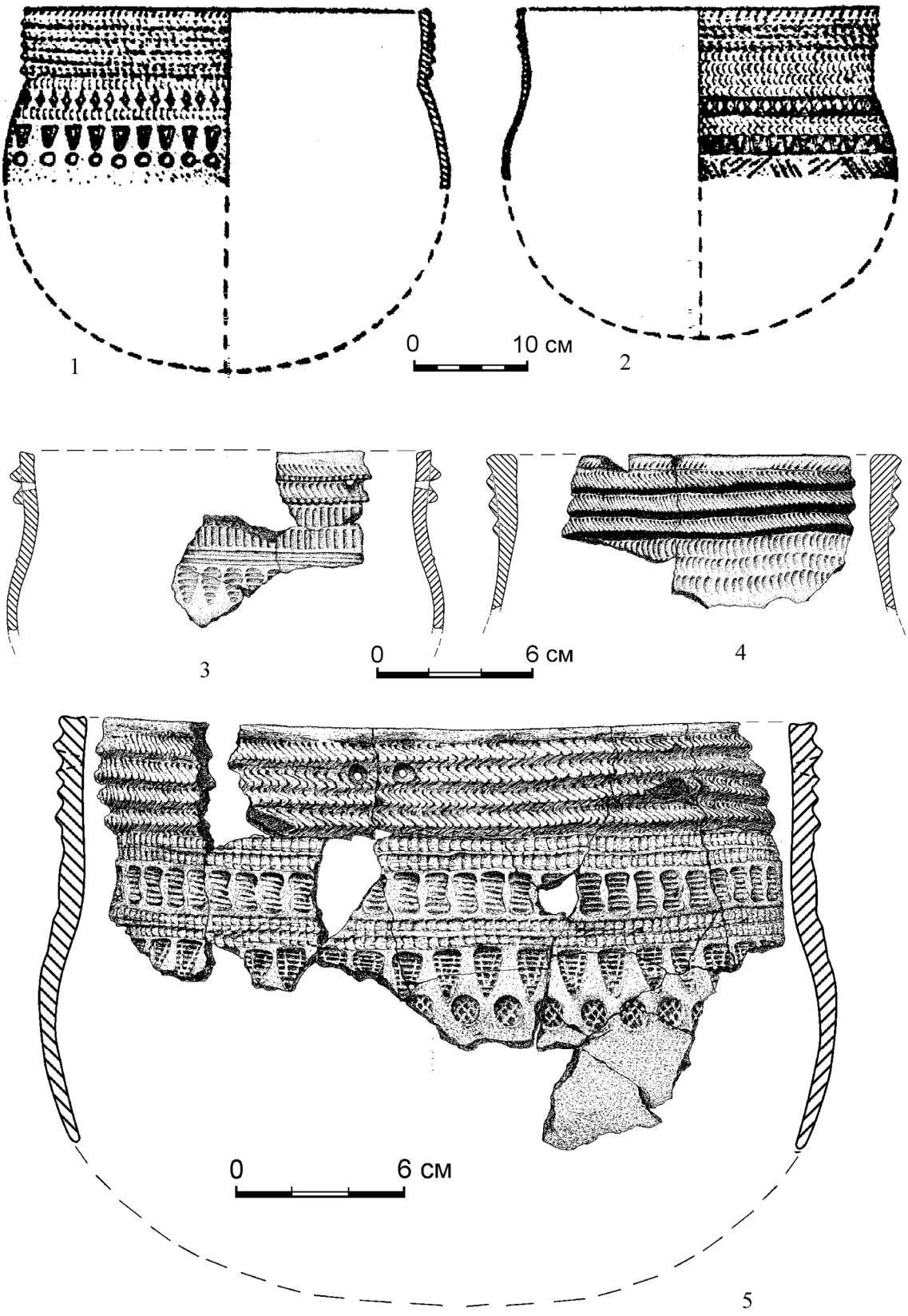

Рис. 11. Сосуды северобайкальского типа: *1, 2 – Лысая Сопка (Абдулов, Пилипчук, 1982); 3–5 – Байкальское 3 (Емельянова, 2016)*

Fig.11. Vessels of the Northern Baikal Type: *1, 2 – Lysaya Sopka (Abdulov, Pilipchuk, 1982); 3–5 – Baikal'skoe 3 (Emelyanova, 2016)*

ется к тулову под углом 20°, крепясь к его внешней стороне (рис. 10.1). Высота устья 2,5 см, толщина его стенок 4–3 мм. Толщина стенок тулова 2–3 мм. Венчик прямой. С наружной стороны он рассечен наклонными вдавлениями прямого треугольного в сечении орнаментира. Ширина вдавлений около 3 мм, расстояние между ними около 2 мм. В верхней части тулова, чуть ниже шейки, сосуд украшает горизонтальный налепной валик треугольный в сечении. Его ширина 4 мм, толщина 2 мм. Валик рассечен такими же вдавлениями, что и венчик сосуда. Между валиком и венчиком располагается серия круглых конических отверстий диаметром 3 мм, находящихся на расстоянии 2,8–4 см друг от друга.

Второй из сосудов (рис. 10.3) с удлиненным туловом, толщина стенок которого в средней части составляет 7 мм, а в верхней 9 мм. С внутренней стороны к верхней части тулова под углом 30° крепится устье сосуда высотой 1,5 см, отогнутое наружу. Венчик прямой толщиной 5 мм. В районе шейки проходит прочерченная горизонтальная линия шириной 1,5 мм. На линию нанесены круглые наколы треугольные в сечении, диаметром 2–3 мм, расположенные на расстоянии около 3,7 см друг от друга.

На северном побережье Байкала остатки керамических сосудов, украшенные одним или несколькими горизонтальными рассеченными налепными валиками, обнаружены на нескольких памятниках: Курла 1, Курла 4, Кула 8 (Абдулов, Тужик, 1995. Рис. 2.4, 7; рис. 3.2; рис. 6.1), Красный Яр 2 (Кичигин, 2010. Рис. 11). Т.А. Абдулов и Л.Л. Тужик гладкостенную керамику, орнаментированную налепными валиками, рассеченными прямым штампом, датируют периодом от V в. до н. э. до первых веков нашей эры (Абдулов, Тужик, 1995). Д.Е. Кичигин гладкостенную керамику с налепными валиками, обнаруженную в I культурном слое Красного Яра 2, датирует второй половиной I тыс. до н. э. (Кичигин, 2010). К этому же времени и мы склонны относить использование гладкостенных керамических сосудов с Лысой Сопки, украшенных тонкими налепными валиками, рассеченными наклонными вдавлениями.

Толстостенные керамические сосуды, украшенные прочерченной горизонтальной линией с круглыми наколами, находят аналогии на всем побережье озера Байкал в материалах стоянок и поминальных комплексов и могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э. (Асеев, 1980; Харинский, 2005; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008).

Заключение

Анализ материалов, обнаруженных на Лысой Сопке в ходе исследований 1963 и 1965 г., свидетельствует о том, что на протяжении веков эта возвышенность воспринималась как сакральный объект. О наиболее ранних этапах посещения сопки человеком свидетельствуют находки фрагментов керамических сосудов с оттисками сетки-плетенки, датирующиеся периодом раннего неолита. Следующий период истории этого археологического объекта, относящийся ко второй половиной III–II тыс. до н. э., связан с носителями северобайкальской керамической традиции. Он представлен наибольшим количеством артефактов, обнаруженных на Лысой Сопке, из которых самыми выразительными являются фрагменты керамических сосудов.

К заключительным этапам существования памятника относится находка двух гладкостенных сосудов, один из которых орнаментирован тонким налепным валиком, рассеченным наклонными вдавлениями, а другой – прочерченной линией с круглыми наколами. Первый из сосудов датируется второй половиной I тыс. до н.э., а второй – второй половиной I тыс. н. э.

Библиографический список

Абдулов Т.А., Базалийский В.И., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Горюнова О.И., Дзюбас С.А., Задонин О.В., Инешин Е.М., Титов А.В., Федоренко А.Б., Харинский А.В. Исследования Иркутского университета // Археологические открытия 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 207–212.

References

Abdulov T.A., Bazaliiskii V.I., Berdnikova N.E., Vetrov V.M., Goryunova O.I., Dzyubas S.A., Zadonin O.V., Ineshin E.M., Titov A.V., Fedorenko A.B., Kharinskii A.V. (1988) Irkutsk University Research. *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 g = Archaeological Disvoveries 1986*. Moscow: Nauka. P. 207–212. (In Russ.)

Абдулов Т.А., Пилипчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале (по материалам 1997 года) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1982. С. 55–70.

Абдулов Т.А., Тужик Л.Л. Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 175–192.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980. 149 с.

Горюнова О.И. Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного унверситета, 1996. С. 82–96.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники полуострова Святой Нос // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 130–147.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: сб. науч. тр. / отв. ред., д-р. ист. наук, проф. Г.И. Медведев. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 35–45.

Гришин Ю.С. О керамике стоянки Лысая Сопка на Байкале // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 66–70.

Емельянова Ю.А. Технико-технологические аспекты декорирования северобайкальских сосудов // Традиции и инновации в изучении древней керамики : материалы Международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, 2016. С. 146–148.

Емельянова Ю.А., Абдулов Т.А. Керамика северобайкальского типа со стоянки Лысая Сопка // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера, 2009. С. 229–233.

Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Керамические традиции бронзового века северо-западного побережья Байкала // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. Н.П. Матвеевой. Тюмень: Изд-во Тюменского го-

Abdulov T.A., Pilipchuk N.P. (1982) Lysaya Sopka settlement on Northern Baikal (based on materials from 1997). *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri = Material culture of the ancient population of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 55–70. (In Russ.)

Abdulov T.A., Tuzhik L.L. (1995) Ceramic complexes of the Kurlinskaya Bay localities. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikal Siberia in antiquity.* Irkutsk. P. 175–192. (In Russ.)

Aseev I.V. (1980) Baikal region in the Middle Ages. Novosibirsk. 149 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1996) Late Bronze Age on the territory of the Baikal region. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri = Archeology, Anthropology and Ethnography of Siberia.* Barnaul: Altai State University. P. 82–96. (In Russ.)

Goryunova O.I., Lykhin Yu.P. (1985) Archaeological sites of the Svyatoy Nos Peninsula. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi = Ancient Transbaikalia and its cultural ties.* Novosibirsk. P. 130–147. (In Russ.)

Goryunova O.I., Nomokonova T.Yu., Novikov A.G. (2008) The multilayer settlement Katun I is the basis of the periodization of the Paleometal Epoch on the coast of the Chivyrkuisky Bay of Lake Baikal. *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii = Anthropogen. Paleoanthropology, Geoarcheology, Ethnology of Asia.* Irkutsk: Ottisk. P. 35–45. (In Russ.)

Grishin Yu.S. (1986) About ceramics of Lysaya Sopka site on Lake Baikal. *KSIA = Brief Reports of the Institute of Archeology.* Iss. 185. P. 66–70. (In Russ.)

Emel'yanova Yu.A. (2016) Technical and technological aspects of decorating North Baikal vessels. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevnei keramiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 24–27 maya, 2016, Sankt-Peterburg = Traditions and innovations in the study of ancient ceramics: Proceedings of the International Scientific Conference, May 24-27, 2016, St. Petersburg.* St. Petersburg. P. 146–148. (In Russ.)

Emel'yanova Yu.A., Abdulov T.A. (2009) Ceramics of the Northern Baikal Type from the Lysaya Sopka site. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. Materialy Vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, 3–6 maya 2009 g. = University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937. Materials of the All-Russian seminar dedicated to the 125th anniversary of Bernhard Eduardovich Petri, Irkutsk, May 3–6, 2009.* Irkutsk: Amtera. P. 229–233. (In Russ.)

Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E. (2016) Ceramic traditions of the Bronze Age of the northwestern coast of Lake Baikal. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V Mezhdunar. nauch. konf., g. Tyumen', 7–11 noyabrya 2016 g. = Ecology of Ancient and Traditional Societies. Proceedings of the V International Scientific Conference,*

сударственного университета, 2016. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2. С. 48–52.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2008. Вып. 6. С. 145–166.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий / Иркутский государственный технический университет. Иркутск, 2010. Вып. 8. С. 154–192.

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг. (материалы к докладам на научной сессии института археологии Академии наук СССР). Иркутск: Изд-во Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ), 1966а. С. 50–69.

Тиваненко А.В. Новые петроглифы побережья озера Байкал // Древнее Прибайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 154–161.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 208 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2001. 198 с.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. Вып. 7. С. 86–132.

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I, Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunteregatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. Quaternary International. 2016, p. 74–98.

Tyumen, November 7-11, 2016. Tyumen': Tyumen' State University. Iss. 5. In 2 pt. Pt. 2. P. 48–52. (In Russ.)

Emel'yanova Yu.A., Kharinskii A.V. (2008) The oldest settlement-sanctuary on the shores of Lake Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 6. P. 145–166. (In Russ.)

Kichigin D.E. (2010) Krasny Yar II site on the northwestern coast of Lake Baikal: results and prospects. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 8. P. 154–192. (In Russ.)

Svinin V.V. (1966a)Archaeological research on the northern coast of Lake Baikal in 1963–1965. *Otchety arkheologicheskikh ekspeditsii za 1963–1965 gg. (materialy k dokladam na nauchnoi sessii instituta arkheologii Akademii nauk SSSR) = Reports of archaeological expeditions for 1963–1965. (materials for reports at the scientific session of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences).* Irkutsk: Irkutskii oblastnoi kraevedcheskii muzei. P. 50–69. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1985) New petroglyphs of the shores of Lake Baikal. *Drevnee Pribaikal'e i ego kul'turnye svyazi = Ancient Baikal region and its cultural ties.* Novosibirsk: Nauka. P. 154–161. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1990) Ancient rock art of Buryatia: new sites. Novosibirsk: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2001) Cisbaikalia at the end of the 1st millennium BC – mid-2nd millennium AD: the genesis of cultures and their periodization. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 198 p. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Rykov G.K. (2009) The North-West coast of Lake Baikal in the Bronze Age: Based on Site Materials. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 7. P. 86–132. (In Russ.)

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I, Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunteregatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. Quaternary International. 2016, p. 74–98.

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
Иркутский государственный университет,
664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Емельянова Юлиана Андреевна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: tonag@inbox.ru

Иванов Григорий Леонидович,
заведующий сектором научно-фондового отдела ИОКМ,
Иркутский областной краеведческий музей,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия,
✉ e-mail: ivanov85@mail.ru

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,
Dr. Sci (History), professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
Irkutsk State University,
1, Karl Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Iuliana A. Emelianova,
Cand. Sci. (History), researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: tonag@inbox.ru

Grigorii L. Ivanov,
Head of sector of museum funds IMLL,
Irkutsk Museum of Local Lore,
13, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ email: ivanov85@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 10 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 20 февраля 2021 г.
Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Article info

Received January 10, 2021.
Received February 20, 2021.
Accepted March 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 904
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-90-109

About the new classification of deer stones

© Dimaadjav Erdenebaatar

Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract: The researchers have reached a consensus that the deer stones left by the owners of *khirigsuur* and deer stone culture during the Bronze Age on the territory of Mongolia were erected in dedication for human in terms of purpose. However, no consensus has been reached to date among researchers in terms of dating and classification. In this article, I propose a new postulation to classify the deer stones into two categories, including the deer stones dedicated for men and the deer stones dedicated to women. Previous researchers have often classified deer stone statues based on differences in appearance, but in this article when writing about the deer stone statue clearly shows to me the gender differences of the person to whom it is dedicated. Some researchers believe that the depictions on the stone statues of deer stones are not based on gender differences, but on facial expressions, necklaces, belts, images, weapons, deer, moose, ungulates and wild animal predators. However, some scientists do not equate to the statues of deer stones statues stone women and consider them subhuman statues image. Although some researchers have classified deer stones the same type of classification as previous researchers, some forms were considered subclasses within the main classification. This is because the subclass considers other additional images depicted on the deer statues as a special class. Deer stones are one of the most interesting and still largely mysterious types of archaeological sites that have become a kind of symbol of the ancient culture of Mongolia and Central Asia. Deer stones are located on the territory of Mongolia and a large region of Altai Mountain and Khangai Mountain, also Mountain Sayan-Altai, Tuva and Transbaikalia. These archaeological cultures Deer stones with khirigsuur have a number of characteristic natural features, which largely determined the paths of the historical development of its population and that special role in world history.

Keywords: Deer stone, khirigsuur, bronze weapon, classification, purpose of utilization, man, woman, rank, worship rite, sacrifice, funeral sacrificial rite

For citation: Erdenebaatar D. (2021) About the new classification of deer stones. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 90–109. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-90-109

О новой классификации оленных камней

© Д. Эрдэнэбаатар

Улан-Баторский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация: Исследователи пришли к единому мнению, что оленьи камни, оставленные представителями культуры херексуров и оленных камней в эпоху бронзы на территории Монголии, с точки зрения предназначения, посвящались человеку. Однако до настоящего времени среди исследователей не было достигнуто единого мнения в отношении их датировки и классификации. В этой статье я предлагаю новый подход, классифицируя оленные камни по двум категориям, включающим камни, предназначенные для мужчин, и камни, предназначенные для женщин. Предыдущие исследователи часто классифицировали изображения оленнных камней на основе различий во внешнем виде, но в этой статье при описании изображений оленных камней обращается внимание на их гендерные различия, указывающие на то, кому были посвящены эти изваяния. Некоторые исследователи считают, что различия изображений на оленных камнях основаны не на гендерных признаках, а на мимике, ожерельях, поясах, изображениях оружия, оленей, лосей, копытных и диких животных-хищников. Однако ряд ученых не считает оленными камнями каменные изваяния женщин и относят их к нечеловеческим изображениям. Хотя некоторые ученые классифицировали оленные камни по тому же принципу, что и предыдущие исследователи, некоторые их формы рассматривались ими как подклассы в рамках ос-

новной классификации. Это связано с тем, что подкласс рассматривает другие дополнительные элементы, изображенные на оленных камнях, как особый класс. Оленьи камни – один из самых интересных и до сих пор во многом загадочных видов археологических памятников, ставших своеобразным символом древней культуры Монголии и Центральной Азии. Археологическая культура оленных камней и херексуров имеет ряд характерных природных особенностей, которые во многом определили пути исторического развития его населения и ту особую роль, которую оно играло в мировой истории.

Ключевые слова: оленный камень, херексур, бронзовое оружие, классификация, функциональное назначение, мужчина, женщина, ранг, культовый обряд, жертвоприношение, погребальный жертвенный обряд

Для цитирования: Эрдэнэбаатар Д. О новой классификации оленных камней // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 90–109. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-90-109

The are major forms of Bronze Age archaeological monuments found in Mongolia khirigsuur stone mounds, and deer stone stelae. The major type of archaeological site of the Mongolian Bronze Age is a type of stone stele known as a deer stone. The stelae are prepared with four distinct sides oriented in cardinal directions when the stone is erected. Images on the deer stones are carefully carved into the rock surface, presumably with metal tools, and there is no evidence for the use of either mineral or organic colorants. Deer stones were made from a variety of different stone materials, some of which were locally obtained and others which were transported from external quarry sites. The height of these standing stones ranges from 1.8 to 2.5 m above the contemporary surface, and are on average 0.3–0.6 m in width. Stylistically, the deer stones can be divided into three horizontal bands. Each of these three sections contains a different set of images for which researchers have offered a variety of interpretations. In general, the uppermost section usually contains a circular outline and occasionally a full-figured face would have been carved into the stone adjacent to the circle. Therefore, deer stones are interpreted as anthropomorphic monuments. The circular image has been viewed as a earring and of ear decoration. When faces occur on deer stones they are invariably oriented to the east, while the north and south sides of the stone receive the circular images, reinforcing the earring interpretation.

The carvings in the central band include sets ofhighly stylized deer, shield-shaped images, and depictions of re-curved bows. These depictions can occur on any side of the deer stone and may also occur on all sides simultaneously within the central band. The images of deer appear in groups with three or more animals depicted. The deer image is very complex and consists of an animal while the muzzle of the deer is elongated, such that it somewhat resembles the beak of a bird. Based on the position of the deer, some researchers suggest that the image is oriented towards the sky, which in Inner Asian cosmology has long been regarded as the symbol of a powerful deity. The shield images most commonly consist of a pentagon shape containing chevrons pointed upward and occasionally a small circle located approximately in the middle of the pentagon. The re-curved bow image references a hunting implement and weapon used throughout Mongolian history and is known to be widely distributed across Inner Asia.

The third and lowermost section of a deer stone stele usually contains images of a wide variety of weapons with what has been interpreted as a decorated belt encircling the stone. The images are thought to represent weapons including knives, daggers, swords, axes, and battle picks. Other images commonly occurring inthis lower section have3 yet to be interpreted, but are still thought to represent tools or weapons. These images usually occur on a single side of the stone, or more often on oppsite sides of the stone, suggesting to some researches that they hang on the right and left sides of an anthropomorphic figure. The decorated band encircling the stone is interpreted as a belt from which these weapons are suspended. The “belt” bands appear in either thick or thin strips and are

often decorated with patterned hatch marks. In summation, these pictorial elements taken as a whole suggest to Mongolian and Russian researchers that the deer stone is a representation of an armed individual and most likely one having some social distinction in local society. The images of the deer are understood to represent tattoos on the body of this individual, similar to those preserved on bodies excavated from Pazyryk type kurgans in the Russian Altai. (Fig. 1) (Novgorodova, 1989. P. 181).

The chronology of deer stone stelae is based mainly upon the style of the weapons depicted, since these can be recognized as artifacts actually found in dated burial assemblages. Though controversy still exists over the dates for these monuments, most researchers now agree that the period of their production probably falls between the fifteenth and fifth centuries BCE. The excavations of the Arzhan kurgan in Tuva, which contained fragments of deer stones in and among the kurgan rock fill, support these dates. There remains some question as to whether thee deer stone fragments were originally placed on top of the kurgan or whether they were used as construction material. However, assuming the period of 1000 to 800 BCE, based on several radiocarbon dates for the Arzhan site. Deer stones are distributed across Mongolia province of Khentii in the east to the farthest western Mongolia and Russian Altay mountain, to the Tuva, in China of the province Xinjiang.

Deer stones, archeological monuments widely spread throughout Mongolia serve as one of the vital historical resources to study and clarify the ancient history of Mongolia. Deer stones date from mid Bronze Age and are historical resource that were formed within the culture of the same ethnicity within the scope of the same historical period as the khirigsuur monuments.

Archeologically, this historical resource was thoroughly studied by Мongolian and foreign archeologists from many aspects. The researchers who have focused on deer stone study, proposed their hypothesis on dating of deer stones and delivered their significant research works on its

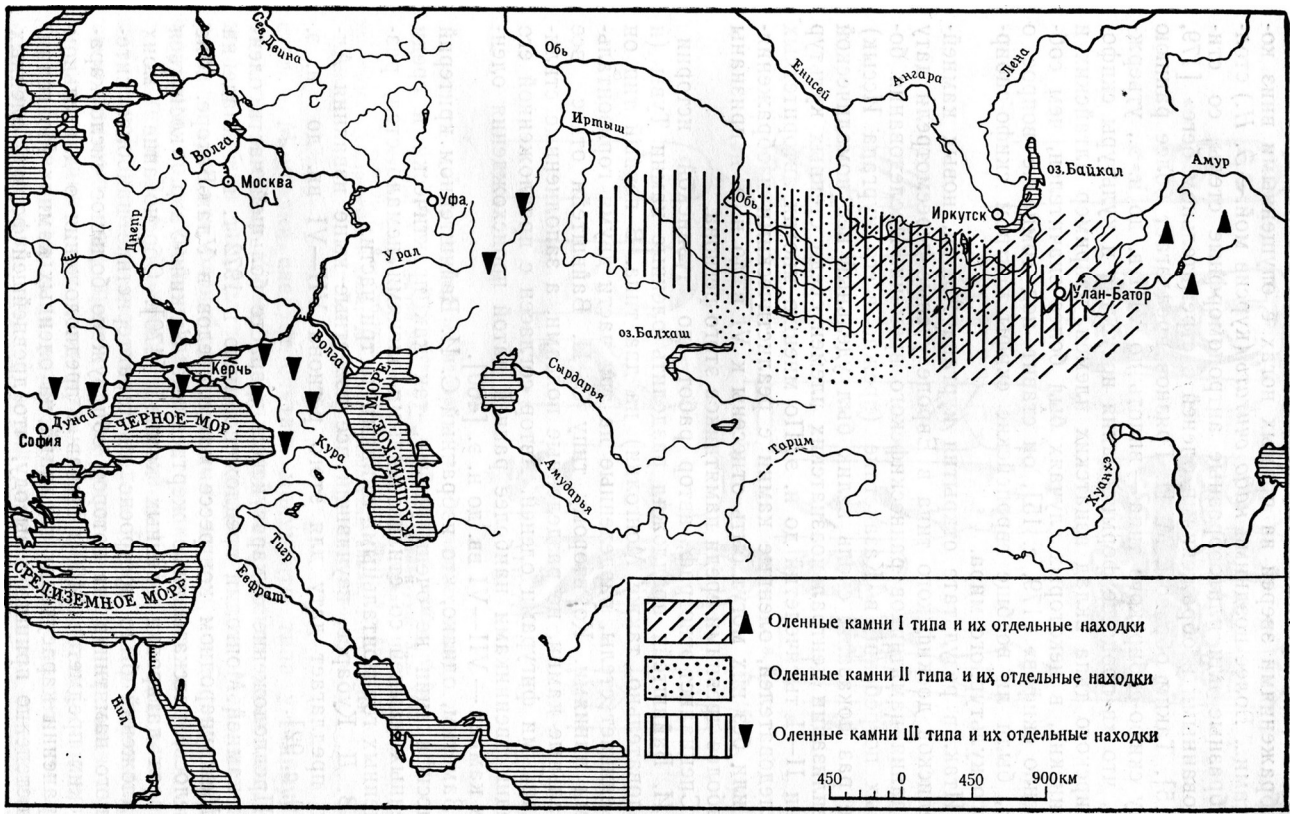

Fig. 1. Distribution of deer stones of types 1, 2 and 3 in Eurasia (by Novgorodova, 1989)
Рис. 1. Распространение оленных камней 1, 2 и 3 типов в Евразии (Новгородова, 1989)

function and form to date are (Okladnikov, 1954; Chlenova, 1962; Chlenova, 1984. P. 56–57; Mannai-Ool, 1968. P. 139–145; Kyzlasov, 1978; Tseveendorzh, 1979; Volkov, 1981. P. 99–122; Khudyakov, 1987. P. 150–154; Novgorodova, 1989. P. 173–201; Savinov, 1994. P. 70–84; Tivanenko, 1995; Kovalev, 2001; Bayarsaikhan, 2017. 71-193-р тал). These researchers are main representatives of many other researchers who have conducted studies on deer stones to a certain extent and I state their names for they have acknowledged a common view on the forms, classification and dating of deer stones located in the territory of Mongolia with less dispute.

For I have conducted my studies focusing on the culture of *khirigsuur* and deer stones for over 30 years and the hypotheses and research resources on deer stone styles, classifications and relating dating to these classifications by researchers are highly varied, I aimed to explicate the results of my study on the forms and classification of deer stones.

The first researchers who correlated the deer stones with the khirigsuur and slab burial monuments from Bronze Age Mongolia are Russian scholars of (Khudyakov, 1987; Kovalev, 1986). These two researchers, almost concurrently, proposed their postulation that the deer stones are coeval archeological sources in line with other archeological finds dating from Bronze Age, which became the core factor to focus the study of this field into the proper direction. Following the results of my archeological studies in the Egiin gol River basin in Khutag-Undur soum, Bulgan province since 1990s and the preliminary outcomes of my compound study on khirigsuurs and deer stones – main historical monuments from Bronze Age in the provinces of Khovd, Khuvsgul and Arkhangai in 2000s, I had proposed that the monuments of Deer stones and khirigsuurs are coeval archeological sources made by people of the same ethnicity within the same period of time in the same age, emphasizing the postulation by Yu.S.Khudyakov and basing on the similarities of the funerary rite performed at the interment complex surrounding the deer stones and those at the interment complex in the eastern and southern sides of the khirigsuur (Erdenebaatar, 2002; Erdenebaatar, Kovalev, 2003; Allard, Erdenebaatar, 2005. P. 75–80; Erdenebaatar, 2007).

Furthermore, I propose a different type of classification than the classifications by external styles by other researchers. To date, there hasn't been any different approach than the classification by Russian researcher V.V.Volkov, that divided the deer stones into three main categories, including

1. typology of General Eurasian deer stones (without zoomorphic depiction),

2. typology Sayan-Altai deer stones (displaying animals in realistic natural rendition),

3. typology Mongol-Baikal Deer stones (Volkov, 1981. P. 102). Russian researcher E.A.Novgorodova, in her work 'Ancient Mongolia' published in 1989, had classified the deer stones, where the third style by V.V.Volkov was listed as 1st, the 1st as 3rd and the 2nd as 2nd (Fig. 2) (Novgorodova, 1989. P. 173–180), while there hasn't been any other attempt to classify the deer stones from a different point of view. Mongolian researcher J.Bayarsaikhan proposed to classify the deer stones into four categories, yet there wasn't much difference in terms of principle. His classification listed 1. Deer stones with stylized deer renditions, 2. Deer stones with realistic animal renditions, 3. Deer stones with mixed (realistic and natural) renditions and 4. Deer stones without animal renditions (Bayarsaikhan, 2017. 71-200-р талд), which doesn't display much difference or change from V.V.Volkov's classification. Another researcher, who expanded the classification of V.V.Volkov is Russian researcher D.G.Savinov. Russian archaeologist Savinov made the following classification. 1. Deer stones with stylized images of deer. 2. Deer stones with "realistic" images of animals. 3. Deer stones no images of animals, without depictions of animals. He divided the Mongolian-Baikal deer stones into four sub-classes, the Sayan-Altai deer stones into two sub-classes, while Eurasian style deer stones without sub-classes (Savinov, 1994. P. 70–83). Yet he categorized the deer stones discovered in Eurasia and Mongolia in terms of rendition styles as 'A group deer stones with mixed animal renditions', 'A group of deer stones

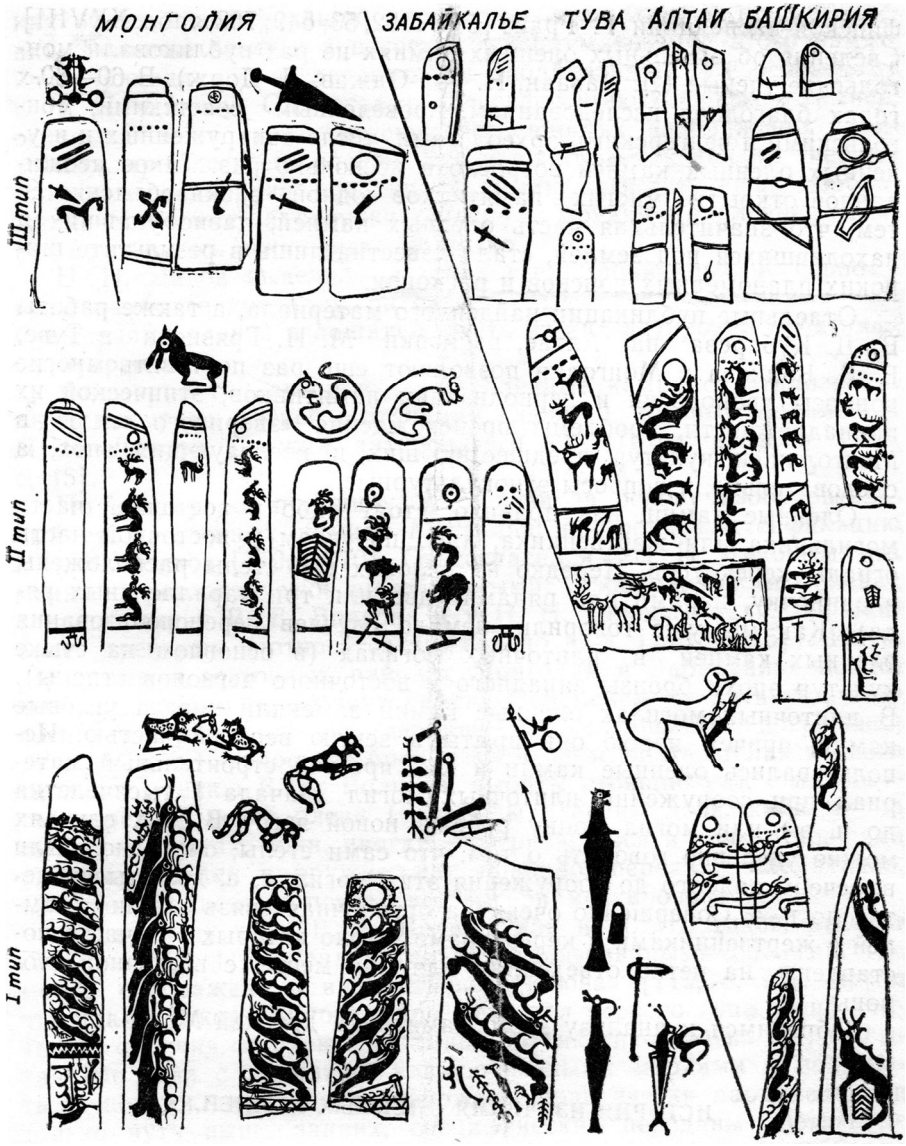

Fig. 2. Old typology of deer stones (by Novgorodova, 1989)
Рис. 2. Старая типология оленных камней (Новгородова, 1989)

with dagger and horse depiction', 'A group of deer stones in Kazakhstan, Middle Asia and Ural', 'A group of deer stones in northern Caucasia', 'A group of deer stones in western Europe', 'A group of deer stones with animal face imagery, 'A group of deer stones with human face imagery', and 'A group of deer stones with a parallel lines on the facade' (Savinov, 1994. P. 94–194).

All these researchers have reached the same conclusion that these styles of Deer stones are archeological monuments that were formed in different periods of time. Moreover, the Eurasian deer stones dare from earliest period of time, while the rest date to later period of time.

The excavation of our Mongolian-Russian joint archeological field expedition in 2006 at an interment with deer stones in Surtiin Tal in Burentogtokh soum, Khuvsgul province, unearthed 3 forms of deer stones in the same cultural layer in the same internment (Fig. 3), (Fig. 4), (Fig. 5), (Fig. 5A), (Fig. 6), (Fig. 7), (Fig. 8). The result of this excavation urged to reconsider the hypothesis by previous researchers that the above-mentioned classifications of deer stones date to different period of time.

Fig. 3. Excavations at the site of the Sørte in province Khovsugol
Рис. 3. Раскопки местонахождения Сөрт в Хубсугульском аймаке

Fig. 4. From the excavation of Sørte, found the first deer stones
Рис. 4. Первый оленный камень из раскопок на местонахождении Сөрт

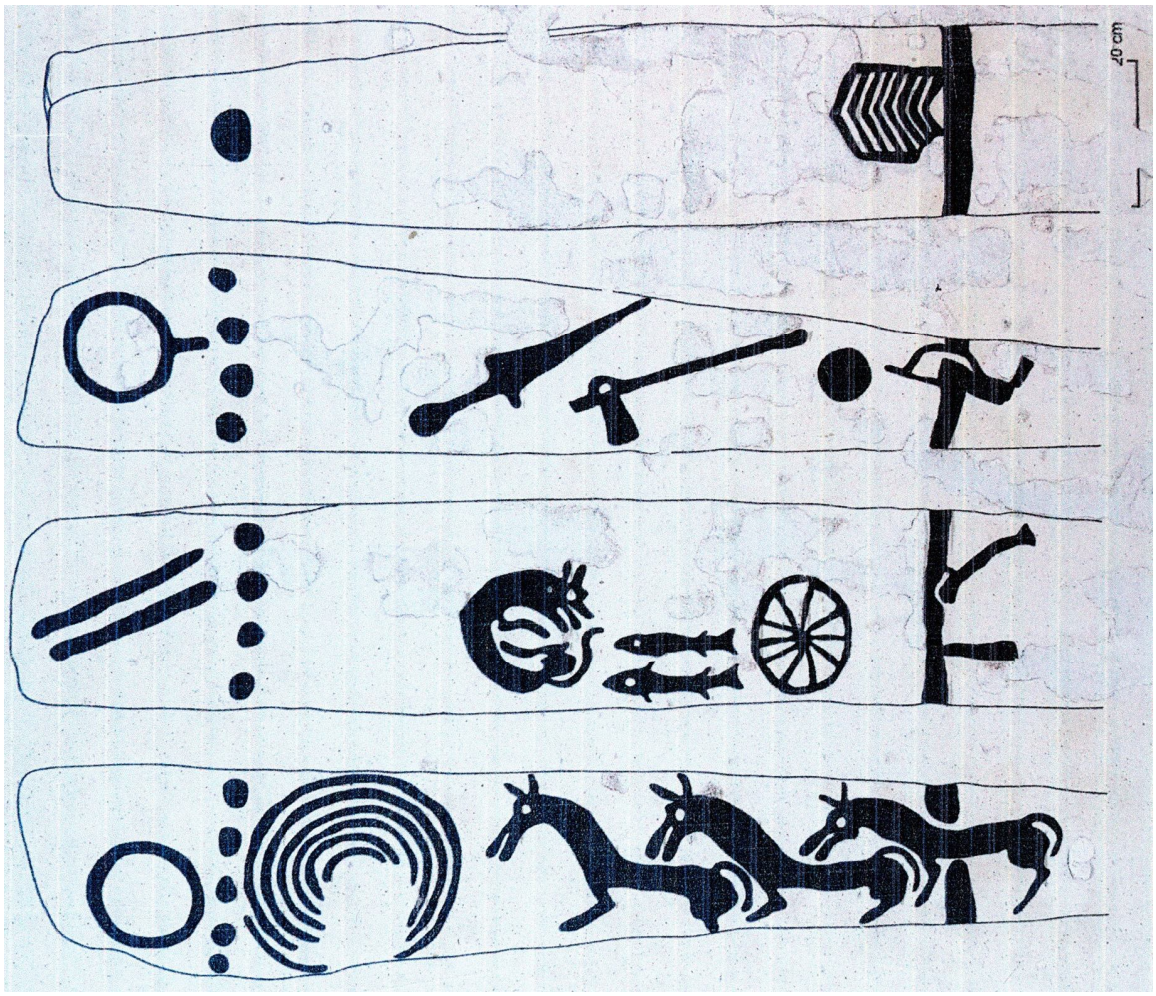

Fig. 5A. From the excavation of Sørte found 2nd deer stone drawing figure
Рис. 5А. Прорисовка фигур со второго оленного камня из раскопок на местонахождении Сёрт

Fig. 5. From the excavation of Sørte found 2nd deer stone
Рис. 5. Второй оленный камень из раскопок на местонахождении Сёрт

Fig. 6. From the excavation of Sørte found the 3rd deer stone
Рис. 6. Третий оленный камень из раскопок на местонахождении Сөрт

Fig. 7. From the excavation of Sørte found the 4th deer stones
Рис. 7. Четвертый оленный камень из раскопок на местонахождении Сөрт

Fig. 8. From the excavation of Sørte found the 5th deer stones
Рис. 8. Пятый оленный камень из раскопок на местонахождении Сөрт

Mongolian-Japanese joint archeological field expedition team and the Mongolian-Russian joint field expedition team conducted excavations at Deer stone-*khirigsuur* complex at Uushgiin Ulaan site in Tuya bagh, Burentogtokh soum, Khuvsgul province in 2002–2013, which deepened the demand on precise study and accurate explication of the archeological resources.

It's definite that Deer stones are monuments erected in honor of someone from that period of time. Consequently, it's certain that the size, style and illustrations of each deer stone are distinct in accordance with the personage dedicated. Observing the research resources we've collected to date, it's potential to classify the deer stones into two main categories, one dedicated for men and the other, dedicated for women. In particular, it can be considered that **the typology of "Mongolian-Baikal" deer stones and typology of "Sayan-Altai" deer stones, as referred 3rd-4th categories by above-mentioned researchers, are dedicated for men** (Fig. 9), (Fig. 10) **and the typology of "Eurasian" deer stones are dedicated for women.** (Fig. 11), (Fig. 12).

The deer stones erected for men employ fewer renditions of deer and other animals, as well as definite depictions of face, headdress, crown, earrings as well as warrior's regular implements such as belt and weapons suspended from the belt, including bow, arrow, quiver, dagger, sword and shield. The deer stones dedicated for women, mostly smaller in size, mainly display one, two, three or four diagonal slashes on the face, headdress, necklace, pendent talisman, narrow belt and a knife suspended from the belt as well as renditions of horse, livestock or an animal. It's certain to question to whom were dedicated particular deer stones that are of larger size and display both weaponry and deer renditions as well as parallel diagonal slashes on their faces? The history and traditions of Mongolia provide abundant resources that in the distant past, women were involved in military and war traditions actively and equally in the early nomadic societies engaged in pastoral livestock husbandry and hunting. Accordingly, it's potential to consider that deer stones of larger size and renditions of deer and parallel or triple diagonal slashes on the stone faces were erected in dedication to women. The deer stones erected in dedication to women can measure from 5cm (Bayarsaikhan, 2017. 189-200-р тал) to 2.7 meters in height. These one, two, three or four diagonal slashes on the face of deer stones dedicated to women represent the tattoos on the symbolic face, indicating which wife in number she was. D.Bayar, Mongolian prominent archeologist, once stated in his research article that these diagonal slashes on deer stones are the tattoos on the faces of women in the distant past (Bayar, 1995). In his treatise, he stated the diagonal slashes are the facial tattoos of women of that time, yet there was no mentioning about the woman's status as which wife of the husband. It's evident that these diagonal slashes in different numbers engraved on the facade of deer stones serve as a sign of her marriage as well as indication of her status as which wife she was of her husband.

All the deer stones images recorded by us on the Russian East Altai deer stones can be conditionally divided into eight groups:

1. Drawings of signs of sacral and magical meaning, which are most often applied to the upper face of the stones.
2. Images of different types of ringed earrings, embossed on the sides in.
3. The main types of images of necklaces, torques and tiaras.
4. Images of belts.
5. Drawings weapons (daggers, axes and battle-axes), located mainly in the statues, deer stones Belt.
6. Arms Figures (quivers, bow and arrow case) carried out under the belts on the sides of the stones.
7. Images of deer and horses, applied both on the front and on the sides of the stones.
8. Drawings of various animals (predators, goats, etc.), located mainly on the sides of the stones (Kubarev, 1979. P. 42–43).

There are researchers, who have explained the three diagonal slashes on the facade of deer stone from a different point of view. For instance, Russian scholar D.V.Kubarev stated that '...these three lines

Fig. 9. Deer stones for a man in archaeological site Uushgiin Ulaan, of the Huvsgol province
Рис. 9. Оленный камень для мужчин с местонахождения Уушгийн Улаан Хубсугульского аймака

Fig. 10. Deer stones for a man in archaeological site Jargalantiin am, of the Arkhangai province
Рис. 10. Оленный камень для мужчин с местонахождения Жаргалантын Архангайского аймака

Fig. 11. Deer stones for a woman in archaeological site Bayanzzurkh, of the Hovd province
Рис. 11. Оленный камень для женщин с местонахождения Баянзүрх Ховдского аймака

Fig. 12. Deer stones for a woman in archaeological site Bayanzurkh, of the Hovd province
Рис. 12. Оленный камень для женщин с местонахождения Баянзүрх Ховдского аймака

represent the nose and eyes of the owner' and explained that 'it can be a symbol of the earth, sky and human being' on the basis of particular Chinese mythology and resources...' (Kubarev, 1979. P. 42–43). If to consider these explications accurate, there raises a question 'What do the one, two or four diagonal slashes symbolize?' Accordingly, the postulation I propose is that these slanting lines are a mark that indicates which wife of her husband she was in her marriage, which seems to be more rational.

Scythian for tomb stones "human stone" are well known and differ in a number of features that exclude their genetic connection with deer stones. This issue has already been specially considered where it was shown that statues of the " human stone" type differ from statues of the type of deer stones: on the Scythian statues the front face is wide, and on the deer stones it is narrow, the sets of depicted details and objects are different. In the Scythian "human stone" the head is sculpturally highlighted, the face, mustache, hands, shoulder blades are depicted. they are anthropomorphic, and deer stones have none of this. Maybe the deer stones without signs of anthropomorphism are just the ancestors of the Scythian "stone women"? Maybe in the 7th century BC. they simply did not know how to depict a human face and hands, and in the 6th century BC. have already learned? The history of art testifies that people knew how to depict the human face of the hand for many hundreds of years before the 7th century BC (Chlenova, 1984. P. 56–57).

Mongolian-Russian joint archeological field expedition team of 'Central Asian Archeology' project conducted an excavation in 2001 at a Deer stone-khirigsuur complex surrounded by a circular fence in Bort bag, Munkhkhairkhan soum, Khovd province, which employed an interment with a deer stone dedicated to a woman. As a result of the excavation, we discovered a deer stone buried in personification inside a stone chest in the center of this round-fenced khirigsuur (Fig. 13), (Fig. 14), (Fig. 15), (Fig. 15A), (Fig. 16), (Fig. 16A), (Fig. 17). (Erdenebaatar, Kovalev, 2001. T. 15–35)[1], where merely a femur was left due to looting in the distant past. Consequently, it's evident that the owners of Deer stone-khirigsuur culture exercised their specific norms of practicing the burial and interment structures or men and for women separately. The dispersal and quantity of archeological monuments of Deer stone-khirigsuur complexes demonstrate that the core of Deer stone-khirigsuur culture was located in the region of Khangai mountain range in the territory of modern-day Mongolia. It's a fallacy that most of Russian scholars entitle the Deer stone culture as 'Scythian culture' and consider as the culture of the people who migrated to Mongolia from the west. It's necessary to take into consideration that over 80 per cent of the total deer stones discovered to date in the regions of Eurasia are found on the territory of modern-day Mongolia. Accordingly, there is no basis to consider that the Deer stone-khirigsuur culture is an archeological monument left by 'nomads who migrated' somewhere else. It's a priority for us to comprehend our history as the bearer of our history and to explicate the archeological monuments and historical resources found on the territory of Mongolia on the basis of our history and ethnographic culture.

In 2006, Expedition team of the Russian-Mongolian joint project “Central Asian Archaeology” headed by A.A.Kovalev and D.Erdenebaatar examined a ritual and funeral complex at Sortiin hondii (Valley of the Sort) in Burentogtokh soum, Khuvsgul province, As a result of our excavation’s at the interment complex with Deer stones site in Sortiin hondii it was certain that the interment complex established by the owners of Deer stone-khirigsuur culture was dedicated for women because

[1] Erdenebaatar D., Kovalev AA Report of the 2001 field study of the Mongolian-Russian joint project “Archeology of Central Asia”. UB., 2001. Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences, Department of Archeology, Ulaanbaatar University.
Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологи” төслийн археологийн шинжилгээний ангийн 2001 оны хээрийн судалгааны ажлын тайлан. УБ., 2001 он. ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн, Улаанбаатарын Их Сургуулийн Археологийн тэнхэм.

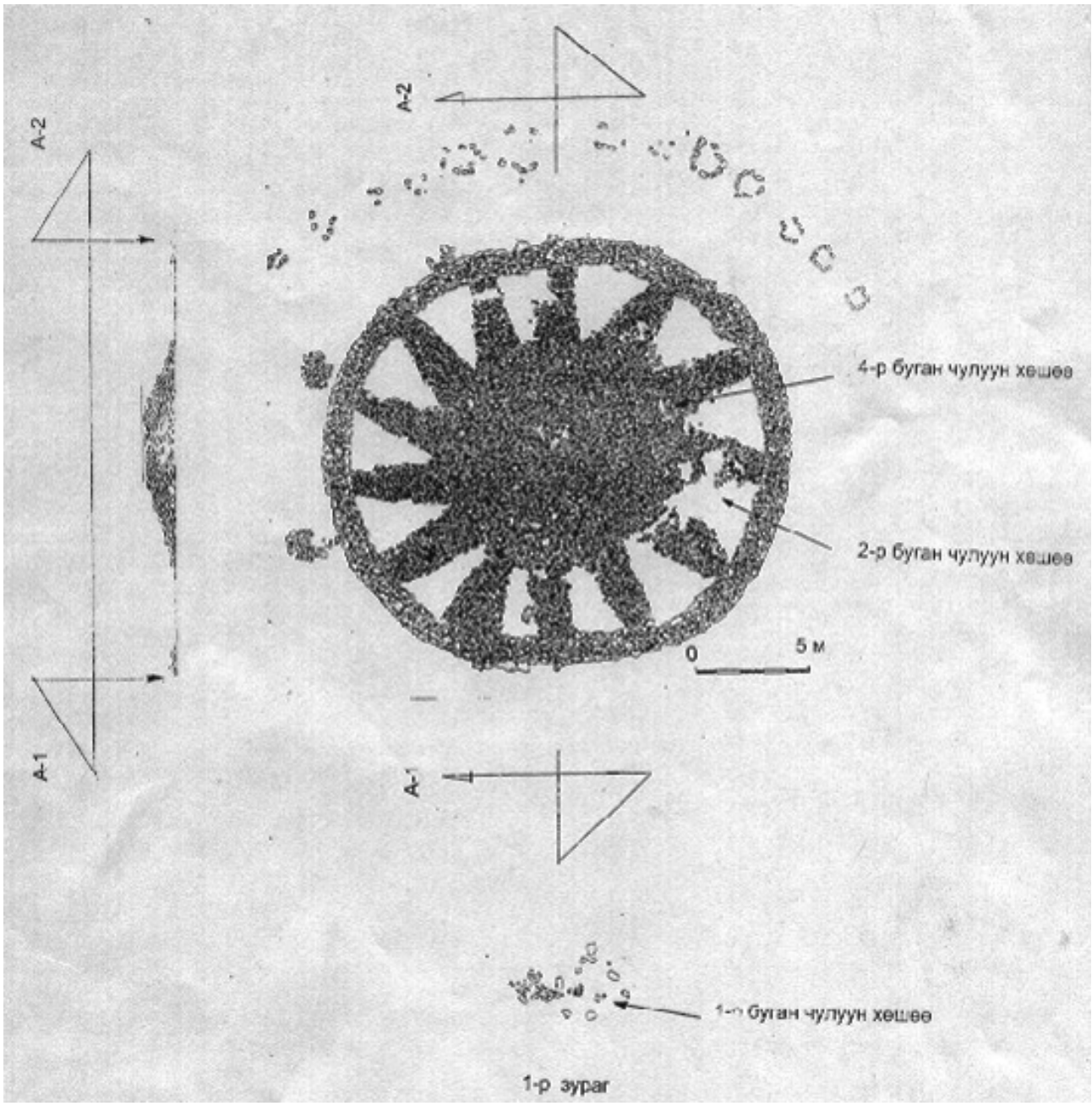

Fig. 13. The excavation khirigsuure archaeological site of Har govi, of the Hovd province
Рис. 13. Раскопки хересура на местонахождении Хар говь Ховдского аймака

all the four deer stones found in this site employed diagonal slashes on their faces (Fig. 3), (Fig. 4), (Fig. 5), (Fig. 6. Figure of the Bayarsaikhan), (Fig. 7), (Fig. 8), (Fig. 9).

Eastward of this site, a Deer stone-khirigsuur complex located at the eastern foot of Uushgiin Ulaan mountain is evidently an interment complex for men. Four deer stones that were erected in this complex employed all the three forms of 'Mongolian-Baikal', 'Sayan-Altai' and 'Eurasian' styles as of early classification, yet all the deer stones displayed diagonal slashes on their faces, which were specifically erected in dedication to women.

In 1999–2006, the Mongolian-Japanese Expedition headed by D.Erdenebaatar, Shu Takahama, and Toshio Hayashi, examined the site.

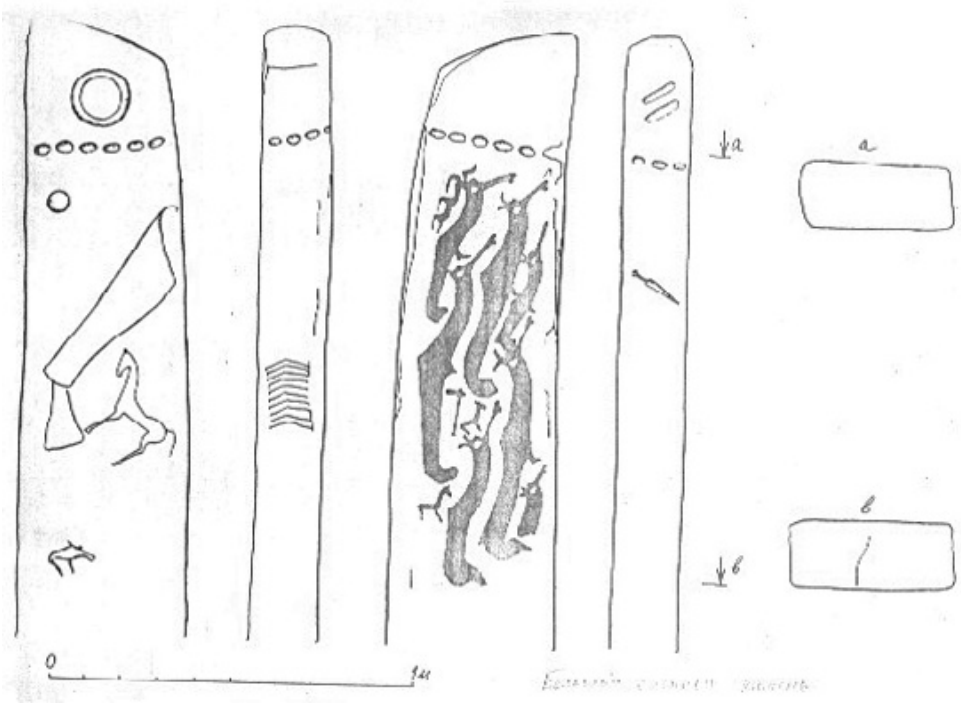

Fig. 14. From the excavation of Har govi, found the first deer stones
Рис. 14. Первый оленный камень, раскопанный на местонахождении Хар говь

Fig. 15. From the excavation of Har govi, found the 2nd deer stone
Рис. 15. Второй оленный камень, раскопанный на местонахождении Хар говь

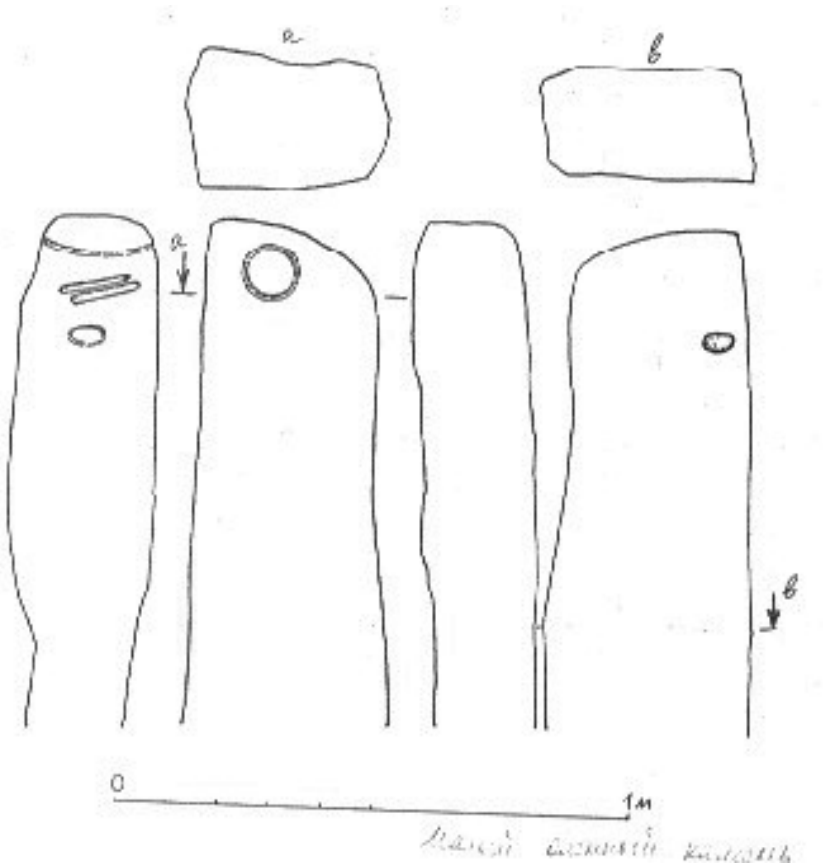

Fig. 15A. From the excavation of Har govi 2nd deer stone drawing figure
Рис. 15А. Рисунок на втором оленном камне, раскопанном на местонахождении Хар говь

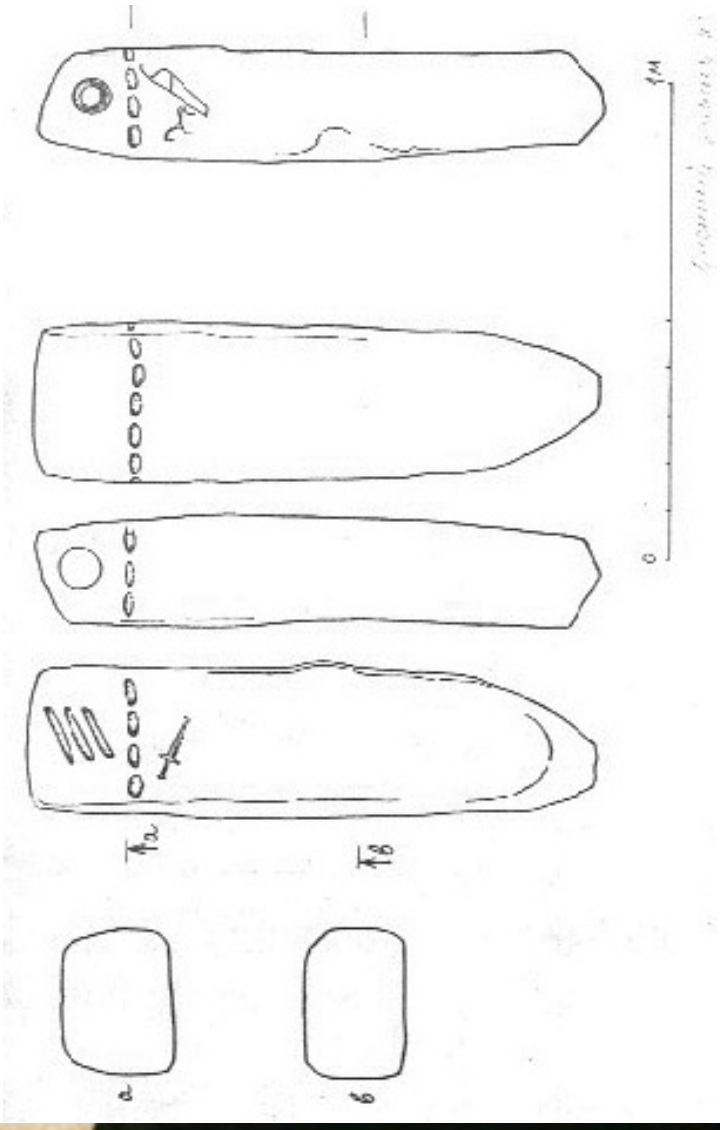

Fig. 16A. From the excavation of Har govi 3rd deer stone drawing figure
Рис. 16А. Рисунок на третьем оленном камне, раскопанном на местонахождении Хар говь

Fig. 16. From the excavation of Har govi found the 3rd deer stone
Рис. 16. Третий оленный камень, раскопанный на местонахождении Хар говь

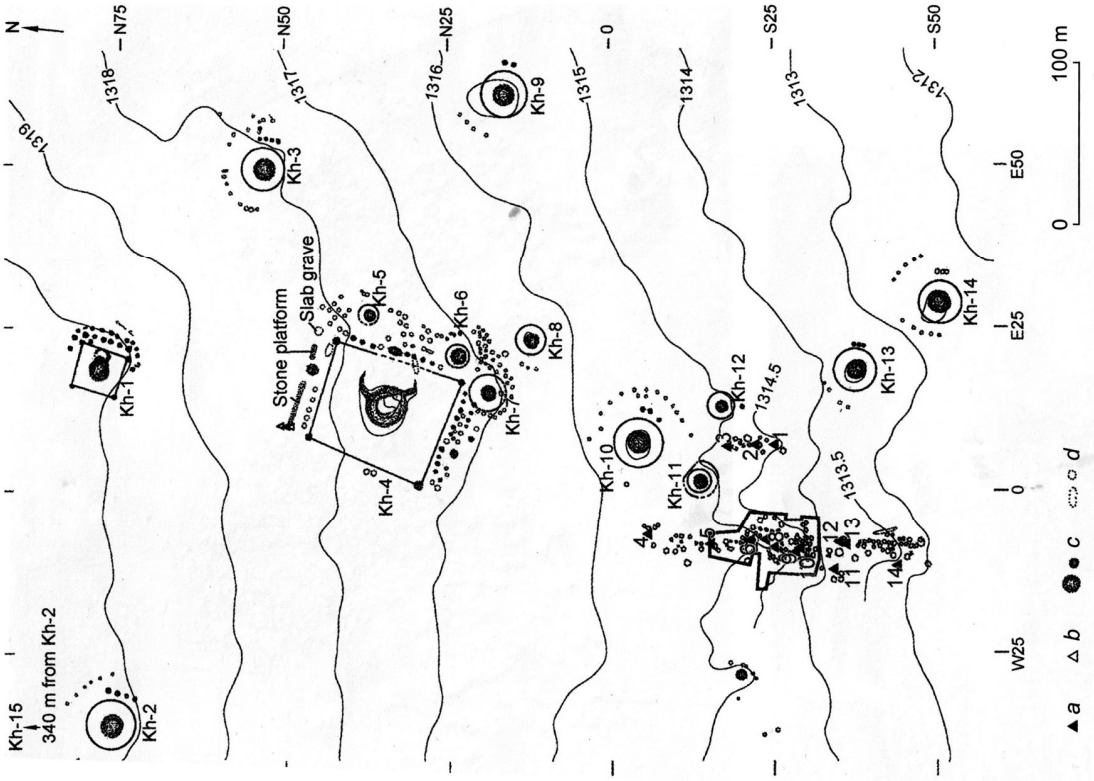

Fig. 18. The excavation khirigsuure archaeological site of Uushgiin Ulaan, of the Huvsgol province

Рис. 18. Раскопки херексура на местонахождении Уушгийн Улаан Хубсугульского аймака

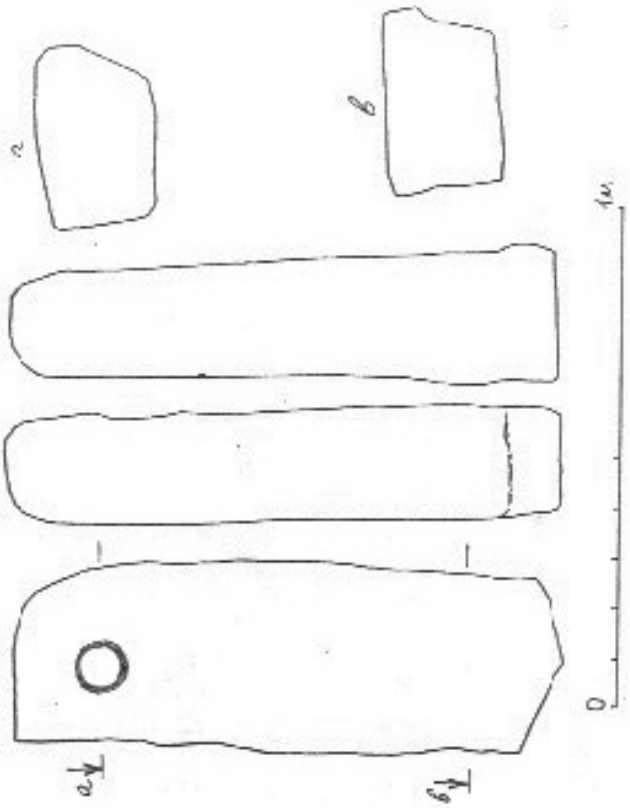

Fig. 17. From the excavation of Har govi 4th deer stones

Рис. 17. Четвертый оленный камень, раскопанный на местонахождении Хар говь

Fig. 19. The excavation khirigsuure archaeological site of Uushgiin Ulaan, of the Huvsgol province
Рис. 19. Раскопки херексура на местонахождении Уушгийн Улаан Хубсугульского аймака

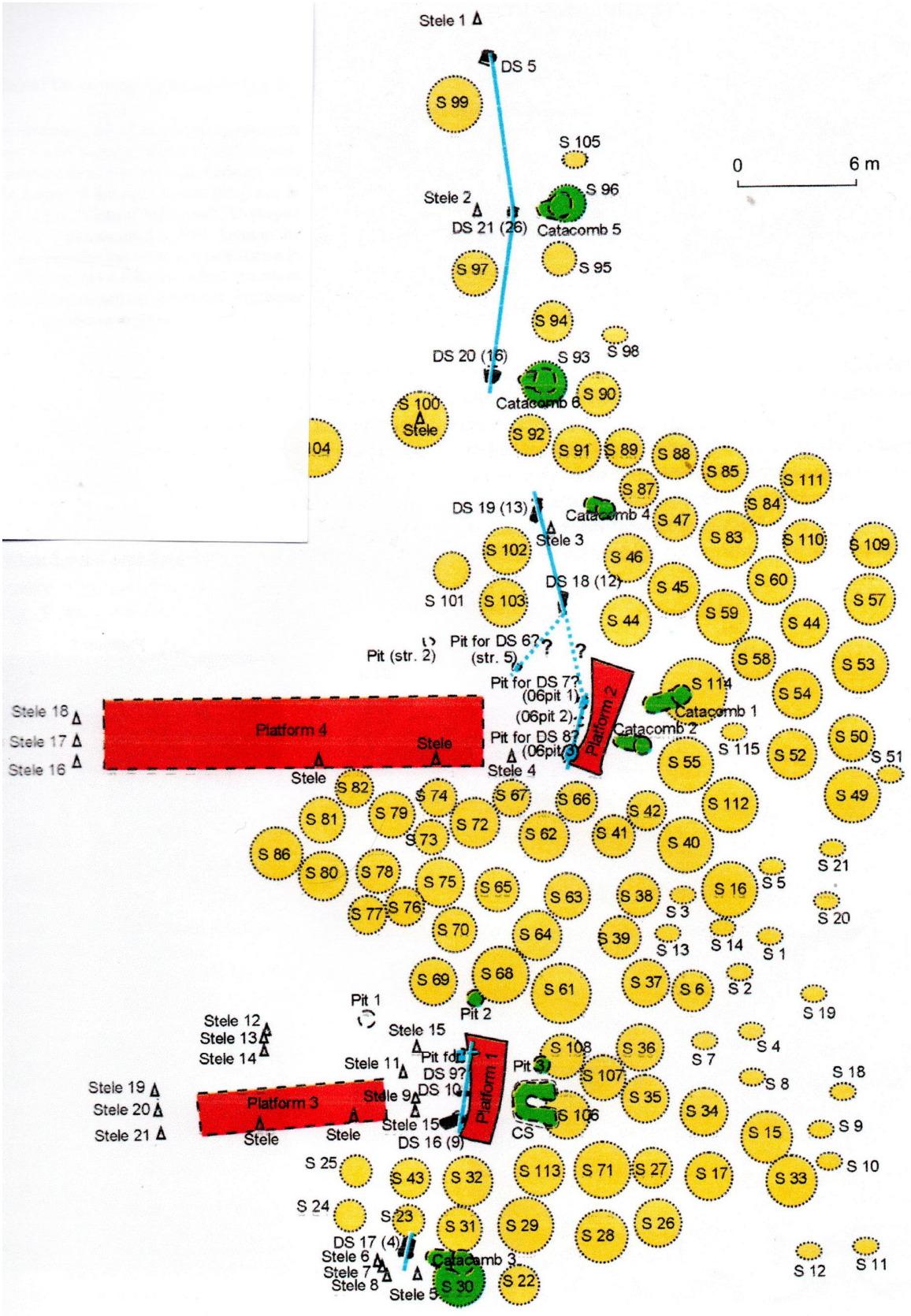

Fig. 19A. The excavation khirigsuure archaeological site of Uushgiin Ulaan, drawing figure of the Huvsgol province
Рис. 19А. Раскопки херексура на местонахождении Уушгийн Улаан Хубсугульского аймака, план расположения конструкций

A detailed topographic map of the site was made (Fig. 18) The expedition excavated one large khereksur (Kh-1) located to the north of the deer stones, a burial-mound with a circular enclosure to the east of the stones (kh-12), and several other burial and ritual structures, including stone constructions concentrated in a small area near deer stones 4 and 7. New drawings of the fringe of the khereksur and showing some of those attributes such as an “earring” and a beveled upper facet, supports, as the authors believe, the idea that those structures are contemporaneous with the deer stones. In addition, four radiocarbon dates were obtained for animal-bones from the studied ritual structures accompanying the khereksure and deer stones. All the dates (after calibration) fall within the range of the 13th to 9th centuries BC (Takahama Shu, 2010. P. 127).

In 2013, the International Central-Asian Expedition headed by A.A.Kovalev and D.Erdenebaatar conducted large-scale excavations at Uushigiin Uvur in order to understand the spatial arrangement and construction-history of the ritual complex. During excavations, the central area of the so-called western row of the deer stones was examined. The excavation was arranged so as to encompass all the structures nesr Deer stones 5 and 10 preserved in situ (their arrangement is shown in Fig. 19 and Fig. 19A), not only the area of the highest concentration of the stone constructions. The maximum north-to-south and west-to-east widths of the excavated area are 75 m and 55 m respectively (Kovalev et al., 2016).

We excavated deer stones and khereksuurs at three complex archaeological sites, these three complexes, of the Uushgiin uvur archaeological monument was for men, two archaeological site Sort of the province Huvsugul and archaeological site Har govi of the province Hovd deer stone and khirigsuur complex were for women.

References

Allard F., Erdenebaatar D. (2005) Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age Mongolia: ANTIQUTY. Vol. 79. P. 70–83. (In Engl.)

Bayar D. (1955) About some deer statues newly discovered in Mongol Altai. *Arkheologiin sudlal = Archaeological Research*. Ulan-Bator. Vol. XV. Fasc. 15. (In Mong.)

Bayarsaikhan Zh. (2017) Deer statue in northern Mongolia. Ulan-Bator: Interpress. 323 p. (In Mong.)

Volkov V.V. (1981) Deer stones of Mongolia. Ulan-Bator. 254 p. (In Russ.)

Kovalev A.A. (1986) About the "culture of deer stones". *Istoriya i kul'tura Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii = History and culture of East and Southeast Asia.* Moscow. Pt. 1. P. 51–56. (In Russ.)

Kovalev A.A. (2001) About the origin of the deer stone culture. *Evraziya skvoz' veka = Eurasia through the ages.* St. Petersburg. P. 160–166. (In Russ.)

Kubarev V.D. (1979) Ancient sculptures of Altai (deer stones). Novosibirsk. 120 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. (1978) To the study of deer stones and menhirs. *KSIA = Brief Reports of the Institute of Archeology.* No. 154. P. 25–30. (In Russ.)

Mannai-Ool M.Kh. (1968) Deer stones of Tuva. *Uchenye zapiski Tuv = Scientific Notes of Tuva.* Kyzyl: NIIYaLI. Iss. XIII. P. 138–149. (In Russ.)

Библиографический список

Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age Mongolia // ANTIQUTY. 2005. Vol. 79. Pp. 70–83.

Баяр Д. Монгол Алтайд шинээр олдсон зарим буган хөшөөний тухай // Археологийн судлал. Том. XY, Fasc. 15. УБ., 1995.

Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хөшөөд. УБ.: Интерпресс, 2017. 323 т.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 254 с.

Ковалев А.А. О «культуре оленных камней» // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Москва, 1986. Ч. 1. С. 51–56.

Ковалев А.А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 160–166.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кызласов Л.Р. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. № 154. С. 25–30.

Маннай-Оол М.Х. Оленные камни Тувы // Учёные записки Тув. НИИЯЛИ, Вып. XIII. Кызыл, 1968. С. 138–149.

Novgorodova E.A. (1989) Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history). Moscow: GRVL. 384 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1954) Deer stone from the Ivolga river. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archaeology.* No. XIX. P. 207–220. (In Russ.)

Savinov D.G. (1994) Deer stones in the culture of the nomads of Eurasia St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. 208 p. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1995) Deer stones of Transbaikalia. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii = Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia.* Ulan-Ude. P. 102–111. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. (1987) Khereksurs and deer stones. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia.* Novosibirsk. P. 136–162. (In Russ.)

Tseveendorzh D. (1979) Some deer stone statues found in Mongolia. *Arkheologiin sudlal = Archaeological research.* Ulaanbaatar. Vol. VII. Fasc. 13. P. 36–75. (In Mong.)

Chlenova N.L. (1962) Deer stones of Mongolia and Siberia. *Mongol'skii arkheologicheskii sbornik = Mongolian Archaeological Collection.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 27–35. (In Russ.)

Chlenova N.L. (1984) Deer stones as a historical source (on the example of the deer stones of the North Caucasus. Novosibirsk: Nauka. 100 p. (In Russ.)

Erdenebaatar D. (2002) Mongolian square tombs and khirigsuur culture. Ulaanbaatar: Soembo printing. 275 p. (In Mong.)

Erdenebaatar D., Kovalev A.A. (2003) Connecting a stone statue of a deer and a deer. Ugsaatan sudlal [Ethnology]. Vol. XV. Fasc. 16. (In Mong.)

Erdenebaatar D. (2007) Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia. *Etnografiya i arkheologiya Severnoi Evrazii: Teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya = Ethnography and Archeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Practice of Research.* Irkutsk. P. 201–208. (In Russ.)

Kovalev A.A., Erdenebaatar D. and Rukavishnikova I.V. (2016) A ritual complex with deer stones at Uushigiin Uvur, Mongolia: composition and construction stages (Based on the 2013 Excavations). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* Vol. 44. No. 1. P. 82–92. (In Russ.)

Takahama Shu. (2010) Research of Ulaan uushig I (Uushigiin ovor) in Mongolia and newly acquired 14C data. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Ude, 20–24 sent. 2010 g.) = Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberia. Proceedings of the International Conference, Ulan-Ude, September, 20–24, 2010.* Ulan-Ude: Buryat State University. P. 126–131.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: ГРВЛ, 1989. 384 с.

Окладников А.П. Оленный камень с реки Иволги. Советская археология. 1954. № XIX. С. 207–220.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.

Тиваненко А.В. Оленные камни Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 102–111.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Цэвээндорж Д. Монгол нутгаас олдсон зарим буган чулуун хөшөө // Археологийн судлал. Том VII. Fasc. 13. Улаанбаатар, 1979. Т. 36–75.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибирии // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 27–35.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 100 с.

Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дөрвөлжин булш, хиригсүүрийн соёл. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг», 2002. 275 р.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Хиригсүүр, буган чулуун хөшөөг холбон үзэх нь. Угсаатан судлал. Том. XV, Fasc. 16. УБ., 2003.

Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // Этнография и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 201–208.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2016. Т. 44. № 1. С. 82–92.

Takahama Shu. Research of Ulaan uushig I (Uushigiin ovor) in Mongolia and newly acquired ^{14}C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сент. 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 126–131.

Information about the author

Dimaadjav Erdenebaatar,
Professor, Head Department of the Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5th khoroo, Bayanzurkhdistrict, Ulaanbaatar, Mongolia,
✉ e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn;
ediimaajav@gmail.com

Contribution of the author

D. Erdenebaatar carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received January 25, 2021.
Received February 15, 2021.
Accepted February 24, 2021.

Сведения об авторе

Эрдэнэбаатар Димааджав,
профессор, заведующий кафедрой археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор, ул. Баянзурх, 5-й хороо,
✉ e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn;
ediimaajav@gmail.com

Заявленный вклад автора

Эрдэнэбаатар Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 25 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 15 февраля 2021 г.
Принята к публикации 24 февраля 2021 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.26
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-110-124

Карта археологических памятников Усть-Янского района Республики Саха (Якутия)

© А.Д. Степанов, С.А. Воробьев

ООО Археологическое научное товарищество «Поиск», г. Нерюнгри, Россия

Аннотация: Статья посвящена картографированию археологических памятников Усть-Янского района Республики Саха (Якутия), охватывающего нижнее течение с дельтой р. Яны и восточную часть приморской Яно-Индигирской низменности. Усть-Янский улус (район) относится к арктическим территориям и располагается на севере Якутии, прилегая к побережью моря Лаптевых. История формирования Усть-Янского района прошла многоэтапный путь от Булунского округа, охватывающего почти весь север Якутии в 1920-х годах, до современных границ, образованных в 1967 г. В первой половине XVII в. в низовья реки Яны выходят отряды русских землепроходцев. С этого времени территория Янского бассейна и северного побережья от Оленека до Колымы входит в сферу влияния расширяющегося российского государства. Памятники, оставленные русскими землепроходцами на территории Усть-Янского района, остаются неисследованными. Археологические исследования Усть-Янского района начинаются в 1974 г. отрядами Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР. Изучение многих памятников, открытых на территории Усть-Янского района, ограничено пока предварительным разведочным характером работ, обусловленных отдаленностью региона и отсутствием какой-либо дорожной инфраструктуры. Тем не менее исследования нижней Яны, Яно-Индигирской низменности и горной области, проведенные Приленской археологической экспедицией и Восточно-Якутской (Яно-Индигирской) экспедицией Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), показывают перспективность археологического исследования арктических регионов. Целью данной работы является обобщение и систематизация в краткой форме археологических исследований, проведенных на территории Усть-Янского района РС(Я) с 1970-х годов, а также первичное картографирование памятников. К настоящему времени здесь в общей сложности открыто более 20 памятников археологии, датирующихся от палеолита до эпохи железа, из которых наиболее изученным является Янская стоянка (Яна RHS), представляющая собой целый комплекс стоянок и местонахождений.

Ключевые слова: Яна, Индигирка, Усть-Янский район, Яно-Индигирская низменность, картография, Янская стоянка, радиоуглеродная дата, Арктика, плейстоцен, голоцен, палеолит, неолит

Для цитирования: Степанов А.Д., Воробьев С.А. Карта археологических памятников Усть-Янского района Республики Саха (Якутия) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 110–124. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-110-124

Map of the archaeological sites of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia)

© Aleksandr D. Stepanov, Sergey A. Vorobiev

Archaeological scientific partnership «Research» Ltd, Neryungri, Russia

Abstract: The article is devoted to the mapping of archaeological sites in the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia), covering the lower reaches with the delta of the Yana River and the eastern part of the coastal Yano-Indigirskaya lowland. Ust-Yansky ulus (district) belongs to the Arctic territories and is located in the north of Yakutia, adjacent to the coast of the Laptev Sea. The history of the formation of the Ust-Yansky District passed a multi-stage path from the Bulunsky District, which covered almost the entire north of Yakutia in the 1920s, to the modern borders formed in 1967. In the first half of the 17th century, teams of Russian pioneers emerged in the lower reaches of the Yana River. Since that time, the territory of the Yansky basin and the northern coast from Olenek to Kolyma has been included in the sphere of influence of the expanding Russian State. Sites left by Russian pioneers on the territory of the Ust-Yanskiy region remain unexplored. Archaeological research of the Ust-Yansky region began in 1974 by the teams of the Prilensk archaeological expedition of the Yakut filial of the Siberian

Branch of the USSR Academy of Sciences. The study of many sites discovered on the territory of the Ust-Yansky District is still limited by the preliminary exploration nature of the work due to the remoteness of the region and the absence of any road infrastructure. Nevertheless, the studies of the lower Yana River, the Yano-Indigirskaya lowland and the mountainous area carried out by the Prilensk archaeological expedition and the East-Yakutsk (Yano-Indigirskaia) expedition of the Institute of the History of Material Culture RAS show the promise of archaeological research of the Arctic regions. The purpose of this work is to summarize and systematize in a short form archaeological research carried out on the territory of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia) since the 1970s, as well as primary mapping of sites. To date, more than 20 archaeological sites have been discovered here, dating from the Paleolithic to the Iron Age, of which the most studied is the Yanskaya site (Yana RHS) (which is a whole complex of sites and locations).

Keywords: Yana River, Indigirka River, Ust-Yansky District, Yano-Indigirskaya lowland, cartography, Yanskaya site, radiocarbon date, Arctic, Pleistocene, Holocene, Paleolithic, Neolithic

For citation: Stepanov A.D., Vorobiev S.A. (2021) Map of the archaeological sites of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 110–124. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-110-124

Введение

Усть-Янский улус (район) занимает площадь 120,3 тыс. кв. км на севере Республики Саха (Якутия) и прилегает к побережью моря Лаптевых. Через территорию района проходят такие реки как Яна, Омолой, Чондон, впадающие в море, а также реки южного направления – Селеннях и Уяндина – левые притоки Индигирки. История Усть-Янского района носит многоэтапный характер. Усть-Янский улус был выделен в самостоятельный район с центром в с. Казачье в 1931 г. при реорганизации Булунского округа. В 1959 г. Усть-Янский район был упразднен и вошел в состав Верхоянского и Булунского районов. И только в 1967 г. Усть-Янский район был вновь образован уже в современных границах с центром в п. Депутатский (Калашников, 2012). Усть-Янский район граничит с Булунским, Верхоянским, Момским, Абыйским и Аллаиховским районами (рис. 1). Район богат месторождениями олова, вольфрама, золота, свинца, ртути, цинка и бурого угля (Якутия…, 2007)[1].

В XVII в. начинается новый этап в истории открытия и освоения бассейна Яны, связанный с продвижением русских землепроходцев. В 1633 г. к устью Яны выходит отряд енисейского казачьего пятидесятника Ильи Перфильева (Перфирьева) (Белов, 1952; Белов, 1956. С. 150; Магидович И.П., Магидович В.И., 1983. С. 276; Зуев, 2002). По другим данным, это событие связывается с отрядом тобольского казака Ивана Реброва (Роброва) (Оглоблин, 1903; Визе, 1926). Вместе с тем в тот год Иван Ребров, как человек, не обладающий чинами, входил в отряд енисейского казачьего пятидесятника Ильи Перфильева, с которым они вместе на кочах выходят из Жиганского зимовья с наказом исследовать северное побережье. В устье Лены их отряды разделяются – Ребров, видимо, по Оленекской протоке, уходит на запад от Лены, в сторону устья Оленека, а отряд Ильи Перфильева по Быковской протоке через бухту Буор-Хая выходит в Янский залив и идет к устью Яны. Ребров присоединяется к Перфильеву только в 1637 г. С этого времени в различных источниках в устье Яны упоминаются зимовья – Устьянское (Юкагирское) и Нижнеянское (Белов, 1952; Белов, 1956; Белов, 1973; Сафронов, 1978; Артемьев, 1994; Зуев, 2002). Точная дата основания их отсутствует, как и место расположения. У Ф.Г. Сафронова указывается дата основания Нижнеянского зимовья 1642 годом. (Сафронов, 1978. С. 20–21). Возможно, зимовья находились на месте современных поселков Усть-Янск и Нижнеянск. Эти памятники, как часть истории освоения северо-востока России XVII–XVIII вв., все еще остаются неисследованными.

Первое археологическое изучение бассейна Яны связано с деятельностью Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) ЯФ СО АН СССР под

[1] Якутия. Историко-культурный атлас. М.: Изд-во «Феория», 2007. 872 с.

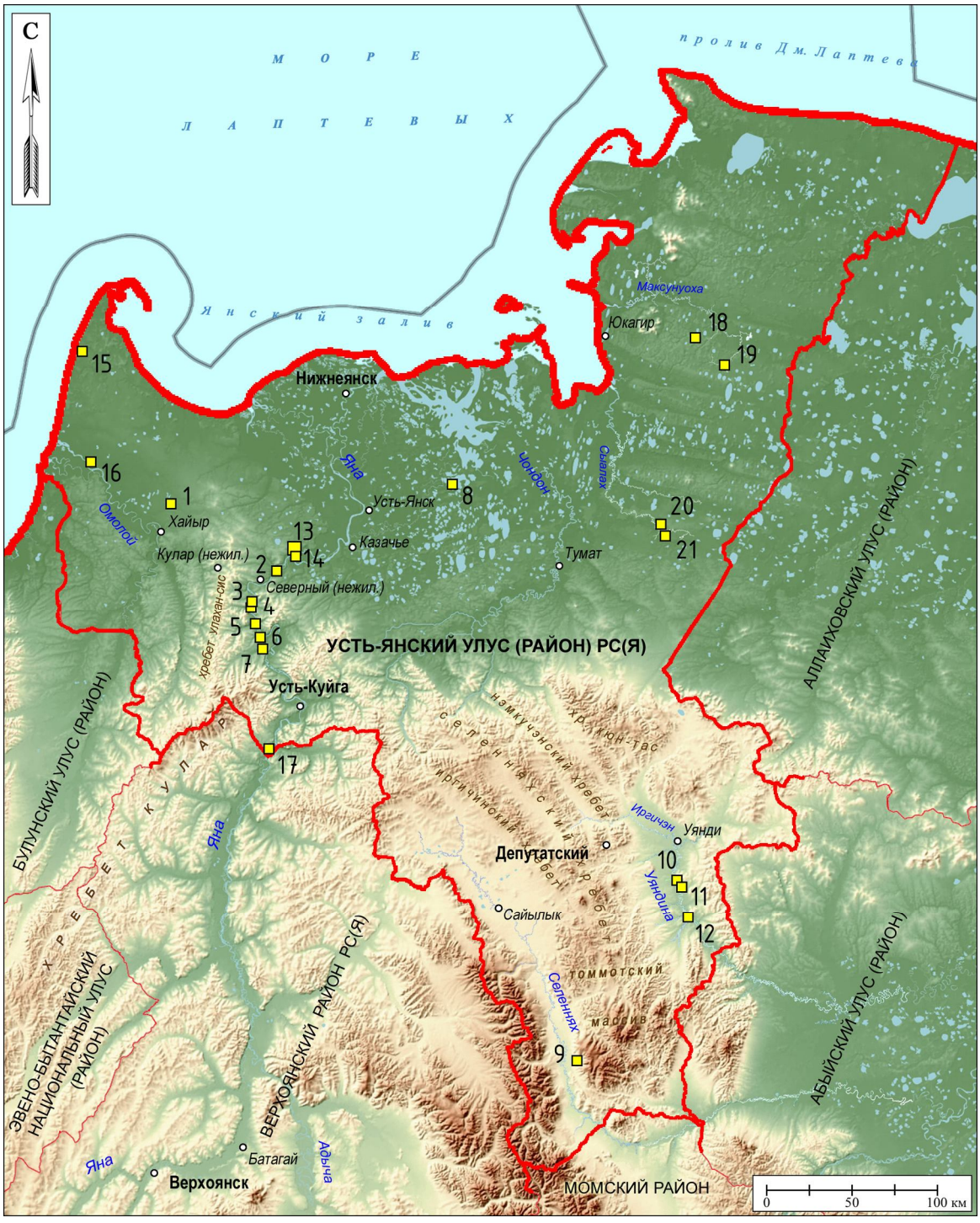

Рис. 1. Памятники археологии: *1 – Улахан-Батор-Юрях; 2 – «195 км»; 3 – «228 км»; 4 – «231 км»; 5 – «242 км»; 6 – «259 км»; 7 – Черчинский могильник; 8 – Кубуй; 9 – Харбатар; 10. – Эгэрделиир; 11 – Тирэхтяях; 12 – Очуостаах; 13 – Янский комплекс стоянок (Яна RHS) – пункты Северный, Яна В, Лагерный, Янское кладбище мамонтов и др.; 14 – Диринг-Айан; 15 – Буор-Хая; 16 – Омолой; 17 – Кючюс; 18 – Урез-22; 19 – Озеро Никита; 20 – Илин-Сыалах; 21 – Илин-Сыалахское кладбище мамонтов*

Fig. 1. Archeological sites: *1 – Ulakhan-Bator-Yuryakh; 2 – «195 km»; 3 – «228 km»; 4 – «231 km»; 5 – «242 km»; 6 – «259 km»; 7 – Cherchinsky cemetery; 8 – Kubui; 9 – Kharbatar; 10. – Egerdeliir; 11 – Tirekhtyayakh; 12 – Ochuostaakh; 13 – Yana complex sites (Yana RHS) – Points: Northern, Yana V, Lagernyi [Camp], Yana mammoth cemetery, etc.; 14 – Diring-Aian; 15 – Buor-Khaya; 16 – Omoloi; 17 – Kyuchyus; 18 – Urez-22; 19 – Ozero Nikita; 20 – Ilin-Syalakh; 21 – Ilin-Syalakhsk mammoth cemetery*

руководством Ю.А. Мочанова. В 1974, затем в 1978–1980 годах впервые Янский отряд ПАЭ под руководством Н.М. Щербаковой осуществил разведку в верховьях Яны на 200-километровом участке от г. Верхоянске до устья Адычи, где обнаружил 9 древних стоянок эпох мезолита и неолита (Щербакова, 1980). Результаты первых разведок позволили сделать вывод, что бассейн Яны последовательно входил в ареал приленских культур: сумнагинской (10500/9500 – 6200±100 л. н.), сыалахской (6200±100 – 5200±100 л. н.), белькачинской (5200±100 – 4100±100 л. н.) и ымыяхтахской (4100±100 – 3300±100 л. н.) (Мочанов, 1969; Мочанов, 1977; Мочанов, Федосеева, 1976; Мочанов, Федосеева и др., 1983; Мочанов, Федосеева и др., 1991; Мочанов, Федосеева, 2013; Мочанов, Федосеева, 2017).

Исследования Яны были продолжены в 1986 г. Адычанским отрядом ПАЭ под руководством В.М. Михалева. Эти исследования были связаны с работами в зоне затопления, проектируемой Адычанской ГЭС в низовьях реки Адыча. Итогом работ Адычанского отряда, проведенных с 1986 по 1989 годы, стало открытие 68 стоянок и одного погребения, которые показывают достаточно плотное заселение верхней Яны с мезолита по эпоху ранних металлов (Михалев, Елисеев, 1992). В 1980–1990-е годы на верхней Яне было обнаружено в общей сложности более 80 памятников археологии, сосредоточенных в основном в районе Верхоянска, Батагая и в низовьях Адычи, из них в границах Усть-Янского района выделяется 12 памятников.

Одними из важнейших задач картографирования археологических объектов являются систематизация, регистрация и сохранение объектов культурного (археологического) наследия. Данная работа преследует целью обобщение и систематизацию истории археологических исследований и картографических данных археологических памятников Усть-Янского района РС(Я).

Физико-географическая характеристика района

Бассейн Яны охватывает все Янское плоскогорье, занимающее большую часть Яно-Оймяконского эрозионно-денудационного нагорья, располагающегося между горными системами хребтов Верхоянский и Черского. В нижнем течении Яна разрезает северный отрог хребта Кулар и выходит разветвленной устьевой частью на Яно-Индигирскую низменность. Здесь в северной части Усть-Янского района, прилегающего к побережью моря Лаптевых, кроме Яны протекают более мелкие водотоки – реки Омолой, Чондон, Сыалах, Муксунуоха, впадающие в море. Практически вся Яно-Индигирская низменность занята озерами и заболоченной осоково-пушицевой кочкарной тундрой, южнее которой располагается лесотундровая полоса лиственнично-лишайниковых редколесий. Горные территории покрыты лиственничными ерниковыми, мохово-лишайниковыми редколесьями и горной кустарничково-лишайниковой и моховой тундровой растительностью. Речные долины заняты таежной растительностью с пойменными заболоченными лугами в сочетании с лесами и кустарниками (Караваев, Скрябин, 1971; Республика Саха..., 2009[2]).

Рельеф территории района выраженный горно-равнинный. В геоморфологическом строении территория района относится к трем областям: восточная часть района с низовьями р. Яна и Омолой относится к Яно-Оймяконской геоморфологической области; Яно-Индигирская низменность приурочена к области Приморской низменности и островов Ледовитого океана; горная область юга Усть-Янского района входит в состав Полоусненской области (Русанов, Бороденкова, Гончаров и др., 1967). Северная часть района располагается в западной части Яно-Индигирской низменности, примыкающей к морскому побережью. Здесь множество озер, особенно в междуречье Яны и Чондона, наиболее крупными из которых являются Бустах, на самом северо-востоке района, Оротко, Кубуй, Укюлях. Абсолютные высоты здесь составляют от 2 до 50 м, достигая на отдельных возвышенностях более 500 м. Южная часть Усть-Янского района геоморфологически относится в основном к западной части Полоус-

[2] Республика Саха (Якутия). Комплексный атлас. Якутск: Якутское аэрографическое предприятие, 2009. 240 с.

ненского кряжа (с верховьями рек Индигирского речного бассейна – Селеннях и Уяндина), куда входят Томмотский горный массив (на левобережье р. Селеннях), Иргичэнский, Селенняхский и Нэмкучэнский хребты (рис. 1).

Селенняхская, Уяндинская и Томмотская межгорные впадины заполнены четвертичными рыхлыми отложениями. В разрезе рыхлых толщ выделяется различный фациальный состав: галечник, песок, ил, глина. Позднечетвертичными осадочными отложениями сложена и Яно-Индигирская низменность. Эти осадочные отложения содержат позднепалеолитическую фауну и залегают на размытой поверхности верхнемеловых песчано-галечных отложений тимердяхской свиты (Русанов, Бороденкова, Гончаров и др., 1967).

Вся Яно-Индигирская низменность представляет собой аллювиально-денудационную равнину, где широко развиты озера и котловины термокарстового происхождения. Здесь на поверхности широкое развитие имеют мерзлотные формы рельефа: трещиновато-валиковые полигоны, гидролакколиты и торфяные бугры. Их формирование обусловлено многолетней («вечной») мерзлотой, залегающей неглубоко от дневной поверхности. Равнинные реки здесь не имеют развитой долины, являясь, по сути, частью озерно-речной системы.

В пределах Яно-Оймяконской горной области главное место занимает р. Омолой. На правобережье Омолоя развит полого-волнистый рельеф, связанный с эрозионной деятельностью древней гидросети, в виде песчано-галечных отложений с илами и древесными остатками. Древнее русло Омолоя отчетливо прослеживается в виде цепочки удлиненных озер-стариц. Здесь местами к склону широкой, 10–15-километровой долины р. Омолой примыкает мелкогорный рельеф с широкими пологими водоразделами. Древняя долина Омолоя прослеживается и у предгорий Верхоянского хребта в виде широкой 5–7-километровой плоской седловины с превышением 70–80 м и в виде полосы аллювиальной равнины вдоль подножия хребта. Омолой имеет сильно меандрирующее русло. Поверхность высокой поймы, занимающей основную часть долины, много стариц и озер. Низкая пойма имеет высоту от 1–1,5 до 3,5–4 м, высокая – от 3–4 до 6–8 м. Небольшие участки I надпойменной террасы, высотой 8–10 м, встречаются редко. Аллювий этих террас представлен в основном суглинками с ископаемыми льдами (Русанов, Бороденкова, Гончаров и др., 1967).

Хребет Кулар служит водоразделом рек Яна и Омолой. Яна прорезает северные отроги Кулара своей 3–4-километровой долиной, отделив от него горы Кюндюлюн. Абсолютные отметки Кюндюлюна не превышают 600–700 м, относительные колеблются от 200 до 400 м.

Первая надпойменная терраса в этом районе встречается почти на всех реках. Наряду с высокой поймой она занимает основную часть днища долины Яны. Высота I нп террасы на Яне составляет 6–8 м, в долине р. Улахан-Кюэгюлюр – 4–5 м, по мелким притокам – 2–3 м. Терраса аккумулятивная, сложена на крупных реках преимущественно тонкими песками и суглинками, на мелких – гравийно-галечным материалом. На плоской ее поверхности развиты старицы, озера и болота (Русанов, Бороденкова, Гончаров и др., 1967. С. 135).

Вторая надпойменная терраса высотой 8–10 м встречается реже, ее ширина обычно не превышает 200 м. В цоколе этой террасы нередко обнажены коренные породы. Наиболее хорошо терраса сохранилась в долинах рек Куччугуй-Кюэгюлюр, Суордах, Оюн-Юряга, Казачка и в долинах правых притоков р. Улахан-Кюэгюлюр. Мощность аллювия второй надпойменной террасы 2–3 м.

Третья надпойменная терраса встречается фрагментарно, преимущественно в устьевой части мелких притоков. Высота ее в долинах Яны и Улахан-Кюэгюлюра доходит до 20–30 м. В долинах рек Черча, Туогучан, Суор-Уялах, Маныл-Юрях – 12–15 м. Мощность аллювия, залегающего на коренном цоколе, обычно не превышает 3–5 м.

Местами встречаются и более высокие террасы до 40–60 м и более. Так, в приустьевой части р. Куйга и по левобережью р. Яны встречаются

обрывки 60-метровой аккумулятивной террасы плохой сохранности.

В пределах хребта Кулар долина р. Яны резко суживается, берега сложены преимущественно коренными породами, на отдельных участках прослеживается высокая 3–4-метровая пойма и I надпойменная терраса высотой 8–12 м (Русанов, Бороденкова, Гончаров и др., 1967. С. 136).

Археологические памятники Усть-Янского района

В перечне объектов культурного наследия Усть-Янского района – выявленных недвижимых памятников истории и культуры по разделу «Археология», утвержденного распоряжением Правительства РС(Я) № 402-р от 24.04.2008 (Распоряжение)[3], числится 8 объектов археологического наследия (табл.), (рис. 1.1–8).

Черчинский могильник, предварительно датированный эпохой железа, был исследован в 1986 г. В.М. Михалевым и Л.Ф. Томтосовой на р. Черча. Захоронение из 5 костяков, в том числе детских, было совершено в небольшой скальной расщелине. Сопроводительный инвентарь представлен 23 наконечниками стрел, из которых два фрагментированы, и 2 неопределимыми предметами (Михалев, 1986)[4].

В долинах рек Селеннях и Уяндина, левых притоках р. Индигирки, в южной части Усть-Янского района, в 1989 и 1990 гг. работала Нижне-Индигирская группа Северного отряда ПАЭ под руководством С.И. Эверстова. На р. Селеннях в ходе разведочных работ 1989 г. С.И. Эверстовым были обнаружены стоянки Харбатар, Агдайка и Суордах. Стоянка Харбатар располагается на 5–7-метровой террасе, в 6 км от устья левого берега ручья Харбатар, левого притока р. Селеннях (рис. 1.9). На раздернованных участках было собрано 14 отщепов. В шурфе, в супеси с щебнем, мощностью 3–7 см, найден 21 отщеп, из которых 1 отщеп с мелкой краевой ретушью (Эверстов, 2014). Стоянки Агдайка и Суордах административно относятся уже к Момскому району, в непосредственной близости от границ Усть-Янского.

На р. Уяндина, в результате работ 1990 г., С.И. Эверстовым были открыты стоянки Эгэрделиир, Тирехтях и Очуостаах. Все располагаются в пределах Усть-Янского района, у его юго-западных границ. Стоянка Эгэрдэлиир находится на левом берегу Уяндины, в 300 м к северу от безымянного распадка, на 50–60-метровой террасе (рис. 1.10). Немногочисленные находки, собранные на развеянной поверхности, были представлены 31 отщепом и 1 обломком ножа. Из шурфа, из пылеватого покровного суглинка, мощностью 14–28 см, залегающего на горной обломочной породе, были получены 2 ножевидные пластины, 2 скола с призматического нуклеуса и 149 отщепов (Эверстов, 2014).

Стоянка Тирехтях располагается в 2 км к югу от стоянки Эгэрдэлиир также на 50–60-метровой террасе, напротив устья р. Тирехтях, правого притока Уяндины (рис. 1.11). На развеянном участке собрано было 1 микропластина и 14 отщепов. В шурфе, в пылеватом суглинке мощностью до 4 см, обнаружено 66 каменных предметов: 3 обломка призматических нуклеусов, 2 микропластины и 61 отщеп (Эверстов, 2014).

Стоянка Очуостаах располагается на левом коренном берегу р. Уяндина, в 2 км выше устья р. Тарын-Юрях, правого притока р. Уяндина (рис. 1.12). На раздернованной поверхности 70-метровой террасы собрано 8 отщепов. В шурфе, в покровном суглинке, мощностью до 23 см, выявлены: 1 фрагмент микропластины, обломок двусторонне ретушированного ножа и обломок наконечника стрелы и 4 отщепа (Эверстов, 2014).

В начале 1990-х годов геологом Михаилом Дашцэреном были сделаны археологические находки на нижней Яне, в 24 км ниже поселка геологов Северный (закрытого с 2000 г.) (Житель Ле-

[3] Распоряжение правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 года N 402-р «Об утверждении объектов культурного наследия – выявленных недвижимых памятников истории и культуры по разделу "Археология"».

[4] Михалев В.М. Отчет о работе Северного отряда ПАЭ ЯФ СО АН СССР в Верхоянском районе ЯАССР в полевой сезон 1986 г. Якутск, 1986 // Архив Институт археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 11571.

Таблица. **Перечень памятников**
Table. **List of the sites**

№	Наименование археологического памятника	Местоположение археологического памятника
1	Стоянка Улахан-Батор-Юрэх (неолит)	В среднем течении р. Улахан-Батор-Юрэх, правого притока р. Омолой, на правом борту III надпойменной террасы, высотой 8 м
2	Стоянка 195-й км (палеолит)	На левом берегу р. Яна на 195 км от устья, в обнажении горы Сопливая (напротив урочища Ханхагар)
3	Стоянка 231-й км (палеолит, неолит)	На левом берегу р. Яна, на I надпойменной террасе
4	Стоянка 242-й км (палеолит, неолит)	На правом берегу р. Яна, на I надпойменной террасе
5	Стоянка 259-й км (неолит)	На левом берегу р. Яна, на I надпойменной террасе
6	Стоянка Агдайка (неолит)	На левом приустьевом мысу р. Селеннях, левого притока р. Индигирка, 335 км от устья
7	Черчинский могильник (железный век)	в 3,5 км от устья р. Черча, левого притока р. Яна, в расщелине наверху 20-метрового скального уступа
8	Стоянка Кубуй (неолит)	на правобережье р. Яна, в ее дельте, на озерной террасе, рядом с озером Кубуй

нинского района…)[5]. С 2001 г. исследования на этом местонахождении, названном Янской стоянкой, были организованы на систематической основе экспедицией «Высокоширотная Арктика: Природа и человек» (проект «Жохов-2000») под руководством В.В. Питулько (Pitulko et al., 2004). В последующем Янская стоянка (Яна RHS), расположенная в районе Горы Сопливая, продолжает исследоваться многие годы специально организованной Восточно-Якутской (Яно-Индигирской) экспедицией ИИМК РАН под руководством В.В. Питулько (Питулько, Павлова, 2010; Питулько, Павлова, 2014а; Питулько, Павлова, Никольский, Иванова, 2012; Питулько, Павлова, Никольский, 2015) (рис. 1.13). Здесь было выявлено несколько участков или пунктов, получивших название Яна В, Северный, Южный, ASN, Верхний, Тумс 1, Тумс 2, Янское кладбище мамонтов (YMAM) и др., а сама Янская стоянка получила статус комплекса стоянок (Питулько, Павлова, 2010; Питулько, 2019). Пункт ASN изучался в 2001–2002 гг.; TUMS 1 – в 2002; Северный (NP – North Point) (основная раскопочная зона) – исследовался на протяжении с 2002 по 2009 годы; Yana B – в 2003, 2004, 2008; Южный (SP – South Point) – в 2002–2004, 2008; пункт Верхний (Upstream) – в 2004–2006 (Basilyan et al., 2011; Pitulko, Pavlova, Nikolsky, Ivanova, 2012).

За время многолетних работ было установлено, что береговые термоэрозионные процессы на реке Яна, разрушающие протяженные блоки береговой линии, на отдельных участках происходят со скоростью до 6 м в год и более. В результате этих термоэрозионных процессов были утрачены пункты Тумс 1, Тумс 2, Верхний, ASN, Южный.

Культурные отложения Янской стоянки приурочены ко второй террасе р. Яны, формирование которой началось около 40000 л. н. Сама стоянка представляет собой группу участков или пунктов, рассредоточенных вдоль излучины на протяжении 2,5 км. Общая высота второй террасы составляет 18 метров, археологический материал приурочен к средней части отложений, преимущественно аллювиального генезиса, на высоте 7–7,5 метров. Около 14 тыс. л. н. условия осадконакопления сменились на субаэральные (Питулько, Павлова, 2010; Basilyan et al., 2011; Pitulko, Pavlova, 2016; Питулько, 2019). С различных участков и террасовых уровней получено более 40 радиоуглеродных дат, из которых культурные отло-

[5] Житель Ленинского района собрал уникальную коллекцию древностей (новостная лента Волгоград-ТРВ. 11.09.2018. О геологе Михаиле Дашцэрене). URL: http://www.volgograd-trv.ru/news.aspx?id=47486 (дата обращения: 17.02.2021).

жения стоянки датируются в пределах 27000–31600 тыс. л. н. Согласно исследованиям установлено, что культурный слой комплекса стоянок Яна RHS сформировался вследствие трёх хронологических циклов заселения территории памятника древним человеком – ранее 30 тыс. л. н. и в отрезках около 28,5–28,0 тыс. л. н. и 27,5–27,0 тыс. л. н., в промежутках, между которыми посещение стоянки носило эпизодический характер. Время основного периода обитания на Янской стоянке определяется примерно около 32000 л. н. (Питулько, Павлова, 2010; Питулько, Павлова, 2019; Pitulko, Basilyan, Nikolsky, Pavlova, 2011; Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko, Pavlova, Nikolsky, 2017; Питулько, 2019).

В результате многолетних раскопок на Янской стоянке было получено свыше 110 тыс. находок, основную массу которых представлял костный материал из обломков и целых костей животных, а также большое количество изделий – орудий, предметов быта и украшений из бивня и кости (Питулько, Павлова, Никольский, Иванова, 2012; Питулько, Павлова, 2014а; Питулько, Павлова, Никольский, 2015; Pitulko, Pavlova, Nikolsky, 2015; Питулько, 2019).

Янская стоянка сегодня наиболее изученный заполярный памятник археологии в Арктике, расположенный севернее 70° широты. Специфические особенности индустрии Янской стоянки послужили основанием для выделения особой янской позднепалеолитической культуры (Питулько, 2010; Питулько, 2019).

Здесь же на Янской стоянке были обнаружены два фрагментированных молочных зуба – Yana 1 и Yana 2, возраст которых составил ~31,6 тыс. л. н. Генетические исследования установили, что митохондриальная гаплогруппа принадлежит к U2, а Y-хромосомная гаплогруппа – к P1 и свидетельствуют, что раннее население янской стоянки примерно около 38000 л. н. продвинулось из районов западной Евразии, вскоре после того, как произошло разделение западноевразийских и восточноазиатских популяций. Считается, что обитатели янской стоянки были первой волной заселения на Севере, которую условно обозначили как «древние северные сибиряки» (ANS – Ancient North Siberians). Позднее, примерно между 20000 и 18000 л. н., западноевразийское население Яны ANS (представленное образцами Yana 1 и Yana 2) было в значительной степени заменено народами восточноазиатской линии, что привело к образованию древних палеосибирских и индейских популяций. В свою очередь, «палеосибирцы» были в значительной степени заменены «неосибирцами» в начале и середине голоцена (Sikora, Pitulko, Willerslev et al., 2019).

В ходе разведочных работ Восточно-Якутской (Яно-Индигирской) экспедицией ИИМК РАН были открыты и другие пункты, связанные с освоением палеолитическим человеком арктических территорий.

На протоке Диринг-Айан, ниже по течению от Янской стоянки, было выявлено местонахождение Диринг-Айан (рис. 1.14). Здесь были обнаружены грубые призматические пластины и обработанные обломки рога северного оленя (так называемые «колотушки»). По костным остаткам плейстоценовой фауны получено 20 радиоуглеродных дат от 37710 до 14750 л. н., с пиками активности в 29000–27000 л. н. и 23000–22000 л. н. Считается, что Диринг-Айан скорее всего был заселен в период конца MIS 3 (каргинский интерстадиал) и начала MIS 2 (сартанский стадиал), включая LGM (Last Glacial Maximum), подобно как и Янская стоянка (Basilyan et al., 2011; Pitulko, Nikolsky, 2012; Pitulko, Nikolsky, Basiyan, Pavlova, 2013; Питулько, Павлова, Никольский, 2015).

На морском побережье губы Буор-Хая, недалеко от р. Орто-Стан, Восточно-Якутской (Яно-Индигирской) экспедицией было выявлено местонахождение Буор-Хая (Орто-Стан) (рис. 1.15). Здесь обнаружено 94 фрагментированных кости, среди которых 67 костей мамонта. Несколько костей мамонтов имеют пробоины и несут следы различного воздействия человека, интересна гравировка на широкой поверхности подвздошной кости таза. Также были определены по две кости плейстоценовой лошади и северного оленя. По двум костям мамонта с пробоинами были получены даты – 27080±140 л. н. (Beta-362946) и

27430±150 л. н. (Beta-362947). Одна дата получена по кости лошади – 28790±160 л. н. (Pitulko, Yakshina et al., 2014; Питулько, Павлова, Никольский и др., 2015).

В низовьях Омолоя (рис. 1.16), в верхней части обнажения, в котором содержатся отложения каргинского интерстадиала (MIS 3), выявлены архаичного облика отщепы и скребло, а также стружка из бивня мамонта. Полученная дата – 32070±210 лет назад (Beta-309153) – указывает на конец среднего этапа MIS 3, еще до наступления позднекаргинского потепления (Питулько, Павлова, Никольский и др., 2015).

У устья р. Кючюс, левого притока р. Яна, был обнаружен пункт, содержащий отщепы и расколотые гальки (рис. 1.17). Здесь среди окатанных каменных артефактов была обнаружена метаподия бизона с зарубками. Радиоуглеродная дата была получена с довольно большим допуском – 41400±1700 л. н. (ЛЕ-10053) (Питулько, Павлова, Никольский и др., 2015).

В верховьях реки Максунуоха, впадающей в Селляхскую губу, в 2013 г., так же в рамках исследовательского проекта «Жохов-2000», были обнаружены местонахождения Урез-22 (MKR/UR-22) и Озеро Никита (NKL) (Питулько, Павлова, 2014b; Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016). Пункт Урез-22 располагается в верховьях р. Булчут-Юрюете, левого притока р. Максунуоха, и приурочено к левому борту ручья (рис. 1.18). Здесь, в старых поисковых размывах бивнеискателей были обнаружены скопления фрагментированных костей мамонтов (более 200 костей), среди которых стержневидная заготовка из бивня. Малочисленный археологический материал, собранный на склоне и на дне оврага, представлен кварцитовыми отщепами, отщепами-чешуйками (размером 1 см и менее) и призматическими микропластинками. Находки позволили исследователям сделать вывод, что в пункте Урез-22, наряду с охотой на мамонтов и производством заготовок из бивня, прослеживается развитая микропластинчатая индустрия. По костям мамонта получены даты, указывающие на интервал 12420±50 (Beta-362950) – 11700±160 (Ле-10189), в котором сформировался рассматриваемый доголоценовый комплекс (Питулько, Павлова, 2014b).

Местонахождение Озеро Никита было обнаружено на правом берегу р. Максунуоха, в 400 м к северо-западу от оз. Никита (рис. 1.19). Здесь, еще в 1994 и 1997 гг., на южном участке местонахождения был обнаружен скелет Максунуохского мамонта, которого смогли частично извлечь только в 2001–2002 гг. (Боескоров, Протопопов, Бакулина, Лазарев, 2006). Впоследствии местонахождение было сильно размыто бивнедобытчиками. В 2011, 2013 гг. Восточно-Якутской (Яно-Индигирской) экспедицией здесь были собраны в основном фрагменты костей мамонтов и отдельные кости лошади, северного оленя, бизона, волка, бурого медведя, росомахи, птицы. На большинстве костей мамонта были зафиксированы древние следы антропогенного воздействия, которые, возможно, являются следами охоты и разделки, в одном из ребер обнаружен фрагмент каменного орудия. Каменные орудия Озера Никита представлены единичными, в основном готовыми экземплярами остроконечников, которые находят аналогии на стоянке Бёрёлёх, а также на Аляске, где обнаруживают сходство с остриями типа Чиндадн. На местонахождении было получено 13 радиоуглеродных дат с целью оценки возраста отложений, остатков фауны и археологического материала, которые показали, что древний человек присутствовал здесь в конце плейстоцена в течение около 200 лет, в интервале 12050±50 – 11840±50 л. н. (Питулько, Павлова, 2014b; Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016).

В 2011 г. в верховьях р. Сыалах, впадающей в Селляхскую губу, на ее правом притоке р. Илин-Сыалах было обнаружено два местонахождения – Илин-Сыалах 034 и Илин-Сыалахское кладбище мамонтов.

Пункт Илин-Сыалах располагается в устье р. Илин-Сыалах, по правому берегу (рис. 1.20). Река, как и многие арктические реки, очень извилистая, с протяженными излучинами и широкой долиной. Участок местонахождения приурочен к подрезанному фрагменту высокой 14–16-метровой террасы правого берега, являющейся предпо-

ложительно останцем II надпойменной террасы. Здесь, на размытом берегу были собраны многочисленные костные остатки плейстоценовой фауны – мамонта, бизона, лошади, северного оленя. В ходе расчистки был выявлен костеносный горизонт, содержащий немногочисленный костяной материал, среди которого выделяются нижняя челюсть и рёбра мамонта, рога лося. На части ребер мамонта обнаружены искусственные повреждения. Радиоуглеродная дата, полученная по челюсти мамонта, показала возраст 22700±300 л. н. (Ле-9506) (Питулько, Басилян, Павлова, 2013; Питулько, Павлова, Никольский и др., 2015).

Вверх по реке от пункта Илин-Сыалах, примерно в 3 км по правому берегу, обнаружено крупное скопление костей – Илин-Сыалахское кладбище мамонтов, где местными жителями производилась добыча бивней (рис. 1.21). Стратиграфическими и геолого-геоморфологическими исследованиями было выявлено, что костище остатков плейстоценовой фауны связано со старичными отложениями второй надпойменной террасы р. Илин-Сыалах. Радиоуглеродными датами определено, что формирование костища происходило в интервале 12260±220 – 12300±85 л. н. Также по кости была получены одна древняя дата – более 43500 л. н. (Beta-309154), которая свидетельствует, что люди и тех времен не пренебрегали использованием более древних костных остатков. Среди материалов Илин-Сыалахского кладбища обнаружена трехгранная стержневидная заготовка длиной 39 см из бивня мамонта (Питулько, Басилян, Павлова, 2013; Питулько, Павлова, Никольский и др., 2015).

Выявленные и исследованные в северной части Усть-Янского района – в Яно-Индигирской низменности – памятники археологии, и многолетние исследования Янского комплекса стоянок позволили установить довольно раннее проникновение (более 30 тыс. л. н.) древнего человека в арктическую зону западной части Берингии вследствие субширотной миграции, и раскрыли связь древнего населения арктической Сибири с индейскими популяциями Америки.

Выводы

Картографирование археологических памятников территории Якутии сегодня является одним из актуальных и востребованных перспективных направлений науки, которая пока в Якутии проработана довольно слабо. В данной работе в краткой форме представлены и систематизированы история исследований и картографические данные археологических памятников Усть-Янского района РС(Я). На территории Усть-Янского района на сегодняшний день открыты и исследованы более двух десятков объектов археологического наследия, датируемых в широком хронологическом диапазоне от палеолита до железного века. Из них в Департаменте РС(Я) по охране объектов культурного наследия на 2021 год в перечень объектов археологического наследия включены только 8 памятников археологии, утвержденных в свое время распоряжением Правительства РС(Я) № 402-р от 24.04.2008 по разделу "Археология" (Распоряжение)[1]. Неизученным в археологическом плане периодом остается история российского освоения арктических территорий района XVII–XVIII вв. Изучение большинства памятников носит пока предварительный характер, вследствие отдаленности региона и специфики археологических исследований в арктической зоне в условиях ледово-мерзлотных факторов их расположения. Тем не менее исследование арктических районов продолжается. Наиболее изученным памятником является Янский комплекс стоянок, исследованный на систематической основе и междисциплинарной интеграции, позволивших сделать ряд фундаментальных открытий, среди которых янская позднепалеолитическая культура и вопросы древних миграций. Все это показывает перспективность археологического исследования арктических регионов, в том числе и Усть-Янского улуса.

Библиографический список

Артемьев А.Р. Археологическое изучение памятников XVII – начала XVIII века на Дальнем Востоке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, 1994. Т. 1. С. 39–53.

Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / сост. М.И. Белов. Ленинград; Москва: Изд-во Главсевморпути, 1952. 386 с.

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. В 5-ти т. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.

Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. М.: Мысль, 1973. 223 с.

Боескоров Г.Г., Протопопов А.В., Бакулина Н.Т., Лазарев П.А. Условия существования Максунуохского мамонта // Наука и образование. Якутск: АН РС(Я), 2006. № 2. С. 56–61.

Визе В.Ю. Гидрологический очерк моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря // Материалы комиссии по изучению Якутской АССР. Л.: АН СССР, 1926. Вып. 5. 86 с.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск: НГУ. 2002. 330 с.

Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1990 / сост. А.А. Калашников. Якутск: Бичик, 2012. 736 с.

Караваев М.Н., Скрябин С.З. Растительный мир Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 128 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). М.: Просвещение, 1983. 399 с.

Михалев В.М., Елисеев Е.И. Археологические исследования в бассейне Верхней Яны // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 47–64.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 255 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 263 с.

References

Artem'ev A.R. (1994) Archaeological study of monuments of the 17th – early 18th century in the Far East. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya = Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries. Historical and archaeological research*. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. P. 39–53. (In Russ.)

Belov M.I. (1952) Russian sailors in the Arctic and Pacific oceans. Collection of documents about the great Russian geographical discoveries in Northeast Asia in the 17th century. Leningrad; Moscow: Glavsevmorputi. 386 p. (In Russ.)

Belov M.I. (1956) The history of the discovery and development of the Northern Sea Route. In 5 vol. Vol. 1. Arctic navigation from ancient times to the middle of the XIX century. Moscow: Morskoi transport. 592 p. (In Russi.)

Belov M.I. (1973) Feat of Semyon Dezhnev. Moscow: Mysl'. 223 p. (In Russ.)

Boeskorov G.G., Protopopov A.V., Bakulina N.T., Lazarev P.A. (2006) The environment of the Maksunuokh mammoth. *Nauka i obrazovanie = Science and education.* Yakutsk: Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). No. 2. P. 56–61. (In Russ.)

Vize V.Yu. (1926) Hydrological essay of the Laptev Sea and the East Siberian Sea. *Materialy komissii po izucheniyu Yakutskoi ASSR = Materials of the Commission for the Study of the Yakut ASSR.* Leningrad: USSR Academy of Sciences. Iss. 5. 86 p. (In Russ.)

Zuev A.S. (2002) Russians and aborigines in the extreme north-east of Siberia in the second half of the 17th – first quarter of the 18th century. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 330 p. (In Russ.)

Kalashnikov A.A. (2012) Yakutiya. Chronicle. Facts. Events. 1632–1990. Yakutsk: Bichik. 736 p. (In Russ.)

Karavaev M.N., Skryabin S.Z. (1971) Plant world of Yakutia. Yakutsk: Yakutknigoizdat. 128 p. (In Russ.)

Magidovich I.P., Magidovich V.I. (1983) Essays on the history of geographical discoveries. In 5 vol. Vol. 2. Great geographical discoveries (late 15th – mid-17th century). Moscow: Prosveshchenie. 399 p. (In Russ.)

Mikhalev V.M., Eliseev E.I. (1992) Archaeological research in the Upper Yana basin. *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii = Archaeological research in Yakutia.* Novosibirsk: Science. P. 47–64. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1969) Multilayer site Belkachi I and the periodization of the Stone Age of Yakutia. Moscow: Science. 255 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1977) The earliest stages of human settlement in Northeast Asia. Novosibirsk: Science. 263 p. (In Russ.)

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое: материалы Всесоюзного симпозиума «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое», Хабаровск, 10–15 мая, 1973. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 515–539.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. и др. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы / Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. и др. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека / Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Новосибирск: Наука, 1991. 224 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня. В 2 т. Якутск, 2013. Т. 1. 504 с. Т. 2. 489 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Т. 3. Конец эпохи камня и начало эпохи ранних металлов. Якутск, 2017. 522 с.

Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1903. № 347. С. 38(98)–62(122).

Питулько В.В. Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.

Питулько В.В. Участок Яна В Янской стоянки: некоторые наблюдения, сделанные в ходе раскопок 2015–2018 годов // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019. № 1. С. 64–91.

Питулько В.В., Басилян А.Э., Павлова Е.Ю. Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сыалах, север Яно-Индигирской низменности) // Записки ИИМК. 2013. Вып. 8. С. 34–52.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука, 2010. 264 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предва-

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (1976) Main periods of ancient history of Northeast Asia. *Beringiya v kainozoe: Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma «Beringiiskaya susha i ee znachenie dlya razvitiya golarkticheskikh flor i faun v kainozoe», Khabarovsk, 10–15 maya 1973 = Beringia in Cenozoic. Proceedings of the All-Union Symposium "Beringian Land and its Significance for the Development of Holarctic Floras and Faunas in the Cenozoic", Khabarovsk, May 10–15, 1973*. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences. P. 515–539. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. et al. (1983) Archaeological sites of Yakutia. River basin of Aldan River and Olekma River. Novosibirsk: Science. 392 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. et al. (1991) Archaeological sites of Yakutia. River basin of Viliyuy River and Anabar River and Olenyok River. Novosibirsk: Science. 224 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (2013) Essays on the preliterate history of Yakutia. Age of Stone. In 2 Vol. Yakutsk. Vol. 1. 504 p.; Vol. 2. 489 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (2017) Essays on the preliterate history of Yakutia. Vol. 3. End of the Stone Age and the Beginning of the Early Metal Age. Yakutsk. 522 p. (In Russ.)

Ogloblin N.N. (1903) East Siberian polar sailors of the 17th century. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education.* St. Petersburg: Senatskaya tipografiya. No. 347. P. 38(98)–62(122). (In Russ.)

Pitul'ko V.V. (2010) Settlement and adaptation of ancient people in the North-East of Asia in the late Neopleistocene. *Adaptatsiya narodov i kul'tur k izmeneniyam prirodnoi sredy, sotsial'nym i tekhnogennym transformatsiyam = Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and technogenic transformations.* Moscow: ROSSPEN. P. 38–46. (In Russ.)

Pitul'ko V.V. (2019) Yana B site in Yana RHS: some observations made during excavations 2015–2018. *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovanii = Primitive archeology. Journal of Interdisciplinary Research.* No 1. P. 64–91. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Basilyan A.E., Pavlova E.Yu. (2013) Mass accumulations of mammoth bone remains with signs of ancient human activity (the Ilin-Syalakh river, north of the Yano-Indigirskaya lowland). *Zapiski IIMK RAN = Notes of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.* Iss. 8. P. 34–52. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. (2010) Geoarcheology and Radiocarbon Chronology of the Stone Age of Northeast Asia. St. Petersburg: Science. 264 p. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. (2014a) The art of the Yanskaya site: diadems and bracelets from mammoth ivory

рительный анализ коллекции) // Археология Арктики 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014a. С. 140–161.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене // Записки ИИМК РАН. 2014b. № 10. С. 7–34.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 157–224.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А. Обработка бивня в верхнем палеолите арктической Сибири (по материалам Янской стоянки на севере Яно-Индигирской низменности) // Stratum Plus. 2015. № 1. С. 223–284.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 33–102.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В., Басилян А.Е., Анисимов М.А., Ремизов С.О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 152–176.

Русанов Б.С., Бороденкова З.Ф., Гончаров В.Ф., Гриненко О.В., Лазарев П.А. Геоморфология Восточной Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1967. 376 с.

Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.

Щербакова Н.М. Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 62–65.

Эверстов С.И. Памятники древних культур Индигирки // Общество. Культура. Образование: кол. монография. Кн. 1. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2014. С. 50–74.

Pitulko V.V., Basilyan A.E., Nikolsky P.A., Pavlova E.Yu. Dating mass accumulations of mammoth across Arctic Eurasia // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VII

(preliminary analysis of the collection). *Arkheologiya Arktiki 2 = Arctic Archeology 2.* Ekaterinburg: Business press. P. 140–161. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. (2014b) Locations of Urez-22 and Lake Nikita: New Evidence for Human Settlement in the Siberian Arctic in the Final Pleistocene. *Zapiski IIMK RAN = Notes of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.* No. 10. P. 7–34. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. (2019) Upper Paleolithic sewing production at the Yana RHS, Arctic Siberia. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya = Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology.* No. 1. P. 157–224. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A. (2015) Tusk processing in the Upper Paleolithic of Arctic Siberia (based on materials from the Yanskaya site in the north of the Yano-Indigirskaya lowland). *Stratum Plus.* No. 1. P. 223–284. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A., Ivanova V.V. (2012) Yana RHS site: material culture and symbolic activity of the Upper Paleolithic population of the Siberian Arctic. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik = Russian archaeological yearbook.* No. 2. P. 33–102. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A., Ivanova V.V., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Remizov S.O. (2015) Human settlement in the Siberian Arctic in the late Neopleistocene and Holocene: new materials for an archaeological map. *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady. 19–23 oktyabrya 2015, g. Khanty-Mansiisk = Human settlement in the Siberian Arctic in the late Neopleistocene and Holocene: new materials for an archaeological map. IV Northern Archaeological Congress: reports. 19–23 October 2015, Khanty-Mansiysk.* Ekaterinburg. P. 152–176. (In Russ.)

Rusanov B.S., Borodenkova Z.F., Goncharov V.F., Grinenko O.V., Lazarev P.A. (1967) Geomorphology of Eastern Yakutia. Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo. 376 p. (In Russ.)

Safronov F.G. (1978) Russians in Northeast Asia in the 17th – mid 19th century. Administration, servicemen, peasants, urban people. Moscow: Science. 258 p. (In Russ.)

Shcherbakova N.M. (1980) Archaeological sites of the Yana River. *Novoe v arkheologii Yakutii = New in the archeology of Yakutia.* Yakutsk. P. 62–65. (In Russ.)

Everstov S.I. (2014) Sites of ancient Indigirka cultures. *Obshchestvo. Kul'tura. Obrazovanie: kol. monografiya = Society. Culture. Education. Collective monograph.* Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. Book 1. P. 50–74. (In Russ.)

Pitulko V.V., Basilyan A.E., Nikolsky P.A., Pavlova E.Yu. (2011) Dating mass accumulations of mammoth across Arctic Eurasia. *Kvarter vo vsem ego mnogoobrazii. Fundamental'nye problemy, itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neishikh issledovanii: materialy VII Vserossiiskogo*

Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (г. Апатиты, 12–17 сентября, 2011 г.). В 2 т. Апатиты; СПб., 2011. Т. 2. (Л–Я). С. 146–149.

Basilyan A.E. et al. Wooly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity / Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. // Journal of Archaeological Science. Elsevier, 2011. No 38 Pp. 2461–2474. DOI:10.1016/j.jas.2011.05.017.

Pitulko et al. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation / Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. // Science. Vol. 303. 2004. No 5654. Pp. 52–56. DOI: 10.1126/science.1085219.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Extinction of wooly marnrnoth in Northeastern Asia and the archaeological record // World Archaeology. 2012. Vol. 44. Pp. 21–42.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Basilyan A.E., Pavlova E.Yu. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM/In K.E. Graf, C.V. Ketron, M.R. Waters (eds) // Paleoamerican Odyssey. Texas, 2013. Pp. 13–44.

Pitulko V., Pavlova E. Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of Stone Age Northeast Asia. College Station: Texas A&M University, 2016. 222 p.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. & Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // Quaternary International. Elsevier, 2016. No 406. Pp. 202–217. DOI:1016/j.quaint.2015.12.039.

Pitulko V., Pavlova E. & Nikolsky P. Mammoth ivory technologies in the Upper Palaeolithic: a case study based on the materials from Yana RHS, Northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // World Archaeology, 2015. No 47(3). Pp. 333–389. DOI: 10.1080/00438243.2015.1030508.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS3 and 2 // Quaternary Science Reviews, 2017. No 165. Pp. 127–148.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolsky P., Ivanova V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia // Antiquity, 2012. V. 86(333). Pp. 642–659. DOI: 10.1017/S0003598X00047827.

Pitulko V., Yakshina I. et al. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic / Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. // VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. Thessaloniki, Greece, May 5th–12th, 2014: Ab-

soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda (g. Apatity, 12–17 sentyabrya, 2011 g.) = Quarter in all its diversity. Fundamental problems, the results of the study and the main directions of further research. Materials of the VII All-Russian meeting on the study of the Quaternary period (Apatity, September 12–17, 2011). In 2 Vol. Apatity; St. Petersburg. Vol. 2. (L–Ya). P. 146–149. (In Russ.)

Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. Wooly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity. Journal of Archaeological Science. Elsevier, 2011. No 38. Pp. 2461-2474. DOI: 10.1016/j.jas.2011.05.017.

Pitulko et al. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation / Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. Science. Vol. 303. 2004. No 5654. Pp. 52–56. DOI: 10.1126/science.1085219.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Extinction of wooly marnrnoth in Northeastern Asia and the archaeological record. World Archaeology. 2012. Vol. 44. Pp. 21–42.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Basilyan A.E., Pavlova E.Yu. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM/In K.E. Graf, C.V. Ketron, M.R. Waters (eds). Paleoamerican Odyssey. Texas, 2013. Pp. 13–44.

Pitulko V., Pavlova E. Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of Stone Age Northeast Asia. College Station: Texas A&M University, 2016. 222 p.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. & Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia. Quaternary International. Elsevier, 2016. No 406. Pp. 202-217. DOI:1016/j.quaint.2015.12.039.

Pitulko V., Pavlova E. & Nikolsky P. Mammoth ivory technologies in the Upper Palaeolithic: a case study based on the materials from Yana RHS, Northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia. World Archaeology, 2015. No 47(3). Pp. 333–389. DOI: 10.1080/00438243.2015.1030508.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS3 and 2. Quaternary Science Reviews, 2017. No 165. Pp. 127–148.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolsky P., Ivanova V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia. Antiquity, 2012. Vol. 86(333). Pp. 642–659. DOI: 10.1017/S0003598X00047827.

Pitulko V., Yakshina I. et al. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic / Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. Thessaloniki, Greece, May 5th–12th, 2014: Abstracts.

stracts. Thessaloniki, 2014. (Scientific Annals of the School of Geology. Aristotle University of Thessaloniki. Vol. 102). Pp. 158–159.

Sikora M., Pitulko V.V., Willerslev E. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. 2019. V. 570(7760). Pp. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

Сведения об авторах

Степанов Александр Дмитриевич,
специалист-археолог,
ООО Археологическое научное товарищество «Поиск» (ООО АНТ «Поиск»),
678962, г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 21, Россия,
✉ e-mail: a.d.step@yandex.ru

Воробьев Сергей Анатольевич,
исполнительный директор,
ООО Археологическое научное товарищество «Поиск» (ООО АНТ «Поиск»),
678962, г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 21, Россия,
✉ e-mail: sa-vorobyev2011@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 17 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 25 февраля 2021 г.
Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Thessaloniki, 2014. (Scientific Annals of the School of Geology. Aristotle University of Thessaloniki. Vol. 102). Pp. 158–159.

Sikora M., Pitulko V.V., Willerslev E. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570(7760). Pp. 182–188. DOI:10.1038/s41586-019-1279-z.

Information about the authors

Aleksandr D. Stepanov,
Scientific staff,
Archaeological scientific partnership «Research» Ltd,
21, Kravchenko street, Neryungri 678962, Russia,
✉ e-mail: a.d.step@yandex.ru

Sergey A. Vorobiev,
Executive Director,
Archaeological scientific partnership «Research» Ltd,
21, Kravchenko street, Neryungri 678962, Russia,
✉ e-mail: sa-vorobyev2011@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 17, 2020.
Received February 25, 2021.
Accepted March 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 165.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137

История формирований представлений о реальности Шаг третий: мифо-логика времени

© А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Рассматривается процесс формирования и развития образов и представлений о времени и вечности в античности. Проводится анализ различных подходов и концепций понимания специфики мифических представлений о времени в античности, связанных как с космосом, так и повседневной жизнью античного полиса. Выявляется присущее мифу понимание времени, включающее особую «логику времени». Делается вывод, что за отдельными мифами греки стремились увидеть рациональную связанность представлений о времени, основанную на рациональном осмыслении исходных мифических представлений. Выявляются основные моменты усложнения представлений о времени в связи с развитием полиса. В качестве одного из важнейших факторов развития представлений о времени рассматривается измерение времени в суде. Показывается связь усложнения представлений о времени с представлениями о биографичности гражданина полиса. Дается анализ смыслового поля представлений о времени в классической античности на основе обращения к концепциям Гераклита и Парменида и учению Платона и Аристотеля. Выявляются наиболее существенные пункты истолкования понятий хронос, эон, кайрос. Делается вывод о том, что критическое осмысление исходных мифических представлений о времени было связано с ростом и развитием системы полисов, где усложнение социальных отношений с необходимостью вело к возникновению измерительных техник времени, к усложнению представлений о времени жизни человека, к возникновению фундаментальных идей о природе времени и понимания вечности. При этом спецификой отношения греков ко времени являлось господство мифического по своим истокам представления о важности «сегодня» и «теперь».

Ключевые слова: мифическое время, логос, хронос, эон, кайрос, историческое время, измерение времени, время в суде, полис

Для цитирования: Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг третий: мифо-логика времени // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 125–137. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137

History of formation of the ideas about reality. Step three: mytho-logic of time

© Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The process of formation and development of images and ideas about time and eternity in antiquity is considered. The analysis of various approaches and concepts of understanding the specifics of mythical ideas about time in antiquity both related to the cosmos and the daily life of the ancient polis is carried out. The author reveals the myth's inherent understanding of time, which includes a special “logic of time”. It is concluded that based on a rational understanding of the original mythical ideas the Greeks sought to see the rational connectedness of ideas about time behind individual myths. The main points of complication of ideas about time in connection with the development of the policy are revealed. As one of the most important factors in the development of ideas about time, the measurement of time in court is considered. The article shows the connection between the complexity of the ideas about time and the ideas about the biographical character of a citizen of the polis. The analysis of the semantic field of time concepts in classical antiquity is based on the reference to the concepts of Heraclitus and Parmenides and the concepts of Plato and Aristotle. The most significant points of interpretation of the concepts of chronos, aeon, and kairos are revealed. It is concluded that critical thinking the source of the mythical notions of time was associated with the growth and development of policies, where the complexity of social relations with the necessity led to the

emergence of the measurement techniques of the time as well as to complicate notions of time of human life, and to rise to fundamental ideas about the nature of time and understanding of eternity. At the same time, the specific attitude of the Greeks to time was the dominance of the mythical idea of the importance of “today” and “now”.

Keywords: mythical time, logos, chronos, aeon, kairos, historical time, time dimension, time in court, polis

For citation: Shaforostov A.I. (2021) History of formation of the ideas about reality. Step three: mytho-logic of time. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 125–137. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137

Наследие и роль античной Греции в построении цивилизации и культуры огромны и многоаспектны. Включение человека и социума в реальность с неизбежностью требует постановки и решения вопросов о том, «что действительно есть?». Этот вопрос с необходимостью включает временную плоскость, т. е. отношение человека ко времени.

Выделение в качестве самостоятельной темы исследования представлений о времени древними греками связано с тем, что: 1) мифологический образ времени задает исходное видение мира; 2) категория времени фундаментальна для осмысления мира и бытия; 3) отношение ко времени является важным фактором организации жизни полиса; 4) время становится значимым элементом античной биографии; 5) появляется представление об истории и историческом времени.

Цель настоящей работы – рассмотреть общую направленность изменения представления о времени античных греков. Эта направленность кратко может быть определена как переход от мифа к логосу. Сам по себе переход от мифа к логосу стал предметом исследования достаточно давно, но традиционно он берется в контексте философии, т. е. предметом изучения становится развитие античной философской мысли. Нас же интересует мифическая и логическая составляющая представления о времени не только как философской идеи, но и как элемента исторической действительности, как фактора социальной жизни античного грека.

Как за отдельными мифами о времени греки стремились увидеть логосность времени, т.е. рациональную связанность представлений о времени? И как это стремление к открытию логосности времени связано с жизнью греков, социальной, политической, технической, культурной?

Для раскрытия этого представления в его максимально доступной в рамках одной статьи полноте и предлагается обращение к мифо-логике времени, позволяющее увидеть как образную, так и рациональную составляющую представления о времени, и выделить основные пункты его логизации, т. е. осмысленности и выраженности. При этом открытие логосности времени должно быть связано с открытием логосности в социальной жизни.

1. Время в мифе

Образ времени в мифе имеет сложную природу и является одним из фундаментальных представлений в силу того, что без обращения к времени невозможен рассказ ни о человеке, ни о космогонии. Как отмечает известный немецкий исследователь Эрнст Кассирер (1874–1945), миф глубоко проникает в изначальную форму времени (Кассирер, 2002. С. 132). Это проникновение заключается в том, что для мифа время в мире не является застывшим, неподвижным бытием, но предстает как изменчивость. Кассирер при обращении к анализу мифологического мышления на первое место выводит *становление*, приобретающее космический масштаб всеобщей судьбы: «Все единичное и частное подчинено власти становления как всеобщего и непреклонного могущества судьбы… Сами боги не властвуют над временем и судьбой, но покоряются их изначальному закону – закону мойры» (Кассирер, 2002. С. 132), именно время ткет сеть «раньше» и «позже» для отдельных событий.

Е.М. Мелетинский отмечает, что время в мифе – это не то реальное время, к которому привык

современный человек, а исходное пра-время, особая эпоха первотворения. Поэтому когда в мифе говорится о времени, то речь идет не об эмпирическом, а о сакральном времени (Мелетинский, 2000. С. 173). Миф не обращает слушателя к эмпирическому времени, и потребность в осмыслении эмпирического времени появляется поздно, когда мифическое воззрение на мир начинает тесниться более практичным, более жизненным мировоззрением, требующем уже рационального подхода.

Мифическое время не просто сакрально в смысле обращенности к исходному пра-времени, задающему космогонию и магические ритуалы. Оно обладает особой логикой – А.Я. Голосовкер[1] называет ее «логикой чудесного», и греческая мифология является наиболее известным ее воплощением. Собственно логика мифа или логика чудесного понимается автором как снятие свойств чувственного предмета, вещи и в то же время сохранение материальности этой вещи, сохранение ее принадлежности природному, материальному, чувственному бытию (Голосовкер, 2010. С. 119).

В отношении времени логика чудесного проявляет себя произвольной игрой временем и пространством, сжимая или растягивая их по своему произволу: «Пространство остается Евклидовым, события протекают во времени, но сам чудесный акт или предмет в них не нуждается» (Голосовкер, 2010. С. 115). Для греческого мифа вполне допустимы прямые нарушения природных законов, связанных с ходом времени, что проявляется, например, в чудесном рождении уже взрослой богини Афины из головы Зевса. В мифе можно умереть (сойти в Аид, царство мертвых) и вернуться – это делают такие герои как Орфей, Геракл, Одиссей. Боги тоже могут умереть, хотя, конечно, не так как человек, смерть бога ограничена во времени, больше похожа на оцепенение и затем бог возвращается к жизни. В итоге боги и время в греческом мифе, по Голосовкеру, связаны сложной связью. С одной стороны, боги властны над временем, с другой – зависят от него, эта зависимость заключается в телесности богов, влиянии времени на бога как тело среди других (природных) тел (Голосовкер, 2010. С. 116).

Исходным представлением в греческом мифе является персонифицированный образ времени – Хронос, часто по не совсем ясным причинам отождествляемый с титаном Кроносом. О нетождественности этих образов говорят А.Ф. Лосев (Лосев, 1996. С. 749), А.И. Зайцев (Зайцев, 2005. С. 63)[2]. Главное в образе Хроноса, характеризующее представление о времени вообще, – это чудовище, пожирающее своих детей. Так, в образе мифа нашло свое выражение исходное представление древних греков о прямой связи времени и смерти.

В дальнейшем для античной мысли при осмыслении времени на первом плане остается исходная интуиция всевластности времени (Хофмайстер, 2006. С. 398). Власть времени в земном мире практически безгранична, от времени зависит все, эта зависимость проявляется во всеобщей изменчивости, рано или поздно заканчивающейся гибелью всего существующего. «Всего существующего» – и в смысле каждой отдельной вещи, и в смысле всего космоса – так, у Гераклита мир (космос) представляет собой огонь, мерами вспыхивающий и угасающий, и в этом космическом пламени сгорает все, уничтожается каждая вещь. Гибельная природа времени признавалась многими античными мыслителями, в частности, для Аристотеля «…Время само по себе скорее причина уничтожения» (Аристотель, 1981. С. 153).

Пожирание Хроносом своих детей, т. е. разрушение созданного им же самим мира – это также и яркое образное выражение переживания мифологическим сознанием бессмысленности мира и времени. Одним из вариантов преодоления такой бессмысленности является развитие у греков мифологемы судьбы, соединяющей в себе

[1] А.Я. Голосовкер – русский и советский философ, литератор, переводчик, живший с 1890 по 1967 г. Центральной темой его работ было исследование воображения – «имагинации», в частности, анализ мифа как выражения творческого воображения.

[2] Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: курс лекций. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ); М.: Издательский центр «Академия», 2005. 208 с.

представления о времени и вечности (Алексина, 2002. С. 47).

В представление о Хроносе, пожирающем своих детей, также задается такая существенная для любого архаического мифа о времени черта как цикличность. В образе Хроноса цикличность определяется просто – ребенок рождается, Хронос его поедает и далее следует рождение (и, соответственно, поедание) следующего ребенка.

Подчеркивается, что уже в гесиодовской «Теогонии», хоть и в неотчетливой форме, присутствует представление о двух временах: первое – время несовершенного мира, цикличное по своему характеру (Кронос), второе – высшее время, содержанием которого являются эпохальные моменты в истории мира, такие как последовательное появление фундаментальных начал в виде Хаоса, затем Геи и т. д. (Ахундов, 1982. С. 84).

Интересным представляется анализ мифического времени К. Хюбнером (1921–2013), известным немецким исследователем мифа, причем миф для него – это не только часть жизни прошлых культур, но и постоянное присутствие мифа в нашей жизни, включая повседневность и науку.

Согласно Хюбнеру, античный грек, живший в мифическую эпоху, знал два вида времени. Первое – циклическое, связанное с архе, космическими началами, это «священное время», «zatheos chronos». Второе время открывается человеку как смертному существу – смертному в том смысле, что он не только подвержен смерти, как все живое, но и знает о неизбежности своей смерти. Второе время – необратимое, оно течет из прошлого в будущее, это профанное время, обозначаемое просто «хронос» (Хюбнер, 1996. С. 129).

Хюбнер подчеркивает, что для человека мифической эпохи (т. е. до V в. до н. э., когда появление философии и развитие культуры логоса снижает значимость мифа) не было независимого от мифа понятия времени (Хюбнер, 1996. С. 131). Возникновение рационального мышления затронуло и понимание времени, что выразилось в попытках при помощи построения по возможности непрерывных генеалогий привести мифические истории в прямую связь с обычным временем (Хюбнер, 1996. С. 131).

Хюбнер говорит о трех этапах «примирения» мифического времени и повседневного. Первое – это этап создания непрерывных генеалогий, сведенных в одну систему. Непрерывность обеспечивалась тем, что «мифические родословные древа были втиснуты в одну систему, пропуски в которой часто искусственно заполнялись, а противоречия разрешались порой насильно» (Хюбнер, 1996. С. 132), и мифическое восприятие мира оставалось господствующим.

Второй этап связан с разветвлением исходной единой родословной, выделение узловых моментов, дающих начало новым системам родословных. Появление нескольких родословных схем хотя и произвольно по своей природе, но важно в том плане, что позволяет соотнести, поставить в единые хронологические рамки несколько ветвей божественных родословных и тем самым придать всей теогонической системе более конкретный характер.

Третий этап – когда осознаются «чудовищные временные разрывы между миром мифа и современностью» (Хюбнер, 1996. С. 133) и для их преодоления греки создают олимпийские игры, в которых первоначально, то есть в мифические времена, участвовали такие герои мифов как Геракл.

В итоге Хюбнер приходит к заключению, что обращение к критическим трудам мифографов, историков, логографов позволяет обнаружить выросшее в мифической культуре представление о времени, совершенно отличное от более поздних и от наших представлений о времени (Хюбнер, 1996. С. 133). Это представление о том, что архе – это не просто некое отстраненное священное начало, но оно есть современность. Таким образом, для мифа и его носителя, т. е. грека, живущего в мифе, видящего мир мифически, важно именно «современность священного прошлого», где прошлое не воспринимается как прошлое, но как современное.

Да, вывод Хюбнера интересен, но следует учитывать то обстоятельство, что само обращение

автора к анализу мифического представления о времени в эпоху античности, точнее в эпоху перехода от мифа к логосу, подчинено решению исходной задачи – рассмотрению места мифа в современной нам жизни. Поэтому Хюбнер не затрагивает другие аспекты мифического представления о времени, важные для нашей темы рассмотрения представлений о реальности в эпоху классической античности.

Еще одну линию развития мифического представления о времени раскрывает французский историк-эллинист П. Видаль-Накэ (1930–2006), обращаясь к вопросу о том, какие именно отношения устанавливались между временем богов и временем людей в период от Гомера до Платона (Видаль-Накэ, 2001. С. 71). Задача автора – найти причину и объяснить сумятицу времени людей, которые не могут жить только циклическим временем. В итоге выявляется следующее: Видаль, опираясь на тексты Гомера, 1) подчиняет время людей тому порядку, что посылает Зевс, но 2) Зевс не является единственным источником порядка времени богов, так как этот «сложный порядок» является 3) результатом компромисса, достигаемого между богами (Видаль-Накэ, 2001. С. 72).

Итак, в процессе перехода от мифа к логосу за отдельными мифами о времени греки стремились увидеть логосность времени, т.е. рациональную связанность представлений о времени. Как это стремление к открытию логосности времени связано с жизнью греков, социальной, политической, технической, культурной?

2. Время в полисе

Мифические представления греков о времени многоаспектны и интересны, но все-таки в классический период греческой истории миф становится частью прошлого, вытесняется из реальной жизни. Жизнь античного грека определяется жизнью полиса, и встает вопрос: какое место в античном полисе занимало представление о времени? Кратко можно сказать следующее: с развитием полиса время из мифа и космического уровня переходит на уровень повседневности и биографичности. Как и почему это происходило?

Для того чтобы подчеркнуть значимость полиса в усложнении временных представлений, обратим внимание на предшествующую традицию, восходящую еще к микенской культуре. «Микенские греки воспринимали продолжительность в виде фаз, интересуясь лишь началом или окончанием процесса, повторяемостью, долготой, постоянством явления» (Фор, 2004. С. 63). При этом основу восприятия времени составляли Повторяющиеся природные процессы – такие как фазы луны, времена года, вращение созвездий на ночном небе, приливы и отливы – определяли привычный ритм жизни грека.

Формирование полиса, для которого определяющим было возведение стен, отгораживающих жителя полиса не только от врагов, но и от природы, создавало основу для формирования своего собственного времени. Появление в полисе собственного времени важно в двух аспектах. Во-первых, собственное социальное время – это способ отделения от окружающего мира, обособления, автономности. Именно поэтому каждый полис вел свою хронологию, подчеркивая тем самым свою независимость от соседей. Во-вторых, – это формирование и распространение отношений одновременности, синхроничности. Синхронизация осуществлялась и на уровне полисов, и на уровне отдельного человека.

Начавшись с «времени полиса», социальное время эллинов расширилось до «времени Эллады» (Алексина, 2002. С. 47). При этом стоит отметить, что один из известных моментов такой синхронизации, позволяющий говорить о «времени Эллады», – общегреческий счет по олимпиадам – является достижением уже послеклассического времени. «Впервые он был использован раннеэллинистическим историком Тимеем из Тавромения (около 356–260 лет до н. э.), да и то далеко не сразу нашел к себе однозначно положительное отношение со стороны коллег Тимея» (Суриков, 2010. С. 128).

Что касается собственно обращения ко времени в рамках полисной жизни, то восприятие

времени и отношение к нему весьма многообразно: это и время в суде, и время стражи, также время «заполненного рынка», биографическое время (время жизненных стадий), собственно календарь (основан на лунном годе), время религиозных праздников и т. д.

Наиболее важным с точки зрения влияния представления о времени на становление социальности представляется *измерение времени в суде*. Именно необходимость осуществления этой процедуры привела к появлению собственно греческого инструмента как клепсидра, о чем говорят практически все исследователи античности. Но вот зачем нужно было измерять время выступления в суде – здесь нет ясных ответов.

Самый очевидный ответ – это необходимость ограничения судебных выступлений, чтобы завершить рассмотрение дела в разумные сроки. С этой целью и использовалась клепсидра, помогающая регулировать время в суде. Κλεψύδρα – буквально «водяной вор» – это глиняный сосуд, в котором делалось отверстие, и через это отверстие посредством бронзовой трубочки сосуд соединялся с другим, стоящим ниже. Главным в этом простом устройстве было строго отмеренное количество воды, измеряемой в хоях[3] в соответствии с тем, сколько полагалось для данного вида речи. «Так, судебный день в афинском суде длился примерно 9–9,5 часа при рассмотрении государственных преступлений: на речи отводилось 11 амфор, что составляет 6 часов 36 мин. Треть времени предоставлялось обвинению, треть – защите и треть речам сторон о мере наказания. Еще проводились такие процедуры как жеребьевка судей, голосование по вердикту, окончательное голосование, получение судьями жалованья» (Кудрявцева, 2008. С. 209).

«При рассмотрении частных исков время, отводимое на речи, зависело от важности и весомости иска: в среднем речи длились около сорока минут и какое-то время оставлялось на вопросы и спор (обмен репликами) сторон. Время, в течение которого секретарь по просьбе тяжущегося зачитывал документы (законы, свидетельские показания, контракты), не считалось, и выступающий просил приставленного к клепсидре судью «остановить воду»» (Кудрявцева, 2008. С. 209).

Но есть и другой ответ на вопрос о причине регламентации времени судебных выступлений. Р. Ханна высказывает предположение, что идея клепсидры могла быть завезена в Грецию в один из промежуточных периодов между войнами, и вхождение клепсидры в социальный контекст означало возросшую осознанность в обращении со временем. Здесь дается предположение о том, что ограничение времени направлено на достижение социального равенства: произношение речей за определенный отрезок времени должно было обеспечить выполнение такой фундаментальной характеристики демократии как достижение равенства через стандарт (см.: Афонасина, 2016. С. 423). Стоит отметить, что использование клепсидры как способа измерения и учета времени в суде позволяло участнику тяжбы поделиться временем выступления с одним или даже несколькими синегорами (профессиональными защитниками) (Кудрявцева, 2008. С. 212), что в определенной степени также можно оценить как способ достижения социального равенства.

Клепсидра как измерительный инструмент, позволяющий достаточно точно отмерить промежуток времени, в классическую эпоху получает применение не только в суде. Так, клепсидру использовали для организации несения караульной службы, для измерения времени театральных постановок (Афонасина, 2016. С. 424–425).

В полисе усложняется представление о времени жизни человека. Изменение представлений о времени в условиях полиса затрагивает многие сферы частной жизни греков в силу начавшейся стандартизации (Афонасина, 2016. С. 420). Жизнь греческого гражданина разделяется на несколько периодов, причем эти периоды были несколько отличны друг от друга в разных полисах, и в Афинах возрастные периоды менее структурированы чем в Спарте (Бюттен, 2006. С. 148). Ребенок, сын афинского гражданина, остается со своей матерью до поступления в школу в возрасте семи лет.

[3] Хой (3,276 л) соответствовал 3 минутам.

С наступлением совершеннолетия в восемнадцать лет[4] каждый афинский юноша становится эфебом, и два года посвящает военной службе, так как полноправным гражданином он мог стать только после военной службы. Примечательно то, что при внесении в списки демотов по достижении восемнадцатилетнего возраста городской Совет строго следил за исполнением возраста: вписанные граждане подвергались докимасии (проверке) и, если оказывалось, что данное лицо моложе 18 лет, налагалось взыскание на тех, кто составил список (Аристотель, 1937. С. 61). Понятно, что такая проверка была возможна только при строгом учете и контроле времени рождения ребенка.

В условиях полиса начинает развиваться и оформляется еще одна форма видения времени – историческая. Историческое время предполагает последовательность становления и выделение уникальных, неповторимых событий, их называние и фиксацию их длительности в определенной форме.

Концепция исторического движения общества «впервые появляется у Гесиода, хотя движение времени (истории) в его «Трудах и днях» идет вспять (от железного века к золотому) и регрессивно по своей сути» (Суриков, 2010. С. 134). Идея исторического времени по своей сути предполагает не циклическую, а линейную концепцию времени, и возникает вполне очевидный вопрос: если у греков не было представления о линейной направленности времени, как у них возникло представление об истории?

Здесь предлагаются следующие варианты ответов. Первое, И.Е. Суриков считает, что история вполне вписывается в рамки циклизма, и показывает это на примере Фукидида. Автор задает вопрос: что подвигло Фукидида на создание исторического труда, почему он считал важным довести до потомков знания о прошлом? – «Да именно потому, что в будущем события могли повториться; тогда-то и пригодилось бы сохраненное знание» (Суриков, 2010. С. 134). То есть круговое (циклическое) движение времени вовсе не исключает необходимость истории как фиксации прошедшего.

Другой ответ предлагает Л.С. Клейн: внутри «циклической концепции времени постепенно складывался и другой подход ко времени – определяющий более длительные отрезки, а именно – превышающие один цикл», время начинали представлять в виде длинной линии. «Можно сказать, что вращающееся колесо времени, повторяющее все те же фазы позициями обода, отпечаталось в виде прямой колеи» (Клейн, 2015. С. 39). То есть внутри циклического времени на основе накопления соответствующих циклов начинается «выпрямление времени» и идея истории, – то есть видение последовательности событий на определенном долгом пути времени – начинает свое формирование в сознании античных греков.

3. Осмысление времени

При обращении к вопросу о том, как развивалось осмысление времени в классической античности нас интересуют следующие моменты. Первое – в каком смысловом поле шло формирование темпоральных представлений? Второе – какая терминология использовалась для осмысления времени? И третье – какие перспективы для представления о реальности вообще и времени в частности создает античная классика?

Общие границы понимания времени в античной мысли задаются двумя великими мыслителями, Парменидом (540–470 гг. до н. э.) и Гераклитом (544–483 гг. до н. э.), оказавшим прямое влияние на весь последующий ход античной мысли. В отношении времени это влияние выразилось в установлении двух полярных подходов.

Гераклит подчеркивал мимолетность, отсутствие постоянства, текучесть всего, включая время. Для Гераклита в мире царствует временность, образным воплощением которой служит текущая река. Собственно о времени в сохранившихся фрагментах Гераклита говорится всего один раз, но тема *текучести* всего является центральной для его учения. Отмечается, что «важнейшей идеей является мысль Гераклита о том, что *время не имеет под собой никаких оснований,* оно само

[4] В других полисах это могло быть и 16 лет.

есть основание всего, причина и условие: течет не время, а вещи и процессы, существующие во времени» (Денисова, 2018. С. 217, 219).

Для Парменида, напротив, время – это «пустейшее из пустых имен», среди которых живут смертные, время «заражает язык, наводняя его пустыми именами, время заражает грамматику, заставляя нас произносить: «было», «будет»...» (Черняков, 2001. С. 39). Тезис Парменида «бытие есть, небытия нет» утверждает иллюзорность движения и ведет к отказу от «текучего, движущегося времени» как действительно существующего, бытие связывается с неизменностью, вечностью (образным воплощением вечного бытия у Парменида является сфера).

И хотя оба мыслителя специально не обращались к вопросу о времени, их общие установки, несомненно, оказали свое воздействие на проблематику понимания времени.

Говоря о Гераклите и Парменида как авторах полярных подходов к пониманию времени, нельзя забывать о том, что их подходы не существуют в своих отдельных мирах, а задают общее смысловое поле понимания времени. Общность этих подходов[5], в частности, отмечена известным современным исследователем античной мысли А.В. Лебедевым. Во-первых, «и у Гераклита, и у Парменида бытие соответствует «единому», а становление – «многому»», понимаемому как совокупность всех пар противоположностей. Во-вторых, вполне допустимо какое-то влияние Гераклита на Парменида. И третий момент – более вероятным представляется наличие у обоих мыслителей общего источника, а именно – пифагорейская традиция (Лебедев, 2014. С. 53).

Если идеи Гераклита и Парменида определяют границы смыслового поля понимания времени в античности, то содержание этого поля задается терминологией. Основные термины, используемые античными авторами в различных контекстах, затрагивающих изменения во времени, следующие. Наиболее известное слово, используемое для обозначения времени – χρόνος (хронос). Также в связи со временем часто используется αιών (эон) – «вечность». И третий основной термин, обозначающий время – καιρός (кайрос), «надлежащее, благоприятное время».

Каждый термин имеет различные традиции и контексты употребления в языке античных авторов, и однозначного перевода на современные языки этих терминов нет. Полными синонимами эти слова не являются, каждое имеет свое семантическое поле, и эти поля пересекаются лишь частично (Суриков, 2010. С. 136).

К прояснению их смысла сегодня обращаются многие авторы, отметим наиболее существенные пункты истолкования указанной темпоральной терминологии.

Хронос является наиболее известным и многозначным термином. Для обозначения времени важны два значения: 1) время как промежуток и 2) время как момент, точка. Основным значением хроноса предлагается следующее: «χρόνος – это не только «время» в абстрактном, недифференцированном значении. Это нечто текущее, длящееся, протяженное. Это – промежуток времени, «линейное время»» (Суриков, 2010. С. 137).

Еще одну определенность хронос получает в соотнесении со вторым основным термином, характеризующим время – αιών (эон), «вечность». Смысл ‘njuj ckjdf постепенно менялся: если у Гомера оно употребляется в значении «срок жизни человека», то у Платона и в дальнейшем – в значении «бытие вселенной в ее нынешнем порядке» или «вечность», противопоставляемая земному «времени» (хроносу). Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) называл золотой, серебряный и т. д. века словом γένος, т. е. «поколение» (Савельева, Полетаев, 1997. С. 229).

Эон. Согласно этимологии понятия «αἰών» оно близко по значению русскому слову «юность»; αἰωνος соответственно не только «вечно существующий», но и вечно новый, возобновляющийся, начинающий сначала (Денисова, 2018. С. 217). В эпической поэзии (Гомер, Гесиод) понятие «αἰών» не имеет прямого отношения к вечности, означая «жизнь», «жизненную силу». При этом αιών выступает в тесной связи с такими по-

[5] Подробнее см.: Денисова, 2018. С. 224–225.

нятиями, как душа (ψυχή), жизнь (βίος, ζωή) и смерть (θάνατος). Взаимосвязь жизни и смерти выражается в слове косвенно: там, где нет айона[6], наступает смерть (Плешков, 2013. С. 218). В дальнейшем смысл αἰών расширяется: к полноте жизни, обозначаемой этим словом, добавляется установление взаимосвязи с понятиями божество (θεός), судьба (μοίρα) и время (χρόνος), в итоге уже в исторических и ораторских произведениях полнота и длительность αἰών противопоставляется моменту времени χρόνος (Плешков, 2013. С. 219). И.Е. Суриков, рассматривая специфику лексемы αιών, отмечает, что разница между αιών и χρόνος заключается не в том, что первое более длительно, чем второе, но в том, что χρόνος подвижен и подвержен делению в отличие от неподвижного и неделимого αιών (Суриков, 2010. С. 141).

Кайрос. Термин καιρός (кайрос), на первый взгляд, занимает гораздо более скромное место в смысловом поле темпоральных представлений античности. Однако этот термин не только достаточно активно использовался в античности, но получил последующее развитие как в Средние века и Возрождение, так и в современной культуре, что свидетельствует о богатстве схваченного в этом термине смысла.

Исходно слово «кайрос» имеет мифологическое происхождение – это сын Кроноса, божество благоприятного момента, почитавшееся в Олимпии (Словарь античности. С. 240)[7]. Насколько было установлено, кайрос впервые появился в «Илиаде», где он обозначает жизненно важное или смертельное место в теле, которое особенно подвержено травмам и поэтому нуждается в особой защите (Sipiora, 2002. P. 2).

Хотя темпоральное значение кайроса задается его «моментальностью» и обычно рассматривается как «время» или «правильное время». В отношении кайроса речь идет не о длительности и протяженности, а именно о точном, конкретном моменте. Это не промежуток времени, а «точка во времени»: в итоге если χρόνος – «линейное время», то καιρός – «точечное время» (Суриков, 2010. С. 137). Кайрос – это уникальный момент, подходящий для реализации какого-то действия, замысла. Кайрос – это точка времени между началом и концом, «точка во времени, наполненная значением, заряженная смыслом, полученным из ее отношения к концу». И, наоборот, в некоторых случаях есть время, которое не имеет возможности (akairos) (Sipiora, 2002. P. 2).

Подчеркивается, что кайрос нес ряд значений в классической риторической теории и истории, включая «симметрию», «случай», «должную меру», «приспособленность», «такт», «приличие», «удобство», «пропорцию», «плод», «прибыль» и «мудрую умеренность». При этом в некоторых отношениях кайрос похож на другой главный термин – логос, в том, что оба понятия породили много важных определений и интерпретаций и несли серьезны последствия для исторической интерпретации (Sipiora, 2002. P. 1).

Кайрос оказался термином, важным для осмысления исторического времени. Собственно, кайрос и есть одно из проявлений исторического времени: кайрос – это случай по совпадению факторов или результат присоединения индивидуальных признаков или причин к сущностным. Причем кайросы представляют собой не просто какое-либо стечение факторов, а такое, которое можно назвать благоприятным или неблагоприятным для совершения некоторых поступков. Понятие «кайрос» как представление о времени связано не только с этическими, но и с ценностными идеями. Кайросы не только можно предвидеть, их необходимо учитывать в конкретной деятельности (Хвостова, 2009. С. 165).

Последующие интерпретации кайроса в богословии были связаны с тем, что кайрос несет в себе иное понимание темпоральности, противостоящее пониманию хроноса как «уходящему времени». Темпоральность кайроса – это когда событие «разворачивается во времени вне времени», кайрос представляется вертикальным и непротяженным. «Если хронос измеряется секундами, минутами, часами и годами, то кайрос ни-

[6] Плешков настаивает на необходимости различать «эон» и «айон» (Плешков, 2013. С. 218).

[7] Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

как нельзя измерить, ведь он возникает лишь в Мгновении» (Мануссакис, 2014. С. 89).

В итоге можно заключить, что специфика кайроса как темпорального термина по сравнению с эоном и хроносом заключается в 1) его мгновенности и 2) его связи с волей действующего в определенный момент времени человека.

Вопрос о том, как шло осмысление времени в античной философии – это тема очень обширная, многоаспектная и сложная, составляющая предмет активных исследований современных авторов, и эта тема выходит далеко за пределы нашей статьи. Выделим только два имени – Платона и Аристотеля, без обращения к которым невозможно приблизиться к ответу на последний из поставленных выше вопросов: какие перспективы для представления о времени создает античность классической эпохи?

Главные идеи Платона о времени изложены им в одном из наиболее часто цитируемых произведений – диалоге «Тимей», посвященному изложению мироустройства и написанному около 360 г. до н. э. Для Платона исходным является деление всего сущего на мир вечного, неизменного бытия и подвижный мир становления. Соответственно, первому миру присуща вечность, второму – время, и эти миры соотнесены между собой: демиург «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временам» (Платон, 1994. С. 439–440).

П.П. Гайденко выделяет три основных момента в анализе времени Платоном: «1) то, что существует вечно, не рождено и не создано – это Единое, вечный образец; 2) то, что существует всегда (сотворено, но не подвержено гибели) – сам космос, и, наконец, 3) то, что существует временно (возникает и погибает) – изменчивые и преходящие эмпирические явления» (Гайденко, 2006. С. 6). Также отмечается, что Платон предзадал ответ, к которому будут прибегать все мыслители, стремящиеся совместить учение о тварности мира с эллинской онтологией вечного и неизменного: Бог создал мир не во времени. Само время не вечно, а сотворено вместе с космосом (Бородай, 2010. С. 112).

Таким образом, по Платону, время 1) есть подвижный образ вечности; 2) это космическая категория, так как явлено в движении космических тел; 3) время подчиняется закону числа.

Аристотель в своем понимании времени отчасти следовал своему учителю, но все-таки шел своим путем. Во-первых, он не принял идею о творении времени, считая космос вечным. Поэтому вместо понятия «вечность» он употребляет понятие «всегда», когда речь идет о вневременном бытии. Но следуя Платону Аристотель связывает время с жизнью космоса, с физическим движением (Гайденко, 2006. С. 7). Для Аристотеля вопрос о времени – это вопрос о сущем и несущем: есть всё-таки время или нет?

Главными пунктами понимания времени у Аристотеля можно считать следующее: 1) время – это «число движения по отношению к предыдущему и последующему» (Аристотель, 1981. С. 149); 2) единство времени заключается в «теперь», а «теперь» всегда привязано к некоторой движущейся вещи, хотя «теперь» – это не само время, а только его граница; 3) мера времени – движение небосвода; 4) время как непрерывная величина соотносится с моментом «теперь», который определяется самой вещью, изменяющейся во времени; 5) время невозможно без души, так как только душа может вести счет (момент «теперь» всегда чей-то, принадлежит какой-то душе, хотя бы и мировой душе).

Выводы

Отношение ко времени, формируемое в античной Греции к моменту ее наивысшего развития в классический период, отличалось сложностью и богатством образов, представлений и идей. Критическое осмысление исходных мифических представлений о времени было связано с ростом и развитием системы полисов, где усложнение социальных отношений с необходимостью вело к возникновению измерительных техник времени, к усложнению представлений о времени жизни че-

ловека, к возникновению фундаментальных идей о природе времени и понимания вечности. Но утверждать, что мифические представления греков о времени к середине IV в. до н. э. ушли в прошлое – все-таки нельзя. Одним из ярких подтверждений сохранения мифического восприятия временя в античной Греции служит образ Кайроса.

Античность видела мир как вечно вращающийся космос, соединяющий в себе и постоянство вечности, и изменчивость временности. Отношение греков ко времени не было однозначным. Это проявилось в таких принципиальных моментах как утверждение идеи вечного возвращения и циклического представления времени в целом, что получило отчетливую оформленность уже в стоицизме. Для греков время создано для наведения порядка, однако нерешенным остался главный вопрос: время – это инструмент в руках создателя мира (демиурга) или время – самостоятельная сила (Хронос)? И второй вопрос не находит ответа после обращения к рассмотрению античных представлений о времени: нужна ли греку вечность?

Если попытаться выделить один, самый показательный пункт отношения греков ко времени – космическому, мифическому, историческому, политическому и др., то все-таки приходится признать, что вся многообразная жизнь грека проходила под знаком господства «сегодня» и «теперь». Аверинцев это выразил следующим образом: «Высшая мудрость античного человека состоит в том, чтобы доверять… не будущему, а настоящему, и его олимпийцы не могут лучше обласкать своего любимца, как подарив ему сегодняшний день в обмен на завтрашний» (Аверинцев, 1996. С. 37).

Это и господство победы олимпийского чемпиона, и господство победителя в одной из бесчисленных войн, и господство оратора над внимающими ему слушателями. И это двухтысячелетнее господство физики Аристотеля, основанной на утверждении того, что по-настоящему есть только «теперь».

Библиографический список

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

Алексина Т.А. Время в культуре мира // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). Сер. Философия, 2002. № 3. С. 39–62.

Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.

Аристотель. Афинская полития. 2-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 161 с.

Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 222 с.

Афонасина А.С. Измерение времени в Античности: клепсидра и ее особенности // ΣΧΟΛΗ. 2016. Vol. 10. 2. С. 420–436.

Бородай Т.Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // Интеллектуальные традиции античности и средних веков. М.: Кругъ, 2010. Вып. 1. С. 107–121.

Бюттен А.-М. Классическая Греция. М.: Вече, 2006. 384 с.

References

Averintsev S.S. (1996) Rhetoric and origins of the European literary tradition. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. (In Russ.)

Aleksina T.A. (2002) Time in a culture of peace. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Philosophy.* No. 3. P. 39–62. (In Russ.)

Aristotel'. (1981) Essays. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 3. 613 p. (In Russ.)

Aristotel'. (1937) Athenian polity. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 161 p. (In Russ.)

Akhundov M.D. (1982) The concept of space and time: origins, evolution, perspectives. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russ.)

Afonasina A.S. (2016) Measuring time in Antiquity: Clepsydra and its features. ΣΧΟΛΗ. Vol. 10. 2. P. 420–436. (In Russ.)

Borodai T.Yu. (2010) The question of the eternity of the world and an attempt to solve it by Thomas Aquinas. *Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov = Intellectual traditions of Antiquity and the Middle Ages*. Moscow: Krug. Iss. 1. P. 107–121. (In Russ.)

Byutten A.-M. (2006) Classic Greece. Moscow: Veche. 384 p. (In Russ.)

Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. 419 с.

Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

Голосовкер А.Я. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

Денисова Т.Ю. Время и вечность в онтологических моделях Парменида и Гераклита // Идеи и идеалы. 2018. № 4. С. 212–229.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.

Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: Евразия, 2015. 384 с.

Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.

Мелетинский Б.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.

Мануссакис Дж. Бог после метафизики: богословская эстетика. Киев: Дух і літера, 2014. 416 с.

Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.

Плешков А.А. Представление о времени и вечности у Платона и Плотина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 216–223.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.

Суриков И.Е. Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М.: Кругъ, 2010. С. 113–144.

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.: Алетейя, 2009. 207 с.

Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 448 с.

Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.

Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.

Vidal'-Nake P. (2001) Black hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek world. Moscow: Ladomir. 419 p. (In Russ.)

Gaidenko P.P. (2006) Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science. Moscow: Progress-Traditsiya. 464 p. (In Russ.)

Golosovker A.Ya. (2010) Favorites. The logic of the myth. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p. (In Russ.)

Denisova T.Yu. (2018)Time and eternity in the ontological models of Parmenides and Heraclitus. *Idei i idealy = Ideas and ideals.* No. 4. P. 212–229. (In Russ.)

Kassirer E. (2002) Philosophy of symbolic forms. Vol. 3. Phenomenology of cognition. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 398 p. (In Russ.)

Klein L.S. (2015) Time in archeology. St. Petersburg: Evraziya. 384 p. (In Russ.)

Kudryavtseva T.V. (2008) People's court in democratic Athens. St. Petersburg: Aleteiya. 464 p. (In Russ.)

Lebedev A.V.(2014) Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word (with new critical edition of fragments). St. Petersburg: Nauka. 533 p. (In Russ.)

Losev A.F. (1996) Greek and Roman mythology. Moscow: Mysl'. 975 p. (In Russ.)

Meletinskii B.M. (2000) Poetics of myth. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 407 p. (In Russ.)

Manussakis Dzh. (2014) God after Metaphysics: Theological aesthetics. Kiev: Dukh i litera. 416 p. (In Russ.)

Platon. (1994) Collected Works. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 3. 654 p. (In Russ.)

Pleshkov A.A. (2013) The concept of time and eternity in Plato and Plotinus. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii (RKhGA) = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy.* Vol. 14. Iss. 3. P. 216–223. (In Russ.)

Savel'eva I.M., Poletaev A.V. (1997) History and time. In search of the lost. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 800 p. (In Russ.)

Surikov I.E. (2010) Temporal performances in ancient Greece of the polis era. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad = Time images and historical representations: Russia – East – West*. Moscow: Krug". P. 113–144. (In Russ.)

Khvostova K.V. (2009) *Byzantine civilization as a historical paradigm.* St. Petersburg: Aleteiya. 207 p. (In Russ.)

Khofmaister X. (2006) What does it mean to think philosophically. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet. 448 p. (In Russ.)

Khyubner K. (1996) The truth of the myth. Moscow: Respublika. 448 p. (In Russ.)

Chernyakov A.G. (2001) Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. 460 p. (In Russ.)

Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004. 262 с.

Sipiora P. Introduction: The Ancient Concept of Kairos // Rhetoric and Kairos: Essays in History, Theory, and Praxis, edited by Phillip Sipiora and James S. Baum-lin. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 1–45.

Сведения об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Заявленный вклад автора

А.И. Шафоростов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 14 мая 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 2 июня 2020 г.
Принята к публикации 15 июня 2020 г.

For P. (2004) Daily life in Greece during the Trojan War. Moscow: Molodaya gvardiya; Palimpsest. 262 p. (In Russ.)

Sipiora P. Introduction: The Ancient Concept of Kairos // Rhetoric and Kairos: Essays in History, Theory, and Praxis, edited by Phillip Sipiora and James S. Baumlin. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 1–45.

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Contribution of the author

A.I. Shaforostov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 14, 2020.
Received June 2, 2020.
Accepted June 15, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930.85
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-138-152

Традиционный русский костюм: использование в придворной культуре XVIII–XIX вв. как символа национальной принадлежности

© О.К. Лось, Е.Н. Курочкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме использования в дворянской придворной среде традиционного русского народного костюма с целью демонстрации своей причастности к национальной русской культуре. Интерес к этой теме был спровоцирован стихийной популярностью русского кокошника во время проведения в России чемпионата мира по футболу в 2018 году. В процессе исследования оказалось, что интерес к народному кокошнику уже проявлялся в истории России. Начало этой тенденции определено периодом царствования Екатерины II. После 1812 г. тенденция была поддержана патриотическими настроениями русского дворянства, а с 1834 г. после утверждения «Положения о гражданских мундирах», куда вошло и «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору», превратилась в официально закрепленную традицию, сохранявшуюся до конца XIX века. Подтверждением этому являются хотя и немногочисленные, однако и не единичные женские портреты, в том числе императриц, а также многофигурные живописные картины, изображающие коронационные празднества. Особенно убедительно тиражирование портретов императриц в гравюрах, несомненно, рассчитанное на внедрение в массы идеи близости правящих кругов к народу. Это явление столкнулось с встречной тенденцией увлечения русским костюмом, сформированной под влиянием демократических настроений русского общества, что проявилось в растущем интересе к подлинно народному искусству, а в придворной культуре – в интересе к костюмированным балам-маскарадам в русском стиле, исчезнувшим с наступлением новых идеалов XX века. Это и выявило ложный, маскарадный характер интереса правительства к народу. В целом это доказывает и знаковое значение костюма, и то, что его развитие – это процесс саморазвивающийся.

Ключевые слова: костюм, русское платье, придворный, кокошник, маскарад, портрет, сарафан, национальный, самоидентификация

Для цитирования: Лось О.К., Курочкина Е.Н. Традиционный русский костюм: использование в придворной культуре XVIII–XIX вв. как символа национальной принадлежности // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 138–152. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-138-152

The use of traditional Russian costume as a symbol of national identity in the court culture of the XVIII–XIX centuries

© Olga K. Los', Elena N. Kurochkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the problem of using the traditional Russian folk costume in the court nobility in order to demonstrate their belonging to the national Russian culture. The interest to this topic was provoked by the spontaneous popularity of the Russian kokoshnik during the 2018 FIFA World Cup in Russia. While researching it turned out that interest in the folk kokoshnik had already manifested itself in the history of Russia. The beginning of this trend was determined by the period of the reign of Catherine II. After 1812, the trend was supported by the patriotic sentiments of the Russian nobility, and since 1834, after the approval of the "Regulations on civil uniforms" which included "Description of ladies' outfits for arriving on solemn days to the highest court", became an officially enshrined tradition that remained late 19th century. This is confirmed by portraits of women, including empresses, as well as multi-figure paintings depicting coronation festivities. Particularly convincing is the replication of portraits of empresses in engravings, undoubtedly designed to introduce into the masses the idea of the proximity of the establishment to the people. This phenomenon faced the counter tendency of a fascination with Russian costume, formed under the influence of the democratic sentiments of Russian society, which manifested itself in a growing inter-

est in genuine folk art, and in court culture – in an interest in costumed masquerade balls in the Russian style, which disappeared with the advent of new ideals of the XX century. This revealed the false, masquerade nature of the government's interest in the people. On the whole, this proves both the iconic value of the costume and the fact that its development is a self-developing process.

Keywords: costume, Russian dress, courtier, kokoshnik, masquerade, portrait, sundress, national, self-identification

For citation: Los' O.K., Kurochkina E.N. (2021) The use of traditional Russian costume as a symbol of national identity in the court culture of the XVIII-XIX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 138–152. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-138-152

Известно, что одним из наиболее ярких приемов национальной самоидентификации является обращение к национальным народным традициям. В России стремление общества к самоидентификации заметно усилилось с завершением советского периода, совпавшим с процессами глобализации в мире. Естественное желание сохранения собственного лица общества привело к тому, что многочисленные малые народы бывшего СССР принялись возрождать забытые традиции. Это, прежде всего, проявилось в возрождении культуры праздников, наполненных теперь забытыми радостями национальной кухни, танцев, обрядовых действ, возобновлением народных промыслов. Это привело и к интересу такими важнейшими составляющими любой национальной культуры, как язык и фольклор. Однако наиболее ярким проявлением стремления к национальной самоидентификации явился интерес к национальному костюму. Сформированный столетиями в характерной для нации географической среде, дошедший до наших дней преимущественно в своем праздничном варианте, наконец по достоинству был оценен его комфортный рационализм и яркая декоративность.

Интересным явлением стала стихийная популярность русского кокошника, возникшая внезапно на празднике проведения в России чемпионата мира по футболу летом 2018 года. Главным стало не столько простота исполнения и красочность этого головного убора, сколько его знаковость. В экстремальной ситуации, когда города России наполнились иностранцами и Россия оказалась под взглядами миллионов любителей футбола, кокошник вдруг стал символом консолидации нации, вытеснив привычные знаки: матрешку, балалайку, шапка-ушанку, оказавшиеся менее выразительными. В этом стихийном выборе знака – кокошника проявилась одна из особенностей этого вида искусства (дизайна костюма): костюм способен преобразить лично каждого человека. Кокошник на чемпионате всех сделал «русскими», придав празднику «русский национальный дух».

В России обращение к женскому национальному (народному) костюму в обществе, далеком от крестьянской культуры, в которой он сформировался, известно уже с середины XVIII в., хотя к этому времени русская элита следовала в костюме общепринятой европейской моде, ориентированной в основном на французское рококо. Обычно это связывают с именем Екатерины II, которая ввела в обиход русского двора так называемое «русское платье», напоминающее праздничный народный сарафан, надетый на белую рубаху. По словам бытописателя XIX века М.И. Пыляева, русское платье – это «костюм, похожий на старинный русский, с фатою и открытыми проймами на рукавах» – то есть с откидными рукавами (Бордэриу, 2016. С. 25). Откидные рукава не были распространены в народном костюме, однако они были типичны для опашеня – распашной мужской и женской одежды, известной с XIV в., которую носили при царском дворе в допетровский период. В этих широких длинных рукавах руки продевались в специальные разрезы, а сами рукава свободно висели. В народной среде богато украшенный кокошник молодые женщины носили до появления первого ребенка, после чего его, как и другие нарядные головные уборы, надевали лишь в особо торжественных случаях (Маслова, 1984. С. 62). Головной убор замужних женщин, скрывающий волосы, связывался с идеей подчинения мужу. В основе этой традиции лежало представление о магиче-

ской силе, заключенной в волосах, которая могла повредить его семье (Маслова, 1984. С. 56–57).

Как отмечал И. Забелин, в допетровские времена одежда цариц и взрослых царевен отличалась от народной лишь материалами, отделкой драгоценностями и мехом, а также особым верхним платьем. Говоря о верхней сорочке, соответствующей повседневному «теперешнему платью», которую носили с поясом, он писал: «Вторые одежды, хотя и шились тоже с рукавами, но в мышках имели всегда проймы, в которые обыкновенно и продевалась рука, одетая в сборчатый рукав сорочки, так что рукава вторых одежд висели за плечом и кроились больше для полноты наряда, а вовсе не для употребления» (Забелин, 2014. С. 630). Подобные ложные рукава можно увидеть и в европейских книжных миниатюрах раннего Средневековья и на портрете царицы Марфы Апраксиной неизвестного художника (1681–1682 гг., Государственный русский музей (ГРМ)).

Введенное Екатериной II русское платье состояло из нижнего, обычно белого платья и цветного верхнего – распашного, которое было украшено вышивкой с растительным орнаментом или мехом. Иногда оно имело две пары съемных рукавов. К. Бордэриу в своей книге «Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи» отмечала, что изобретение Екатериной II придворного «русского платья» было частью ее идеологической программы, где она в том числе противопоставляла себя императрице Елизавете Петровне, которую русские народные традиции не интересовали (Бордэриу, 2016. С. 14). В подтверждение этому Бордериу приводит указ императрицы генерал-полицмейстеру Ф.В. Наумову «О платье для приезда на придворные маскерады», в котором Елизавета Петровна приказывала «впредь на маскерад желающим ездить в хорошем и негнусном платье, а в телогреях, полушубках и кокошниках не ездить» (Бордэриу, 2016. С. 39).

Интерес Екатерины II к русским национальным традициям можно увидеть не только в обращении к русскому платью. В 1770–1773 гг. она проявила личное внимание к проекту «восстановления» стенной живописи в кремлевских соборах. Когда обсуждался вопрос о потускневших фресках Успенского собора, она в письме к архиепископу московскому Амвросию пожелала возобновить их водяными красками, и чтобы «все то живописство написано было таким искусством, как и древнее, без отличия» (Вздорнов, 1986. С. 17). Ярким свидетельством может быть и строительство Петровского путевого дворца на Тверском тракте (1776–1780-х гг.) по проекту М.Ф. Казакова, и дворцового ансамбля Царицино близ Москвы (1776–1780-е гг., архитекторы В.И. Баженов, М.Ф. Казаков), живописные ансамбли которых напоминают традиции поздней древнерусской архитектуры. Исследователи русской деревянной архитектуры Е. Ходаковский и Н. Михайлова заметили, что именно в царствование Екатерины II произошел последний всплеск строительства деревянных шатровых церквей на Русском Севере. «К середине – второй половине XVIII века абсолютно во всех регионах Русского Севера шатры триумфально возвращаются в практику деревянного храмостроительства» (Ходаковский, Михайлова, 2010. С. 106). На фоне доминирующего классицизма это было необычным явлением.

Считается, что впервые Екатерина II надела так называемое «русское платье», модель которого придумала сама, в день годовщины своей коронации, 22 сентября 1770 г. В день девятой годовщины своей коронации императрица надела русское платье в качестве бального, а 28 июня 1771 г., в день празднования годовщины восшествия на российский престол, русское платье было использовано ею уже как церемониальное: «В оный день Ее Императорское Величество и по утру и на куртаге соизволила быть в Русском платье, – сообщает Камер-фурьерский церемониальный журнал. – В 1777 г. Екатерина II была в русском платье и кавалериях в праздник Рождества Иоанна Крестителя, а в 1780 г. – в День святой Троицы – в Гвардейском Измайловском полку» (Бордэриу, 2016. С. 22). В 1775 г. русское платье было объявлено одеждой и придворных дам. В Камер-фурьерском церемониальном журнале 10 октября 1775 г. о визите турецкого посланника записано: «дамы были в русском и в роброндах» (Бордэриу, 2016. С. 24).

Интерес Екатерины II к русскому национальному костюму подтверждает «Портрет Екатерины II в шугае и кокошнике», выполненный предположительно в 1769–1772 гг. датским живописцем Виргилиусом Э́риксеном, долгое время работавшим в России. По этому портрету была выполнена гравюра Уильяма Дикинсона (1773), по которому неизвестный художник написал не ранее 1790 г. небольшую пастель «Портрет Екатерины II в кокошнике» (ГРМ). Близок этой работе «Портрет Екатерины II в русском костюме» 1773 г. Григория Сердюкова, Государственный исторический музей. Экспозиция в Большом дворце музея-заповедника «Царицыно»). На портрете Екатерина II изображена в небольшом темном кокошнике с фатой, хотя после реформ Петра I кокошники носили только крестьяне, купцы и мещане.

Еще убедительней ее портрет, выполненный итальянцем Стефано Торелли «Екатерина II в русском платье» (в Государственном историческом музее находится его копия, выполненная неизвестным художником в 1780 г.) (рис. 1), где она тоже изображена в русском кокошнике с фатой. Можно предположить, что в этот период «русское платье» при дворе предполагало и кокошник, хотя этот костюм считается маскарадным, так как Екатерина II держит в руке карнавальную маску.

Общеизвестно, что в конце XVIII в. набирающий силу романтизм в европейской культуре оживил интерес к историческому прошлому своих стран, что отразилось и в живописи, и в литературе. На маскарадах после премьеры оперы князя И.М. Долгорукого «Наталья, боярская дочь», поставленной по произведению Н.М. Карамзина, опубликованном в «Московском журнале» в 1792 г., некоторые дворяне (Ю.В. Долгорукий, А.И. Горчаков, Е.Р. Дашкова) на праздниках стали наряжаться в костюмы героев оперы. «Вся опера моя пошла на маскарад!» – Восклицал И.М. Долгорукий (Елисеева, 2010. С. 128).

К концу XVIII в. относится ряд женских портретов, на которых портретируемые, явно далекие от крестьянских кругов, неожиданно одеты в русский сарафан и кокошник. Это работы знаменитого Дмитрия Левицкого «Портрет дочери Агаши» (1783 г. (ГРМ), 1785 г. (Государственная Третьяковская галерея (ГТГ)), портреты 1780-х гг. племянниц князя Г.А. Потемкина-Таврического «барышень-смолянок» фрейлины Надежды и писательницы Варвары Энгельгардт (собственность А.П. Энгельгартов). К ним можно отнести и два портрета «Великой княжны Александры Павловны в русском костюме» неизвестного художника (1790-е гг., Гос. Музей-заповедник «Павловск», ГРМ), где девочка изображена в душегрее и венце из жемчуга, который обычно девушки надевали на свадьбу или по праздникам.

Это сохранилось и в начале XIX в. В своем дневнике 9 января 1809 г. придворная статс-дама Фосс отметила, что присланный императрицей портной снял с нее мерку для русского платья, которое ей собирается подарить император, а во время обеда прусской королевы на ней уже был «синий русский сарафан». 13 января во время обручения великой княжны Екатерины Павловны с принцем Ольденбургским «все прусские дамы были в русских придворных платьях, подаренных нам самим царем» (Выскочков, 2012. С. 66.). Граф В.А. Соллогуб писал, что каждый год 1 января в Зимнем дворце при Александре I устраивался «народный маскарад», на который собиралось более 30 000 человек всех сословий, на котором дамы были в кокошниках и русских платьях (Захарова, 2001. С. 196).

Трудно сказать, насколько это увлечение было распространено в дворянской среде в самом начале XIX в., но после победы над Наполеоном в Отечественной войне, когда народная тема в России стала популярной, русский костюм (сарафан и кокошник) вновь стали носить дворяне. Это касалось не только костюма, но и других сфер общественной и художественной жизни. Именно к этому периоду относятся первые попытки обращения к «русско-византийскому стилю» в архитектуре. В 1813 г. известный А.Н. Воронихин разработал несколько вариантов храма-памятника, посвященного победе 1812 г., один из них был с элементами «в русском стиле». «Несмотря на коренные изменения в методах и мышлении русских зодчих и на широкие градостроительные мероприятия в конце XVIII в., атмосфера старинных русских городов не успела качественно измениться. Лишь Петербург, создаваемый на глазах у современников, был как будто лишен про-

шлого», – отмечала Борисова (Борисова, 1979. С. 92). Под влиянием общеевропейского романтизма у общества возник интерес к прошлому. Так, в своих воспоминания 1826 г. А.С. Пушкин писал, что, когда была издана «История государства Российского» Н.М. Карамзина (1818 г.), даже светские женщины стали читать и обсуждать «дотоле им неизвестную» историю отечества (Вздорнов, 1986. С. 24).

В живописи стали появляться не только простые девушки в сарафанах. На портрете, выполненном в 1818 г. французским художником Жаном-Батистом Изабе, княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская одета в русский сарафан с кокошником и фатой – костюм, в котором она участвовала в русской кадрили, устроенной великой княжной Екатериной Павловной на балу Венского конгресса 1814 г., данном императору Александру I Алексеем Кирилловичем Разумовским. Известен портрет Софьи Петровны Свечиной (урожденной Соймоновой) 1816 г. работы Франса-Йозефа Кинсона (частное собрание) (рис. 2). Фрейлина императрицы Марии Федоровны, увлекавшаяся в юности сочинениями Канта, Гегеля, Декарта, а впоследствии хозяйка литературного салона в Париже, писательница, владеющая несколькими европейскими языками, С.П. Свечина изображена в дорогом русском сарафане с золотой вышивкой и красном кокошнике, правда, надетом на восточный тюрбан, модный в 1810-х гг.

Знаменит портрет Марии Федоровны Барятинской с дочерью Ольгой 1817 г., (Коллекция музея «Новый Иерусалим», Истра, из музея-заповедника «Усадьба Марьино», (рис. 3). Обращает на себя внимание, что Барятинская одета в расшитый золотом русский сарафан, а на ее голове унизанный жемчугом кокошник, к которому сзади прикреплена тонкая белая ткань (фата). При этом княгиня М.Ф. Барятинская – дочь прусского посла в России графа Дорофея Келлера, была лютеранкой, до замужества жила в Тюрингии, Вене, Париже и Берлине. Только с 1813 г., когда она вышла замуж за дипломата и владельца знаменитой курской усадьбы Марьино Ивана Ивановича Барятинского, переехала в Россию. Парадный портрет в русском сарафане и кокошнике (215 х 150) был заказан в Париже, у знаменитого французского художника Робера Лефевра, работавшего при дворе Наполеона и Людовика XVI. Поэтому портрет М.Ф. Барятинской с дочерью Ольгой, выполненный в стиле ампир, напоминает портрет Летиции Рамолино, принцессы Боргезе Полины Бонапарт или королевы Неаполя Мари-Жюли Клари с дочерью. Богатая одежда с эффектной золотой вышивкой по бархату, величественный задний план с колонной и драпировкой, фрукты в роскошной вазе – всё это говорило о высоком статусе модели. Интересно, что в этом же 1817 г. Джорджем Доу был написан портрет английской принцессы Шарлотты Августы Уэльской (коллекция Национальной портретной галереи, Лондон), в русском сарафане (сохранившемся до наших дней) с орденом Св. Екатерины, которым 1 июля 1817 г. её наградила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. В красном сарафане и белой рубашке, напоминающими крестьянскую одежду, изображены в 1823 г. Николаем Аргуновым Елизавета Ивановна Бантыш-Каменская (Ярославский художественный музей) и представительница известной аристократической фамилии княгиня Варвара Сергеевна Долгорукова, написанная французским портретистом Анри Франсуа Ризенером, работавшим на территории Российской империи в 1815–1822 гг. (ГТГ). В Москве 25 июля 1826 г. на празднике по поводу коронации Николая I в Петровском дворце дамы были в русском платье, а мужчины «в праздничных кафтанах» (Выскочков, 2012. С. 67).

Возможно, одной из причин увлечения русскими дворянками народным сарафаном и кокошником было и то, что именно в этот период модный стиль ампир начал меняться, обретая все более романтические черты благодаря восточным элементам, мотивам позднего Возрождения, усилению яркости цвета и декора. Кроме того, русский сарафан с его удобным простым силуэтом был близок привычному силуэту ампира, а русский кокошник напоминал античный головной убор. Это можно увидеть, например, на портрете знаменитой актрисы Екатерины Семеновой, выполненном в 1815 г. Орестом Кипренским, где она одета в античный костюм, а на ее голове – небольшой кокошник, украшенный камеями. М.Ф. Каменская (урожденная

Толстая) в своих воспоминаниях о проведенном лете 1831 г. в Царском Селе писала, как императрица Александра Федоровна посещала Александровский сиротский корпус, где в то время кадетами были «даже грудные дети, которых мамки в форменных красных кокошниках носили на руках» (Каменская, 1991. С. 173).

В своих знаменитых воспоминаниях «Сон юности» дочь Николая I Ольга Николаевна писала: «По обычаю в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата» (Романова, 2017. С. 205).

Если до 1830-х гг. увлечение народным костюмом в дворянской среде носило эпизодический характер, то теперь «русское платье» с кокошником перешло в категорию обязательного придворного наряда. Утверждение триады «православие, самодержавие, народность» (1833 г.) совпало с разработкой Николаем I проекта «общего положения о гражданских формах» (1833 г.), который завершился 27 февраля 1834 г. утверждением «Положение о гражданских мундирах», куда входило и «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору» (рис. 4). В этом проявилось неукротимое стремление Николая I упорядочить, унифицировать и регламентировать жизнь общества. Можно сказать, что дамское придворное платье превратилось в своего рода мундир и в подтверждение его слов: «Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как всякий служит» (Зименко, 2013. С. 23).

В этом же году был издан альбом с цветными прорисовками моделей парадных нарядов в русском стиле. Это были платья одинакового модного в этот период силуэта, но с мотивами русского народного костюма: на белое легкое платье, расшитое спереди золотом или серебром, надевалось второе – распашное яркое бархатное, тоже расшитое по краям золотом или серебром. Это должно было напоминать русскую белую рубаху и сарафан. Русским мотивом были и откидные рукава, висящие сзади, и главное – кокошник с фатой. Верхние платья различались по цветам: например, фрейлинам Ее императорского величества полагалось платье из красного бархата и золотое шитье, фрейлинам Великих княгинь – красное платье и серебряное шитье, фрейлинам Великих княжен – светло-синее платье и золотое шитье, статс-дамам и камер-фрейлинам – темно-зеленое платье, золотое шитье и красный кокошник. Как отмечал Л.Е. Шепелев, замужние придворные дамы должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы «повязку» произвольного цвета с белой вуалью. Описанный наряд также получил название русского платья (Шепелев, 1992. С. 28). Кокошники допускались разной формы и декора.

В письме от 25 марта 1834 г. фрейлина А.С. Шереметева писала о подготовке к балу:

«Мы все будем в русских платьях, т. е. дамы будут одеты в чем-то вроде сарафанов, но из легкой материи, а на голове будут розаны в виде кокошника… Императрица будет также сама в сарафане» (Выскочков, 2012. С. 68).

Кроме упомянутого альбома, придворное платье в русском стиле можно увидеть на портретах. Это портрет княгини Натальи Владимировны Оболенской-Нелединской-Мелецкой (фрейлины Александры Федоровны, работа неизвестного художника 1834 г., ГРМ); портрет Анны Алексеевны Окуловой – наставницы при великой княжне Ольге Николаевне (художник Пимен Орлов, около 1835 г., Государственный Эрмитаж (ГЭ) (рис. 5); портрет Софьи Васильевны Орловой-Денисовой (художник Пимен Орлов, 1835 г., ГЭ) (рис. 6); фрейлины Марии Трофимовны Барановой (Пашковой); акварельные портреты Анны Михайловны Раевской (художник Владимир Гау, 1836 г.) и Елизаветы Дмитриевны Протасовой (художник Евграф Крендовский, Псковский государственный художественный музей-заповедник) (рис. 7); портрет фрейлины Лидии Александровны Михайловской-Данилевской (гравюра по картине Томаса Райта из каталога «Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов» А.В.Морозова (1912–1913 гг.); Марии Федоровны Львовой (конец 1830-х гг., Ярославский Художественный музей). Несколько фрейлин в русских придворных платьях с кокошниками изображены на известной картине Адольфа Ладюрнера «Гербовый зал Зимнего дворца» (1838 г., ГЭ).

В этот период Николай I стремился сделать русский язык официальным языком при дворе и обязательным для делопроизводства во всех государственных учреждениях, Александра Федоровна брала уроки русского языка у поэта В. А. Жуковского и поощряла занятия русским языком детей, хотя русский язык франкоязычного двора внедрялся в повседневную культуру плохо.

Французский путешественник и писатель маркиз Астольф де Кюстин в Десятом письме своих знаменитых записок «Россия в 1839 году» писал с иронией: «национальный головной убор русских женщин красив, но нынче почти совершенно вышел из употребления; я слышал, что его носят лишь кормилицы да светские женщины в дни придворных церемоний» (Астольф де Кюстин, Мильчина, Осповат, 2008). И он был прав. Говоря о самом народном костюме середины XIX в., Е.И. Сазонова справедливо отмечала, что он представляет некое переходное состояние от традиционного к «городскому» виду, принятому в Европе. В Рыбинске, например, почти повсеместно в первой половине века женщины носили традиционные «народные» головные уборы, а в других городах уже отказались от кокошников и сарафанов (Сазонова, 2002. С. 186)[1]. Вскоре попав ко двору, Астольф де Кюстин увидел придворный костюм и оценил его как старинный и величественный, а кокошник напомнил ему крепостную стену, расшитую драгоценными камнями. Интересно, что, увидев в таком придворном наряде радующие глаз «благородство и самобытность», он отметил, что женщинам он придает «нечто восточное» (Астольф де Кюстин, Мильчина, Осповат, 2008).

Ярким доказательством стремления императорского двора продемонстрировать свою русскость можно считать портреты императрицы Александры Федоровны в придворном платье и «русском» кокошнике с фатой. Один из них был выполнен в гравюре по рисунку известного прусского живописца Франца Крюгера (гравер А.Х. Пайне) и издан в Лейпциге еще в 1828 г. На гравюре, подписанной «Александра Федоровна русская императрица» изображена по пояс милая девушка в платье с парчовым лифом. На ее голове надет темный кокошник простой овальной формы, покрытый фатой. Ни модное платье, ни ожерелье из четырех жемчужных нитей на шее не могут отвлечь внимание от кокошника. Этот гравированный портрет был издан в разных вариациях: с более темным и более светлым фоном, обрамленный овалом, украшенным ангелами, драпировкой, и орлом со скипетром и державой, иногда с раскрашенным кокошником и лифом платья. В 1836 г. Крюгер, находясь недолго в России, написал еще один портрет Александры Федоровны в придворном платье и «русском» кокошнике с фатой, сидящей с маленьким букетом васильков – большой, живописный, почти парадный (ГЭ). Широкое декольте ее платья с объемными рукавами из прозрачной ткани соответствует моде 1830-х гг. Однако огромный размер «серебряного» кокошника, украшенного крупными драгоценными камнями и жемчужной обнизью вновь активно напоминает о русском костюме. В 1838 г. Крюгер повторил этот портрет, правда, «сократив» его до поясного. О значимости для русского двора именно этого портрета в кокошнике говорят его многочисленные копии и вариации, выполненные такими художниками, как Александр Малюков (1836 г., ГЭ) (рис. 8), Иван Винберг (ГРМ), или Петер фон Хесс (Большой Екатерининский дворец), так и неизвестными художниками, один из которых находится в Гатчинском дворце. Некоторые из них внесли в портрет свои коррективы, немного упростив композицию, элементы декора платья. Однако все художники особое внимание уделили кокошнику. Александр Малюков изменил его цвет на красный, один из неизвестных художников написал кокошник зеленым. Каждый из них, по-видимому, хотел по-европейски сдержанный колорит портрета приблизить к нарядности народного костюма. Но главное – портрет был растиражирован в разнообразных вариантах гравюр. С поясного портрета Крюгера была сделана в Берлине литография, которая в многочисленных экземплярах продавалась в России. С этих гравюр были сделаны и миниатюры на фарфоре. Художник Николай Сальников

[1] Сазонова Е.И. Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII – начала XX в. (на примере городов Владимирской и Ярославской губерний) : дис. … на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ярославль, 2002. 256 с.

сделал копию в виде миниатюры (1849 г., медь, эмаль, ГТГ, Собрание Сергея и Татьяны Подстаницких), пластины с этим портретом Александры Федоровны были созданы в 1840-х гг. на Императорском фарфоровом заводе. Есть этот портрет и на одной из парных кружек (на второй кружке изображен Николай I), выполненных в технике литофании на заводе Батенина (конец 1830-х гг., Государственный музей керамики), и на парной синей вазе (на второй вазе тоже изображен Николай I) завода Мусакова (Гжель) (Стрелкова, 2011. С. 55). Кроме этого изображения печатались и литографии других авторов, на которых можно видеть императрицу в виде русской красавицы в полный рост, в нарядном платье модного силуэта, но в кокошнике с фатой (например, гравюра С. Чуппика и С. Медау, изданная в Праге в 1840 г., или гравюра во французском издании 1855 г. книги «Истории восточной войны», изданной Густавом Барба).

Уже с 1840-х гг. в художественной жизни к официально признанному «русскому стилю», во многом рожденному романтизмом, прибавляются новые демократические тенденции, художников и архитекторов начинает интересовать не только русская история, но и само народное творчество. В 1862 г. М.А. Балакирев пишет симфоническую поэму «Русь», в Великом Новгороде открывается Памятник Тысячелетию Государства Российского скульпторов М. Микешина и И. Шредера. С 1863 г. в Москве издается журнал «Русский архив», в Петербурге с 1770 г. – «Русская старина», с 1880 г. – «Исторический вестник», с 1773 г. – отлично иллюстрированный альбом проектов «Мотивы русской архитектуры». В изобразительном искусстве и музыке начала активно проявляться народная тема, определилось понятие «русский стиль» и в архитектуре. Вплоть до конца XIX в. он воплощался и в массовых деревянных сооружениях, и общественно значимых сооружениях, и выставочных павильонах. Одним из первопроходцев «русского стиля» был Алексей Горностаев, воспитавший таких известных архитекторов, работавших в псевдорусском стиле, как Иван Ропет (Петров) и Виктор Гартман. Известный критик В. Стасов писал, что именно Горностаев первым оценил красоту русских полотенец и декоративную деревянную резьбу изб. В городах распространяется обычай украшать дома деревянной рельефной и пропильной резьбой.

Говоря о славянофилах, С.А. Серегина, ссылаясь на слова К.С. Аксакова: «с возвращением к народу необходимо возвращение к одежде», отмечала, что часто одежда превращается в своеобразный семиотический код, по которому можно определить не только социальную принадлежность, но и систему его этико-эстетических координат (Серегина, 2018. С. 274). Во второй половине XIX в. некоторые русские интеллигенты-славянофилы, демонстрируя свою близость к народу, ходили в поддевках, косоворотках и сапогах. В это же время ходили слухи о новых придворных «мундирах» – боярских кафтанах и бобровых шапках (Вздорнов, 1986. С. 80).

На протяжении второй половины века «русский стиль» придворного костюма сохранял удивительную стабильность: он заключался в сочетании кокошника и фаты с богатым модным платьем, лишь деталями или ярким цветом отдаленно напоминающими русский сарафан. Об этом можно судить по портретам. По-разному украшенные кокошники можно увидеть на портретах княгини Софьи Петровны Голицыной (1830-е гг., литография), графини Матильды Армфельт в русском костюме (1843 г., литография), немецкой писательницы, жившей до 1840 г. в Петербурге, Терезы фон Лютцов (работа неизвестного художника, 1840-е гг. Исторический музей Гамбурга) (рис. 9), на парадных портретах жены российского посла в США Генриетты Бодиско (работа Иоганна Дорнера, 1844 г., ГРМ) и статс-дамы Елизаветы Алексеевна Паскевич (работа Николая Шильдера, Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля), и даже на портрете двоюродных сестер Елизаветы и Софьи Волконских двух и пяти лет, наряженных в красные придворные платья (Карл Брюллов, 1843 г., ГТГ). На пятилетней Елизавете не только красный придворный кокошник с длинной фатой, но и фрейлинский шифр.

Стремление власти к самоидентификации с русским народом тем не менее и со временем не утрачивает свой маскарадный характер. К первой половине XIX в. относится портрет будущей императрицы Марии Александровны (художник Иван

Макаров, Махачкала, Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой) (рис. 10), на ней расшитое драгоценностями золотое парчовое платье, слабо напоминающее русский сарафан, но на голове ярко-красный расшитый кокошник с фатой, не согласующийся с платьем. Особенно остро это ощущается, глядя на картины, изображающие коронации. На переднем плане огромной картины Михая Зичи «Коронация Александра II в Успенском соборе Московского Кремля 26 августа 1856 года» (1857 г., ГЭ) (рис. 11) в несколько рядов сидят придворные дамы в одинаковых, почти «форменных» кокошниках с лентами на затылках. Эта масса одинаковых женщин придает торжественной церемонии впечатление строгости и порядка. Их придворные платья тоже не напоминают сарафаны или древнерусские летники. На картине «Коронация Александра III в Успенском соборе Московского Кремля» (художник Жорж Беккер, 1888 г., ГЭ) толпа придворных женщин хоть и сливается с общей живописной картиной интерьера, однако в ней можно увидеть, что кокошники теперь у всех разные, а некоторые уже напоминают ювелирные тиары, распространенные в Европе. Это можно увидеть на портрете княгини Татьяны Александровны Юсуповой (художник Фок (?), 1875 г., Государственный музей истории Санкт-Петербурга) или на портрете императрицы Марии Федоровны в русском парадном платье (художник Иван Крамской, 1881 г., ГЭ) (рис. 12).

Благодаря музейным хранителям придворные церемониальные костюмы сохранились в хорошем состоянии до наших дней. Их большое количество из Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» представлено в монографии С.А. Амелехиной (Амелехина, 2016). Их можно было увидеть на впечатляющей выставке «При дворе российских императоров», организованной в мае 2014 г. сотрудниками Эрмитажа[2].

В середине и второй половине века в дворянской среде стали популярными костюмированные балы, на которых часто стали появляться русские платья. Правда, отношение к этому было не всегда однозначным. Так, в 1846 г. корреспондент «Московского городского вестника» писал редактору раздела «Фельетон» газеты «Северная пчела»: «Наши Московские ведомости стали допускать в состав своей деятельности и политические статейки, относящиеся собственно до русского быта, как например неокончательную переписку г-жи Домино с Г. Фраком в следствие маскарада перед Новым годом в доме Гр. И-на; переписка завязалась о том, что не следует почтенную Русскую одежду обращать в маскарадное платье» (Фельетон // Северная пчела. Газета политическая и литературная. № 34 от 11 февраля 1846 г. С.-Петербург. С. 153). Однако сторонников маскарадов в «русском стиле» было гораздо больше. Далее автор писал: «Отсутствие характеристического сарафана в прекрасном маскараде Гр. И-на вознаградится нам быть может в предстоящем маскараде С.А.К., назначенном на 7-го февраля; много готовится к этому вечеру костюмов, и, как мы слышали, не будет забыт прелестный Русский сарафан» (Фельетон // Северная пчела. Газета политическая и литературная. № 34 от 11 февраля 1846 г. С.-Петербург. С. 153). В феврале 1846 г. в доме С.А. Корсакова в Москве действительно состоялся знаменитый маскарад, который должен был продемонстрировать его участникам преимущества русского национального костюма перед европейским. В заметке другого номера «Северной пчелы» упоминается маскарад в Архангельске, в котором участвовало около 300 человек: «Великолепнее всех были костюмы национальные, Русские. Это вековое наследие царственного племени могущественных Славян придало нашим красавицам сугубую прелесть. Пройдут еще веки, и никогда мода не изменит скромного, благородного и очаровательного наряда миловидных Россиянок!» (Внутренние известия // Северная пчела. Газета политическая и литературная. № 36 от 13 февраля 1846. С. 142). Известен праздник в доме московского генерал-губернатора А.А. Закревского в 1849 г. в «национальных» одеждах, которые должны были изображать древнерусские города и земли (Вздорнов, 1986. С. 80). Вскоре после этого М.П. Погодин, напи-

[2] При дворе российских императоров. Костюм XVIII – начала XX века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки в 2 т. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. 264 с., 448 с., илл.

Рис. 1. Неизвестный художник. Копия картины Стефано Торелли «Екатерина II в русском платье» 1780 г. (Государственный Исторический музей)
Fig. 1. Unknown artist. Copy of the painting by Stefano Torelli "Catherine II in Russian dress". 1780 (State Historical Museum)

Рис. 2. Франс-Йозеф Кинсон, Портрет Софьи Соймоновой. 1816 г. (Частное собрание)
Fig. 2. Frans-Joseph Kinson, Portrait of Sophia Soimonova. 1816 (Private collection)

Рис. 3. Робер Лефевр. Портрет Марии Барятинской с дочерью Ольгой. 1817 г. (Музей-заповедник «Новый Иерусалим»)
Fig. 3. Robert Lefebvre. Portrait of Maria Baryatinskaya with her daughter Olga. 1817 (Museum-Reserve "New Jerusalem")

Рис. 5. Пимен Орлов. Портрет Анны Окуловой. Около 1835 г. (Государственный Эрмитаж)
Fig. 5. Pimen Orlov. Portrait of Anna Okulova. Around 1835 (State Hermitage)

Рис. 6. Пимен Орлов. Портрет Софьи Орловой-Денисовой. 1835 г. (Государственный Эрмитаж)
Fig. 6. Pimen Orlov. Portrait of Sophia Orlova-Denisova. 1835 (State Hermitage)

Рис. 7. Евграф Крендовский. Портрет Елизаветы Протасовой (Псковский государственный музей)
Fig. 7. Evgraf Krendovsky. Portrait of Elizaveta Protasova (Pskov State Museum

Рис. 4. Придворный наряд фрейлин великих княгинь и великих княжон. Лист из «Описания дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». 1834 г.
Fig. 4. Attire of the maid of honor of the Grand Duchesses and Grand Princesses. A sheet from the "Description of ladies' outfits for arriving on solemn days to the highest court". 1834

Рис. 8. Александр Малюков. Портрет Императрицы Александры Федоровны. 1836 г. (Государственный Эрмитаж)
Fig. 8. Alexander Malyukov. Portrait of Empress Alexandra Feodorovna. 1836 (State Hermitage)

Рис. 10. Иван Макаров. Портрет Великой княгини Марии Александровны. Первая пол. 19 в. (Дагестанский музей изобразительных искусств)
Fig. 10. Ivan Makarov. Portrait of the Grand Princess Maria Alexandrovna. First floor. 19th century (Dagestan Museum of Fine Arts)

Рис. 9. Неизвестный художник. Портрет Терезы фон Лютцов. 1840-е гг. (Исторические музеи Гамбурга)
Fig. 9. Unknown artist. Portrait of Teresa von Lutzow. 1840s (History Museums of Hamburg)

Рис. 12. Иван Крамской. Портрет Императрицы Марии Федоровны в парадном платье. 1881 г. (Государственный Эрмитаж)
Fig. 12. Ivan Kramskoy. Portrait of Empress Maria Feodorovna in a full dress. 1881 (State Hermitage)

Рис. 11. Михай Зичи. Коронация Александра II в Успенском соборе Московского Кремля 26 августа 1856 года. 1857 г. (Государственный Эрмитаж)
Fig. 11. Mihai Zichy. Coronation of Alexander II in the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin on Auguat 26, 1856. 1857 (State Hermitage)

Рис. 13. Лист из журнала «Всемирная иллюстрация» (№ 737). Бал 1883 г.
Fig. 13. Sheet from the magazine "World Illustration" (No. 737). Ball of 1883

Рис. 14. Фото. Участники Маскарада в русском стиле 1903 года
Fig. 14. Photo. Participants of the Masquerade in the Russian style of 1903

сал статью «Несколько слов о значении русской одежды в сравнении с европейской».

Так, одновременно с официальной линией самоидентефикации с помощью костюма сформировалась другая тенденция – игровая – карнавально-маскарадные переодевания в русский костюм. Однако теперь в русском костюме всех начинает интересовать не стилизация, как это было для официального придворного костюма, а его подлинность, его настоящая красочная декоративность. Это проявилось и в живописи: к 1880-м гг. «русская тема» стала приобретать все более «костюмный» характер. Именно это сделало модным и самым высокооплачиваемым талантливого живописца Константина Маковского, известного коллекционера «красивой старины» – прежде всего, русских подлинных сарафанов и кокошников, которые он использовал в портретах (Большакова, 2005). Этим знаменит, например, портрет Зинаиды Юсуповой в русском костюме (1900-е гг., Государственный исторический музей).

Доказательством этому можно считать известные костюмированные балы в русском стиле, состоявшиеся в феврале 1875 г. и в январе 1883 г. во дворце великого князя Владимира Александровича в Петербурге, описанные во «Всемирной иллюстрации» (№ 737), в котором участвовало около 250 приглашенных (рис. 13); в 1894 г. во дворце Шереметьевых, и особенно грандиозный бал в феврале 1903 г. в Зимнем дворце (рис. 14). Но в прагматичном XX в. очередной шаг к романтическому возвращению древнерусских костюмов XVII в. оказался последним.

Костюм как объект исследования интересен тем, что отражает основные ценностные ориентации общества, его самосознание. В 2018 г. обращение к кокошникам носило спонтанный, стихийный характер, соответствовало общему праздничному карнавальному настроению, с типичными переодеваниями, когда кокошники надевали все – и женщины, и мужчины. Таким образом, в XIX в. несмотря на официальную поддержку, «серьезные намерения» вернуть русский костюм до петровских времен потерпели крах. Как справедливо отметил Э. Рибейро, попытки некоторых реформаторов придумать идеальный наряд, отражающий в том числе желание «уклониться от колеса моды», как правило, «обречены на неудачу, особенно когда их инициаторы смотрят на одежду прошлых эпох сквозь розовые очки» (Рибейро, 2012. С. 8). Но свободное, празд-

нично-карнавальное настроение масс, стремящихся к русской самоидентификации даже в XXI в. само вернуло русскому костюму значение символа. Это лишний раз подтверждает, что «костюм существует как неотъемлемое социальное явление, как живой организм, играет значимую роль в жизни общества» (Михеева, 2009. С. 17), а мода (в данном случае на допетровский костюм) носит характер саморазвивающейся системы, а любые приказы «сверху» или благопожелания успеха не имеют.

Библиографический список

Амелехина С.А. Церемониальный костюм Российского Императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2016. 334 с.

Астольф де Кюстин, Мильчина В.А., Осповат А.Л. Россия в 1839 году. СПб. : Крига, 2008. 1072 с.

Большакова Н.В. Константин Маковский – коллекционер // Наше наследие. 2005. № 75–76. С. 4–13.

Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.

Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979. 320 с.

Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.

Выскочков Л.В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.

Елисеева О. Веселился, храбрый Росс! // Родина. 2010. № 2. С. 123–128.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.

Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М.: Центрполиграф, 2001. 349 с.

Зименко Е. В поисках царственного имиджа. Каким хотел видеть себя Николай // Родина. 2013. № 3. С. 21–24.

Каменская М. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1991. 383 с.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Михеева М.А. Костюм как социальное явление // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 5. С. 17–21.

Рибейро Эйлин. Мода и мораль. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 264 с.

Романова О.Н. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017. 272 с.

References

Amelekhina S.A. (2016) The ceremonial costume of the Russian Imperial Court in the collection of the Moscow Kremlin museums. Moscow: Moskovskii Kreml'. 334 p. (In Russ.)

Astol'f de Kyustin, Mil'china V.A., Ospovat A.L. (2008) Russia in 1839. St. Petersburg: Kriga. 1072 p. (In Russ.)

Bol'shakova N.V. (2005) Konstantin Makovsky – collector. *Nashe nasledie = Our Heritage*. No. 75–76. P. 4–13. (In Russ.)

Borderiu K. (2016) Empress Catherine II's dress and European costume in the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 344 p. (In Russ.)

Borisova E.A. (1979) Russian architecture of the second half of the 19th century. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.)

Vzdornov G.I. (1986) The history of the discovery and study of Russian medieval painting. 19th century. Moscow: Iskusstvo. 384 p. (In Russ.)

Vyskochkov L.V. (2012) Everyday life and holidays of the imperial court. St. Petersburg: Piter. 496 p. (In Russ.)

Eliseeva O. (2010) Have fun, brave Ross! *Rodina = Motherland*. No. 2. P. 123–128. (In Russ.)

Zabelin I.E. (2014) Domestic life of Russian queens in the 16th and 17th centuries. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 704 p. (In Russ.)

Zakharova O.Yu. (2001) Secular ceremonies in Russia in the 18th – early 20th century. Moscow: Tsentrpoligraf. 349 p. (In Russ.)

Zimenko E. (2013) In search of a regal image. How Nikolai wanted to see himself. *Rodina = Motherland*. No. 3. P. 21–24. (In Russ.)

Kamenskaya M. (1991) Memories. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 383 p. (In Russ.)

Maslova G.S. (1984) Folk clothes in East Slavic traditional customs and rituals of the 19th – early 20th century. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russ.)

Mikheeva M.A.(2009) Suit as a social phenomenon. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*. No. 5. P. 17–21. (In Russ.)

Ribeiro Eilin. (2012) Mode and moral. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 264 p. (In Russ.)

Romanova O.N. (2017) The dream of youth. Notes of the daughter of Nicholas I. Moscow: Algoritm. 272 p. (In Russ.)

Серегина С.А. Славянофильский комплекс в художественном сознании С.А. Есенина: послереволюционные метаморфозы // Русская литература и философия: пути взаимодействия. Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Воронеж: Водолей, 2018. С. 271–283.

Стрелкова Е. Франц Крюгер: портрет, гравюра, литофания (к истории атрибуции двух фарфоровых кружек завода Батенина) // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 5. С. 54–58.

Ходаковский Е., Михайлова Н. Двуглавый XVIII век. Деревянное зодчество при Екатерине Великой // Родина. 2010. № 6. С. 105–107.

Шепелев Л.Е. Придворные мундиры // Родина. 1992. № 11–12. С. 24–29.

Сведения об авторах

Лось Ольга Константиновна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: los.olg4@gmail.com

Курочкина Елена Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kurohka@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 20 сентября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 18 января 2021 г.
Принята к публикации 25 января 2021 г.

Seregina S.A. (2018) Slavophil complex in the artistic consciousness of S.A. Yesenin: post-revolutionary metamorphoses. *Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodeistviya. Institut mirovoi literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN = Russian literature and philosophy: ways of interaction. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS.* Voronezh: Vodolei. P. 271–283. (In Russ.)

Strelkova E. (2011) Franz Kruger: portrait, engraving, lithophany (to the history of attribution of two porcelain mugs from the Batenin factory). *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektsionirovaniya = Antiques, art and collectibles.* No. 5. P. 54–58. (In Russ.)

Khodakovskii E., Mikhailova N. (2010) Two-headed XVIII century. Wooden architecture under Catherine the Great. *Rodina = Motherland*. No. 6. P. 105–107. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1992) Court uniforms. *Rodina = Motherland.* No. 11–12. P. 24–29. (In Russ.)

Information about the authors

Olga K. Los',
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Monumental-Decorative Painting named after V.G. Smagin of Institute of Architecture, construction and design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: los.olg4@gmail.com

Elena N. Kurochkina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Monumentalno-decorative Painting named after V.G. Smagin of Institute of Architecture, construction and design
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kurohka@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 20, 2020.
Received January 18, 2021.
Accepted January 25, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930.23(571)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-153-162

Иркутские летописцы

© В.В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее яркие представители летописного жанра города Иркутска. Создаваемый летописцами продукт – летописи, является уникальным историографическим феноменом, а конкретнее – письменным источником раннего периода нашей истории. И если исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению об авторстве и объективности летописцев Древней Руси, то о летописцах более позднего периода мы можем составить вполне объективное знание, что представляется важным и с научной точки зрения, и с точки зрения краеведческой, в частности. Анализируется особенность Иркутска, способствовавшая зарождению здесь летописной традиции и воспитавшей целую плеяду энтузиастов этого жанра, не профессиональных историков, отразивших нам события так как они имели место быть в истории Иркутска, а не по слухам и воспоминаниям. Отдавая должное летописцам, фиксировавшим прошлое города, в статье отмечается и вклад современных историков, приверженцев идеи изучения края, и тех, кто заложил летописную традицию. Особое внимание уделено историку и историографу, написавшему историю летописания Иркутска с указанием основных биографических данных летописцев, – Надежде Васильевне Куликаускене. Благодаря летописцам и их историографам В.А. Сибирякову, Н.В. Семивскому, В.Н. Баснину, И.И. Серебренникову, Донскому, А.И. Лосеву, П.И. Пежемскому В.А. Кротову, Н.К. Потаповой, А.В. Дулову, Н.С. Романову, К.А. Антонову, И.В. Щеглову, Н.В. Куликаускене, мы имеем чёткую и правдивую хронологию всех важнейших событий, произошедших в городе с самого начала его основания. Иркутск еще не имел печати и герба, а уже была сделана первая запись о том, что здесь некий Иван Колокольник отливает пушки и колокола, Иван Кирпичник выделывает кирпичи, Любим Выжигальщиков выжигает из березы смолу и древесный уголь и т. д. Иркутск выделялся делами, обгоняющими историю.

Ключевые слова: Иркутск, летописи как источник, летописцы, «городские летописи», В. Сибиряков, П. Пежемский, Н. Романов, В. Кротов, Н. Куликаускене

Для цитирования: Черных В.В. Иркутские летописцы // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 153–162. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-153-162

Irkutsk chroniclers

© Vladimir V. Chernykh

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract: The article deals with the most prominent representatives of the chronicle genre of the city of Irkutsk. The chroniclers' product, the Chronicles, is an unique historiographical phenomenon, and more specifically, a written source of the early period of our history. And if researchers still cannot come to a common opinion about the authorship and objectivity of the chroniclers of Ancient Russia, then we can make a completely objective knowledge of the chroniclers of the later period, which is important from the scientific point of view, and from the point of view of local lore in particular. The article analyzes the peculiarity of Irkutsk, which contributed to the birth of the chronicle tradition here and brought up a whole galaxy of enthusiasts of the chronicle genre, not professional historians, who reflected the events to us as they took place in the history of Irkutsk, and not according to rumors and memories. Paying tribute to the chroniclers who recorded the past of the city, the article also notes the contribution of modern historians who are committed to the idea of studying the region and those who laid the chronicle tradition for us. Special attention is paid to the historian and historiographer who wrote the history of the chronicle of the city of Irkutsk with the indication of the main biographical data of the chroniclers – Nadezhda Kulikauskene. Thanks to the chroniclers and their historiographers V. Sibiryakov, N.V. Semivsky, V.N. Basnin, I.I. Serebrennikov, Donskoy, A.I. Losev, P.I. Pezhemsky V.A. Krotov, N.K. Potapova, A.V. Dulov, N.S. Romanov, K.A. Antonov, I.V. Shcheglov, N.V. Kulikauskienė we have

a clear and truthful chronology of all the most important events that happened to the city from the very beginning of its foundation. Irkutsk did not yet have a seal and coat of arms, but the first record was already made that in the city a certain Ivan Kolokolnik casts cannons and bells, Ivan Kirpichnik makes bricks, Lyubim Vyzhigalschikov burns resin and charcoal from birch, etc. Irkutsk stood out for its affairs ahead of history.

Keywords: Irkutsk, chronicles as a source, chroniclers, "city chronicles", V. Sibiryakov, P. Pezhemsky, N. Romanov, V. Krotov, N. Kulikauskiene

For citation: Chernykh V.V. (2021) Irkutsk chroniclers. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 153–162. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-153-162

Летописи относятся к хроникам историко-повествовательного, хронологического, погодного характера (Новый иллюстрированный энциклопедический словарь, 1912. С. 400)[1]. Летописный жанр можно смело считать как важнейшим историческим источником, так и памятником общественной мысли, литературы и зачатком научных знаний. Старше летописей и хроник, писанными источниками, признаются лишь Священные Писания, но они очень специфичны и для воссоздания истории имеют довольно опосредованный характер. Летописи изучаются представителями различных дисциплин на протяжении многих веков и по праву считаются первоисточником национальной истории, вкупе с материальными и устными источниками.

Известный историк XIX века Коялович особо подчеркивал надежность и содержательность летописей как исторического источника. По его мнению, «в старину» лучше знали летописи и больше работали с ними, чем в современном ему времени. В качестве аргумента он приводит «чрезвычайную» многочисленность сохранившихся летописных списков и напротив малую востребованность изданий археографической комиссии. Каждый более или менее известный монастырь прислал как минимум один летописный список. Вывод Кояловича: «в старину было немало писателей, а еще больше списателей летописей» и была потребность в хронологических текстах. Причем при тщательном сопоставлении списков быстро выяснялось разнообразие информации, зачастую с признаками научной обработки (Коялович, 1893. С. 10–11).

Очевидно, что в Древней Руси летописи имели важное значение, несли реальную практическую пользу. Коялович разделял частное, общественное, официальное. Частное он связывал с освещением отдельных князей и дружинников, а также с приобретающей все большее значение генеалогией знати, родословий. Общественное значение в осмыслении наглядных для народной нравственности исторических примеров, в том числе «несчастных», таких как нашествие Едигея на Москву в 1408 году. Осознавая огорчение читателя, летописец «старался как бы извиниться», но в подкреплении своей правдивости ссылается на аналогичное поведение предшественников.

Князья предписывают записать в летописи нелояльное поведение отдельных групп, рассматривая такую запись как форму наказания. Ссылками на летописи доказывали права на престол в династических спорах, например, между князьями Василием Васильевичем Темным и его дядей Юрием Дмитриевичем во второй четверти XV века. Великий князь Иван III обосновывал авторитетом летописи подчинение Новгорода.

Мы неплохо знакомы с летописями, но вот с их составителями не очень, а ведь именно они донесли до нас события былого, причём у каждого отмечен свой стиль, свой метод изложения. Поэтому обращение к жизнедеятельности и творчеству летописцев является важной исследовательской и в силу недостаточности знакомства с этим вопросом новаторской задачей. О летописцах Древней Руси написано немало нашими выдающимися историками А.А. Шахматовым (Шахматов, 1938); Д.С. Лихачёвым (Лихачев, 1947); Л.В. Черепниным

[1] Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина, А.А. Гусева, Н.М. Ланда и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 912 с.

(Черепнин, 1979); Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1963) и др. Гораздо меньше мы знаем о составителях подобных источников, оставивших летописный след на периферии государства Российского, тем более что их было немного. Исключением стал сибирский город Иркутск, вплоть до XX в. считавшийся столицей Сибири.

Данная статья преследует цель вспомнить наиболее крупных летописцев города и отметить их вклад в освящение истории края. Несомненное отличие летописцев Древней Руси от более позднего, имперского периода, сопряжено с тем, что первые вносили в повествование определённый оттенок субъективизма, связанный с заинтересованностью власти в подаче позитивного изложения о ней, не случайно историки летописей считают, что тот же летописный свод «Повесть временных лет» дошёл до нас с определёнными изменениями, вызывающими споры по многим важным вопросам истории Руси. Летописи же, составленные в более поздний период, напоминают больше хронометраж событий и носят сугубо описательный характер происходившего, без явных идеологических подоплёк, в следствие чего они не претерпели каких бы то ни было корректировок, поэтому не обросли ни мифологемами, ни идеологемами и воспринимаются больше как журналистские репортажи. Но это ни в коей мере не снижает того вклада, который был сделан энтузиастами летописания, зачастую имевшими всего лишь начальное образование, полученное ими в частных школах. В подавляющем большинстве к иркутскому летописанию оказались приобщены купцы. Сибирское купечество можно рассматривать как один из источников формирования региональной интеллигенции. Налицо было выделение в данной среде интеллектуальной элиты, многие члены которой меняли социальный статус, переставая заниматься профессиональным делом своих отцов и вливаясь в ряды учительства, чиновничества и прочих слоев городской интеллигенции.

В отделе книжного фонда Иркутского областного краеведческого музея хранится старинная рукопись неизвестного автора, подаренная купцом Митрофаном Васильевичем Пихтиным. Это «Летопись города Иркутска 1652–1763 годов». Она считается самой ранней из всех известных.

Иркутск занимает особое место в ряду сибирских городов, прежде всего, потому, что он довольно продолжительное время был столицей Сибири. Его история воссоздана именно летописцами, а их творения с чьей-то лёгкой руки окрестили «городскими летописями» (хотя их повествования являют нам многогранную историю, насыщенную яркими, многочисленными событиями не только жизни города, но и далеко за его пределами, например, в выстраивании отношений с Китаем и Монголией. Взыскательный исследователь найдёт в иркутских летописях и челобитные, и указы, и ревизские списки (документы, отражающие результаты проведения ревизий податного населения Российской империи в XVIII – первой половине XIX в., проводившихся с целью подушного налогового обложения), канцелярские записи о рождении и смерти жителей, деловые – о движении товаров и лиц, участвующих в торговых операциях; об открытии учебных заведений и их деятельности с непременным упоминанием чиновников-организаторов и учителей; строении церквей и присутственных мест, благотворительности и многих других важных сведений, которые позволяют воссоздать историю края, увидеть происшедшие изменения, понять причины перемен и их естественную или искусственную природу. Уникальность иркутского летописания выражается ещё и в том, что оно охватывает более чем трёхсотлетний период с 1652 по 1991 гг. На сегодняшний день известно 37 списков иркутских летописей и есть все основания полагать, что это число не является окончательным. Из них изданы только 13, ещё 8 хранятся в архивах, библиотеках, музеях Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Костромы, Тобольска. Имеются сведения ещё о 15 иркутских летописях (Куликаускене, 2000) (рис. 1), но пока их судьба неопределённа. В хронологическом порядке можно расположить иркутских летописцев в следующей последовательности: Сибиряковы, Баснин, Донской, Козлов, Пежемский, Кротов, Романов, Семивский (рис. 2), Громов, Щеглов, современник Колмаков. И, конечно, было бы несправедливым

Рис. 1. Надежда Васильевна Куликаускене, историк, исследователь книжной культуры Иркутска
Fig. 1. Nadine Kulikauskiene, historian, researcher of the book culture of Irkutsk

не отметить вклад иркутского историографа летописания и жизненного пути летописцев Надежду Васильевну Куликаускене (Куликаускене, 2012) историка, в значительной степени воссоздавшего жизненные перипетии большинства из них.

Большая часть летописей требует основательного историографического анализа и поисков путей их создания и происхождения. Столь явный и устойчивый интерес иркутян к прошлому исследователи объясняют особым положением Иркутска как торгового и административного центра Восточной Сибири, острыми социальными противоречиями, имевшими место на протяжении длительного времени. Именно поэтому инициатива в написании иркутских летописей принадлежала нередко не официальным лицам, а священникам, чиновникам, купцам.

Первым летописцем Иркутска исследователи считают посадского Василия Афанасьевича Сибирякова (рис. 3), представителя известной купеческой династии, оставившей заметный след в промышленной, торговой и общественной деятельности. Василию Афанасьевичу удалось приобщить к писательству и своих сыновей Михаила и Николая, подхвативших эстафету по написанию летописей, что позволяет отметить вклад Сибиряковых, в те-

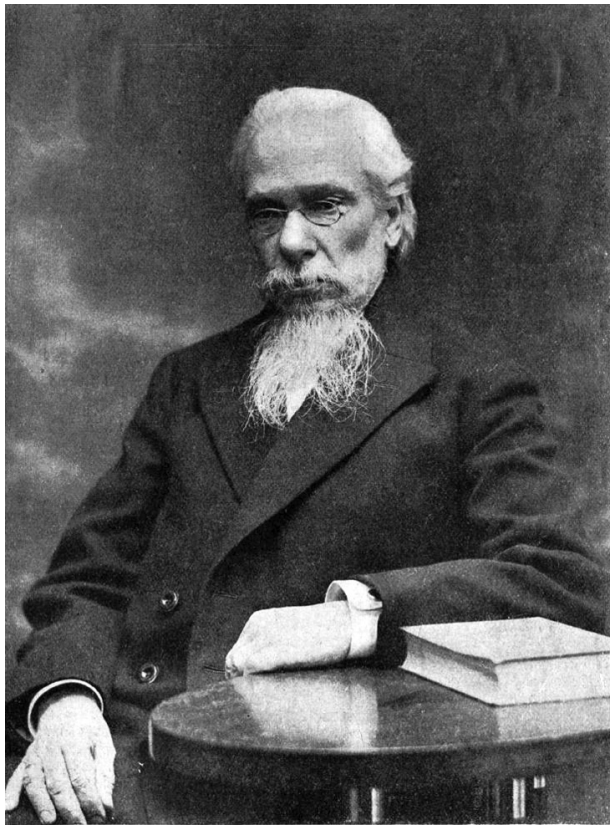

Рис. 2. Семевский Василий Иванович, историк, профессор, общественный деятель
Fig. 2. Vasily Semevsky, historian, professor, public figure

Рис. 3. Сибиряков Василий Афанасьевич, летописец, купец 1-й гильдии, первый городской голова Иркутска
Fig. 3. Sibiryakov Vasily Afanasyevich, chronicler, merchant of the 1st guild, the first mayor of Irkutsk

чение 80 лет, отмечавших все, наиболее значимые, события Иркутской губернии. 200-летняя родословная купцов Сибиряковых неразрывно связана с Иркутском. Они оставили о себе добрый след и как известные промышленники-предприниматели, и как меценаты, и как общественники (Михаил Серебряков был городским головой), и просветители, что как раз и выразилось в составлении ими летописей города Иркутска и всем, что связано с ним, как-то: пограничные связи, международные дела и т. п. Серебряковы с честью носили дворянское звание, полученное ими за передачу в казну государству двух тонн серебра, а также много золота и свинца. Своими делами Сибиряковы неизменно вызывали уважение современников.

Об этой династии, ее появлении в Иркутской губернии, жизненных перипетиях на иркутской земле, несомненных заслугах и горестях, нам поведала подробно Г.П. Сниткова (Сниткова, 2008). Интересно, что благодаря тому, что семье Сибиряковых довелось жить в приходе деревянной Харлампиевской церкви в 1725 году, её стали называть церковью Сибиряковых.

Появление первой иркутской летописи связано с именем Василия Афанасьевича Сибирякова. Его начинания были поддержаны сыновьями, летописание стало уделом многих поколений Сибиряковых. На почве же предпринимательства у Михаила Афанасьевича складывалось всё не очень благополучно. Начавшаяся плодотворно переработка руды в серебро в Забайкалье, в Нерчинске и явные успехи в этом деле породили недоброжелателей в среде местного чиновничества и завистников-промышленников к преуспевающему и обласканному самим царём предпринимателю. Начались искусственно создаваемые местными властями проблемы, что стало сказываться на здоровье Михаила Афанасьевича. Дабы спасти завод, он вынужден был много времени проводить по различным судебным инстанциям в столице, а завод в это время приходил в упадок, чему немало способствовали местные власти. В результате длительного сутяжничества, наступило полное банкротство, чего Михаил Афанасьевич пережить не смог и умер в нищете в Санкт-Петербурге. Однако имя его, как одного из начинателей горного производства, помнят в Забайкалье до сих пор.

Из ранних списков летописей Иркутска, описывающих XVIII в., историки-краеведы особенно отмечают огромную ценность двух летописей: «Летопись г. Иркутска 1652–1763 гг.» и «Летописец о достопамятствах, бывших в губернском городе Иркутске с 1652-го по 1778 г. Пере[писан] в 1791 г.» (Пежемский, Кротов, 1911). Обе летописи безымянны и при прочтении видно, что с ними основательно поработал Пётр Ильич Пежемский. Этот потомок первых служилых людей Илимского острога XVII века создал не менее оригинальную летопись, чем его предшественники. В течение многих лет Пежемский собирал историческую информацию, записывал сведения старожилов, осматривал и описывал места исторических событий. С 1848 года Пежемский активно выступает в столичной и иркутской периодике. Через год он закончил работу над главным трудом своей жизни, который он назвал своеобразно, где-то даже пространно, – на старинный лад, больше звучащий как цель, нежели название книги «Панорама Иркутской губернии, заключающая в себе историческое описание завоевания Сибири Ермаком; взгляд на построение

городов сибирских; географический, гидрографический и исторический очерк губернии, с краткою хронологиею за 150 лет; с присовокуплением Летописи города Иркутска за 190 лет». Помимо многих повествовательных особенностей, труд Пежемского имел ещё и претензию на первый историографический анализ сибирских сочинений.

В XIX в. иркутская летописная традиция претерпела заметную эволюцию: если в XVIII в. она зиждилась на изложении фактов и явлений наблюдателями, именуемыми летописцами, из «года в год» «изо дня в день», то в XIX в. выходят труды, претендующие на оригинальность, на самостоятельность с попытками обобщения и аналитики, чему немало способствовало появление краеведческих источников архивного и повествовательного характера (Семивский, 1817; Серебренников, 1910; Пежемский, Кротов, 1911; Азадовский, 1947; Потапова, 1969; Дулов, 1989; Романов, 1994; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири, 1997; Подвижник сибирской культуры, 1997; Иркутская летопись 1661–1940 гг., 2003; Иркутская летопись 1941–1991 гг., 2010).

Одним из первых преуспел в этом краевед-летописец П. Пежемский, который вполне осознанно указал в своём сочинении стремление изменить подачу информации, отойдя от чисто хронологического характера сочинений и ставя перед собой цель не ограничиваться только констатацией происходящего, но и пытаться объяснять, почему произошло то или иное событие и к чему оно может привести. Построенные в традициях летописного жанра, они не являются летописью в традиционном понимании слова. Эта их особенность объясняется влиянием на летописание в Иркутске историографии нового времени. Чем раньше была составлена летопись, тем меньше объяснений происшедших событий мы видим, а перечень событий не всегда позволяет основательно разобраться с происходящим. Например, сочинение о Сибири XVII–XVIII вв. «Обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших...», написанное Антоном Ивановичем Лосевым в 1812 г., оставившем свой след и в качестве архитектора, и землемера, и геодезиста, и картографа, и экономиста, и статистика, требует обязательного знакомства с иными источниками, иначе многое будет не совсем понятно (Лосев, 1996. С. 189–212).

Однако наиболее полный летописный свод, охвативший исторический период более чем в 200 лет, оставил нам ещё один из представителей иркутской школы летописания – Василий Алексеевич Кротов. Будучи родом из Великого Устюга Вологодской губернии, он по воле судеб оказался в 1818 году в Иркутске, полюбил этот край и связал с ним свою деятельность и жизнь. В летописный свод вошли и шесть самостоятельных приложений: «Построение святых церквей в Иркутске», «[Из истории Иркутска]», «Образование присутственных мест города Иркутска», «Архиереи Иркутской епархии», «Вознесенский мужской монастырь в Иркутске», «Список приказчикам, воеводам, вице-губернаторам [губернаторам] Иркутской губернии с начала основания Иркутска» (Пежемский, Кротов, 1911).

В строгом хронологическом порядке перечисляются события и факты прошлого – с именами, свершениями и происшествиями: строительство крепостей, церквей, посольская и торговая деятельность, открытие аптек и приютных домов, пожары, наводнения... Любопытно по ходу лет характеризуется меняющийся этнический, сословный состав местного населения и торгово-экономические составляющие региона. Дыхание времени сохранилось на страницах книги в нетронутой стилистике, орфографии и написании имен. Интересны и описания особенностей природных и климатических явлений, позволяющие провести серьезный сравнительный анализ произошедших за века перемен. Книга содержит и материалы, ранее не встречавшиеся в подобных сводах, дополнительные сведения из новых источников, в частности, из расшифрованных надписей и комментариев на полях оригинала. Первые его записи относятся к 1835 году. Всестороннее исследование текста летописи позволило установить, что она является одним из наиболее полных и интересных летописных сводов Иркутска. Особую ценность тексту придаёт наличие шести приложений.

В.А. Кротов продолжил список летописи, который попал к нему скорее всего от потомственных священников Шергиных. Летописи Кротова сообщали о назначении в Иркутск воевод, губернаторов, вице-губернаторов, архиереев и т. д. Отмечался проезд через Иркутск и деятельность знаменитых путешественников и исследователей Сибири (Беринга, Миллера, Гмелина и др.). Летописец много лет фиксировал даты ледостава и ледохода на Ангаре. На страницах летописей регулярно давались служебные и личностные характеристики иркутских комендантов, воевод, а затем губернаторов и вице-губернаторов.

Судьба «Летописи Кротова» непроста: купец подарил ее священнику на юбилей, после революции драматичными путями рукопись попала в редкий фонд научной библиотеки ИГУ и там пролежала много лет, пока ее не расшифровала историк Надежда Куликаускене.

Особое место в летописании Иркутска занимает Нит Степанович Романов (рис. 4), принявший эстафету создания летописей из рук Петра Пежемского и Василия Кротова.

Родился Романов 27 сентября 1871 г. в городе Балаганске Иркутской губернии. Закончив в Иркутске прогимназию, Нит в возрасте 17 лет отправляется на местожительство в Усть-Уду (в 300 км от Иркутска). Здесь он увлёкся своей родословной, чему поспособствовала легенда о якобы высланном Годуновым боярина Романова в Сибирь. Именно тогда и возникла неодолимая тяга у Нита к книгам и наметившееся желание уйти в священники было пересилено увлечением книгами. В 1898 г. Романовы перебираются в Иркутск и Нит Степанович устроился в Канцелярию третьей полицейской части, где работал при Иркутском полицейском управлении. Отец Нита, служивший в полиции, обратив внимание, что сын страстно увлечён книгами, пристроил его в городскую Управу, при которой была приличная библиотека. Увлечение не прошло незамеченным, начальство отправило его на библиотечные курсы в Москву, после окончания которых Романов становится заведующим библиотекой Иркутской городской управы, а позже – городской публичной библиотекой с окладом 600 рублей в год.

В новом качестве Романов неоднократно писал о том, что намерен хронологически продолжить труд Кротова и Пежемского. Во время пожара в Иркутске 1879 г. были утрачены многие более ранние выпуски иркутских газет и труд Нита Степановича продвигался медленно. К 1914 г. он довел летопись до 1880 г. Увидели свет две части летописной истории Иркутска (Романов, 1993; Романов, 1994), созданные этим подлинным «подвижником сибирской культуры» и раскрывающие весь спектр общественной жизни сибиряков. 36 лет своей жизни Нит Романов посвятил библиотекам – городской публичной (библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского) и университетской (научная библиотека ИГУ).

Рис. 4. Нит Степанович Романов (1871–1942), историк, библиограф, библиофил и летописец Иркутска
Fig. 4. Nit Stepanovich Romanov (1871–1942), historian, bibliographer, bibliophile and chronicler of Irkutsk

Высшего образования он не имел, однако трудно даже себе представить в каком объеме может быть издано оставленное им наследие, которое полностью еще не изучено и до конца не исследовано. Опубликовано же им было более 100 работ по истории сибирских книгохранилищ, по вопросам библиографии, очерки об иркутских краеведах, купцах, политических и общественных деятелях, ряд статей и брошюра об Иркутской городской публичной библиотеке. Им составлены списки иркутских книгохранилищ, начиная с 1672 г., с первой библиотеки в городе при Вознесенском монастыре. Его «Иркутская летопись» – фундаментальный труд, охватывающий все стороны жизни города с 1857 по 1940 гг. «Воспоминания» – энциклопедия истории библиотечного дела Иркутска. Обо всем увиденном и услышанном он, кроме дневника, записывал и в летопись. Эти записи ценны и интересны как единственные свидетельства о таких важных в истории Иркутска событиях, как бои в декабре 1917 г. за власть Советов, вооруженное выступление 13–14 июня 1918 г. против большевиков, борьба с колчаковщиной и другие. В них полная тревог и забот жизнь иркутян – грабежи, убийства, боязнь военных действий, различные слухи, безудержный рост цен, страх голода. И, конечно, небезынтересна оценка происходившего самим летописцем, человеком, старавшимся стоять вне политики. Исследователь может проследить по летописям Романова и историю землетрясений Иркутской губернии, и историю пожаров, и историю наводнений, и историю климатических изменений, и историю ледоставов, и историю Байкала и многое другое, причём всё это сведения, наблюдаемые им самим, или очевидцами происходящих событий. И это замечательные особенности, присущие именно иркутской истории летописания. 32 года посвятил Нит Степанович созданию иркутской летописи. В 1942 г. он ушёл из жизни тихо и незаметно.

Значение Иркутских летописей трудно переоценить, они составили почти четырёхвековую хронику разнообразнейших событий. Здесь вам и история складывания институтов управления, и становление образовательных и культурных учреждений, описание катастроф и деятельность по их преодолению, все важнейшие события и не очень скрупулёзно отображены людьми, понимающими важность исторической памяти и необходимость сохранения нашей истории. А сколько имён, славных и не очень, запечатлены в летописях, дающих нам знание о том, кто являлся зачинателем какого-то дела, подвижником или хулителем. И всё это благодаря людям, посвятившим себя вроде не героическому, но такому нужному для развития просвещения, культуры и образования делу летописания.

Библиографический список

Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 203 с.

Дулов А.В. Иркутская летопись (П.И. Пежемского и В.А. Кротова) // Сибирь, 1989. № 4. С. 107–116.

Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. 548 с.

Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2010. 729 с.

Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 2-е изд. СПб, 1893. 593 с.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 4. Кн. 1 (С–Я). С. 46–47.

References

Azadovskii M.K. (1947) Essays on literature and culture of Siberia. Irkutsk: Irkutsk Regional Publishing House. 203 p. (In Russ.)

Dulov A.V. (1989) Irkutsk chronicle (Chronicles of P.I.Pezhemskii and V.A. Krotov). *Sibir'* = *Siberia*. No. 4. P. 107–116. (In Russ.)

Kolmakov Yu.P. (2003) Irkutsk chronicle 1661–1940. Irkutsk: Ottisk. 548 p. (In Russ.)

Kolmakov Yu.P. (2010) Irkutsk chronicle 1941–1991. Irkutsk: Ottisk. 729 p. (In Russ.)

Koyalovich M.O. (1893) History of Russian Self-consciousness on historical monuments and scientific works. St. Petersburg. 593 p. (In Russ.)

(1997) A short encyclopedia on the history of merchants and Commerce in Siberia. Novosibirsk. Vol. 4. Book 1 (S–Ya). P. 46–47. (In Russ.)

Куликаускене Н.В. Иркутские летописи // Вторые Романовские чтения: материалы науч. конф., 8–9 окт. 1998 г. Иркутск: Изд-во Иркут. обл. публ. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2000. С. 46–52.

Куликаускене Н.В. Прошлое – будущему. Иркутск: Сиб. книга (ИП Лаптев А.К.), 2012. 312 с.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.

Лосев А.И. Обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812 г. / А.И. Лосев, публ., коммент. В.П. Шахерова // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 111–230, 277–300.

Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись / предисл. и примеч. И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911. 418 с.

Подвижник сибирской культуры // Первые Романовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Н.С. Романова, 9–10 окт. 1996 г. Иркутск, 1997. С. 7–18.

Потапова Н.К. Летописи и летописцы Иркутска // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 156–168.

Романов Н.С. Иркутская летопись, 1857–1880 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 430 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска с 1881 по 1901 г. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. 544 с.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. 362 с.

Семивский Н.В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было известно. СПб, 1817. 230 с.

Серебренников И.И. Иркутский летописец П.И. Пежемский // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1910. Т. 41. С. 1–9.

Сниткова Г.П. Предпринимательство – наследственный признак династии Сибиряковых // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. Иркутск: БГУЭиП. С. 494–497.

Kulikauskene N.V. (2000) Irkutsk Chronicles. *Vtorye Romanovskie chteniya. Materialy nauch. konf., 8–9 okt. 1998 g. = Second Romanov readings. Second Romanov readings. Proceedings of the Scientific Conf., 8-9 oct. 1998.* Irkutsk: Irkut. obl. publ. b-ka im. I.I. Molchanova-Sibirskogo. P. 46–52. (In Russ.)

Kulikauskene N.V. (2012) Past – future. Irkutsk: Sib. Book (IP Laptev A.K.). 312 p. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1947) Russian Chronicles and their cultural and historical significance. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 499 p. (In Russ.)

Losev A.I. (1996) Review of various incidents related to the history and antiquities in the Irkutsk province and in the neighboring countries of the former, in accordance with the order of the chief provincial chief, composed by the provincial land surveyor, court councilor of the Imperial St. Petersburg Free Economic Society by a member of Anton Losev in the city of Irkutsk in 1812. *Letopis' goroda Irkutska XVII–XIX vv. = Chronicle of the city of Irkutsk XVII–XIX centuries.* Irkutsk. P. 111–230, 277–300. (In Russ.)

Pezhemskii P.I., Krotov V.A. (1911) Irkutsk chronicle. Irkutsk. 418 p. (In Russ.)

(1997) The ascetic of Siberian culture. *Pervye Romanovskie chteniya. Materialy nauch. konf., posvyashch. 125-letiyu so dnya rozhdeniya N.S. Romanova, 9–10 okt. 1996 g. = The First Romanov readings. Materials of scientific Conf., dedicated. 125th anniversary of the birth of N.S. Romanov, October 9–10, 1996.* Irkutsk. P. 7–18. (In Russ.)

Potapova N.K. (1969) Chronicles and chroniclers of Irkutsk. *Iz istorii knigi, bibliotechnogo dela i bibliografii v Sibiri = From the history of books, librarianship and bibliography in Siberia.* Novosibirsk. P. 156–168. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994) Irkutsk chronicle, 1857–1880. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 430 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1993) Chronicle of the city of Irkutsk from 1881 to 1901. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 544 p. (In Russ.)

Rybakov B.A. (1963) Ancient Rus: Tales. Bylinas. Letopisi. Moscow. 362 p. (In Russ.)

Semivskii N.V. (1817) The newest, curious and authentic narrative about Eastern Siberia, much of what hitherto was not known. St. Petersburg. 230 p. (In Russ.)

Serebrennikov I.I. (1910) Irkutsk chronicler P.I. Pezhemsky. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Bulletin of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society.* Vol. 41. P. 1–9. (In Russ.)

Snitkova G.P. (2008) Entrepreneurship – a hereditary sign of the Sibiryakovs' dynasty. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk historical and economic Yearbook.* Irkutsk: Bsueip. P. 494–497. (In Russ.)

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1979. 360 с.

Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 372 с.

Cherepnin L.V. (1979) Novgorod birchbark documents as a historical source. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.)

Shakhmatov A.A. (1938) Review of Russian chronicle vaults of the XIV–XVI centuries. Moscow; Leningrad: publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 372 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Черных Владимир Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
✉ e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Information about the author

Vladimir V. Chernykh,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the department of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines,
East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street, Irkutsk 664071, Russia,
✉ e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Заявленный вклад автора

В.В. Черных выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

V.V. Chernykh carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 17 августа 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 28 февраля 2021 г.

Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Article info

Received August 17, 2020.

Received February 28, 2021.

Accepted March 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-163-171

Юлия Ивановна Базанова: благотворительная деятельность в контексте жизненного сценария женщины купеческого сословия второй половины XIX – начала XX в.

© Н.И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу благотворительной деятельности Ю.И. Базановой, наследницы многомиллионного состояния ее свекра – иркутского купца 1 гильдии И.И. Базанова. Филантропические начинания Базановой рассматриваются в контексте ее жизненного сценария и смены ролей в рамках функционирования купеческой семьи на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Подчеркнуто, что социальным лифтом, создавшим для Ю.И. Лявданской финансовые и статусные возможности реализации обширной благотворительной деятельности, стало заключение ею брака с сыном И.И. Базанова Петром и вхождение в социальную среду крупного купечества региона. Анализ мотивационных установок благотворительной деятельности Ю.И. Базановой позволил установить, что идея общественного служения была воспринята ею органично, отразив осмысление жизненного пути от девочки-сироты, отданной в Девичий институт, до сонаследницы многомиллионного состояния; соответствовала личностным чертам характера. В статье выделены приоритеты общественных и благотворительных инициатив Ю.И. Базановой, проанализированы основные пожертвования. Особое внимание уделено ее роли в открытии Клиники ушных, носовых и горловых болезней в Москве и Детской больницы в Иркутске. Подчеркнуто, что понимание значимости системности и целенаправленности благотворительных вложений как основы результативности решения социальных вопросов выделяло Ю.И. Базанову среди ряда других женщин-благотворительниц купеческого сословия. Сделан вывод о переплетении в благотворительной деятельности Ю.И. Базановой традиционного для представителей купеческого сословия религиозно-нравственного представления о благотворительности как «выполнении свыше назначенного долга» и взгляда на благотворительность как сферу деятельного, инициативного, осознанного участия в решении социальных вопросов, все более получавшего распространение в российском обществе с 80-х гг. XIX в.

Ключевые слова: купечество, Базанова Юлия Ивановна, благотворительность, благотворительные общества, мотивация благотворительной деятельности, медицина, образование, социальные проблемы, Иркутск, Москва

Для цитирования: Гаврилова Н.И. Юлия Ивановна Базанова: благотворительная деятельность в контексте жизненного сценария женщины купеческого сословия второй половины XIX – начала XX в. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 163–171. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-163-171

Julia Ivanovna Bazanova: Charitable activity in the context of merchant class woman's life scenario in the second half of the XIX – early XX century

© Natalya I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of Ju.I. Bazanova's charitable activities. She was the heir to the fortune of her father in law the Irkutsk merchant I.I. Bazanov. Bazanova's charitable activity is considered in the context of her life scenario and changing roles within the merchant family during the second half of the XIX – early XX centuries. It is emphasized that the conclusion of her marriage with the son of I.I. Bazanov Peter was the main social lift for Ju.I. Lyavdanskaya. This created financial and status opportunities for Ju.I. Bazanova's broad charitable activities and ensured her entry into the social environment of major merchants of the region. The analysis of motivational attitudes of Ju.I. Bazanova's charitable activities was carried out. It is proved that the idea of public service was perceived by her organically, corresponded to personal character traits. The article highlights the priorities of public and charitable initiatives of Ju.I. Bazanova, analyzes the main donations. Special attention is paid to its role in opening a Clinic for Ear, Nose and Throat Diseases in Moscow and a Children's Hospital in Irkutsk. The au-

thor *concluded* that, on the one hand, Ju.I. Bazanova's charitable activity was based on the traditional merchant concept of charity as the fulfillment of a moral duty. On the other hand, charity was perceived by Bazanova as a sphere of active, conscious participation in solving social problems. This point of view has become increasingly widespread in Russian society since the 80's of the XIX century.

Keywords: merchant class, Julia Ivanovna Bazanova, charity, charitable society, motivation for charitable activities, medicine, education, social problem, Irkutsk, Moscow

For citation: Gavrilova N.I. (2021) Julia Ivanovna Bazanova: Charitable activity in the context of merchant class woman's life scenario in the second half of the XIX – early XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 163–171. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-163-171

Биографические исследования сибирского купечества XVIII – начала XX в. составляют заметный сегмент разработки проблем истории регионального предпринимательства, городской семьи, анализа общественной жизни региона (Деловая элита старой Сибири, 2005; Очерки историографии Сибири…, 2017. С. 112; Комлева, 2018. С. 23–35). Существенное значение данному типу исследований принадлежит и в контексте изучения благотворительности сибирского купечества.

В рамках сложившихся подходов акцент чаще ставится на объективизированных, обобщенных показателях, раскрывающих тенденции развития филантропической деятельности представителей третьего сословия. Вместе с тем значительный интерес представляет анализ субъективно окрашенных смыслов и мотивов благотворительных инициатив, выстроенных на личностном уровне предпочтений сфер благотворительных вложений, обстоятельств реализации благотворительных акций. Жанр биографического исследования позволяет обратиться к указанным вопросам.

Данная статья представляет попытку реконструкции биографии Ю.И. Базановой, наследницы многомиллионного состояния своего свекра – иркутского купца 1 гильдии И.И. Базанова, крупной иркутской и московской благотворительницы конца XIX – начала XX в. Характеристики ее жизни и деятельности представляют существенный интерес для анализа гендерных и поколенческих особенностей благотворительности сибирского купечества позднеимперского периода.

К отдельным фрагментам биографии Ю.И. Базановой и ее благотворительной деятельности неоднократно обращались в рамках обобщающих исследований по истории российской и региональной благотворительности и добровольных неполитических организаций (Мешалкин, 1997. С. 133–144; Ульянова, 2005. С. 359–360; Государственная власть и общество, 2019. С. 422–471), истории медицины (Овчинников, Гамов, 2009; Новожилов, Филиппов, 2010. С. 15–18), истории купеческой семьи (Гаврилова, 2006; Зуева, 2007. С. 129–131). Однако комплексный анализ филантропических начинаний Ю.И. Базановой в контексте ее жизненного сценария и смены ролей в рамках функционирования купеческой семьи на протяжении 2 половины XIX – начала XX в. в литературе отсутствует.

Сведений о детских годах Юлии Ивановны не сохранилось. Нет точных данных и о ее сословном происхождении. Из косвенных источников известно, что Юлия Ивановна Базанова, в девичестве Лявданская, родилась в 1852 г. в Сибири, в семье бедного офицера (Бахтина, 1997. С. 100). Заботу о воспитании девочки взял на себя ее дядя, титулярный советник, определивший Юлию в 1861 г. в иркутский Девичий институт. Вместе с Лявданской учились дочери ссыльных декабристов Софья Раевская, курсом старше – Ольга Бечаснова (Исторический очерк деятельности иркутского института Императора Николая I, 1896. С. 20, приложение). Среди сокурсниц Юлии было немало дочерей представителей известных купеческих фамилий города. С некоторыми из них она сохранит дружеские отношения на долгие годы. С семьей же сокурсницы Екатерины Базановой, дочери иркутского купца И.И. Базанова, окажется связана вся дальнейшая ее судьба. Вскоре после окончания Института (1867 г.) состоялось венча-

ние Лявданской с братом Екатерины, единственным сыном И.И. Базанова, Петром. В этот же период Екатерину Базанову выдали замуж за Петра Александровича Сиверса, уроженца Витебской губернии, зачисленного М.С. Корсаковым в штат генерал-губернаторской канцелярии. Г.Н. Потанин вспоминал о Сиверсе: «Постепенно он стал возвышаться и, наконец, сделался настолько видным, что мог дерзнуть посвататься за дочь богатейшего иркутского золотопромышленника Базанова. Брак этот оказался выгодным и для зятя, и для тестя… Таким образом, вырос всесильный чиновник…» (Потанин, 1986. С. 49–50). С подобных позиций причины заключения брака П.И. Базанова с Ю.И. Лявданской, занимавших столь разные сословные, экономические и статусные позиции, объяснить сложно. Однако в течение всей жизни носители фамилии Сиверс будут входить в число лиц ближайшего окружения Юлии Ивановны.

Благодаря замужеству Ю.И. Лявданская вошла в новую для нее социальную среду. О таких как она, недавних выпускницах Девичьего института, В.П. Быкова в 1870 г. писала: «Наши замужние институтки – прелесть. Эти молоденькие женщины облагородили сибирское общество. Между ними нет львиц, но много милых, умных, любезных женщин… Они вышли хорошими женами, нежными матерями» (Быкова, 1899. С. 263).

В семье Юлии Ивановны и Петра Ивановича родилась (25 апреля 1869 г.) дочь Варвара (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 272. Оп. 1. Д. 2-б. Л. 299 об.). Муж ушел из жизни рано, в 1882 г. Юлия Ивановна уже была вдовой. Данных о его участии в предпринимательской сфере не выявлено. Вероятно, роль Петра Ивановича в развитии семейного дела была не высока. Главой семьи выступал И.И. Базанов.

В 1870-х – начале 1880-х гг. фамилия именитого купца встречается в списках многих иркутских благотворительных обществ. В этот же период им были сделаны и наиболее крупные пожертвования: финансирование строительства учительской семинарии, технического училища, Детского сада и Воспитательного дома.

Вплоть до смерти свекра в 1883 г. присутствие Юлии Ивановны в общественном пространстве Иркутска в качестве самостоятельно, активно действующей личности не фиксируется. Традиционное распределение ролей внутри патриархальной купеческой семьи ограничивало деятельность женщины сферой приватной семейной жизни, однако допуская участие в религиозных и светских церемониалах и статусном публичном пространстве.

Новым его элементом в 1860–1870-х гг. для иркутского «высшего света» стали полубюрократические благотворительные общества. Участие в таких объединениях становилось необходимой частью светской жизни, знаком принадлежности к элите города. В соответствие с данной моделью поведения в члены Общества попечения о раненых и больных воинах в 1871 г. была избрана и 19-летняя Ю.И. Базанова (Протокол заседания Иркутского окружного управления общества попечения о раненых и больных воинах // Иркутские губернские ведомости. 1871. № 31. 31 июля. С. 6). В середине 1870-х гг. она являлась также членом женского отделения Иркутского губернского тюремного комитета (Отчет женского отделения Иркутского губернского тюремного комитета // Иркутские губернские ведомости. 1877. № 16. 25 февраля. С. 3). На благотворительных маскарадах-базарах ее пожертвования составляли не более 100 руб. (Отчет Иркутского губернского комитета попечительного о тюрьмах общества // Иркутские губернские ведомости. 1878. № 5. 17 января. С. 4; 23-го числа с. г. в здании городского театра был маскарад и базар // Иркутские губернские ведомости. 1878. № 99. 13 декабря. С. 4). Для Ю.И. Базановой членство в таких обществах было продиктовано не столько внутренней потребностью осознанного участия в общественной жизни, сколько нормами ожидаемого поведения со стороны ее окружения.

Первым самостоятельным шагом, свидетельствующим о вхождении Ю.И. Базановой в сферу общественно-инициативной деятельности, стала ее работа (с 1881 г.) в Обществе вспомоществования учащимся Восточной Сибири (27 декабря в

помещении иркутского благородного собрания состоялся... // Иркутские губернские ведомости. 1882. № 8. 26 апреля С. 26). Общество явилось первой массовой формой участия общественности Иркутска в развитии просвещения. Опыт филантропической помощи учащейся молодежи и активного участия в составе благотворительного общества окажутся востребованными Базановой в дальнейшем.

Начало 1880-х гг. явилось своеобразным рубежом в жизни 30-летней Ю.И. Базановой. Определяющее значение имело включение ее вместе с дочерью Варварой в число основных наследников (наряду с П.А. Сиверсом) умершего 30 июня 1883 г. свекра И.И. Базанова. По данным газеты «Восточное обозрение», состояние купца оценивалось в 15 млн руб. (Иркутск (корресп. «Вост. Обозр.») // Восточное обозрение. 1883. № 45. С. 6). Главным распорядителем унаследованных торгово-промышленных дел стал П.А. Сиверс. Участие самой Базановой в предпринимательской сфере носило опосредованный характер, концентрируясь на взаимодействии с доверенными лицами, представляющими ее интересы.

В начале 1880-х гг. Ю.И. Базанова с Варварой переехала в Москву: следовало позаботиться о хорошем образовании для дочери. Вместе с тем требовали решения проблемы, возникшие в семье живущих в Москве родственников П.А. Сиверса – Кельхов. Фердинанд Каспарович Кельх (1826–1886), помощник директора учительской семинарии военного ведомства, вторым браком (около 1875 г.) женатый на Ольге Михайловне Сиверс (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1102. Оп. 2. Д. 599. Л. 23), овдовел в начале 1881 г. Оставшиеся без матери малолетние Михаил, Владимир, Сергей, Ольга нуждались в заботе.

Контакты Ю.И. Базановой с представителями семьи Кельхов были установлены быстро. Уже в 1885 г. имена Юлии Ивановны и ее дочери часто встречались во внутрисемейной переписке. Вплоть до самой смерти Базановой дети Ф.К. Кельха занимали важное место в ее ближайшем окружении. Возникшие отношения характеризовались эмоциональной привязанностью, свойственной родственным контактам. В 1892 г. дочь Ю.И. Базановой вышла замуж за Н.Ф. Кельха, а после его смерти в 1893 г. заключила второй брак с братом Николая Александром Фердинандовичем Кельхом.

Получение наследственных капиталов и переезд в Москву, придавшие Ю.И. Базановой большую самостоятельность и свободу в решениях и поступках, заметно активизировали ее участие в публичной сфере, в деятельности филантропических организаций. Ее поведенческие установки в данных областях деятельности формировались под воздействием общих тенденций развития культуры самоорганизации русского общества 80-х гг. XIX в., их интерпретации в среде купеческого сословия. Данный период характеризовался и ростом активности женщин, представительниц предпринимательских слоев, в деятельности добровольных неполитических объединений и на поприще благотворительности (Самоорганизация российской общественности…, 2011. С. 298; Ульянова, 2005. С. 364).

В 1884 г. Базанова выступила соучредителем «Общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях г. Москвы», своеобразного центра притяжения выходцев из Восточной Сибири, прежде всего, Иркутска. Она стала не только самым крупным жертвователем в пользу Общества (к 1909 г. сумма ее пожертвований составляла 150 тыс. руб., или почти половину всех поступлений общества), но и бессменным членом его Комитета. В немалой степени благодаря ее деятельному участию была «создана тесная связь и чисто товарищеские отношения» между Комитетом и учащейся молодежью. «Общество … кроме материальной помощи имело громадное моральное воздействие на молодежь» (Попов, 1909. С. 81). Важной инициативой Базановой явилось оборудование столовой для студентов и курсисток в Москве на ул. Царицынской.

К концу 1880-х гг. относятся и первые известные примеры участия Ю.И. Базановой в крупных благотворительных инициативах московского ку-

печества, реализованных под эгидой городской думы. К концу XIX в. Базанова входила в социальные круги Москвы, формировавшиеся вокруг благотворительных и культурно-просветительных обществ, где собирались представители торгово-промышленных слоев столицы, научной и художественной интеллигенции. Она являлась членом Московского отделения Императорского Русского музыкального общества, Благотворительного общества при Басманной Большой, Бесплатной лечебницы военных врачей, Попечительства о бедных 1-го участка Тверской части. Ее фамилия значилась среди почетных членов Московского Публичного и Румянцевского музеев.

Другим значимым для Ю.И. Базановой окружением являлась профессура и студенчество Москвы. Долгие годы она состояла членом Общества Московского университета. Ее финансовой помощью пользовались студенты и педагоги Московской консерватории.

Несмотря на переезд в Москву, Ю.И. Базанова сохранила тесные связи с Иркутском, в т. ч. в рамках взятых ею ранее на себя обязательств как члена благотворительных обществ и попечительств. Идея общественного служения была воспринята ею органично, выразив осмысление ею своего жизненного пути от девочки-сироты, отданной в Девичий институт, до сонаследницы многомиллионного состояния; соответствовала личностным чертам характера. Современники неоднократно подчеркивали «бескорыстные идеальные побуждения» ее благотворительной деятельности и приписывали Базановой слова, служащие своеобразным девизом ее общественных инициатив: «Начатое дело можно считать законченным только тогда, когда оно доведено до совершенства» (Штейн фон, 1897. С. 25–26).

В течение 1880-х гг. значительные суммы Базанова передала в пользу иркутского благотворительного общества, приюта арестантских детей, Мариинской общины сестер милосердия. Особое внимание было уделено Обществу вспомоществования учащимся в Восточной Сибири. Совместно с П.А. Сиверсом сделаны (1885 г.) крупные пожертвования в пользу Кузнецовской больницы и Девичьего института (46 тыс. руб.). В 1890 г. в ответ на приглашение генерал-губернатора А.Д. Горемыкина к пожертвованию на строительство каменного здания театра передала вместе с дочерью 25 тыс. руб.

Под «опеку» наследников семейного капитала были взяты благотворительные учреждения, открытые на средства И.И. Базанова. На протяжении 1888–1916 гг. Ю.И. Базанова состояла членом попечительного Совета Детского сада, жертвуя в его пользу. Важнейшим нравственным обязательством наследников явилось исполнение завещания иркутского купца. На завещанные 500 тыс. руб. Сиверсом и Базановой было решено построить в Иркутске детскую больницу. В апреле 1889 г. здание было заложено. В 1892 г. П.А. Сиверс скончался. Роль главного владельца и распорядителя наследственным капиталом перешла к Юлии Ивановне.

К началу 1890-х гг. оформились приоритеты ее общественных и благотворительных инициатив, связанные с областями здравоохранения и образования. В рамках благотворительной деятельности Ю.И. Базанова тяготела к сферам, пользующимся одобрением не только со стороны широких кругов общественности, но и административно-властных структур. Ее старания по вовлечению в активную благотворительную деятельность дочери являлись косвенным свидетельством восприятия филантропии как значимой ценности.

1890-е годы стали пиком реализации ее благотворительных инициатив. По имеющимся в литературе данным, «Ю.И. Базанова за свою жизнь пожертвовала на разные благотворительные, ученые и общественные дела свыше 10 миллионов» (Бахтина, 1997. С. 102–103). Современники подтверждали эту мысль: «Она раздала все свои миллионы, и у нее оставалось 300 000 руб., из процентов с которых она и отдавала добрую половину на общественные дела» (Попов, 1989. С. 309).

Характерными чертами ее благотворительной деятельности в 1890-х гг. стали четкая территориальная локализация их направленности (нередко суммы схожего назначения почти одновре-

менно жертвовались в пользу Москвы и Иркутска, подчеркивая равную значимость для Базановой этих двух городов), а также дальнейшая концентрация пожертвований в выбранных ранее сферах. Более 11 тыс. руб. было передано Юлией Ивановной в 1890-х гг. иркутской женской гимназии, библиотеке-читальне им. А.В. Потаниной, городской публичной библиотеке, библиотеке ВСОРГО, семинарии, церковно-учительской школе в с. Ачинском, начальной школе в Жилкино, на организацию городских народных чтений. Крупным пожертвованием стала передача в 1893 г. в пользу иркутского Горного училища каменного дома (бывшего особняка П.А. Сиверса) (Романов, 1993. С. 299). Высокую оценку (награждена Золотой медалью на Анненской ленте «За усердие», 1897 г.) получила ее деятельность в качестве попечителя Сиропитательного дома Е. Медведниковой. На средства Ю.И. Базановой был издан ряд книг, в т. ч. исследования Г.Н. Потанина и Г.М. Головачева.

Особое внимание было уделено финансовой поддержке учреждений здравоохранения и развития медицины. Более 185 тыс. руб. в течение 1890-х г. Базанова пожертвовала в пользу иркутской Кузнецовской гражданской больницы, на устройство Бактериологической пастеровской станции, колонии для душевно больных под Иркутском. На ее средства (1895–1896 гг.) было обеспечено содержание одной кровати в бесплатной Детской лечебнице им. Императора Александра III (Москва) (Бахтина, 1997. С. 103).

Широкий общественный резонанс и признание в научном медицинском и университетском сообществах вызвало ее пожертвование на учреждение и содержание (1894–1896 гг.; свыше 1,5 млн руб.) Клиники ушных, носовых и горловых болезней в Москве на Девичьем поле в рамках создания Клинического городка (Штейн фон, 1897. С. 8–9). Лечебница, переданная в дар Московскому университету, стала второй в России ЛОР-клиникой, построенной по специальному проекту и оснащенной научными новинками. Ее открытие явилось крупным событием в истории российского здравоохранения: здесь зародилась школа отечественной оториноларингологии. Клинике было присвоено имя Ю.И. Базановой, в зале лечебницы установлен ее бюст (скульп. Р.Р. Бах, арх. А.И. Чагин). 3 тыс. руб. Базанова пожертвовала на строительство «Клинической библиотеки с помещением для студенческой медицинской библиотеки» (Штейн фон, 1897. С. 26).

Тесное сотрудничество с профессурой медицинского факультета университета нашло воплощение в еще одном крупном пожертвований Ю.И. Базановой. На ее средства (1897 г., 150 тыс. руб.) в течение 1898–1914 гг. выходил журнал «Le physiologiste Russe», ведущее российское научное периодическое издание по проблемам физиологии (Мороховец, 2015. С. 580).

Годом ранее, в 1895 г. в Иркутске была открыта построенная на средства наследников И.И. Базанова Детская больница. Вместе с дочерью Варварой Юлия Ивановна оплатила все затраты первого года существования больницы (32,7 тыс. руб.), в 1896 г. внесла 624 тыс. руб. в счет будущего неприкосновенного капитала больницы. Иркутская детская больница явилась одной из первых в России (после петербургской и московской) и единственной в Сибири (Романов, 1993. С. 334). Она стала Alma Mater развития педиатрии в регионе.

Поддержка развития медицины рассматривалась Базановой как основа действенной долгосрочной помощи нуждающимся. Данная точка зрения соответствовала уровню осмысления сущности благотворительности в отечественной литературе конца XIX в. (Ульянова, 2005. С. 250). Понимание значимости системности, целенаправленности благотворительных вложений как основы результативности решения социальных вопросов выделяло Ю.И. Базанову среди ряда других женщин-благотворительниц купеческого сословия.

Этот же принцип «долгосрочности» благотворительных пожертвований был реализован Ю.И. Базановой в рамках финансовой поддержки иркутского Воспитательного дома. В 1899 г. приют был обеспечен неприкосновенным капиталом (507 тыс. руб.) (О принятии Иркутского Базанов-

ского воспитательного дома в Ведомство учреждений Императрицы Марии и об утверждении устава названного дома // Иркутские губернские ведомости. 1899. № 46. 17 ноября. С. 2) и передан Ведомству учреждений императрицы Марии. В 1893 г., на средства наследников И.И. Базанова при нем было открыто родовспомогательное отделение, ставшее первым подобным заведением в Иркутске для низших слоев города (Романов, 1993. С. 291). Пожертвование носило яркую личностную окраску: оно было сделано менее чем через месяц после рождения в Иркутске внучки Ю.И. Базановой – Юлии Николаевны Кельх (11 марта 1893 г.) (ГАИО. Ф. 50. Оп. 9. Д. 197. Л. 232 об. – 233).

Признавая особые заслуги в благотворительной деятельности и, прежде всего, труды по обеспечению работы Ивано-Матренинской детской больницы, Иркутская городская дума в 1909 г. присудила Ю.И. Базановой звание Почетной гражданки города Иркутска (Протокол № 5 третьего очередного заседания Иркутской городской думы…, 1909. С. 238)[1].

Заметное снижение доходности принадлежавших Базановой приисков привело в начале XX в. к существенному уменьшению жертвуемых ею средств. Последние годы жизни она провела в окружении Владимира Фердинандовича Кельха и его братьев. Ю.И. Базанова скончалась 28 августа 1924 г. и была похоронена на московском Введенском кладбище в часовне рядом с зятем Н.Ф. Кельхом (1860–1893 гг.). 4 сентября 1924 г. состоялось заседание Музея старой Москвы, посвященное памяти Ю.И. Базановой.

Таким образом, в благотворительной деятельности Ю.И. Базановой переплетались традиционное для представителей купеческого сословия религиозно-нравственное представление о благотворительности как «выполнении свыше назначенного долга» (Бурышкин, 1991. С. 113) и получающий распространение в российском обществе с 1880-х гг. взгляд на благотворительность как сферу деятельного, инициативного, осознанного участия в решении социальных вопросов.

[1] Протокол № 5 третьего очередного заседания Иркутской городской думы от 3 февраля 1909 г. Статья 8 // Известия Иркутской городской думы. Иркутск: Типография М.П. Окунева, 1909. № 3–4. С. 238.

Библиографический список

Бахтина З.И. «Мое богатство не для меня одной» // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. М.: Шико, 1997. Т. 8. С. 99–107.

Бурышкин П.А. Москва купеческая / предисл. Г. Ульяновой, М. Шацилло. М.: Высш. шк., 1991. 350 с.

Быкова В.П. Записки старой смолянки. СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1899. Ч. 2. 380 с.

Гаврилова Н.И. Иркутские купцы Базановы // Земля Иркутская. 2006. № 1 (29). С. 76–85.

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX в. : коллективная монография / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др.

References

Bakhtina Z.I. (1997) "My wealth is not for me alone". *Istoricheskii vestnik Moskovskoi meditsinskoi akademii im. I.M. Sechenova = Historical Bulletin of the I.M. Sechenov Moscow Medical Academy*. Moscow: Chicot. Vol. 8. P. 99–107. (In Russ.)

Buryshkin P.A. (1991) Moscow merchant. Moscow: Higher school. 350 p. (In Russ.)

Bykova V.P. (1899) Notes of the old Smolyanka. St. Petersburg: Printing House E. Evdokimov. Pt. 2. 380 p. (In Russ.)

Gavrilova N.I. (2006) Irkutsk merchants Bazanovs. *Zemlya Irkutskaya = Land of Irkutsk*. No. 1 (29). P. 76–85. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2019) State power and society: based on the materials of the Irkutsk province cities in the XIX – early XX century. Irkutsk: Ottisk. 612 p. (In Russ.)

Startsev A.V., Skubnevskii V.A., Zinov'ev V.P. (2005) The business elite of old Siberia: historical essays. Novosi-

Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.

Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 2007. 219 с.

Исторический очерк деятельности иркутского института Императора Николая I. Первое пятидесятилетие. 1845–1895 г. Иркутск: типо-лит. П.И. Макушина, 1896. 98, 28 с.

Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северно-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век) / отв. ред. Н.П. Матханова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.

Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1997. 157 с.

Мороховец М.А. Страницы биографии профессора Л.З. Мороховца (1848–1919) // История медицины. 2015. Т. 2. № 4. С. 573–585.

Новожилов В.А., Филиппов Е.С. Ивано-Матренинская – наследие меценатов: 115 лет Ивано-Матренинской детской больнице. Иркутск: Оттиск, 2010. 352 с.

Овчинников Ю.М., Гамов В.П. Клиника болезней уха, горла и носа ММА им. И.М. Сеченова: от С.Ф. фон Штейна до сегодняшних дней // Вестник оториноларингологии. 2009. № 4. С. 4–11.

Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX века) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, В.П. Шахеров, А.С. Маджаров, Т.А. Перцева. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 261 с.

Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Попов И.И. К 25-летию Общества вспомоществования учащимся сибирякам в Москве // Сибирские вопросы. 1909. № 39–40. С. 80–81.

Потанин Г.Н. Воспоминания: статьи, очерки, рецензии. Воспоминания о Г.Н. Потанине // Литературное наследство Сибири / глав. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. 339 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 543 с.

Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начала XX в. / отв. редактор А.С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 887 с.

Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Штейн фон С.Ф. Описание плана и устройства клиники болезней уха, носа и горла имени Юлии Ивановны Базановой ко дню ее открытия 22 октября 1896 г. 2-е

birsk: Sova Publishing House. 264 p. (In Russ.)

Zueva E.A. (2007) Russian merchant family in Siberia of the late XVIII – first half of the XIX century. Novosibirsk. 219 p. (In Russ.)

(1896) Historical sketch of the Irkutsk Institute of Emperor Nicholas I. The First fiftieth anniversary. 1845–1895. Irkutsk: Typographic Lithograph of P.I. Makushin. 98, 28 p. (In Russ.)

Komleva E.V. (2018) Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (late XVIII – XIX century). Novosibirsk: Parallel. 398 p. (In Russ.)

Meshalkin P.N. (1997) Patronage and charity of Siberian merchants and entrepreneurs. Second half of the XIX – early XX century. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House. 157 p. (In Russ.)

Morokhovets M.A. (2015) Biography pages of the professor L.Z. Morokhovets (1848–1919). *Istoriya meditsiny = History of Medicine.* Vol. 2. No. 4. P. 573–585. (In Russ.)

Novozhilov V.A., Filippov E.S. (2010) Ivano-Matreninskaya – heritage of patrons: 115 years of Ivano-Matreninskaya Children's Hospital. Irkutsk: Ottisk. 352 p. (In Russ.)

Ovchinnikov Yu.M., Gamov V.P. (2009) Clinic of Ear, Throat and Nose Diseases of the I.M. Sechenov Moscow Medical Academy: from S.F. von Stein to the present day. *Vestnik otorinolaringologii = Bulletin of Otorhinolaryngology.* No. 4. P. 4–11. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2017) Essays on the historiography of Siberia in the era of the Empire (XVIII – early XX century). Irkutsk : Publishing House of Irkutsk State University. 261 p. (In Russ.)

Popov I.I. (1989) Forgotten Irkutsk pages. Editor's notes. Irkutsk: East-Siberian book publishing house. 384 p. (In Russ.)

Popov I.I. (1909) To the 25th anniversary of the Society for Helping Siberians Student in Moscow. *Sibirskie voprosy = Siberian Questions.* No. 39–40. P. 80–81. (In Russ.)

Potanin G.N. (1986) Memoirs: articles, essays, reviews. Memories of G.N. Potanin. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri = Literary Heritage of Siberia.* Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. Vol. 7. 339 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1993) The Irkutsk city chronicle in 1881–1901. Irkutsk: East-Siberian Book Publishing House. 543 p. (In Russ.)

Tumanova A.S. (2011) Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX century. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 887 p. (In Russ.)

Ulyanova G.N. (2005) Charity in the Russian Empire, XIX – early XX century. Moscow: Nauka. 403 p. (In Russ.)

Shtein von S.F. (1897) Description of the plan and device of the Julia Ivanovna Bazanova Clinic of Ear, Throat and Nose Diseases on the day of its opening on October 22,

изд. СПб.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1897. 91 с.

1896. 2nd edition. St. Petersburg: University Printing House, Strastnoy Boulevard. 91 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гаврилова Наталья Игоревна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: nig2312@yandex.ru

Information about the author

Natalya I. Gavrilova,
Cand. Sci (Historical), Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: nig2312@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Н.И. Гаврилова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

N.I. Gavrilova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 7 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 18 ноября 2020 г.
Принята к публикации 30 ноября 2020 г.

Article info

Received November 7, 2020.
Received November 18, 2020.
Accepted November 30, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181

В Царстве Польском при Александре II и Александре III: по страницам воспоминаний генерала А.И. Деникина

© А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье на основе воспоминаний А.И. Деникина проанализировано отношение генерала к «польскому вопросу». Для военного, мать которого по происхождению была полькой, данная проблема имела и личное значение. Традиционно Антон Иванович воспринимается как убежденный сторонник имперской идеи, однако на страницах незаконченных воспоминаний Деникина «Путь русского офицера» можно встретить любопытные зарисовки жизни польского общества под властью Российской империи. В мемуарах А.И. Деникина представлен широкий спектр сведений о жизни Царства Польского в годы правления императоров Александра II и Александра III, о настроениях среди жителей региона, о специфике национальной идентификации в крае. В центре внимания автора – его отец, Иван Ефимович, отставной офицер. В воспоминаниях генерала представлен и рассказ о его пути к вере. Подробно Антон Иванович описывает и свою единственную встречу с императором Александром II, посетившим Влоцлавск незадолго до его смерти. Выросший в польской среде, Деникин приобрел от отца глубокий и не наигранный патриотизм, чувство искренней гордости за свое Отечество и сопереживания его бедам. Вместе с тем Деникин на всю жизнь полюбил и Польшу, и польский народ. Представляется интересным взгляд генерала на российско-польские отношения, высказанный им в 1937 году в письме к С. Карпинскому. Справедливо высказывание А.И. Деникина о «связанности судеб Национальной России и Польши», равно как и его мнение о том, что «русско-польская рана» излечима, а «кровный союз» и «полное примирение» двух славянских народов являются возможными и необходимыми для наших государств. Автор приходит к выводу о том, что заветы Деникина могут и должны быть востребованы в наше время. Работа построена на широком круге источников, включающем в себя не только развернуто цитируемые работы Деникина разных лет, но и неопубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: А.И. Деникин, Царство Польское, Польша, Российская империя, «польский вопрос», национальная политика, мемуары, «Путь русского офицера», военное строительство, дислокация

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта №19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Для цитирования: Пученков А.С. В Царстве Польском при Александре II и Александре III: по страницам воспоминаний генерала А.И. Деникина // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 172–181. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181

In Congress Poland (Kingdom of Poland) under Alexander II and Alexander III: according to the pages of memories of general A.I. Denikin

© Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article based on the memoirs of A.I. Denikin analyzed the attitude of the general to the “Polish question”. For a military man whose mother was Polish by birth, this problem also had a personal meaning. Traditionally, Anton Ivanovich is perceived as a staunch supporter of the imperial idea, however, on the pages of Denikin's unfinished memoirs “The Way of a Russian Officer” one can come across curious sketches of the life of Polish society under the rule of the Russian Empire. In the memoirs of A.I. Denikin presents a wide range of information about the life of the Congress Poland (Kingdom of Poland) during

the reign of Emperors Alexander II and Alexander III, about the mood among the inhabitants of the region, about the specifics of national identification in the region. The author's focus is on his father, Ivan Efimovich, a retired officer. In the general's memoirs, the story of his path to faith is also presented. Anton Ivanovich also describes in detail his only meeting with the Emperor Alexander II, who was passing through Wloclawsk shortly before his death. Growing up in the Polish environment, Denikin acquired from his father a deep and not feigned patriotism, a sense of sincere pride in his Fatherland and empathy for its troubles. At the same time, Denikin loved both Poland and the Polish people for life. The general's view of Russian-Polish relations, expressed by him in 1937 in a letter to S. Karpinsky, seems interesting. A.I. Denikin on the "connectedness of the fate of National Russia and Poland", as well as his opinion that the "Russian-Polish wound" is curable, and the "blood union" and "complete reconciliation" of the two Slavic peoples are possible and necessary for our states. The author comes to the conclusion that Denikin's precepts can and should be in demand in our time. The work is based on a wide range of sources, including not only expanded cited Denikin's works of different years, but also unpublished archival materials.

Keywords: A.I. Denikin, Congress Poland (Kingdom of Poland), Poland, Russian Empire, "Polish question", national politics, memoirs, "The Way of a Russian Officer", army system, deployment

Acknowledgements: This research was supported by the grant №19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

For citation: Puchenkov A.S. (2021) In Congress Poland (Kingdom of Poland) under Alexander II and Alexander III: according to the pages of memories of general A.I. Denikin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 172–181. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181

Антон Иванович Деникин – вождь Добровольческой армии, возглавившей антибольшевистское движение (Федюк, 1996. С. 143), крупнейшая фигура Белого движения в годы Гражданской войны. Деникин стоял во главе наиболее мощного фронта, противостоявшего красным (Ганин, 2019. С. 121), при этом генерал проявил себя не только как талантливый полководец, но и даровитый военный писатель. Убежден, что Деникин – последовательный патриот (Ипполитов, 2000. С. 492), в наибольшей степени может считаться олицетворением чистоты белых риз и приверженности главному лозунгу Белого дела – «Великая, Единая и Неделимая Россия» (Лобанов, 2017. С. 339; Зимина, 2006. С. 87; Хандорин, 2017. С. 313; Абинякин, 2005. С. 135; Бутаков, 2000. С. 23; Цветков, 2016. С. 549–550; Голдин, 2012. С. 228). По сути своей, именно Деникиным наиболее отчетливо были сформулированы принципы идеологии Белого движения, неспроста его называли и «Царем Антоном»: вряд ли Антону Ивановичу удалось бы уйти на покой и «садить капусту». Победи белые в Гражданской войне – авторитет Деникина, в том числе и политический, в антибольшевистском лагере был настолько велик, что устраниться от дальнейшего участия в политической жизни белому вождю бы не удалось. Автору этих строк уже доводилось писать об отношениях Польши и южнорусского Белого движения в период Деникина – Врангеля, равно как и о том, что роль Польши в истории Гражданской войны в России нельзя переоценить (Пученков, 2016; Пученков, 2020; Пученков, 2012; Пученков, 2019; Пученков, 2010). За 2 года до начала Второй мировой войны Деникин, вспоминая роль Польши в неудаче наступления Вооруженных Сил на Юге России в 1919 году, писал: «В необыкновенно сложной и тревожной конъюнктуре своего внутреннего и международного положения, Польша волею судеб и следствием своей политики, поставлена между молотом и наковальней. И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть о том, что в 1919 году его вожди предали Россию» (Деникин, 1991а. С. 12). В своих классических «Очерках русской смуты» Деникин утверждал, что политика Польша и Ю. Пилсудского в отношении белых с «русской национальной точки зрения… не может не вызвать глубочайшего возмущения» (Деникин, 2003. С. 581). Определявшего в значительной степени политику Польши в 1919 году Ю. Пилсудского Деникин именовал «русофобом» (Деникин, 1934. С. 2), а исторически сложные отношения Польши и России квалифицировались Деникиным как «больные» (Деникин,

1991b), при этом, однако, личная связь Деникина и Польши обычно не привлекала внимание исследователей. Между тем именно «польский этап» биографии Деникина не только являлся важной частью его жизни, но во многом – и ключом к пониманию его политики в национальном вопросе.

Традиционно Антон Иванович воспринимается как убежденный сторонник имперской идеи, тем удивительнее, что Деникин не просто был поляк по матери, но и вырос в Царстве Польском: на страницах незаконченных воспоминаний Деникина «Путь русского офицера» можно встретить любопытные зарисовки жизни польского общества в 1860–1890 гг. Русско-польские отношения, или же, по Деникину, «русско-польская рана» (Деникин, 1991a. С. 12), привлекала внимание белого военачальника до последних дней его жизни – это и не мудрено: детство Антона Ивановича прошло на польской земле. «Родился я 4 декабря 1872 года в городе Влоцлавске Варшавской губ., вернее в пригороде его за Вислой – в деревне Шпеталь Дольный. Занесла нас туда судьба потому, что мой отец служил в Александровской бригаде пограничной стражи, штаб которой находился во Влоцлавске; в этих местах родители мои остались жить после отставки отца. Как известно, часть Польши, со столицей Варшавой, входила тогда в состав Российской империи», – вспоминал А.И. Деникин (Деникин, 1991b. С. 11). В своих воспоминаниях генерал подробно рассказывает о биографии своего отца – Ивана Ефимовича, выходца из крепостных, николаевского солдата, уже в немолодом возрасте сдавшего экзамен на офицерский чин и вышедшего в отставку майором в 1869 году. В детское сознание Деникина врезались воспоминания отца об его участии в подавлении польского восстания 1863 года, о том, как Иван Ефимович со своим отрядом носился «по приграничному району, преследуя повстанческие банды» (Деникин, 1991b. С. 13). Показателен, для иллюстрации взглядов Деникина старшего, эпизод, который приводится на страницах записок Антона Ивановича: получив информацию о том, что в одном из имений, с владельцем которого Иван Ефимович был в дружеских отношениях, происходит секретное заседание съезда заговорщиков, И.Е. Деникин взял с собой взвод пограничников и расположил его в укрытии возле господского дома, с кратким приказом:

– Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Зная расположение комнат, Иван Ефимович прошел прямо в зал и обратился к присутствующим со словами: «Зачем вы тут – я знаю. Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придется драться с вами, тогда уж не взыщите. А только затеяли вы глупое дело. *Никогда вам не справиться с русскою силой*. [Выделено нами. – Авт.] Погубите только зря много народа. Одумайтесь, пока есть время» (Деникин, 1991b. С. 12–13).

Родившийся от брака польки и русского и выросший в польской среде, Деникин приобрел от отца глубокий и не наигранный патриотизм, чувство искренней гордости за свое Отечество и сопереживания его бедам. Вместе с тем Деникин на всю жизнь полюбил и Польшу, и польский народ, о чем и написал в своем письме однокашнику С. Карпинскому в 1937 году: «... и память моей покойной матери-польки, и детские и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу» (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and Eugenie Lehovich Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937). Деникины жили бедно: от матери Антон Иванович частенько мог услышать жалобы на это; отец же не жаловался никогда, это отношение передавалось от него и будущему генералу, воспринимавшему свое «бедное житье как нечто провиденциальное, без всякой горечи и злобы» и не тяготившегося им (Деникин, 1991b. С. 17). «Больные», по характеристике Деникина, русско-польские отношения не оказывали никакого воздействия на его семейные дела. «Отец был кровный русак, мать оставалась полькой, меня воспитывали в русскости и в православии», – вспоминал Антон Иванович (Деникин, 1991b. С. 18). «Ни отец, ни мать не отличались лингвистическими способностями. К сожалению, это свойство унаследовал и я. Отец, прослужив в Польше 43 года, относясь к полякам и к языку их без всякого предубеждения, все понимал, но не говорил вовсе по-польски. Мать впоследствии

старалась изучить русский язык, много читала русских авторов, но до конца своей жизни говорила по-русски плохо. Итак, в доме у нас отец говорил всегда по-русски, мать – по-польски, я же – ни по чьему-либо внушению, а по собственной интуиции – с отцом – по-русски, с матерью – по-польски. Впоследствии, после выпуска моего в офицеры, когда матери пришлось вращаться почти исключительно в русской среде, чтобы облегчить ей усвоение русского языка, я и к ней обращался только по-русски. Но польского языка не забыл. Не было никаких недоразумений и в отношении религиозном. Отец был человеком глубоко верующим, не пропускал церковных служб и меня водил в церковь. С 9-ти я стал совсем церковником. С большой охотой прислуживал в алтаре, бил в колокол, пел на клиросе, а впоследствии читал шестопсалмие и апостола. Иногда ходил с матерью в костел на майские службы – но по собственному желанию. Но если в убогой полковой церковке нашей я чувствовал все свое, родное, близкое, то торжественное богослужение в импозантном костеле воспринимал только как интересное зрелище», – писал Деникин (Деникин, 1991b. С. 18–19).

Приведем военный обзор самой западной части Российской империи. В начале XX века Варшавский военный округ включал Варшавскую, Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Люблинскую, Холмскую, Гродненскую (без Гродненского и Слонимского уездов) губернии, а также Владимир-Волынский и Ковельский уезды Волынской губернии. Площадь округа 156 838 кв. км. Население, проживавшее на территории округа, насчитывало на 1905 г. – 13,5 млн чел., на 1914 г. – 14,9 млн чел.

Варшавский военный округ*, названный и считавшийся «Передовым театром»,* находился в центре западной границы Российской империи, вдаваясь на 350 км в пределы Германии и Австро-Венгрии. Округу предстояло принять на себя удар при оборонительной войне, разобщая силы противника, а потому на его территории были построены многочисленные крепости и укрепленные пункты, упраздненные в большинстве в 1910 г. При наступательной войне Варшавский округ способствовал вторжению в пределы соседних государств, сокращая (на 300 км) операционные направления на Берлин и Вену, а представляемую р. Висла преграду, оставлял в руках русской армии. За малыми исключениями рельеф округа не препятствовал передвижениям и действиям больших массовых армий, возможности обороны повышали многочисленные реки, болота, леса.

«Климат умеренный и здоровый. Племенной и религиозный состав населения неблагоприятен. Допустимо рассредоточенное расквартирование, но сельские помещения не отличались удобством. На время войны войска могли быть на месте обеспечены мясом, перевозочными средствами и фуражом, но требовался подвоз хлеба. Хорошо развитая железнодорожная и шоссейная сеть. Внутрь из округа империи отходило 11 железнодорожных колей. С германскими железными дорогами сеть округа соединялась у Граева, Млавы, Александрова, Калиша, Гербы и Сосновицы, с австрийскими – у Границы, но все продолжения этих линий запирались крепостями на реках Висла и Бобр» (Варшавский военный округ, 1911).

С 1877 г. в Варшавском военном округе размещались 5-й и 6-й армейские корпуса, а после 1880 г. также и 14-й армейский корпус. В 1888 г. в Варшавский военный округ из Казанского передислоцирован 15-й армейский корпус со 2-й пехотной дивизией. В 1894 г. в Варшавском округе образован 19-й армейский корпус, причем в его состав переведена из Закавказья 38-я пехотная дивизия. В 1896 г. образован 1-й кавалерийский корпус, в 1897 г. – 2-й кавалерийский, оба расформированы в сентябре 1906 г. В 3-й округ отдельного корпуса пограничной стражи с центром в Варшаве входили 10-я Рыпинская (Рыпин), 11-я Александровская (Влоцлавск), 12-я Калишская (Калиш), 12-я Велюньская (Велюнь), 14-я Ченстоховская (Ченстохов) и 15-я Новоборжеская (Новоборжеск) пограничные бригады.

С 1883 г. по 1894 г. Варшавским округом командовал генерал от кавалерии И.В. Ромейко-Гурко, придавший его войскам неизгладимый, отчетливый и воинственный «гуркинский» дух высочайшей боевой готовности. Эти традиции продолжил начальник штаба округа (с 1890 г.), с 1901 г. помощник коман-

дующего войсками округа генерал-лейтенант А.К. Пузыревский. Именно он до 1904 г. фактически руководил округом при приемниках Гурко, уделявшим главное внимание обязанностям генерал-губернатора. В августе 1897 г. войска округа участвовали в больших Белостокских маневрах. Также в округе проводились военные игры на картах, подвижные сборы, учения и т. д. В Русско-японской войне 1904–1905 гг. участвовали один из пяти армейских корпусов округа и обе стрелковые бригады. В пять корпусов входили 10 полевых артиллерийских бригад, из которых пять отправлены в Маньчжурию, причем четыре, будучи включены в соединения из других округов, где не было закончено перевооружение на скорострельную артиллерию.

Крупнейшие гарнизоны Варшавского военного округа: Варшава, Белосток, Люблин, Ломжа, Лодзь, Радом, Остров, Холм, Плоцк, Цеханов, Владимир-Волынск, Замостье, Калиш, Потемкинский штаб (близ станции Граево), Нижегородский штаб (близ Остроленки), Кульневский штаб (близ Млавы), Репинский штаб, штаб фельдмаршала Гурко (близ станции Яблонна), Волочиск, Гавролин, Влоцлавск (далее будет он неоднократно упоминаться), крепости Новогеоргиевск (ныне Модлин), Брест-Литовск (ныне Брест), Осовец, укрепленные пункты Варшава, Ивангород (ныне Демблин), Зегрж, Пултуск, Рожаны, Остроленка, Ломжа. До 1910 г. укрепления Варшавы, Новогеоргиевска и Зегржа составляли Висло-Наревский укрепленный плацдарм или Варшавский укрепленный район. В 1910 г. все крепости и укрепленные пункты, кроме Новогеоргиевска и Осовца, упразднены.

Обстановка в Царстве Польском (или в официозной трактовке в «Привислинских губерниях») после подавления восстания 1863 года была, конечно же, очень непростая: поляки опасались репрессий со стороны русской власти и, лелея, мечту о национальном возрождении своего отечества, призывали соотечественников к сплочению. Понятно, что проявление поляками лояльности по отношению к имперской власти в польской среде как светской, так и церковной, понимания не находило. Примеры этому можно найти и на страницах воспоминаний Деникина. «Однажды – мне было тогда лет девять – мать вернулась из костела чрезвычайно расстроенная, с заплаканными глазами. Отец долго допытывался – в чем дело, мать не хотела говорить. Наконец, сказала: ксендз на исповеди не дал ей разрешения грехов и не допустил к причастию, потребовав, чтобы впредь она воспитывала тайно своего сына в католичестве и в польскости… Мать разрыдалась, отец вспылил и крепко выругался. Пошел к ксендзу. Произошло бурное объяснение, причем под конец перепуганный ксендз упрашивал отца “не губить его”… Власть в Привислянском Крае была в то время (80-е годы) крутая, и “попытка к совращению” могла повлечь ссылку в Сибирь на поселение. Конечно, никакой огласки дело не получило. Не знаю, как проходили дальнейшие исповеди матери, ибо никогда более родители мои к этой теме не возвращались. На меня эпизод этот произвел глубокое впечатление. С этого дня, по какому-то внутреннему побуждению, больше в костел не ходил», – писал Антон Иванович (Деникин, 1991b. С. 19–20).

Религиозность всегда была неотъемлемой частью внутреннего мира Деникина. А.И. Деникин был по-настоящему религиозный человек, глубоко и искренне принимавший постулаты православия в качестве основы своей жизненной философии. Примечательно, что окончательно и навсегда Деникин пришел к вере именно в «польский» период своей биографии. На склоне лет Антон Иванович признавался, что в юности «больше всего, страстнее всего занимал нас вопрос религиозный – не вероисповедный, а именно религиозный – о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтении Библии наряду с Ренаном и другой “безбожной” литературой… Обращаться за разрешением своих сомнений к училищным законоучителям было бесполезно. Наш старый священник, отец Елисей, сам, наверно, не тверд был в Богопознании; ловичский законоучитель, когда к нему решился обратиться раз мой товарищ семиклассник Дубровский, вместо ответа поставил ему двойку в четверть и обещал срезать на выпускном экзамене; а к своему ксендзу поляки обращаться и не рисковали – боялись, что донесет училищному начальству. По крайней мере, списки уклонившихся от исповеди представлял неукоснительно. По этому поводу

вызывались к директору родители уклонившихся для крайне неприятных объяснений, а виновникам сбавлялся балл за поведение…» (Деникин, 1991b. С. 31).

Деникин продолжал: «Много лет спустя, когда я учился в Академии Генерального Штаба, на одной из своих лекций профессор психологии А.И. Введенский рассказывал нам:

– Бытие Божие *воспринимается*, но не *доказывается*. [Выделено А.И. Деникиным – Авт.] Когда-то на первом курсе университета слушал я лекции по Богословию. Однажды профессор Богословия в течение целого часа доказывал нам бытие Божие: “во-первых… во-вторых… в-третьих”… Когда вышли мы с товарищем одним из аудитории – человек он был верующий, – говорит он мне с грустью:

– Нет, брат, видимо, Божье дело – табак, если к таким доказательствам прибегать приходится…

Вспомнил я этот рассказ Введенского вот почему. Мой друг – поляк, шестиклассник, вопреки правилам пошел на исповедь не к училищному, а к другому молодому ксендзу. Повинился в своем маловерии. Ксендз выслушал и сказал:

– Прошу тебя, сын мой, исполнить одну мою просьбу, которая тебя ничем не стеснит и ни к чему не обяжет.

– Слушаю.

– В минуты сомнений твори молитву: “Боже, если Ты есть, помоги мне познать Тебя”…

Товарищ мой ушел из исповедальни глубоко взволнованный. Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

– Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие. Словно гора свалилась с плеч! С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего» (Деникин, 1991b. С. 32).

Жизнь города Влоцлавска, в котором прошло детство Антона Ивановича, была небогата на интересные события. Между тем однажды Влоцлавск стал центром империи – на несколько минут, незадолго до своей гибели, его посетил сам император Александр II. «Было мне тогда 7 или 8 лет. В городе стало известным, что из-за границы возвращается император Александр II через Александров-пограничный и что царский поезд остановится во Влоцлавске на 10 минут. Для встречи государя, кроме начальства, допущены были несколько жителей города, в том числе и мой отец. Отец решил взять меня с собой. Воспитанный в духе мистического отношения к личности царя, я был вне себя от радости. В доме – переполох. Мать весь день и ночь шила мне плисовые штаны и шелковую рубашку; отец приводил в порядок военный костюм и натирал до блеска – через особую дощечку с вырезами – пуговицы мундира. На вокзале я заметил, что, кроме меня, других детей нет, и это наполнило меня еще большей гордостью. Когда подъехал царский поезд, государь подошел к открытому окну вагона и приветливо беседовал с кем-то из встречавших. Отец застыл с поднятой к козырьку рукой, не обращая на меня внимания. Я не отрывал глаз от государя… После отхода поезда один наш знакомый полушутя обратился к отцу:

– Что это, Иван Ефимович, сынишка ваш непочтителен к государю. Так шапки и не снимал…

Отец смутился и покраснел. А я словно с неба на землю и свалился. Почувствовал себя таким несчастным, как никогда. Теперь уже и перед мальчишками нельзя будет похвастаться встречей царя: узнают про мою оплошность – засмеют…

Прошло некоторое время, и вся Россия была потрясена событием: 1 марта 1881 года убит был император Александр II… В нашем городке – в переполненной молящимися православной церкви, в русских семьях, в нашем доме люди плакали. Как отнеслось к событию польское население, я тогда оценить не мог. Помню только, что в течение нескольких дней город был погружен в жуткую тишину и пустоту. По распоряжению растерявшегося местного начальства, в полуопустевшем городе ездили конные уланские патрули, и лязг конских копыт, в особенности ночью, усиливал тревожное настроение, которое можно передать словами польского поэта:

«Тихо вшендзе, глухо вшендзе.

Цо то бэндзе, цо то бэндзе…» [Тихо всюду, глухо всюду. Что то будет, что то будет… (Пер. А.И. Деникина) – Авт.]. (Деникин, 1991b. С. 25–26).

В возрасте 9 лет и 8 месяцев Антон Деникин выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища, родители очень радовались, а сам юноша надел форменную фуражку с «таким приблизительно чувством, как впоследствии первые офицерские погоны» и был «поведен родителями в первый раз в жизни в кондитерскую и угощен шоколадом и пирожными» (Деникин, 1991b. С. 27). Отношения между поляками и русскими были непростыми, главной причиной этого была, безусловно, политика: Польша воспринимала суверенитет Петербурга над Варшавой как порабощение, а имперскую политику, проводимую русской властью в Царстве Польском, как дискриминационную. Впоследствии, уже после распада Российской империи, поляки «отплатили нам… с лихвою! И впереди никакого просвета в русско-польской распре не видать», – констатировал Деникин (Деникин, 1991b. С. 21). Обозревая «больные, нелепые и чреватые опасностями русско-польские отношения», Деникин писал Т. Каневскому: «Мне нет надобности по книгам изучать историю наших взаимоотношений. Прожив в конгрессовой Польше 25 лет, связанный кровными и дружественными отношениями с поляками, зная край и любя его народ, я также хорошо, как и Вы, отдаю себе отчет в тех несправедливостях, которые были причинены полякам русской политикой. И скорблю о них. Но это обстоятельство, тем более, дает мне нравственное право скорбеть и возмущаться, когда несправедливости повторяются в… обратном преломлении» (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and Eugenie Lehovich Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937).

Тогда же, в 1870–1880 гг. Петербург проводил свою политику, не особенно считаясь с интересами поляков, что вызывало у последних острейшее неприятие, чувствовавшееся и рядовым русским обывателем. Об этом пишет в своих записках и Деникин. При этом мемуарист признавался, что «обострению русско-польских отношений много способствовала нелепая, тяжелая и обидная для поляков русификация, проводившаяся Петербургом, особенности в школьной области. Во Влоцлавском реальном училище, где я учился (1882–1889), дело обстояло так: Закон Божий католический ксендз обязан был преподавать полякам *на русском языке* [Выделено Деникиным. – Авт.]. А учителем был немец *Кинель* [Выделено Деникиным. – Авт.], и по-русски-то говоривший с большим акцентом. В стенах училища, в училищной ограде и даже на ученических квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям. *Петербург перетягивал струны*. [Выделено мной. – Авт.] И даже бывший варшавский генерал-губернатор Гурко, герой русско-турецкой войны, пользовавшийся в глазах поляков репутацией “гонителя польскости”, не раз в своих всеподданнейших докладах государю, с которыми я познакомился впоследствии, указывал на ненормальность некоторых мероприятий обрусительного характера. Нужно ли говорить, что все эти строжайшие запреты оставались мертвой буквой. Ксендз на уроках бросал для виду только несколько русских фраз, ученики никогда не говорили *между собой* [Выделено Деникиным. – Авт.] по-русски, и только аккуратный немец Кинель тщетно пытался русскими словами передать красоты польского языка» (Деникин, 1991b. С. 20). Вдумчивому мальчику пришлось на ходу импровизировать, придумывая приемлемую для себя модель поведения: «Застав в училище такое положение, я, десятилетний мальчишка, по собственной интуиции нашел modus vivendi: с поляками стал говорить по-русски, с русскими товарищами, которых было в каждом классе по три, по четыре, – *всегда* [Выделено Деникиным. – Авт.] по-русски. Так как многие из них действительно ополячились, я не раз подтрунивал над ними, поругивал их, а иногда в серьезных случаях и поколачивал, когда позволяло “соотношение сил”. Помню, какое нравственное удовлетворение доставило мне однажды (в 6-м классе), когда мой приятель – серьезный юноша и добрый поляк – после одной такой сценки пожал мне руку и сказал:

– Я тебя уважаю за то, что ты со *своими* [Выделено Деникиным. – Авт.] говоришь по-русски» [19, с. 21]. Деникин вовсе не был чужим в польской среде, не случайно, что он сумел приобрести за время учебы в ней немало друзей: молодые люди обсуждали

новинки литературы и новейшие изобретения техники; при этом о политике (естественно, в присутствии Антона Ивановича) говорили мало: «быть может, – пояснял мемуарист, – потому, что в умах и душах моих товарищей-поляков доминировала и все подавляла одна идея – "Еще Польска не сгинэла"… А со мной на подобные темы разговаривать было неудобно» (Деникин, 1991b. С. 31).

Попытки русской власти контролировать польское общество нашли отражение в автобиографических записках Деникина. «В 7-м классе я учился уже вне дома, в Ловичском реальном училище… Был "старшим" на ученической квартире (12 человек). Должность "старшего" предоставляла скидку – половину платы за содержание, что было весьма приятно; состояла в надзоре за внутренним порядком, что было естественно; но требовала заполнения месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: "уличенные в разговоре на польском языке". Это было совсем тягостно, ибо являлось попросту доносом. Рискуя быть смещенным с должности, что на нашем бюджете отразилось бы весьма печально, я всякий раз вносил в графу: "таких случаев не было". Месяца через три вызывают меня к директору (Левшину)….

– Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было…

– Да, господин директор.

– Я знаю, что это неправда.

Молчу.

– Вы не хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны замирить и обрусить этот край. Ну, что же, подрастете и когда-нибудь поймете.

Был ли директор твердо уверен в своей правоте и в целесообразности такого метода "замирения" – не знаю. Но до конца учебного года в моем отчете появлялась сакраментальная фраза – "таких случаев не было", а с должности меня не сместили. Так или иначе, в течение 8 лет, проведенных среди поляков в реальном училище, я никогда не испытывал трений на национальной почве. Не раз, когда во время общих наших загородных прогулок кто-либо из товарищей затягивал песни, считавшиеся революционными – "З дымэм пожарув" или "Боже, цось Польске…", другие останавливали его:

– Брось, нехорошо, ведь с нами идут русские! Трения пришли позже», – резюмировал мемуарист (Деникин, 1991b. С. 22). «Впоследствии, – писал Деникин, – я вышел в офицеры, большинство из моих школьных товарищей-поляков окончили высшие технические заведения. Положение изменилось. Запретов не стало, были мы уже свободными людьми, и я потребовал "равноправия"; при встречах с бывшими товарищами заговорил с ними по-русски, предоставляя им говорить на их родном языке. Одни примирились с этим, другие обиделись, и мы расстались навсегда. Впрочем, встречи происходили лишь в первые годы после выпусков. В дальнейшем судьба разбросала нас по свету, и я никогда больше не встречал своих школьных товарищей» (Деникин, 1991b. С. 23). Единственным исключением был С. Карпинский, самый близкий школьный товарищ Деникина, живший с ним в одной комнате, с которым они «крепко дружили, вместе учились и совместно разрешали тогда все "мировые вопросы", спустя многие десятилетия узнавший адрес Антона Ивановича и написавший ему в 1937 году. Карпинский был первым директором государственного банка независимой Польши, короткое время занимал должность министра финансов. Вероятно, что почва для возобновления переписки и дружбы между Деникиным и Карпинским заключалась в той особенности последнего, на которую без обиняков указал Антон Иванович: «Карпинский, уроженец русской Польши – один из редких поляков, здраво, без предвзятости смотревший на русско-польские отношения, ясно видевший *не только русские, но и польские прегрешения и считавший возможным и необходимым примирение* [Выделено мной. – Авт.]» (Деникин, 1991b. С. 23). Думается, что эти строки, написанные А.И. Деникиным более 70 лет назад, звучат и сейчас более чем актуально, заставляя вновь русских и поляков задуматься о необходимости поиска тех ценностей, которые их объединяют, а не разъединяют. Убежден, что справедливо и высказывание Деникина о «связанности судеб Национальной России и Польши», равно как и его мнение о том, что «русско-польская

рана» излечима, а «кровный союз» и «полное примирение» двух славянских народов являются возможными и необходимыми для наших государств (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and Eugenie Lehovich Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937). Думаю, что эти заветы генерала могут и должны быть востребованы и в наше время.

Библиографический список

Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг.: Монография. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. 204 с.

Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.) / Я.А. Бутаков ; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории социал. реформ, движений и революций. М.: изд-во РУДН, 2000. 190 с.

Варшавский военный округ // Военная энциклопедия / под ред. В.И. Величко. СПб., 1911. Т. 5. С. 247.

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2019. 318 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы : монография / В.И. Голдин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурм. гос. гуманит. ун-т, Сев.-Зап. секция науч. совета РАН по истории соц. реформ, движений и революций. Мурманск : Мурманский государственный гуманиатрный университет, 2012. 333 с.

Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели? // Альманах «Российский архив». М.: Студия «ТРИТЭ», 1991a. С. 3–12.

Деникин А.И. Международное положение, Россия и эмиграция. Париж: Editions et imprimerie rapide de la presse, 1934. 16 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. V. 830 с.

Деникин А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин ; предисл. Н.С. Тимашева. Москва : Современник, 1991b. 299, [1] с.

Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М.: Российский гуманитарный университет, 2006. 467 с.

Ипполитов Г.М. Деникин. М.: Молодая гвардия, 2000. 531 [13] с.

Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах / науч. ред. В.И. Голдин. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.

Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: Из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 24–40.

References

Abinyakin R.M. (2005) Officer Corps of the Volunteer Army: Social Composition, Worldview. 1917–1920. Orel: Publisher A. Vorob'ev. 204 p. (In Russ.)

Butakov Ya.A. (2000) White movement in the south of Russia: the concept and practice of state building (late 1917 – early 1920). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 190 p. (In Russ.)

Velichko V.I. (1911) Warsaw Military District. Military Encyclopedia. St. Petersburg. Vol. 5. 247 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2019) Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922. Moscow: Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2012) The Civil War in Russia through the Prism of Years: Historiographic Processes. Murmansk: Murmansk State Humanitarian University. 333 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (1991a) Who saved the Soviet power from destruction? *Al'manakh "Rossiiskii arkhiv" = Almanac "Russian Archive".* Moscow: Studiya "TRITE". P. 3–12. (In Russ.)

Denikin A.I. (1934) International situation, Russia and emigration. Paris: Editions et imprimerie rapide de la presse. 16 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (2003) Essays on Russian turmoil. Moscow: Airis-press. Vol. V. 830 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (1991b) Way of the Russian officer. Moscow: Sovremennik. 299 p. (In Russ.)

Zimina V.D. (2006) White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War. 1917–1920. Moscow: Ros. gumanit. unstitut. 467 p. (In Russ.)

Ippolitov G.M. (2000) Denikin. Moscow: Molodaya Gvardiya. 531 p. (In Russ.)

Lobanov V.B. (2017) Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: Religious, military-political and ideological confrontation in 1917–1920s. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 483 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2012) "Give Warsaw!": From the History of the Soviet-Polish War of 1920. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern history of Russia.* No. 2 (4). P. 24–40. (In Russ.)

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 54– 72.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920) // Русский сборник. Исследования по истории России. 2010. Т. VIII. С. 158–259.

Пученков А.С. Польша и Врангель: из истории кампании 1920 года // Russian Colonial Studies, 2019. № 2. С. 127–141.

Пученков А.С. Южнорусское Белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 53–66.

Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М.: «АИРО – XX», 1996. 156 с.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2. 640 с.

Puchenkov A.S. (2016) National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920). Moscow. P. 54–72. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2010) National policy of General Denikin (summer 1918 – spring 1920). *Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii = Russian collection. Studies in the history of Russia.* Vol. VIII. P. 158–259. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2019) Poland and Wrangel: from the history of the 1920 campaign. Russian Colonial Studies. No. 2. P. 127–141. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2020) South Russian White movement and Poland during the Civil War (1919–1920). *Voprosy istorii = Questions of history*. No. 3. P. 53–66. (In Russ.)

Fedyuk V.P. (1996) White. Anti-Bolshevik movement in the south of Russia 1917–1918. Moscow: AIRO – XX. 156 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2017) National Idea and Admiral Kolchak. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 624 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2016) White matter in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of political structures of the White movement in Russia). Moscow. Pt. 2. 640 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, Россия,
✉ e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Information about the author

Alexander S. Puchenkov
Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern History of Russia, Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

А.С. Пученков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

A.S. Puchenkov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 5 мая 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 16 июня 2020 г.
Принята к публикации 6 июля 2020 г.

Article info

Received May 5, 2020.
Received June 16, 2020.
Accepted July 6, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930:355/359.07
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-182-194

Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)

© Р.С. Авилов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация: В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается состояние военно-учебных заведений Забайкалья в 1899 году. В этом году состоялась поездка военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как имел место примерно за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за семь месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки состояния и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материалов для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, а также обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Транссибирской железной дороге, военный министр осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и расположенные в них военно-учебные заведения. В Иркутске он посетил приготовительную школу Сибирского кадетского корпуса и юнкерское училище. В статье публикуются наиболее подробные из известных к настоящему времени описаний жизни и образовательного процесса в Иркутской приготовительной школе Сибирского кадетского корпуса и Иркутском юнкерском училище. Рассматриваются: размещение учащихся, бытовые условия и организация образовательного процесса. Приводится мнение военного министра о состоянии этих учебных заведений и качестве обучения в них. Анализируются выявленные в ходе визита высоких гостей упущения в работе школы и училища. Первая часть статьи посвящена Иркутской приготовительной школе Сибирского кадетского корпуса.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса, Иркутское юнкерское училище, А.Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия, военное образование

Для цитирования: Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 182–194. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-182-194

The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Part 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on the data of visit of Aleksey N. Kuropatkin)

© Roman S. Avilov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract: This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in military-educational institution of Transbaikalia in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobilization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the

War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, including military institutions and training schools (Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps, Irkutsk Junker School). As a result, deficiencies in the reserve troops' military training and mobilization readiness of the Siberian Military District were exposed, and an emergency plan created to correct them. In this article the most detailed descriptions of life end educational process in Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps and Irkutsk Junker School is published for the first time. It has been described the placement, life conditions and organization of educational process and also the opinion of War Minister about both military-educational institution and the education level in it. It has been analyzed the failures in work of both schools, which were been found by the high guests. The first part of the article devoted to the Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps.

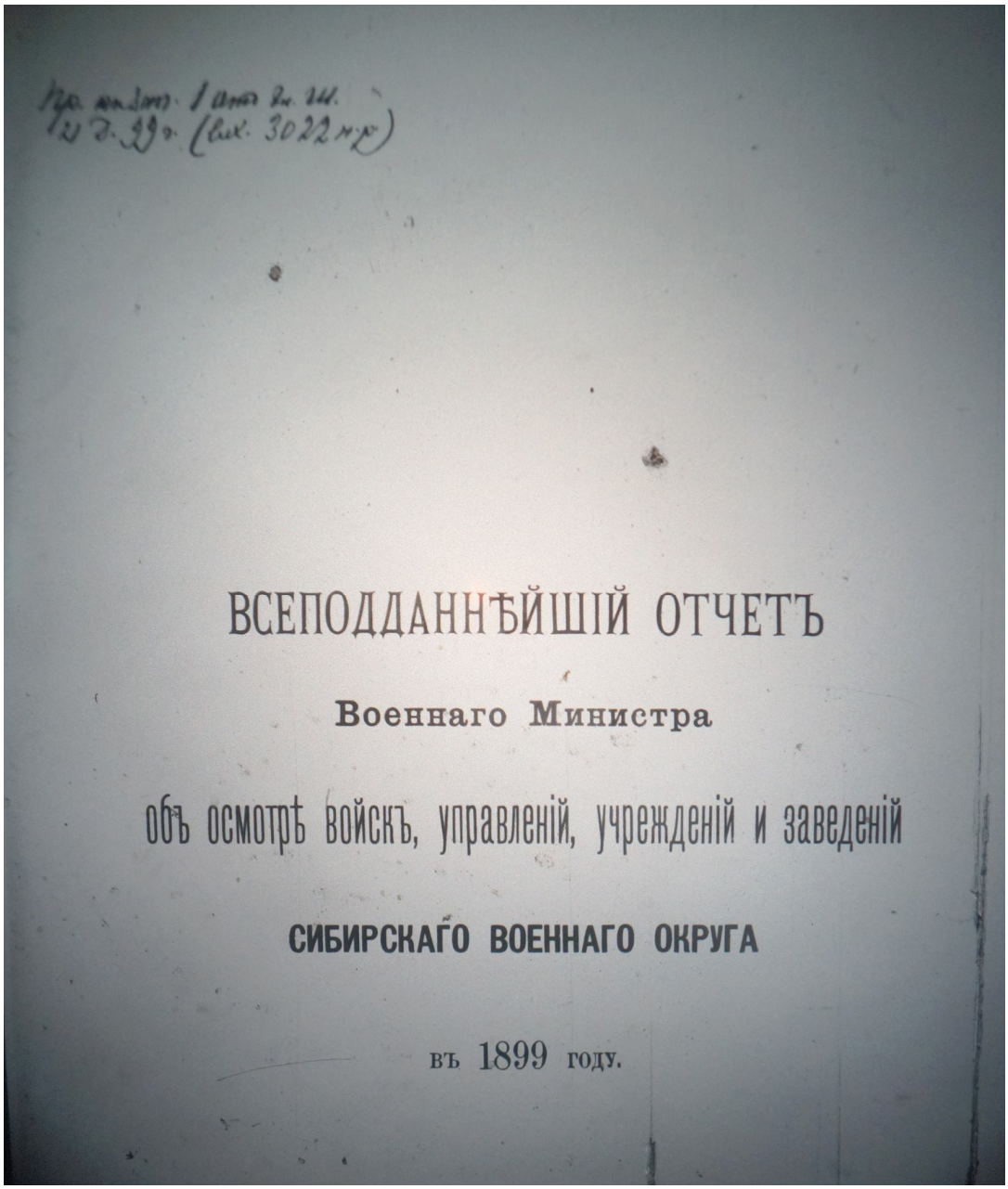
Keywords: Siberian Military District, Irkutsk Military District, Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps, Irkutsk Junker School, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikalia, Irkutsk, Russian Army, military education

For citation: Avilov R.S. (2021) The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Part 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on the data of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 182–194. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-182-194

В последнее время совершенно неизвестная в советское время (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973) поездка военного министра Российской империи генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ неоднократно привлекала внимание новосибирских (Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995. С. 109–110), иркутских (Романов, Новиков, 2009. С. 91) и дальневосточных исследователей (Авилов, 2018a; Авилов, 2019a). Тем не менее, ее изучение еще далеко от своего завершения. В обобщающих работах по истории Сибирского и Иркутского военных округов (Авилов, 2014a; Авилов, 2014b; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003) сама поездка и ее результаты, как правило, специально не рассматриваются. В современных исследованиях по истории военно-учебных заведений Сибири и образовательного потенциала Российской империи (Астраханцев, 2010; Сапрыкин, 2009), военно-окружной системы (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012), русской армии (Ульянов, Леонов, 1998) и биографии А.Н. Куропаткина – тоже (Генерал Куропаткин…, 2018; Субботин, 2019).

Основная масса вышедших непосредственно по истории вояжа А.Н. Куропаткина в Сибирь работ базировалась главным образом на анализе текста всеподданнейшего отчета об этой поездке, сохранившегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Теперь же автору удалось разыскать сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) еще несколько экземпляров отчета, подробнейшие приложения к нему, а также сопутствующую переписку, что дает возможность более подробно остановиться на оценке состояния «войск, учреждений и заведений» Забайкалья как самим военным министром, так и сопровождавшими его в поездке лицами. Цель этой статьи – подробно рассмотреть состояние в Забайкалье военно-учебных заведений: Иркутской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса и Иркутского юнкерского училища.

История поездки военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. представляет большой научный интерес, так как она состоялась менее чем за семь месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае (Авилов, 2018b; Авилов, 2019b; Ростов, Панченко, 2018) и примерно за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, его оценки и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материалов для разработки планов дальнейших военных преобразований в

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ОТЧЕТЪ

Военнаго Министра

объ осмотрѣ войскъ, управленій, учрежденій и заведеній

СИБИРСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА

въ 1899 году.

Рис. 1. Титульный лист всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 г. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 11. Публикуется впервые

Fig. 1. The title of the most devoted report of War Minister about the inspection of troops, directorates, administrations and institutions of Siberian Military District in 1899. RSMHA. Collection 400. Record 1. File 2617. Sheet 11. First published

Сибири, а также обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Транссибирской железной дороге, военный министр осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, а также различные учреждения военного ведомства, в том числе военно-образовательные.

Официальной целью поездки был «осмотр войск и учреждений Сибирского военного округа». Продолжалась она 34 дня, с 30 сентября по 2 ноября 1899 г. 20 дней генерал А.Н. Куропаткин провел в дороге, а 14 – непосредственно знакомился с округом, его командным и офицерским составом (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19). Во-

енный министр путешествовал поездом по еще недостроенной Великой Сибирской железной дороге, осматривая населенные пункты и инспектируя военные части и учреждения по мере своего продвижения, т. е. с запада на восток. Финальной точкой осмотра стал Иркутск – бывший центр упраздненного незадолго до этого Иркутского военного округа.

Вместе с военным министром в Сибирский военный округ прибыл и ряд офицеров, пользующихся личным доверием А.Н. Куропаткина. Они должны были сопровождать его, более тщательно осматривая и инспектируя учреждения, военные части, здания и вообще все то, что привлекло по каким-либо причинам внимание министра. Военные учреждения и войска осматривали: Генерального Штаба полковник Е.Г. Гарф – начальник отделения Главного Штаба Военного министерства, военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий – член Главного инженерного комитета, статский советник Г.И. Турнер – профессор Военно-медицинской академии, числящийся по армейской кавалерии подполковник барон В.А. Остен-Сакен – состоял в распоряжении военного министра, числящийся по гвардейской кавалерии полковник граф Г.А. Бобринский – личный адъютант А.Н. Куропаткина, а также надворный советник Климентовский – чиновник особых поручений V класса при начальнике Главного Штаба. Для осмотра и ревизии Омского и Иркутского военно-окружных судов в состав делегации включили генерал-майора П.Ф. Лузанова – помощника главного военного прокурора, а для осмотра Семипалатинского и Тобольского резервных батальонов, 1-го Западно-Сибирского линейного батальона, Курганской, Барнаульской и Петропавловской местных команд – генерал-майора К.В. Церпицкого, числившегося в распоряжении Командующего войсками Виленского военного округа (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19).

Подробно были осмотрены два военно-учебных заведения и оба в г. Иркутск 19 и 20 октября: Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса – специальный осмотр и записи вел числящийся по гвардейской кавалерии, полковник граф Г.А. Бобринский и Иркутское юнкерское училище – специальный осмотр и записи вел Генерального Штаба полковник Е.Г. Гарф. Кроме того, здания, в которых были расположены оба учреждения, тщательно осмотрел член Главного инженерного комитета, военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об.–62 об.; 72–73 об.; 87–94 об.).

Иркутская и Хабаровская приготовительные школы Сибирского кадетского корпуса были созданы в 1888 г. в рамках комплекса мер по привлечению в Сибирь и на Дальний Восток новых кадров, и удержанию там уже имеющихся. Соответствующее мнение Государственного Совета Александр III утвердил 1 февраля 1888 г. и в том же месяце последовал приказ по военному ведомству.

Отсутствие возможности дать детям образование было основной причиной постоянного оттока наиболее талантливых и перспективных офицерских кадров из региона. Поэтому обе школы были созданы для предоставления офицерам, чиновникам, врачам и священникам, а также лицам, служившим в соответствующих округах и оставшихся там жить по выходе в отставку или в запас, «способов подготовления сыновей их к поступлению в Сибирский кадетский корпус». Иркутская приготовительная школа была ориентирована на Иркутский военный округ и Забайкальскую область Приамурского военного округа, Хабаровская – на Приамурский военный округ, но без Забайкалья (Иркутская приготовительная…, 1911; Высочайше утвержденное, 1888. № 4987[1]).

Процесс создания обеих школ изначально определялся возможностями военных округов, поскольку комплектование их личным составом было приказано «производить по усмотрению Командующих войсками в округах тем способом,

[1] Высочайше утвержденное 1 февраля 1888 г. мнение Государственного Совета Об учреждении в городах Иркутске и Хабаровске Приготовительных школ Сибирского Кадетского Корпуса // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗ РИ III). СПб., 1888. Т. 8. № 4987.

как это окажется удобным по местным условиям, предоставив им определить воспитание и внутренний порядок в школах, а равно обязанности заведывающих школами и воспитателей применительно к установленным положением о кадетских корпусах». Заведующим школами, преподавателям (не исключая законоучителей), было приказано «предоставить все права и преимущества, коими пользуются чины учебно-воспитательной службы в кадетских корпусах, с приравнением относительно окладов пенсии заведывающих школами – к инспекторам, а преподавателей школ – к штатным преподавателям кадетских корпусов». Плату, полученную от родителей поступивших в школу своекоштных интернов и экстернов, причисляли к специальным средствам школ и использовали на их содержание.

Оба учебных заведения были открыты с начала 1888–1889 учебного года (Высочайше утвержденное, 1888. № 4987)[1]. Порядок отправления воспитанников этих школ в Сибирский кадетский корпус был четко регламентирован только в 1891 г. (Высочайше утвержденное, 1891. № 7401)[2]. Докладывая императору об открытии Хабаровской приготовительной школы, Командующий войсками Приамурского военного округа генерал-адъютант барон А.Н. Корф, указывал, что это событие стало «самой существенной мерой в ряду других улучшений быта семейных офицеров» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 7 об.). Аналогичного мнения придерживались и в Иркутске.

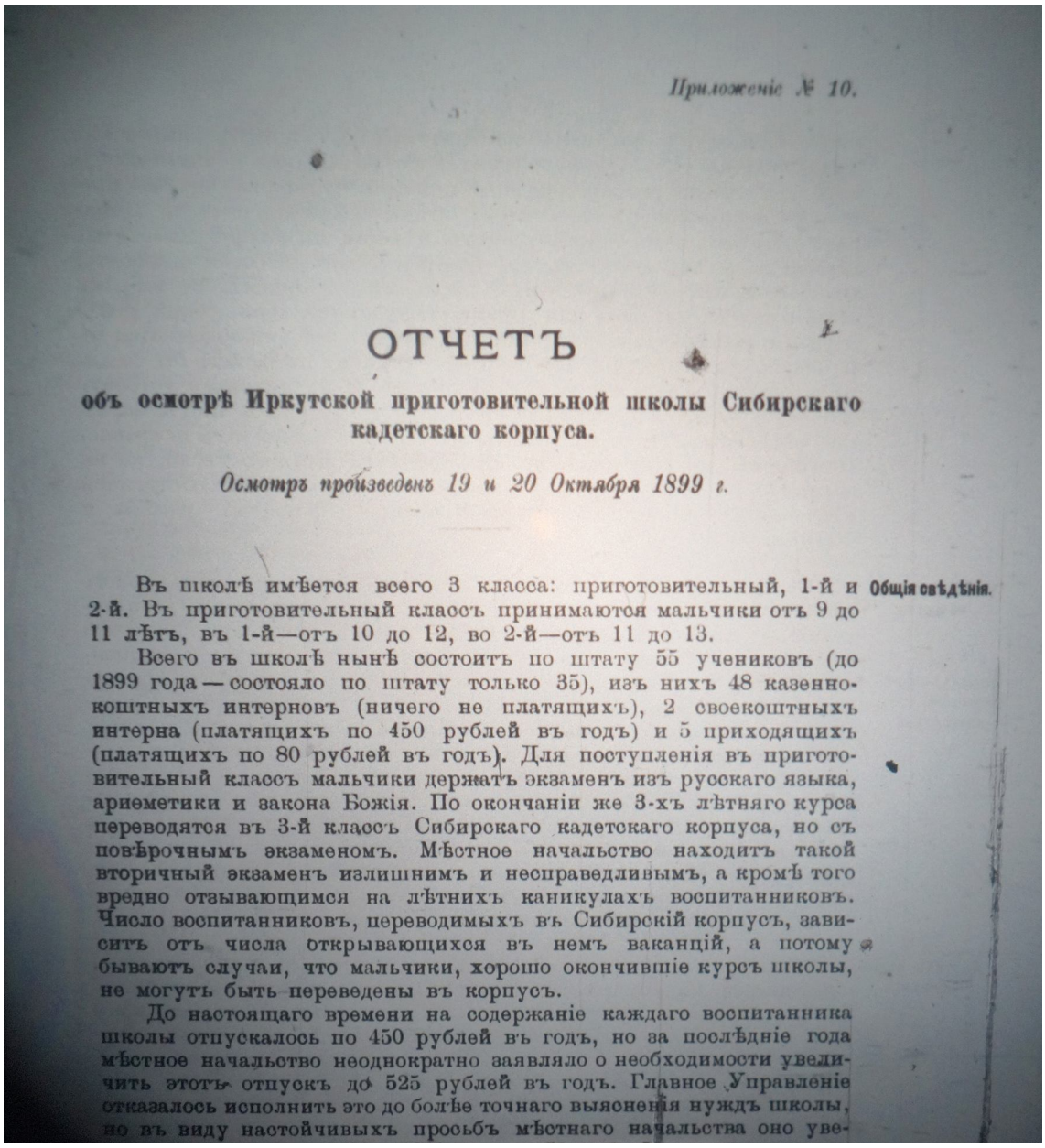
На первый учебный год в Иркутскую школу приняли 15 казённокоштных учеников, на второй – 25, а на третий – полный комплект в 35 учеников (Высочайше утвержденное, 1888. № 4987)[1]. Эта норма продержалась до 1899 г., когда с началом учебного года 1899–1900 штат казённокоштных воспитанников был увеличен до 50 (Иркутская приготовительная…, 1911).

Первым учебным заведением, осмотренным в рамках посещения Иркутска военным министром А.Н. Куропаткиным, стала Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса. Гости посетили ее в те же дни, что и Иркутское юнкерское училище – 19 и 20 октября, но А.Н. Куропаткин был только во второй день.

В школе было всего 3 класса: приготовительный, 1-й и 2-й. В приготовительный класс принимались мальчики 9–11 лет, в 1-й – 10–12, во 2-й – 11–13 лет. На момент осмотра в школе состояло по штату 55 учеников (до 1899 г. – только 35), из них 48 казённокоштных интернов (ничего не платящих), 2 своекоштных интерна (платящих по 450 руб. в год) и 5 приходящих (платящих по 80 руб. в год). Для поступления в приготовительный класс мальчики держали экзамен по русскому языку, арифметике и закону Божию. По окончании в этой школе 3-летнего курса они переводились в 3-й класс Сибирского кадетского корпуса, но с поверочным экзаменом. «Местное начальство находит такой вторичный экзамен излишним и несправедливым, а, кроме того, вредно отзывающимся на летних каникулах воспитанников. Число воспитанников, переводимых в Сибирский корпус, зависит от числа открывающихся в нем ваканций, а потому бывают случаи, что мальчики, хорошо окончившие курс школы, не могут быть переведены в корпус», – отмечал полковник Г.А. Бобринский (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72).

Он же констатировал, что вопрос финансирования школы оказался еще нерешенным: «До настоящего времени на содержание каждого воспитанника школы отпускалось по 450 рублей в год, но за последние года местное начальство неоднократно заявляло о необходимости увеличить этот отпуск до 525 рублей в год. Главное Управление отказалось исполнить это до более точного выяснения нужд школы, но в виду настойчивых просьб местного начальства оно увеличило отпуск на 1898 и 1899 годы по 50 рублей на воспитанника в виде временной меры. Ныне местное начальство просит окончательно установить ежегодный отпуск по крайней мере в размере 500 рублей, в

[2] Высочайше утвержденное 25 января 1891 г. положение Военного Совета о порядке отправления воспитанников Хабаровской и Иркутской приготовительных школ в Сибирский кадетский корпус // ПСЗ РИ III. СПб., 1891. Т. 11. № 7401.

Приложеніе № 10.

ОТЧЕТЪ

объ осмотрѣ Иркутской приготовительной школы Сибирскаго кадетскаго корпуса.

Осмотръ произведенъ 19 и 20 Октября 1899 г.

Общія свѣдѣнія.

Въ школѣ имѣется всего 3 класса: приготовительный, 1-й и 2-й. Въ приготовительный классъ принимаются мальчики отъ 9 до 11 лѣтъ, въ 1-й—отъ 10 до 12, во 2-й—отъ 11 до 13.

Всего въ школѣ нынѣ состоитъ по штату 55 учениковъ (до 1899 года — состояло по штату только 35), изъ нихъ 48 казенно-коштныхъ интерновъ (ничего не платящихъ), 2 своекоштныхъ интерна (платящихъ по 450 рублей въ годъ) и 5 приходящихъ (платящихъ по 80 рублей въ годъ). Для поступленія въ приготовительный классъ мальчики держатъ экзаменъ изъ русскаго языка, ариѳметики и закона Божія. По окончаніи же 3-хъ лѣтняго курса переводятся въ 3-й классъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, но съ повѣрочнымъ экзаменомъ. Мѣстное начальство находитъ такой вторичный экзаменъ излишнимъ и несправедливымъ, а кромѣ того вредно отзывающимся на лѣтнихъ каникулахъ воспитанниковъ. Число воспитанниковъ, переводимыхъ въ Сибирскій корпусъ, зависитъ отъ числа открывающихся въ немъ ваканцій, а потому бываютъ случаи, что мальчики, хорошо окончившіе куръ школы, не могутъ быть переведены въ корпусъ.

До настоящаго времени на содержаніе каждаго воспитанника школы отпускалось по 450 рублей въ годъ, но за послѣдніе года мѣстное начальство неоднократно заявляло о необходимости увеличить этотъ отпускъ до 525 рублей въ годъ. Главное Управленіе отказалось исполнить это до болѣе точнаго выясненія нуждъ школы, но въ виду настойчивыхъ просьбъ мѣстнаго начальства оно уве-

Рис. 2. Приложение 10 всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 г. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72. Публикуется впервые
Fig. 2. Addendum No 10 of the most devoted report of War Minister about the inspection of troops, directorates, administrations and institutions of Siberian Military District in 1899. RSMHA. Collection 400. Record 1. File 2617. Sheet 72. First published

подтверждение чего оно представило мне пробный расчет стоимости каждого воспитанника, по которому требуется около 520 рублей ежегодно» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72).

Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса занимала три деревянных здания со службами при них. Главное – непосредственно школа, второе – лазарет и третье – прачечная. Все находились в хорошем состоянии, баня и прачечная были выстроены недавно, а главное здание – только что капитально отремонтировано. «Работы однако по последнему зданию в должной мере не закончены, – отмечал военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий, – осталось произвести перетирку старых потолков, вновь оштукатурить исправленные, сколотить и

окрасить полы ныне окрашенные всего на один раз. Было бы желательно с производством неоконченных работ улучшить и вентиляцию спален постановкою каминов, а равно и отхожего места.

Лазарет имеет существенные недостатки; при лазарете не имеется ванной комнаты ни в отделении для обыкновенных больных, ни в заразном; нет комнаты для разогревания пищи; в заразном отделении нет помещения для сестры милосердия. Здание бани вполне удобно, необходимо лишь колодезь внутри бани снабдить помимо крышки еще решеткою. Прачечная же по своим размерам совершенно неудовлетворительна; имеющееся помещение достаточно лишь для водогрейной, но никак не для мытья. Необходимо таковую увеличить пристройкою, с устройством помещения для сушки белья, для сторожа и прачки. Все здания и помещения содержатся очень хорошо, чисто и в порядке» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 92–92 об.).

Полковник Г.А. Бобринский тоже находил, что здание школы, за исключением нескольких недостатков, вполне удовлетворительно и содержится чисто и в исправности. Спальные, классные комнаты, рекреационный зал, приемная, учительская и библиотека были достаточно велики, хорошо содержались и проветривались. «Умывальная комната в плохом виде: имеется всего только 1 небольшой чан с кранами; водопроводов нигде нет, а также и труб для удаления нечистот; тут-же по стене висят шинели и фуражки воспитанников; в день осмотра позади ящика найден мусор и грязная бумага. Отхожее место в плохом виде и воздух в нем испорченный» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72–72 об.).

Для сравнения отметим, что в Сибирском кадетском корпусе в Омске, по мнению того же ревизора, было не сильно лучше: «Умывальные комнаты и отхожие места находятся в первобытном виде, вследствие отсутствия водопроводов и труб для удаления нечистот, но, несмотря на это, ватер-клозеты содержатся чисто и запаха не имеют. На каждую роту имеется один умывальный чан с кранами; воду приносят в ведрах, но, очевидно, в недостаточном количестве, так что кадеты не всегда могут располагать нужным количеством воды для умывания» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 69).

Столовая и место для гимнастических упражнений находились в Иркутской приготовительной школе Сибирского кадетского корпуса в одном большом зале. Кухня была хорошая, содержалась чисто, а комната кухарки тут же за перегородкой. «Церковь прекрасна и содержится на частные средства благотворителей». Цейхгауз на нижнем этаже удобен и вещи в нем хранятся в порядке, «за исключением собственных вещей воспитанников, которые лежат в куче и в полном беспорядке». На втором этаже находились: зал для ручного труда, швальня, общий цейхгауз и зал для хозяйственного комитета. Все они содержались в порядке, но последние две, по мнению Г.А. Бобринского, – излишне велики. «Следовало-бы соединить оба цейхгауза в верхнем этаже, а в нижнем устроить хорошую умывальную комнату». Ему лазарет показался удобным и чистым, тем более, что заразное отделение находилось в особом здании и содержалось исправно. Помещение для нижних чинов прислуги было немного тесно, но в порядке. Баня недавно ремонтирована и очень хороша. Собственной прачечной при школе не было. Квартиры офицеров столичное начальство тоже признало удобными и хорошими (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72–72 об.).

Школу возглавлял заведующий, подполковник И.А. Кузнецов, который занимал эту должность только два месяца, но «по-видимому, с любовью относится к новым своим обязанностям». В ней были: один офицер заведующий хозяйством, три офицера-воспитателя и делопроизводитель. Кроме того, при лазарете состояла одна сестра милосердия. Постоянного доктора и священника не было – пользовались услугами батальонного доктора и приходского священника. Все 4 офицера командировались на 5 лет из своих частей и производили, как воспитатели, удовлетворительное впечатление. «Неудобство заключается только в том, что бывают года, когда одновременно меняются два или даже три воспитателя, что вредно отзывается на воспитанниках. На это сле-

дует обратить внимание, ибо легко устроить так, чтобы ежегодно менялось не больше одного воспитателя» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72 об.).

Состав воспитанников школы складывался из детей офицеров и чиновников, служивших в крае. Были даже дети гражданских чиновников и фельдшеров, «что признается нежелательным, так как благодаря сему отнимаются вакансии у детей офицеров». Из 55 воспитанников не более 25 имели родных в Иркутске. Внешний вид воспитанников и их выправка оказались вполне удовлетворительны, но «большинство очень бледны и на вид малокровны», на что начальству школы было рекомендовано обратить серьезное внимание». При этом, однако, воспитанники отличались хорошим здоровьем, заболеваемость в школе была «весьма малая», а в день осмотра больных и вовсе не оказалось. В 1898 г. всего больных было 44; из них заразными болезнями – 2 и эпидемической заушницей [паротитом, в простонародье – свинка. – Р.А.] – 21. В 1899 г. по 20 октября больных всего было 17; из которых заразных больных – 2. Полковнику Г.А. Бобринскому доктор заявил, что, «не смотря на бледность, он замечает отличное развитие у всех воспитанников грудных мышц» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72 об.).

Одежда учеников была в порядке, но еще не в достаточном количестве, вследствие недавнего увеличения штата школы с 35 до 50 чел. – на каждого воспитанника имеется только 1 мундир, 1 куртка и 1 шинель, но вторые мундиры уже шились. Белье было найдено в порядке и в достаточном количестве, но ночных рубашек не было. Меняли белье два раза в неделю, а в баню ходили «только 2 раза в месяц, что, очевидно, недостаточно. Чистоплотность вообще плоха, вследствие неудобного умывального чана и большого недостатка в умывальных принадлежностях. Большинство воспитанников не имеют зубных щеток, коробка для зубного порошка общая на всех воспитанников, мыло выдается ежедневно по одному куску на всех. Видимо, на чистоплотность не обращено должного внимания и эту часть следует привести в порядок подобно тому, как оно заведено в кадетских корпусах», – сетовал проверяющий (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 72 об.–73).

Недостатки оказались и в продовольственном обеспечении. Еда была хорошего качества и вкусно приготовлена, но за завтраком мясные порции были малы, а чай вообще отсутствовал. Он подавался воспитанникам утром и вечером в чайниках и заваривался в самоварах. На эти замечания заведующий школою говорил, что «улучшить завтрак весьма трудно, вследствие недостатка в средствах из-за дороговизны продуктов». При школе имелись три коровы, но почти все молоко шло на нужды кухни. «В виду бедности и малокровия воспитанников, очень желательно было бы давать им молоко по крайней мере раз в день, добавив к завтраку по кружке молока; доктор заявил мне, что подобная мера прекрасно отзовется на здоровье воспитанников, особенно в виду их детского возраста», – рекомендовал Г.А. Бобринский.

Он же признал распорядок дня и расписание в школе неудобными, «в особенности по отношению к физическим упражнениям; так например, гимнастика только один час в неделю, прогулок мало, а часто в случае дурной погоды и совсем не бывает; утренней гимнастики нет; во 2-м классе уроки немецкого и французского языков следуют постоянно один за другим; встают в 6 часов 15 минут, а уроки кончаются уже в 2 часа. Все это очень легко исправить, составив новое расписание приблизительно следующим образом:

В 7 часов – пробуждение.

От 7 до 8 часов – вставание, одевание и чай.

8 ″ 8 ½ ″ прогулка и утренняя гимнастика.

8½ ″ 9 ″ приготовление.

9^{10} ″ 11^{50} ″ гимнастика, фронт и игры, по 2 часа в неделю на каждый предмет.

12 ″ 12¼ ″ завтрак.

12¼ ″ 1 ″ прогулка.

1 ″ 2^{50} ″ два урока.

3 ″ 4 ″ прогулка.

4 ″ 5 ″ пение, танцы и ручной труд (по 2 часа в неделю).

5 ″ 5½ ″ обед.

5½ ″ 6 ″ свободное время.

6½ ” 8 ” приготовление.

8 ” 8½ ” вечерняя гимнастика и чай.

8½ ” 9 ” свободное время.

9 ” 9½ ” раздевание и ложатся спать.

С настоящего учебного года уроки танцев прекратились, вследствие отсутствия учителя. Ручной труд заключается пока в картонажной работе, но начальство школы предполагало перейти теперь к ручному труду по подобию кадетских корпусов, заготовив для сего разные образцы. Следует только воспретить увлечение тонкими изделиями, ограничившись исключительно самыми простыми работами» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 73).

Полковник Г.А. Бобринский присутствовал и на уроках чистописания, русского, французского и немецкого языков.

«1). Чистописание преподается хорошо, но в программе приготовительного класса излишне требуется писание по одной строчке. В приготовительном классе учатся французской азбуке и письму, а в 1-м классе – немецкой; это служит хорошим подспорьем для будущих годов.

2). Преподавание русского языка поставлено хорошо и дает хорошие результаты; не следует только увлекаться изучением синтаксиса во 2-м классе.

3). Французскому языку обучает в 1-м классе господин Вильман, а во 2-м госпожа Мельницкая. Принимая во внимание, что ко дню смотра воспитанники обучались немецкому и французскому языку всего только 6 недель, можно действительно удивиться прекрасным полученным результатам: все ученики умеют читать и очень порядочно переводят прочитанное и даже начинают говорить на иностранном языке. Такой отрадный факт следуют исключительно приписать умению учителей, в особенности-же госпожи Мельницкой, которая во время всего урока не говорит с воспитанниками ни одного слова по-русски. Господин Вильман жалуется на непригодность учебника “Константен”» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 73 об.). С преподавателями иностранных языков школе действительно очень повезло. Личный опыт автора статьи свидетельствует о том, что параллельное изучение французского и немецкого языков с нулевого уровня часто приводит к грамматической и фонетической «каше» в голове, особенно на начальном уровне. Поэтому достигнутый учениками за полтора месяца успех следует признать великолепным.

Аналогичные впечатления вынес из знакомства с преподаванием иностранных языков и сам военный министр, а вот соотношение занятий по русскому языку и гимнастике ему явно не понравилось: «Преподавание французского и особенно немецкого языка ведется успешно, потому что учительницы говорят с детьми на том языке, который преподают и дети давали довольно бойкие ответы.

По русскому языку в Приготовительном классе проходят грамматику; это можно было бы перенести в I класс и тогда можно было бы посвятить больше времени физическому развитию. Точно также в Приготовительном классе проходится спешно большая программа по чистописанию. В конце года пишут уже по одной линейке, что быть может слишком рано. Гимнастику на машинах в I и II классах делали не дурно, но практикуются мало. Предложил гимнастику на машинах делать ежедневно утром в течение хотя бы нескольких минут» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35 об.–36).

Интересно, что постановкой преподавания языков в самом Сибирском кадетском корпусе, начальство которого регулярно жаловалось на качество образования в школе, А.Н. Куропаткин остался категорически недоволен: «В VI классе кадетам не дают читать многих книг, которые можно было бы давать. Вызванный кадет написал хорошо под диктовку, сделав лишь некоторые ошибки в знаках препинания. В VII классе на уроке теории русской словесности нашел написанными на доске следующие слова: *“элипсис, умолчание, тавтология, амплификация”*. Все эти слова помещены в курсе теории словесности и заучиваются. Преподавание французского языка в VI классе поставлено крайне неудовлетворительно. Кадеты заучивают грамматику и некоторый запас слов, но практики никакой не имеют, ибо преподаватель

во время урока говорит с кадетами не на французском языке, а по-русски. Необходимо изменить систему и заставить всех учителей иностранных языков говорить возможно больше на том языке, который они преподают» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 24).

В приложениях к отчету о поездке А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ имелись и сведения о застарелом конфликте Сибирского кадетского корпуса, расположенного в г. Омске, с Иркутской приготовительной школой этого корпуса.

Начальство корпуса все время жаловалось на подготовку поступавших туда как из Иркутской, так и из Хабаровской приготовительных школ учеников. В то же время Иркутская школа жаловалась, что корпус намеренно режет ее учеников на экзаменах, чтобы оставить большее число мест для своих. Вывод Г.А. Бобринского, проверявшего Иркутскую приготовительную школу Сибирского кадетского корпуса, был категоричен: «Из всего вышеизложенного видно, что учебное дело поставлено в школе правильно, а потому и нарекания Сибирского корпуса на учебную подготовку школы кажутся неосновательными. Начальство школы представило мне доказательство, что большинство их воспитанников находятся в числе лучшей половины кадет корпуса, но оно находит вторичный экзамен осенью при переводе в корпус несправедливым. Воспитанники все лето, по окончании курса школы, только и думают об этом экзамене, являются на него после летних каникул не подготовленными и чувствуют, что начальство корпуса относится к ним недоверчиво.

Казалось бы более благоразумным отменить эти вторичные экзамены и ограничиться командированием воспитателей или учителей Сибирского корпуса для присутствия на весенних выпускных экзаменах школы.

В общем можно признать, что Иркутская школа во всех отношениях находится в хорошем состоянии и порядке. Необходимо только, по возможности, скорее устранить следующие главные недостатки:

1). Улучшить завтраки добавкою к ним порции молока.

2). Составить новое расписание дня, увеличив число часов гимнастики и прогулок.

3). Обратить должное внимание на чистоплотность воспитанников» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 73 об.).

Впрочем, во всеподданнейший отчет эти сведения вошли в сильно отредактированном виде: «Для поступления в Приготовительный класс держат экзамен из Закона Божия, русского языка и арифметики. По окончании курса переводятся в Сибирский кадетский корпус в III класс, но с поверочным экзаменом. Число переводимых в корпус воспитанников зависит от числа открывшихся в нем вакансий, а потому бывают случаи, что мальчики, хорошо окончившие курс школы, не могут быть переведены в корпус.

В школу принимается значительное число детей таких лиц, которые особого права на поступление в корпус не имеют; много детей чиновников и особенно много детей классных фельдшеров» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35 об.).

Более того, поскольку тот же граф Г.А. Бобринский с 30 сентября по 5 октября осматривал и Сибирский кадетский корпус, то он и в его описание вставил указание, что «начальство корпуса жалуется на учебную и воспитательную подготовку кадет, поступающих из двух вышеназванных школ. Хабаровской школы я не видел, но из осмотра Иркутской школы позволительно усомниться в правильности такой жалобы; вообще этот вопрос следовало бы основательно разъяснить» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 69 об.–70). Там же он во втором абзаце отметил крайнюю переполненность корпуса «в виду большого числа сверхштатных [т. е. обучающихся платно – Р.А.] кадет», прозрачно намекая на причину нежелания омского начальства видеть у себя казённокоштных учеников из Иркутска и Хабаровска, которые не приносили корпусу никакого дохода (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 69).

В целом же, военный министр Российской империи А.Н. Куропаткин, явно остался доволен увиденным в Иркутской приготовительной школе

Сибирского кадетского корпуса. Более того, в «общих выводах» итогового всеподданнейшего отчета военного министра, который лег на стол императору Николаю II, характеристика школы оказалась куда более благожелательная, чем Сибирского кадетского корпуса: «*Сибирский кадетский корпус* содержится в порядке. При изучении иностранных языков требуется слишком много грамматики и слишком мало обращается внимания на практическое изучение. Кадеты читают мало и с новыми авторами практически не знакомы. Ручной труд поставлен неправильно – много времени тратят на изделие мелких вещей, а работы, могущие развить физические силы кадет, не производятся.

Катанье на лодках и обучение гребле не практикуется с тех пор, как два кадета, отправившиеся самовольно кататься на лодке в 1894 году, потонули. Между тем это занятие необходимо, ибо развивает силы и смелость.

Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса представилась в общем хорошо. Слишком мало обращают внимания на физическое развитие воспитанников и они мало пользуются воздухом. Обучение языкам и особенно немецкому ведется правильно. Преподавательница говорит с воспитанниками исключительно на том языке, который преподает.

Затем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в школу принимается слишком большое количество детей чиновников. Из общего числа 55 воспитанников офицерских детей было только 27; остальные были дети чиновников и даже 6 детей классных фельдшеров» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39–39 об.).

В деле подготовки и удержания офицерских кадров в Иркутском и Сибирском военных округах, на территории которых она в разное время находилась, Иркутская приготовительная школа сыграла поистине выдающуюся роль, обеспечив детям возможность получения начального военного образования. Следующим этапом в развитии школы стало одобрение Советом Министров в 1912 г. предположений Военного министерства о ее преобразовании в полноценный Иркутский кадетский корпус, а затем и само преобразование, совершенное в 1913 г. и ставшее одним из результатов поездки в 1911 г. на Дальний Восток еще одного военного министра Российской империи – генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова.

Библиографический список

Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014a. № 12. С. 26–32.

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологи. 2019a. № 4. С. 157–176.

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. // Северные архивы и экспедиции. 2018a. Т. 2. № 3. С. 7–20.

Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018b. № 434. С. 94–107.

Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 2. Канун Китайского похода 1900–1901 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019b. № 441. С. 128–141.

References

Avilov R.S. (2014a) Irkutsk Military District (1884–1899, 1906–1918): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine.* No. 12. P. 26–32. (In Russ.)

Avilov R.S. (2019a) The 1899 visit of the War Minister Gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologi = World of Politics and Sociology.* No. 4. P. 157–176. (In Russ.)

Avilov R.S. (2018a) The visit of the War Minister Aleksey N. Kuropatkin to the Siberian Military District in 1899. *Severnye arkhivy i ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions.* Vol. 2. No. 3. P. 7–20. (In Russ.)

Avilov R.S. (2018b) The problem of a military defense planning of the Russian Far East in 1896–1900. Pt. 1. After the Sino-Japanese War of 1894–1895. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 434. P. 94–107. (In Russ.)

Avilov R.S. (2019b) The problem of a military defense planning of the Russian Far East in 1896–1900. Pt. 2. The eve of the Chinese campaign of 1900–1901. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 441. P. 128–141. (In Russ.)

Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014b. № 7. С. 15–21.

Астраханцев О.Н. Военно-учебные заведения Сибири (1813–1917 гг.). Иркутск: Форвард, 2010. 178 с.

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.

Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса // Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 11. С. 23.

Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX века: формирование, специфика и деятельность. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX в.). Иркутск: Земля Иркутская, 2009. 352 с.

Ростов Н.Д., Панченко И.Я. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам Известий Иркутской городской думы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 137–147.

Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Субботин Ю.Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И.С. Рыбаченок. М.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Ульянов Э.И., Леонов О. Регулярная пехота 1855–1918. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 288 с.

Avilov R.S. (2014b) Siberian Military District (1899–1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine*. No. 7. P. 15–21. (In Russ.)

Astrahantsev O.N. (2010) Military-educational institution in Siberia (1813–1917). Irkutsk: Forward. 178 p. (In Russ.)

Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E (2012) The history of military-district system in Russia. 1862–1918. Moscow: Sentrpolugraph Publishing Company. 463 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. (1977) Russian Army and fleet in XIX century. Moscow: Nauka Publishing Company. 615 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. (1986) Russian Army and fleet in early XX century. Moscow: Nauka Publishing Company. 238 p. (In Russ.)

(2018) General Kuropatkin – State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth. Collective monograph. St. Petersburg: Foundation “University”. 370 p. (In Russ.)

Zaionchkovskii P.A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX – early XX century. 1881–1903. Moscow: Mysl' Publishing Company. 351 p. (In Russ.)

(1911) Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps. *Voennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia.* Vol. 11. St. Petersburg: I.D. Sitin Publ. Company. Vol 11. P. 23. (In Russ.)

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865–1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.)

Rashchupkin Yu.M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX – early XX century: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.)

Romanov G.I., Novikov P.A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2nd part of XVII – early XX century). Irkutsk: Terra Irkutska. 352 p. (In Russ.)

Rostov N.D., Panchenko I.Ya. (2018) Irkutsk and the Russian-Chinese conflict of 1900 (based on the Izvestia of the Irkutsk City Duma. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 4. P. 137–147. (In Russ.)

Saprykin D.L. (2009) Educational potential of Russian Empire. Moscow: IIET RAN. 176 p. (In Russ.)

Subbotin Yu.F. (2019) “The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan”. *Armiya i flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS; Center of Human Initiative. P. 145–182. (In Russ.)

Ulyanov E.I., Leonov O. (1998) Regular infantry in 1855–1918. Moscow: AST-LTD Publishing Company. 288 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Авилов Роман Сергеевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
главный библиотекарь Научной библиотеки,
Дальневосточный федеральный университет,
690095, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65б, Россия,
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

Заявленный вклад автора

Р.С. Авилов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 7 декабря 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 28 декабря 2021 г.
Принята к публикации 11 января 2021 г.

Information about the author

Roman S. Avilov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya street, Vladivostok 690001, Russia,
Chief Librarian of the Scientific Library,
Far Eastern Federal University,
65b, Aleutskaya street, Vladivostok 690095, Russia,
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

Contribution of the author

R.S. Avilov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received December 7, 2020.
Received December 28, 2020.
Accepted January 11, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)«1890/1902»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-195-204

Правовое и социально-экономическое положение нижних воинских чинов Сибирского военного округа на рубеже XIX–XX вв.

© Н.Д. Ростов[a], И.А. Панченко[b]

[a] Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия
[b] Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация: В статье на основе широкого круга архивных и статистических источников исследуется и характеризуется состав и численность нижних воинских чинов Сибирского военного округа (СибВО), определено его место в структуре мобилизационных людских ресурсов Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Приводятся статистические данные о ежегодном пополнении Российской армии нижними воинскими чинами, анализируется структура, состав и изменение численности нижних воинских чинов СибВО в разрезе его территории. Определена динамика численности призывников, поступивших на военную службу в ряды Российской армии в статусе нижних воинских чинов с 1890 по 1901 гг. Проанализированы численность и состав мобилизационных людских ресурсов СибВО и динамика изменения численности нижних воинских чинов округа в период русско-китайского вооружённого конфликта в 1900–1901 гг. На примере Акмолинской, Семипалатинской и Якутской областей, входящих в состав СибВО, рассматриваются особенности взаимоотношений государственных органов власти и представителей автохтонного населения регионов в реализации положений Устава о воинской повинности. Большое внимание уделяется порядку прохождения военной службы нижними воинскими чинами, их правовому положению и видам материального обеспечения. Особый акцент авторами сделан на правовом положении нижних воинских чинов, проходящих военную службу в частях и соединениях СибВО, социальных и экономических аспектах прохождения ими военной службы, анализируются меры государственной социальной поддержки нижних воинских чинов. Поступавшие на службу, они приобретали право на образование, санитарное и медицинское обслуживание, государственную социальную защиту и содержание. Армия также выступала лифтом социальной мобильности.

Ключевые слова: нижние воинские чины, военное министерство, Сибирский военный округ, мобилизационный резерв, людские ресурсы, правовое положение, воинская повинность, русско-китайский вооруженный конфликт, мобилизация, нижние запасные воинские чины, расквартирование

Для цитирования: Ростов Н.Д., Панченко И.А. Правовое и социально-экономическое положение нижних воинских чинов Сибирского военного округа на рубеже XIX–XX вв. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 195–204. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-195-204

Legal and socio-economic status of the lower military ranks of the Siberian Military District at the turn of the XIX–XX centuries

© Nikolay D. Rostov[a], Ilya A. Panchenko[b]

[a] Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, Barnaul, Russia
[b] Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract: The article examines and characterizes the composition and number of lower military ranks of the Siberian Military District (SibVO) on the basis of a wide range of archival and statistical sources, and determines its place in the structure of human resources mobilization of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. The article provides statistical data on the annual replenishment of the Russian Army with lower military ranks, analyzes the structure, composition and changes in the number of lower military ranks of the SibVO in the context of its territory. The dynamics of the number of conscripts who entered military service in the Russian Army in the status of lower military ranks from 1890 to 1901 is determined. The number and composition of the SibVO human resources mobilization and the dynamics of changes in the number of lower military

ranks of the District during the Russian-Chinese armed conflict in 1900–1901 are analyzed. On the example of the Akmola, Semipalatinsk and Yakutia regions which were the parts of the SibVO, the author considers the features of relations between state authorities and representatives of the aboriginal population of the regions in the implementation of the provisions of the Charter on military service. Much attention is paid to the order of military service by lower military ranks, their legal status and types of material support. Special emphasis is placed on the legal status of lower military ranks serving in military units and formations of the SibVO, social and economic aspects of their military service, and measures of state social support for lower military ranks are analyzed. The lower ranks who entered the service acquired the right to education, sanitary and medical services, state social protection and maintenance. The army also acted as an elevator of social mobility.

Keywords: Lower military ranks, Ministry of war, Siberian Military District, mobilization reserve, human resources, legal status, military service, Russian-Chinese armed conflict, mobilization, lower reserve military ranks, cantonment

For citation: Rostov I.D., Panchenko I.A. (2021) Legal and socio-economic status of the lower military ranks of the Siberian Military District at the turn of the XIX–XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 195–204. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-195-204

К концу XIX в. нижние воинские чины стали самой многочисленной категорией военнослужащих как регулярной Российской армии, так и ее мобилизационного людского резерва. На рубеже веков они являлись одной из важнейших социальных групп российского общества. Начало двадцатого столетия характеризовалось для Российской империи многими как положительными, так и отрицательными переменами, в числе которых: перевооружение армии, развитие системы государственного заказа, интенсивное железнодорожное строительство, активные процессы переселения, освоение Сибири и Дальнего Востока, испытание войной и обострение социальных конфликтов (Чугунов, 2018. С. 58). Вызовы времени определили траекторию развития и Российской армии, которая к началу XX в. подтвердила статус важнейшего государственного института и приобрела роль лифта социальной мобильности.

Обширную базу исследования составили статистические источники и отчеты. Благодаря комплексному обзору «Всеподданнейших отчетов о действии военного министерства» и обзоров Томской, Тобольской, Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской и Якутской областей удалось определить численность призывников, поступавших на службу в ряды Российской армии, в статусе нижних воинских чинов. При этом одним из важнейших источников явилась Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. и ее тома, посвященные регионам Сибирского военного округа (СибВО). Благодаря обширному территориальному охвату, этот источник позволил детально рассмотреть социальный состав населения и провести статистические расчеты по выявлению численности мобилизационных людских ресурсов на территории округа.

Особое внимание при разработке темы исследования было уделено работам В.А. Копылова, В.П. Милюхина, Ю.А. Фабрики, В.И. Баяндина, Ю.П. Горелова, Н.Д. Ростова и И.А. Еремина, в которых реконструированы основные вехи военной истории Западной Сибири: военное управление, выдающиеся военные деятели, роль военных в социокультурной жизни региона (Баяндин, 1997; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Фабрика, 2001; Западная Сибирь…, 2014). Вместе с тем большой интерес представляют работы С.В. Скобликова, где автор характеризует категории нижних воинских чинов и проводит работу по оценке их численности в Западной Сибири во второй половине XIX– начале XX вв. (Скобликов, 2017b)[1]. Также, в современной сибирской историографии существуют отдельные публикации, специально посвященные категории нижних воинских чинов. Ю.М. Гончаров рассмотрел их состав и численность в городах Сибири (Гончаров, 2002). В его работах, посвященных повседневной жизни и быту различных сословий Сибири, неоднократно упоминаются сюжеты и аспекты правового положения нижних воинских чинов. Обширен и

[1] Скобликов С.В. Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX–начале XX века (по материалам Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2017b. 194 с.

массив публикаций начала XX века, которые сейчас можно рассматривать как опубликованные источники (Гончаров, 2014; Скубневский, 2014; Крицкий, 1900[2]).

Благодаря преобразованиям военного министра Д.А. Милютина в середине XIX в. военным министерством стал реализовываться ряд социальных функций, которые значительно повлияли на жизнь российского общества в сфере образования, социальной поддержки населения и медицины. Ключевыми для армии стали преобразования в социально-правовом поле. В 1874 г. был принят Устав о воинской повинности, в котором впервые четко регламентировались взаимоотношения между гражданином и государством в вопросе прохождения военной службы. С принятием этого документа неэффективная в современных условиях рекрутская система комплектования заменялась всеобщей воинской повинностью. Защита Престола и Отечества объявлялась священной обязанностью каждого российского подданного, а мужское население, независимо от социального статуса, подлежало к поступлению на военную службу (Всеподданнейший отчет…, 1892–1903. С. 2, 23[3]; Первая Всеобщая перепись…, 1904–1905. С. 78[4]).

Процесс прохождения военной службы в конце XIX – начале XX в. включал три этапа. Первый – нахождение в статусе военнообязанного. Второй – поступление на службу в войска в правовом статусе нижнего чина. Третий – перечисление в запас и приобретение правового статуса нижнего запасного чина (Всеподданнейший отчет…, 1892–1903. С. 7)[3]. К началу XX века в Российской армии наблюдался значительный рост численности категории нижних воинских чинов. С 1890 по 1901 гг. их количество возросло на 173 тыс. чел., а общий темп прироста к 1902 г. составил 20 % с 831 тыс. чел. до 1 млн 5 тыс. чел. (табл. 1) (Обзор…, 1891–1902)[5].

В среднем на службу ежегодно поступали 275 тыс. новобранцев. При этом, как свидетельствуют источники, в войсках наблюдался значительный недокомплект офицерского состава и медицинских служащих. Развитие военно-окружной системы в Российской империи в середине XIX столетия позволило военному руководству более мобильно управлять людскими ресурсами. Одним из наиболее крупных военных округов являлся Сибирский (табл. 2). Процессы преобразований в его структуре в конце XIX в. оказали существенное влияние на распределение мобилизационных потенциалов регионов, входящих в его состав (Кузнецов, 2018. С. 138). Приказом по Военному ведомству № 161 от 18 июня 1899 г. Омский и Иркутский военные округа были объединены с новым наименованием: Сибирский военный округ. В его состав были включены: Томская, Тобольская, Енисейская и Иркутская губернии, а также Акмолинская, Семипалатинская и Якутская области (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012. С. 167; Первая Всеобщая перепись…, 1904–1905. С. 167)[4].

Реорганизация столь крупного административно-территориального объединения явилась значимым событием для системы распределения численности людских ресурсов, направляемых для прохождения военной службы. В структуре военно-окружной системы Российской империи Сибирский военный округ, территориально располагаясь между Европой и Азией, занимал положение одного из крупнейших источников мобилизационных пополнений в случае вооруженных конфликтов.

В мобилизационном резерве СибВО в 1897 г. состояло 86 526 нижних чинов запаса, численность которых к 1900 г. увеличилась до 98 850 чел. (Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995. С. 120). На начало исследуемого периода мобилизационные людские ресурсы округа предположительно составляли 497717 чел., значительная часть из которых приходилась на Томскую губернию. При средней числен-

[2] Крицкий П.Н. Сборник постановлений по воинской и военно-конской. СПб., 1900. 1028 с.

[3] Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1890–1901 год. СПб., 1892–1903.

[4] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXV, LXXVIII, LXXIX, LXXXI, LXXXIII, LXXXIV. СПб., 1904–1905.

[5] Обзор Томской губернии за 1890–1901 год: Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1891–1902.

Таблица 1. **Ежегодное пополнение Российской армии нижними воинскими чинами с 1890 по 1901 гг.**
Table 1. **Annual replenishment of the Russian Army with lower military ranks from 1890 to 1901**

Год	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1899	1900	1901	В среднем в год
Тыс. чел.	260	260	262	262	270	261	271	282	286	291	297	275

Примечание: посчитано по материалам Всеподданнейших отчетов о действиях военного министерства за 1890–1901 гг.

Таблица 2. **Расчет мобилизационных людских ресурсов СибВО на 1897 г.**
Table 2. **Calculation of the mobilization human resources of the Siberian Military District for 1897**

Регион	Мужское население	Возрастная группа (20–39) лет	Инородцы	Войсковые казаки	Неспособные к службе по болезни	Военнослужащие	Итого	В процентах
1	359123	107723	224936	32008	387	3406	35414	7,12
2	286767	84233	24217	4170	404	3174	66956	13,45
3	274097	86133	60409	2575	388	6941	34852	7
4	362292	114386	324464	14356	368	2755	16743	3,36
5	689239	182599	43319	414	3698	2705	138701	27,87
6	961932	250860	60214	5067	1267	3539	197985	39,78
7	137457	42096	117458	916	342	368	7066	1,42
Итого по СибВО							497717	100

Примечание: посчитано по материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.; 1 – Акмолинская область, 2 – Енисейская губерния, 3 – Иркутская губерния, 4 – Семипалатинская область, 5 – Тобольская губерния, 6 – Томская губерния, 7 – Якутская область.

ности нижних чинов запаса в округа в период с 1897 по 1899 гг. – 80 125 чел. на Томскую губернию приходилось 39,78 %. Так в период проведения летней мобилизации в связи с началом русско-китайского вооруженного конфликта 1900–1901 гг. в Томской губернии было призвано и поступило в войска 36 062 нижних запасных чинов (Обзор Томской губернии…, 1891–1902. С. 26)[5]. Статистика проведенных призывных кампаний с 1890 по 1901 гг. также показывает, что в структуре людских ресурсов среди регионов СибВО большая численность новобранцев приходилась на Томскую (40 %) и Тобольскую губернии (28 %) (Дацышен, 2014. С. 120; Обзор Тобольской губернии…, 1891–1902. С. 29)[6]. Данные по исполнению воинской повинности в Акмолинской области в статистических источниках отсутствуют, что характеризуется освобождением от воинской повинности автохтонных народов Средней Азии и Восточной Сибири. Обязанность прохождения военной службы возлагалась в таких регионах, в основном, на казачье сословие. В свою очередь, на кочевое население возлагалось исправление дорог на принадлежащих им владениях. За поставку топлива, юрт и баранов для проходящих воинских команд

[6] Обзор Тобольской губернии за 1890–1901 год: Приложение к всеподданнейшему отчету тобольского губернатора. Тобольск, 1891–1902.

представители автохтонного населения получали денежное вознаграждение. Отдельный интерес представляет роль таких регионов как Якутская область, в которой наблюдалась низкая плотность этнически русского населения. В общем обозрении Якутской области с 1892 по 1902 гг. составителями отмечалось, что «К числу натуральных повинностей, отправляемых населением Якутской области, следует отнести еще воинскую повинность. Из нее изъяты все местные инородцы, а также лица всех сословий Вилюйского, Верхоянского и Колымского округов. … До сих пор к отбыванию воинской повинности привлекаются лишь не инородческие сословия двух призывных участков – Якутского и Олекминского» (Общее обозрение Якутской области…, 1902. С. 67–68).

Таким образом, наибольшую численность в Российской армии составляли представители категории нижних воинских чинов. В Сибирском военном округе наиболее емкими регионами с точки зрения распределения людских ресурсов являлись Томская и Тобольская губернии. Правовой статус нижнего чина приобретался молодым гражданином с момента его принятия на действительную военную службу. При этом в регионах, в которых преобладало автохтонное население, обязанность по исполнению воинской повинности возлагалась на казачье сословие.

Правовое положение нижнего чина в Российской армии предполагало ряд обязанностей и прав, регулируемых «Уставом внутренней службы в пехотных войсках» и «Уставом о воинской повинности». К категории нижних чинов относились: рядовые и унтер-офицеры в пехотных войсках, в артиллерии – фейерверкеры, в казачьих войсках – урядники и казаки. Нижние чины, удовлетворявшие условиям для производства в офицеры или в классный чин, получали звания подпрапорщиков в пехотных войсках, подхорунжих в казачьих, эстандарт-юнкеров в кавалерии и кандидатов на классную должность в пехоте. Рядовыми считались все строевые нижние чины, на флоте они именовались матросами. Ефрейторами назначались нижние чины за добросовестное несение службы. Также при недостатке унтер-офицеров ефрейторы могли быть назначены отдельными начальниками (Нижние чины, 1897).

Обязанности нижних чинов определялись II главой Устава о воинской повинности в редакции 1891 г. и разделялись в соответствии с их служебным состоянием. Таких состояний было четыре, два из которых строевые нижние чины – рядовой и ефрейтор, два не строевые – ротный писарь и офицерская казенная прислуга. Как следовало из п. 33 Устава: «Рядовой, как и всякий воинский чин, есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних. Каждому воинскому чину надлежит быть: благочестивым, беспредельно преданным Государю и Отечеству и правдивым, беспрекословно повиноваться начальству, быть храбрым в сражениях и терпеливо переносить все тягости, которые подчас бывают неизбежны; присягу же, как основание всех этих добродетелей, хранить свято и ненарушимо» (Устав…, 1891. С. 9)[7].

В пункте 46 Устава устанавливалось, что «нижние чины должны быть чистоплотны и опрятны» и для этого соблюдать определенные правила, которые разделялись на группы. Первая определяла: «Встав утром, убрать постель, вычистить мундирную одежду, пуговицы, амуницию и сапоги; починить, что есть разорванного, осмотреть и протереть ружье; умыть лицо, шею, руки, промыть глаза, вытираясь при этом непременно своим полотенцем, выполоскать рот, причесаться; затем, помолившись Богу, вполне исправным явиться к утреннему осмотру». Также рядовой должен был посещать баню не менее двух раз в месяц, а белье менять не менее одного раза в неделю. Ноги содержать в чистоте, как можно чаще обмывая их прохладной комнатной водой, особенно в жаркую погоду и чаще менять портянки. Коротко стричься, ежедневно расчесываться гребенкой. Бороду иметь расчесанную, в случае ее отсутствия, быть чисто выбритым. Белья не занашивать и не носить сырой одежды. В назначенный день рядовые обязаны были выбивать подушки

[7] Устав о внутренней службе в пехотных войсках: с исправлениями и дополнениями на основании приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, объявленных по сентябрь 1891 г. СПб., 1891. 163 с.

и постель. После учений, особенно летом, в казарме промывать глаза чистой водой (Устав…, 1891. С. 17–22)[7].

Неотъемлемым элементом организации военной службы являлось определение старшинства среди нижних чинов, которое зависело от званий ефрейтора, унтер-офицера, фельдфебеля и подпрапорщика. В случаях отсутствия назначений на должность ефрейтора, старшинство определялось по длительности нахождения на службе. В группе унтер-офицеров старшинство распределялось в следующей последовательности: младшие унтер-офицеры, старшие унтер-офицеры, фельдфебели (Устав…, 1891. С. 23)[7].

Ефрейторы и младшие унтер-офицеры назначались старшими в командах, а старший унтер-офицер в руководство ротой. Фельдфебель имел старшинство во взводах. Данная группа военнослужащих российской армии классифицировалась как начальствующие нижние чины. Их обязанности подразделялись на административные, хозяйственные, санитарные и образовательно-воспитательные (Скобликов, 2017а. С. 137, 138). Обязанности начальствующих нижних чинов включали: учет наличного состава; знание психологических особенностей подчиненных и их предрасположенности к той или иной деятельности; наблюдение за соблюдением цензуры и недопущение в обращении среди рядового состава запрещенной литературы. К санитарным относилась забота о здоровье рядового состава. Образовательно-воспитательные обязанности начальствующих нижних чинов предполагали поддержание дисциплины и порядка, воспитание в солдате сознания святости присяги и высокого значения воина. Помимо обязанностей, нижние чины имели личные, административные и семейные права. Согласно «Уставу внутренней службы в пехотных войсках» нижние чины имели право на достойное проживание, полное казенное обеспечение, медицинское обслуживание и получение образования, «… необходимого для знания военного дела» (Устав…, 1891. С. 26–86)[7].

В конце XIX – начале XX в. нижним чинам полагались следующие виды довольствия: денежное, вещевое, приварочное и провиантское. Военнослужащий имел право получать жалование без вычетов и взиманий. Как отмечает В.И. Баяндин, Западная Сибирь была регионом с достаточно низкими ценами на продовольствие и поэтому суммы, выделяемые на провиант и приварочное довольствие для солдат округа, были самыми маленькими и составляли 24 рубля в год на одного нижнего чина. В целом по всем военным округам эта сумма была 35 руб. 8 коп. При этом жалование рядового нижнего чина в начале XX в. составляло 2 руб. 80 коп. в год и выдавалось один раз в четыре месяца, в размере 93 коп. (Баяндин, 2002. С. 72). Согласно циркуляру Главного штаба от 8 ноября 1899 г. по провиантскому, приварочному, чайному и фуражному довольствиям на одного солдата в среднем приходилось 3 фунта печеного хлеба в сутки. Существовали требования к поддержанию температурного режима, который в местах проживания нижних чинов не должен был быть ниже 17 C^o – в зимнее и 19 C^o – в летнее время (Горновский, 1899. С. 30).

Помимо жалования, нижним чинам полагались «амуничные» деньги в размере 45 коп., которые расходовались военнослужащими на шитье белья и материалы для чистки амуниции. Нижний чин также имел право на получение 25 коп. на третью рубаху, 55 коп. – на мелкий прибор и чернение сапог. В среднем дополнительные годовые выплаты составляли 1 руб. 25 коп. Находясь на военной службе, нижние чины сохраняли также и право распоряжения личными средствами. На территорию части военнослужащий мог пронести личные деньги через посредничество ротного командира. Письма с денежными купюрами подвергались учету и вносились особой отметкой в записную книжку нижнего чина (Устройство войск…, 1891. С. 57)[8].

Анализируя права нижних чинов на денежные выплаты, следует отметить, что в Томской губернии военнослужащему этих средств было недостаточно. Исследователь О.В. Гефнер, описывая бытовое положение нижних чинов, указывает, что для того, чтобы заработать и улучшить питание, солдаты занимались покупкой скота, заготовкой впрок мяса и продажей шкур. При этом следует отметить, что в

[8] Устройство войск, служба и довольствие солдата. СПб., 1891. 81 с.

связи с растущей инфляцией на региональном потребительском рынке Томской губернии жалование, выдаваемое нижним чинам один раз в квартал в размере 93 коп., не покрывало даже 40 % стоимости потребительской корзины (Гефнер, 2008. С. 142; Окулич, 1900. С. 5–9; Систематический сборник…, 1887. С. 142[9]; Рудченко, 1880. С. 3–5[10]).

Нижние чины имели право на денежное вознаграждение в размере 3 коп. в сутки в случае, если они конвоировали арестантов военно-исправительных рот и исправно трудились при инженерных работах. Факт владения нижним чином дополнительными умениями, полезными для воинской части и занятие им мастеровых должностей, также поощрялся из расчета 15 копеек в год на одного занятого в хозяйстве нижнего чина. Военнослужащие, находящиеся как на строевой, так и не строевой службе, разделялись на 5 разрядов. Наибольшие суммы полагались старшему составу группы нижних чинов. На такие же суммы могли претендовать и нестроевые нижние воинские чины. Самым скромным вознаграждением пользовались рядовые, при этом рядовые штрафных воинских частей получали лишь на 30 коп. меньше солдат, проходивших военную службу исправно. Раздача денег производилась раз в год 30 августа, в день тезоименитства Государя Императора (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО.) Ф. 14. Оп. 1. Д. 1041. Л. 60).

В связи с ростом численности нижних чинов в Российской армии и недостаточным количеством командного состава военное руководство стремилось удержать на сверхсрочной службе хорошо подготовленных нижних чинов. В правовом дискурсе это выражалось в заманчивых предложениях. Например, в соответствии с Высочайше утвержденным приказом № 225 и Положением Военного Совета определялось, что: «…нижним чинам, награжденным по выслуге обязательного срока службы, за воспитание в школах солдатских детей и отказ от отставки назначать при увольнении от службы, установленные законом пенсии» (Систематический сборник…, 1887. С. 637)[9].

Более детально, анализируя группу личных прав и преимуществ нижних чинов, приобретаемых ими при поступлении на действительную военную службу, следует отметить циркуляр № 63, Высочайше утвержденный Военным Советом 7 февраля 1881 г. Документом определялось, что имущество военнослужащих и долги не могут быть задержаны и взысканы с них до отбытия срока действительной службы. Более того, нижние чины были вправе управлять своим имуществом через поверенных лиц или специальных управляющих (ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1041. Л. 595–597).

Следует отметить, что потребность армии в совершенствовании системы военного образования нижних чинов, реализовывалась различными способами. Одной из действенных форм воспитания являлось посещение театров. В соответствии с п. 220 Устава о внутренней службе в пехотных войсках нижние чины имели право на посещение театров. При этом имелся ряд ограничений в соответствии с системой чинопочитания. При посещении театров в столичных городах рядовым нижним чинам предписывалось находиться в ложах, начинавшихся с 3-го яруса, на балконах в галереях и смотреть театральную постановку только стоя. В свою очередь нижние чины унтер-офицерского звания были вправе расположиться в креслах и ложах, но не ближе 7 ряда в первом и не ниже 2 яруса во втором случаях (Мартынов, 2012. С. 127; Систематический сборник…, 1887. С. 5)[9].

В структуре личных прав нижних чинов имелось право на получение отпуска или увольнения по состоянию здоровья как из войск в целом, так и для прохождения лечения. Порядок признания нижних воинских чинов нуждающимися в предоставлении отпуска или в увольнении со службы по состоянию здоровья определялся «Временными правилами для перечисления строевых нижних чинов, по болезням и телесным недостаткам на строевые должности и для увольнения вообще нижних чинов, по расстроенному здоровью в отпуск и вовсе от службы» (Устав…, 1891. С. 54)[7].

[9] Систематический сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 по 1 января 1887 года. СПб., 1887. 1988 с.
[10] Рудченко И.Я. Сборник узаконений и распоряжений о воинской квартирной повинности. Киев, 1880. 420 с.

В случаях передвижения воинских частей и соединений в военное время или в ходе проведения поверочных мобилизаций и учебных сборов, нижние чины имели право на квартирное довольствие, которое получали натурой или деньгами. В соответствии с пунктом 242 «Устава о земских повинностях» войска при передвижении получали предварительное согласие губернатора для размещения в городах в соответствии с расписанием, согласованным с Императором. Подготовка квартир проводилась земскими, городскими и полицейскими управлениями, в задачи которых входило и обеспечение безопасности населенных пунктов в период передвижения крупных воинских контингентов. Чаще всего военнослужащие размещались в казармах. В случае нехватки мест они расселялись по обывателям. При мобилизационных мероприятиях нижние воинские чины были вправе получать от обывателей теплые покои с целыми окнами и дверьми. При квартировании нижним воинским чинам от хозяина полагался стол и вся необходимая утварь – ведра, ушаты, лопаты и топоры. Постойные воинские чины были вправе требовать от хозяев одну кровать на трех человек (Арефа, 1895. С. 274, 285, 289)[11].

В соответствии с пунктом 5 Положения о «Преобразовании воинской квартирной повинности» и приложением первым к статье 255 «Устава о земских повинностях» 1890 г., все местности Российской империи распределялись на V разрядов. Например, Томск относился к V, а Барнаул – к IV разряду. Каждому из них соответствовал определенный размер выплат квартирного довольствия. Самые большие выплаты полагались чинам в местностях I разряда. Более скромные квартирные деньги получали нижние чины V разряда. На время постоя у сельских и городских обывателей последние харчевались у хозяев. В основу разделения местностей на разряды была положена себестоимость дров на приготовление пищи и отопление помещений, исчисляемая на каждого нижнего воинского чина в год. Стоимость дров в Барнауле составляла 3 руб., а в Томске 2 руб. 50 коп. Из расписания годовых квартирных окладов для нижних чинов со стоимостью отопления и освещения, топлива на варку пищи и хлебопечение следовало, что месячные квартирные выплаты нижнему воинскому чину в Томске и Барнауле составляли от 30 до 50 коп. (Езерский, 1894. С. 75–86; Арефа, 1895. С. 147–149[11]).

Таким образом, правовой статус нижних воинских чинов в исследуемый период представлял собой совокупность прав и обязанностей, предоставляемых им законодательством Российской империи. С поступлением на военную службу они приобретали право на образование, санитарное и медицинское обслуживание, социальную защиту и содержание за счет государства. Группы обязанностей начальствующих нижних чинов подразделялись на: административные, образовательные и санитарные. Специфика военной службы формировала у нижних воинских чинов мотивацию к личностному росту и добросовестному служению Отечеству. Для нижних воинских чинов, которые за время службы получали благодарности, награды за военные кампании, повышения в звании, армия выполняла роль лифта социальной мобильности.

[11] Арефа Н.И. Сборник действующих узаконений о квартирном довольствии войск, с разъяснениями по циркулярам Министерства внутренних дел и Главного штаба. СПб., 1895. 256 с.

Библиографический список

Баяндин В.И. Военное управление Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1997. С. 39–43.

Баяндин В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–75.

References

Bayandin V.I. (1997) Military administration of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. *Problemy istorii mestnogo samoupravleniya Sibiri XVII–XX vv. = Problems of the history of local self-government in Siberia in the 17th – 20th centuries.* Novosibirsk. P. 39–43. (In Russ.)

Bayandin V.I. (2002) Nutrition of a Russian soldier in the second half of the 19th – early 20th century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*. No. 2. P. 69–75. (In Russ.)

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Нижние чины // Энциклопедический словарь. Т. XXI. СПб., 1897. С. 49.

Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов Русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. 2008. № 2 (18). С. 138–147.

Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 128–133.

Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 348 с.

Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. 238 с.

Горновский П.П. Раскладки по провиантскому, приварочному, чайному и фуражному довольствиям. СПб., 1899. 105 с.

Дацышен В.Г. Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900–1901 гг. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (22). С. 119–128.

Езерский С.И. Квартирное довольствие войск. СПб., 1894. 126 с.

Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Кузнецов М.Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 136–149.

Мартынов В.Ф. Исторический опыт Российского государства в укреплении воинской дисциплины во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2012. № 7. С. 124–127.

Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. Якутск, 1902. 104 с.

Окулич И.К. Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1899 год. Томск, 1900. 9 с.

Скобликов С.В. Унтер-офицерский состав Российской армии середины XIX– начала XX в. // Известия Ал-

Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (2012) History of the military district system in Russia, 1862–1918. Moscow: Tsentrpoligraf. 463 p. (In Russ.)

Brokgauz F.A., Efron I.A. (1897) Low ranks. Entsiklopedicheskii slovar'. Vol. XXI. St. Petersburg. P. 49. (In Russ.)

Gefner O.V. (2008) Everyday life of the lower ranks of the Russian Army in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*. No. 2 (18). P. 138–147. (In Russ.)

Goncharov Yu.M. (2002) The military personnel as part of the population of the cities of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v 17–20 vv.: obshchee i osobennoe = Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th and 20th centuries: general and special.* Iss. 2. Novosibirsk. P. 128–133. (In Russ.)

Goncharov Yu.M. (2014) Essays on the everyday life of Siberian citizens in the second half of the 19th – early 20th century. Monograph. Barnaul: Altai State University. 348 p. (In Russ.)

Gorelov Yu.P., Guseva O.V., Eremin I.A., Rostov N.D. (2014) Western Siberia in the world wars of the twentieth century: monograph. In. 2 vol. Book. 1. Western Siberia in the First World War. Barnaul: Altaiskii Dom pechati. 238 p. (In Russ.)

Gornovskii P.P. (1899) Layouts for provisions, welding, tea and fodder rations. St. Petersburg. 105 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2014) Siberian Military District during the military campaign in China in 1900–1901. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 6 (22). P. 119–128. (In Russ.)

Ezerskii S.I. (1894) Housing allowance for troops. St. Petersburg. 126 p. (In Russ.)

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. (1995) Siberian Military District. The first pages of history (1865–1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.)

Kuznetsov M.Yu. (2018) Features of the organization of management of local troops of the East Siberian Military District in 1865–1884. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 3 (28). P. 136–149. (In Russ.)

Martynov V.F. (2012) Historical experience of the Russian State in strengthening military discipline in the second half of the XIX – early XX century. *Vlast' = Vlast' (The Authority).* No. 7. P. 124–127. (In Russ.)

(1902) General overview of the Yakutsk region 1892–1902. Yakuts. 104 p. (In Russ.)

Okulich I.K. (1900) Brief agricultural survey of Tomsk province for 1899. Tomsk. 9 p. (In Russ.)

Skoblikov S.V. (2017a) Non-commissioned officers of the Russian army in the mid-19th – early 20th century. *Iz-*

тайского государственного университета. 2017а. № 2 (94). С. 135–139.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.

Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. 249 с.

Чугунов Е.В. Военно-стратегические комплексы на великом сибирском железнодорожном пути конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. Т. 20. № 3. С. 57–70.

vestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University. No. 2 (94). P. 135–139. (In Russ.)

Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M. (2014) Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century: Population. Economy. Development and improvement. Barnaul: IP Kolmogorov I.A. 252 p. (In Russ.)

Fabrika Yu.A. (2001) Siberian shield (the formation of the Siberian army and military leaders of Siberia). Novosibirsk. 249 p. (In Russ.)

Chugunov E.V. (2018) Military-strategic complexes on the Great Siberian Railway Track of the late 19th – early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta = Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building*. Vol. 20. No. 3. P. 57–70. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ростов Николай Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, профессор кафедры философии и социологии,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46, Россия,
✉ e-mail: ndrostov@mail.ru

Панченко Илья Анатольевич,
аспирант кафедры отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кв. 20, Россия,
✉ e-mail: panhcenko.foh@mail.ru

Information about the authors

Nikolay Dm. Rostov,
Dr. Sci (History), professor of the Academy of military sciences, Professor of the Department of Communicative, Socio-Cultural and Educational Technologies,
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
46, Lenin Avenue, Barnaul 656038, Russia,
✉ e-mail: ndrostov@mail.ru

Ilya A. Panchenko,
Postgraduate student of the Department of National History,
Altai State Pedagogical University,
apartment 20, 55, Molodeshnaya street, Barnaul 656031, Russia,
✉ e-mail: panhcenko.foh@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 28 декабря 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 30 января 2021 г.
Принята к публикации 10 февраля 2021 г.

Article info

Received December 28, 2020.
Received January 30, 2021.
Accepted February 10, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 940.5
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-205-213

The development of navy skill in the Russian-Japanese War of 1904–1905: concise description

© Igor V. Naumov[a], Jan Wisniewski[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Nicolaus Copernicus University, Torun, Poland

Abstract: This research is devoted to elucidate the development of navy skill during to the Russian-Japanese War of 1904–1905. This war caused by the struggle for hegemony in the Eastern Asia between two countries takes a special place in the history. This war was the largest among the first wars of steam fleet epoch. All sorts of navy arms were widely used during this war. The Russian and Japanese plans of sea war were based on the theory of "Mahen-Colomb". Germany and Austria-Hungary saw in the events in Manchuria an evidence of the military weakness of Russia, which became the basis for their unjustified self-confidence in the 1914. Modern researches are based on well-known facts, they involve new sources into circulation, and overcome the predetermined ideological interpretations. The previous theoretical and methodological approaches are being revised. In historiography, especially in Russia, a spectrum of interpretations of an exceptional diversity is preserved. There is a persistent desire, if necessary, to expand. The newest theoretical and technical elaborations were tasted in this war. This war was the starting point and the powerful impulse for a future rapid development of all navy skill branches of leading world-powers. The fighting sides were developing all navy skill branches already during this war. There are highlighted the development of the tactics of light forces of fleet as well as the using of the mine-torpedo weapon and coordination fleet and ground forces.

Keywords: artillery, armor-plated ship, art, cruiser, manoeuvre, mine, torpedo boat, scouting, tactics, torpedo, fleet, squadron

For citation: Naumov I.V., Wisniewski J. (2021) The development of navy skill in the Russian-Japanese War of 1904–1905: concise description. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 205–213. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-205-213

Развитие военно-морского искусства в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: краткое описание

© И.В. Наумов[a], Я. Висьневски[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Университет Николая Коперника, Торунь, Польша

Аннотация: Данное исследование посвящено выяснению развития военно-морского мастерства в период Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг., вызванная борьбой за гегемонию в Восточной Азии между двумя странами, занимает особое место в истории. Эта война была самой крупной среди первых войн эпохи парового броненосного флота. Различные виды морского вооружения широко использовались в ходе этой войны. Русский и японский планы морской войны основывались на известной теории «Махен-Коломба». Одним из последствий Русско-японской войны стало то, что Германия и Австро-Венгрия сочли боевые действия в Маньчжурии и на Тихом океане свидетельством военной слабости России. Это в свою очередь породило необоснованную самоуверенность центральных держав в 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны. Современные исследования опираются и на общеизвестные факты, и вовлекают в оборот новые источники, и преодолевают предрешенность идеологических трактовок. Пересматриваются прежние теоретико-методологические подходы. В историографии, особенно российской, сохраняется исключительный по разнообразию спектр трактовок. Налицо настойчивое стремление при необходимости расширить контекст рассмотрения и избежать упрощенный подход к проблемам. В Русско-японской войне были опробованы новейшие теоретические и технические разработки. Эта война явилась отправной точкой и мощным импульсом для даль-

нейшего стремительного развития всех отраслей военно-морского мастерства ведущих мировых держав. Воюющие стороны развивали все отрасли военно-морского мастерства уже во время этой войны. В ней освещены: развитие тактики морского боя, совершенствование действий легких сил флота и использование минно-торпедного оружия, а также организация взаимодействия флота и сухопутной армии.

Ключевые слова: артиллерия, броненосец, искусство, крейсер, маневр, мина, миноносец, разведка, тактика, торпеда, флот, эскадра

Для цитирования: Наумов И.В., Висьневски Я. Развитие военно-морского искусства в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: краткое описание // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 205–213. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-205-213

The outcome of the Russian-Japanese War of 1904–1905 had a decisive influence on international relations such as on Russia's influence in the world, and the authority of the Russian monarchy within the country and in the world. For example, there is very widespread thesis that during the existence (from the beginning of the 18th century) of the Russian Navy, it participated in 24 major battles, of which it won 23 and lost in one – Tsushima. Germany and Austria-Hungary saw in the events in Manchuria evidence of the military weakness of their eastern neighbor, which became the basis for their unjustified self-confidence in the summer and autumn of 1914.

Russia's deliberate non-intervention in the Bosnian crisis of 1908–1909 allowed Austria-Hungary in 1914 to believe that Russia would retreat at the last minute and would not help Serbia. The disappearance of the factor of earlier (before 1905) powerful Russian Baltic Fleet became an additional basis for Germany's offensive rather than defensive behavior. Military actions were reported in the press of the largest naval powers, ec. in Germany. “Taschenbuch der Kriegsflotten” 1904, 1905, 1906 (Der japanisch-russische Seekrieg, 1911).

However, the low assessment of the military power of the Russian Empire turned out to be deeply mistaken. The Russo-Japanese War became a timely combat exam, following which a comprehensive “correction of mistakes” was carried out. The military industry of Russia, especially the shipbuilding industry, had received serious development. Both land and sea combat experience had been systematically and comprehensively analyzed. Great successes had been achieved in military theory, as well as in mobilization practice and the general development of the national economy.

Modern researches are based on well-known facts, they involve new sources into circulation, and overcome the predetermined ideological interpretations (Chistyakov, 1988; Mel'nikov, 1989; Chistyakov, 2008; Likharev, 2009). The previous theoretical and methodological approaches are being revised (Fedorov, 2005[1]; Antipin, 2013[2]; Frolov, 2018[3]). In historiography (Zolotarev, Kozlov, 1990; Diskant, 2003), especially in Russia, a spectrum of interpretations of an exceptional diversity is preserved (Galenin, 2009; Bol'nykh, 2010; Gribovskii, 2012; Airapetov, 2014; Balakin, 2017; Lisitsyn, 2020, P. 220–232, 384–413). There is a persistent desire, if necessary, to expand

[1] Fedorov N.V. (2005) The theory of “sea power” of Admiral A.T. Mahan and its influence on the naval policy of the Great Powers: 1890–1914: dissertation ... Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg. 211 p.(In Russ.)

Федоров Н.В. Теория «морской силы» адмирала А.Т. Мэхэна и ее влияние на военно-морскую политику великих держав: 1890–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2005. 211 с.

[2] Antipin N.A. (2013) Russo-Japanese War in the cultural memory of the Russian society: 1904–2000s: Dissertation ... candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk. 248 p. (In Russ.)

Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества: 1904–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 248 с.

[3] Frolov I.A.(2018) Russo-Japanese war of 1904–1905 in the Russian historiography of 1904–1917: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow. 38 p. (In Russ.)

Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2018. 38 с.

the context of consideration and to avoid a simplified approach to problems.

The race of the leading world-powers for navy armaments and connected with it the rapid progress of military technique in the last decades of the XIX century set the problem of the most effective use of new navy forces. Many theories devoted to solving the task appeared at that time. Two of them got most widely spread among military sailors of the world.

One of them is the theory of "Mahen-Colomb" whose authors were an American A. Mahen and an Englishman F. Colomb. And the other is the theory of "Young school" created in France. A sharp rival began among the supporters of those two theories at the end of XIX century and at the beginning of the XX century.

By the theory of "M.-C." the sea war is an independent war of fleets. The main idea of this theory is to get a domination on the sea by a decisive and general battle of ironclad forces. According to the theory this battle should be an artillerist duel of ironclads in which the strongest would win. They offered to increase the class of ironclads and to perfect artillerist arming. And all other navy forces should just be an appendage to the ironclad forces. The authors forgot about interaction of navy and land forces. The "Young school" theory denies the decisive importance of the general battle of ironclad forces in a sea war. The authors thought that light ships and strong explosives would play the main role in the sea war. The greatest importance was given to the active operations of cruisers.

"The Japanese plan of sea war was based on the theory of «Mahen-Colomb». The idea of a smashing, rapid, sudden blow to the chief Russians forces in the Port-Arthur for getting a domination on the sea was the main idea" (Naumov, 2015. P. 62).

In Russia the preparation of navy to the war and the development of navy skills had more problems. There was no unity of points of view on navy skills on the eve of the war. There was a stubborn straggle between the supporters of the "M.-C." on one side and the supporters of the "Y.s." theory on the other side. The government could not decide what navy fleet Russia needed. "The government could not choose whether it should have been the ocean cruiser fleet with considerable independence of actions on the enemy communications or the ironclads fleet for actions near the coasts. As the result the ships of all types were being built, but not systematically. It was decided that Japan would probably be the opponent in the future war because of the deterioration of Russian-Japanese relations. It was decides only in 1897. The waters of the Far East were decided to be the war theater at the sea. Accordingly the government elaborated the program of building a large amount of ironclads and cruisers with powerful arms and strong armor, but with small radius of operating" (Naumov, 2015. P. 64).

The absence of the unity in questions of tactics had an influence on the readiness of the navy commanders. The level of the fighting knowledge of the navy personnel was high, but the tactics skills of the commanders of ships, detachments, squadrons were low. The role of tactical investigation and the importance of the organization of the navy bases guard against the attacks from the sea was underestimated by Russian navy commanders. So the Russian fleet did not make any intelligence near the Port-Arthur before the war. Only 2 torpedo boats were singled out to guard the outer road stead where the squadron was located and 2 ships with searchlights periodically lighted the road stead. The interaction with the coast artillery was not organized. The beginning of the war showed that all these measures were insufficient. The Japanese made a sudden torpedo boat impact to Russians ships and damage 3 of them.

As the result Russian navy did not have any common conception of the war with Japan and consequently it was not well prepared for the fighting.

The tactic preparation of the Russian navy had been carried out till the death of the vice-admiral S.O. Makarov on the "Petropavlovsk" ironclad on the 13th of April, 1904. Then the tactic preparation was stopped because of the weakening of navy ironclad forces (out of 7 ironclads – 1 was sank, 3 were destroyed and were being repared).

The second big sea fight among Russian and Japanese fleets was the fight on the 10th of August, 1904 in the Yellow sea. It happened when Russian

squadron tried to brake through to Vladivostok from besieged by the Japanese Port-Arthur (where the ships were under artillery bombardment).

The order of the commander-in-chief of the army in the Far East, admiral E.I. Alekseev, to break through to the Vladivostok no matter how made the main influence on the tactic of the Russian fleet in that fight. That is why the Russian fleet did not try to fight with the enemy and put to it the maximal losses but on the contrary avoided the fight and went to Vladivostok. Those considerations caused the passive character of the fight. But the commander of the Russian squadron, contr-admiral V.K. Vitgeft used mistakes of the Japanese in their maneuvering in the first phase of the fight, and the Russian fleet almost broke through Japanese fleet. But the advantage of Japanese ships in speed (18 knots vs. 14.5 knots) helped the Japanese fleet to reach the Russian fleet and to renew the fight with Russians. But because of the chosen passive tactics and the lack of practice in transmitting the commander power the Russian squadron broke up after the perish of V.K. Vitgeft (one part of the ships went to neutral ports following the orders were it was interned – 1 ironclad, 2 cruisers, 4 torpedo-boats, and the most part of the ships – 5 ironclads, 1 cruiser, 3 torpedo boats – returned to Port-Arthur).

The advantage of the Japanese was in the light forces which were not used. The sight-adjustment and firing were difficult because of the artillery fire decentralization. At last, the fight was held without determination because the maneuver of the enveloping and destroying the leaderships was not completed.

The fight in the Yellow sea on the 10th of August, 1904 made a powerful influence on the future development of the tactics. The fight showed the importance of the maneuvering in detachments, the importance of the advantage in speed (only that advantage helped the Japanese to reach the Russians). The revealed increase of big caliber artillery's role was connected with bigger distance of the fight (it was held on a distance of 4,5–2 sea miles, 45–20 cables), the fight also showed the importance of the leading of the fleet and the necessity in reliable signal system, the fight showed the necessity of the central organization of the firing, and, at last, the fight showed that there should have been an interaction of all forces and all means of the navy besides just artillery fire for getting a success on the condition of the active maneuvering.

But only Japanese seamen took a lesson from the fight on the 10th of August. Russians did not use the lesson because the Russian squadron in Port-Arthur was not active after that fight. The 2nd Russian Pacific squadron began its famous campaign to the Far East in October, 1904. They did not use the lesson either (on the reasons described below).

There was no any Russian base on their way of the 2nd Pacific squadron. I was the most important thing to provide the squadron well enough. That complicated task was solved in the following way: the route of the squadron was a secret for safety, an interrupted supply of coal and food was organized, a self moving repairing base was made from specially equipped steamers. Good security was organized on the anchorites because of the experience of Port-Arthur. The detachment of old ships of contr-admiral N.N. Nebogatov (1 ironclad, 3 coast guard ironclads, 1 cruiser) joined to the squadron for strengthening it after the wreck of Port-Arthur squadron ships.

The 2nd Pacific squadron came to the war region in May, 1905. This campaign affected the navy skill development.

The Tsushima fight, the last big fight of the Russian-Japanese war happened on the 27th of May, 1905.

The tactics chosen by Z.P. Rozhdestvensky did not use the experience of that war and in the whole was the reason of the Russian squadron defeat. The plan of the fight was not worked out. There was no conference of the flag-officers and the commanders about the future fight. The questions of transmitting the leadership in the fight were not decided and discussed. The squadron fought in a column consisting of new fast moving and old ships, on the speed of 9 knots.

The skillful tactic actions of the detachment commanders and the new methods of the artillery firing by the squadron volley gave the victory to the Japanese in the Tsushima. The Japanese maneuvered on the high speed of 16 knots.

The Tsushima fight on the 27th of May, 1905 summed up the sea fight tactic development in the Russian-Japanese war. The fight showed the preference of the tactic of enveloping maneuvers to the tactic of fight on parallel courses. The importance of hight speed war was showed in this fight. It was the speed of the ships that gave possibility of making systematically the maneuver of the enveloping to the Japanese. The new method of firing organization made a good job during the fight. The middle caliber gun role decreased because the fire distance became more extended.

The Tsushima fight also showed the necessity of organization of the continuous tactic intelligence. Thus the tactic intelligence became the most important part of the sea fight tactic and the most important part of the success in it.

The Russian Pacific fleet was doing a little, episodical inquiring in the first month of the war. The detachments of torpedo-boats were looking around the coast bays periodically and sometimes were on duty in them at night. There was no search of the enemy. The tactic intelligence expanded after S.O. Makarov's coming to Port-Arthur. The instruction demanded to find the enemy, to define his forces and intentions, to fight him if possible (The Russian-Japanese war…, 1910a. P. 485). The torpedo boat detachments were inquiring day and night in March-April, 1904. Those forces constantly increased. For the first time there were 1–2 (later 9–16) torpedo boats for inquiring (The Russian-Japanese war…, 1910a. P. 486). But the activity of Russian intelligence became lower and ceased after the perish of Makarov. The 2nd Pacific squadron inquiring was done on the four approaches to the future anchorage by the cruisers and the torpedo boats. But there was no inquiring during the campaign. That is why the Russians knew nothing about the position of the Japanese before the Tsushima fight.

Japanese fleet-blockaded Port-Arthur before the descent operation of Japanese forces. The blockade began on the 28th of April, 1904. Investigation was carried out by the blockading ships and went on till the end of the blockade. The radio communication was used during the reconnoitring.

The patrol service-was strengthened in the Korea strait at the end of April. The patrol ships were lined in 2 parlor skirmish chains. There were 12 auxiliary cruisers in the south of the strait and 8 light cruisers in the very strait (The navy actions..., 1910. P. 37).

The sea fight tactic skill got the greatest development during the Russian-Japanese war. The light forces were on the auxiliary role before. The Russian-Japanese war demonstrated the expansion of the sphere of action of the navy forces. During the war the light forces tactic got a big development, and completely new, unsuspected before new forms and methods of the light forces navy fight appeared.

Before the Russian-Japanese war the most important light forces' tasks besides the reconnaissance were torpedo blows and carrying out the cruisers operations on the communications of the enemy. But for some reasons those trends of light forces activity got the least development during the war.

The first torpedo blow fight showed the little radius of torpedo actions and impossibility for torpedo boat (a rather big ship) to come close enough to the enemy to attack it at the day time because of the active counteraction of the last. That is why the torpedo boats were acting basically at night during the war. Besides, the Russian seamen activity was not good enough because the lack of torpedo boats (there were 25 torpedo boats in Port-Arthur) and, especially, of torpedoes.

The cruiser operations were rare. The Japanese navy did not plan and did not carry out those operations at all. The main cause was that Russia did not have large sea communication in the Far East. And on the contrary the island situation of Japan and sea transport gave large opportunities for cruising on its communications and influence upon the war. But the Russian navy did not have enough cruisers for such operation (Klado, 1905. P. 302).

For increasing the cruiser war Russians tried to use the auxiliary cruisers, which were reconstructed from fast commercial steamers. Two of them began to operate in the Red sea and 4 of them near the Hybroltar strait in summer, 1904. But their cruising was not effective and was stopped because they were far away from the place of war actions, because of the

impossibility to determine the military contraband and because of the diplomatic complications. Another try was in May, 1905, when 4 auxiliary cruisers began operations on the Japanese communications in the Pacific Ocean.

Nevertheless the experience was carefully studied and it was used by Germany during the I World War in spite of limitation of the cruiser's operations and their low efficiency.

The mine defense was very important for Russian commanders because of Japanese navy majority. The mine defense plan provided protection of many bays of the Kvantunsky peninsula, the outer road of Port-Arthur, and also protection of Amursky and Ussuryisky bays. In the whole Russians put 1630 mines in obstacle at the beginning of the war (The Russian-Japanese war…, 1910a. P. 91, 355).

But the both sides began to use mines in the attack son after the war beginning. The mine skill tactic was perfected because of this. The minefields were used as one of such actions. And several steamers were reconstructed into the mine boats by the Japanese. The minefielding began in April, 1904. First the mines were laid in 10 miles distance from Port-Arthur, and the Japanese hoped that the night tide would carry mines to the Russian base. The Japanese changed their tactics because that method was not effective. It was decided to put mines on the outer Port-Arthur road stead.

The Japanese repeated the method near Vladivistock, where they laid 715 mines (The navy actions…, 1910. P. 13). The "Gromoboy" ironclad cruiser was heavy damaged on the eve of the Tsushima fight and as a result Vladivostck cruiser detachment could not help the 2nd Pacific squadron.

The minelayer "Amur" laid 50 mines in 11 miles from the port on the 14th of May, 1904. Two Japanese ironclads wrecked on this mines on the next day.

They put contrivances on the 2 torpedo boats for taking 2 mines on each at the beginning of July, 1904. But their low efficiency forced them to search new ideas. Soon they found the decision. Railroad rails for 12 mines were placed on the "Reshitelny" torpedo boat. Its first mining was in 11 mines from Port-Arthur on the 4th of August (The Russian-Japanese war…, 1910b. P. 304). The range of usage of torpedo boats became wider. They were used both for torpedo attacks and for mining.

The rails were placed on the other 3 torpedo boats after the sea firing in the Yellow sea on the 10th of August, 1904. They made 7 campaigns and laid 112 mines (Bykov, 1942. P. 62). The quantity of mining could have been bigger, but the mine reserve was exhausted in Port-Arthur, so they used trawled Japanese mines. 1077 mines were mined near Port-Arthur by Russians and 12 Japanese ships were wrecked (Sorokin, 1952. P. 263), several were damaged by this mines.

In the whole the mine using tactics well developed during the Russian-Japanese war. It happened because of fight conditions (the coast zone), the cheapness and the mine making simplicity, and the night efficiency of that weapon. The principle methods and ways of mine war appeared during the Russian-Japanese war. This sphere of the navy skill was developed very rapidly.

The necessity of fighting against mines appeared because of its total usage. The organization of mine trawling was planned by both sides before the war. They thought the trawling was a job for cutters and launches. The metal hawser was used for trawling by placing it between two ships. That very type of trawling was used by Russian navy for trawling Port-Arthur's road stead. Thus a new constant navy detachment, the trawl caravan, appeared and increased constantly afterwards.

Then there was a new permanent detachment of the fleet-the trawl caravan, which subsequently constantly increased.

In summer, 1904 it consisted of 7 steam chalands, 6 cutters, 2 light steamers and 4 mine layers (The Russian-Japanese war…, 1910b. P. 91, 223). The gun boats and mine layers were used to protect it. The caravan worked every day except the days when the weather was bad. The trawl type was improved (anchors and hooks were added to it). For gaining efficiency the caravan trawled not the whole road stead but only a certain waterway. Then 2 (later 3) waterway were trawled for camouflage. The bonus of 25 rubles on a crew for each trawled mine and rewards

for officers were used for increasing the trawling efficiency. About 1000 Japanese mines were trawled by Russians near Port-Arthur since April to December, 1904.

The trawling caravan organization and the systematic trawling let the Russian navy to act out the base almost till the end Port-Arthur blockade. The Russian trawling technique was high. Only 2 big Russian ships were destroyed by Japanese mines. It happened because they went out of the trawled zone. Two chalands were lost during the whole trawling.

In the whole the trawling organization and tactics reached high level and made a step to the future during the Russia-Japanese war. The trawling became an independent type of military actions.

The Japanese fleet had to decide the important and difficult problem of blockading the Russian navy in Port-Arthur during the war. The indefinite result of the fight on the 9th of February, 1904 put before Japanese fleet a problem of safty of the descent operations in Korea and on the Laodunsky peninsula. The Japanese were trying to blockade the Russian navy in Port-Arthur for solving that problem. First they tried to sink their steamer-brandies in the narrow, shallow strait between the outer and inner road steads and close the exit for Russians. Then they began to use mine obstructions. The Japanese navy began to blockade Port-Arthur since the end of April. The ironclad navy forces were acting to blockade in the beginning. The temporary Japanese base for ironclad forces was made near the Alliot islands in 40 miles away from Port-Arthur. The forces of this base moved if they were called by the blockade detachment.

The war gave a question of the navy bases guard and the navy bases defense from the sea. The Russians got larger experience in the decision of this question. Because the chief action of the sea war was near the chief Russian navy base – Port-Arthur.

The mine layers were on the patrol of the road stead at day time. The torpedo boats were on the patrol at night time and took a position for firing by torpedoes the way to the passage to the inner road stead. They were supported by a gun boat detachment and by 2 cruisers. The united system of signals for ships and coast artillery was carried in. The additional artillery batteries were placed.

Constant service of the navy base defense from the sea like one of the every day fighting fleet activity was created with the help of vice admiral S.O. Makarov. The fiasco of the Japanese attempts to close the Russian fleet on the inner road stead proved well organized defense. The Japanese lost 21 brand-steamers during those collisions. Port-Arthur navy base defense experience was used by all leading navy powers after the war.

The navy and army interaction tactics, which was not considered well enough in all the countries, but it got a big development during the Russian-Japanese war. And the fighting sides considered different aspects of that tactics with the help of logic of war.

The approach of Japanese army to Port-Arthur put before Russian fleet a question about the coast flank army support by the artillery firing. The fight of the gun boat “Bobr” with 2 torpedo boats during the Kinchzhousky fight in May, 1904 was the first interaction experience. It showed the necessity of appropriate organization of interaction among the navy and the army. The regular use of ships for an artillery support of the army flank began since June.

The Japanese army and navy interactions was different. The navy had to support the descent army operations. The Japanese navy supported the following descent operations: in Korea in February, 1904, on the Laodunsky peninsula in May, 1904 and on Sahalin Island in June, 1905 (the last two were on the coast under enemy).

The army and navy integration tactics of this war was well elaborated and used for the first time, that was important for the navy skill development. The gained experience was widely used during the I World War.

The Russian-Japanese war was the first war of high usage of light navy forces. So their action tactics got a big development. Many new tactical methods of light forces fighting appeared during that war. The war showed an important role of those forces. The active light forces usage was the reason for the every day fighting activity of the fleets. So the fleets were in constant stress.

In conclusion it is necessary to mention a huge role of the Russian-Japanese war in development of navy skill. A new type of navy ship, the submarine was used for the first time in this war (Petrov, 1926). Nevertheless the ideas of the general sea battle dominated in the navy theory afterwards.

References

Airapetov O.R. (2014) On the way to collapse. The Russo-Japanese War of 1904–1905. Military-political history. Moscow. 496 p. (In Russ.)

Balakin S.A. (2017) The Triumphators of Tsushima. Battleships of the Japanese fleet. Moscow: Yauza-catalog. 160 p. (In Russ.)

Bol'nykh A. (2010) On new sources and old riddles. *1905. Tsusima. Sbornik = 1905. Tsushima. Collection.* Moscow: Yauza; Eksmo. P. 5–33. (In Russ.)

Bykov P.D. (1942) The Russian-Japanese War, 1904–1905. The fighting in the sea. Moscow. 104 p. (In Russ.)

Galenin B.G. (2009) Tsushima – a sign of the end of Russian history. Hidden causes of well-known events. Military-historical investigation. Moscow: Kraft+. Vol. 1. 784 p. Vol. 2. 760 p. (In Russ.)

Gribovskii V.Yu. (2012) Squadron battleships of the "Borodino" type. Heroes of Tsushima. Moscow: Yauza; Gangut; Eksmo. 208 p. (In Russ.)

Diskant Yu.V. (2002) Port-Arthur, 1904. Translation from Polish. Moscow: AST. 368 p. (In Russ.)

Zolotarev V.A., Kozlov I.A. (1990) Russian-Japanese War of 1904–1905. The struggle at sea. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Klado N.A. (1905) The modern sea war. St. Petersburg. 484 +38 p. (In Russ.)

Lisitsyn F.V. (2020) Battleships of the First World War. Moscow: Yauza; Eksmo. 432 p. (In Russ.)

Likharev D.V. (2009) The battle of Tsushima on May 14–15, 1905. Historiographical problems. Monograph. Ussuriysk: Publishing House of UGPI. 167 p. (In Russ.)

Mel'nikov R.M. (1989) "Rurik" was the first. Leningrad: Shipbuilding. 254 p. (In Russ.)

Naumov I.V. (2015) Development of naval warfare during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4 (17). P. 61–73. (In Russ.)

(1910) The navy actions on the sea description in 1937–1938. Maidzi (in 1904–1905). St. Petersburg. Vol. 4. 315 p. (In Russ.)

Petrov M.A. (1926) Trafalgar (1805). Of Tsushima (1905). The Battle of Jutland (1915). Critical-historical. an outline of three great naval battles. Moscow: State Military Academy. 138 p. (In Russ.)

(1910a) The Russian-Japanese War 1904–1905. The work of the historical commission tells about actions of the fleet during the war. St. Petersburg. Vol. 1. 784 p. (In Russ.)

(1910b) The Russian-Japanese War 1904–1905. The work of the historical commission tells about actions of the fleet during the war. St. Petersburg. Vol. 2. 760 p. (In Russ.)

Библиографический список

Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 496 с.

Балакин С.А. Триумфаторы Цусимы. Броненосцы японского флота. М.: Яуза-каталог, 2017. 160 с.

Больных А. О новых источниках и старых загадках // 1905. Цусима. Сборник. / под ред. Н. Аничкина. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 5–33.

Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Боевые действия на море. М., 1942. 104 с.

Галенин Б.Г. Цусима – знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. Военно-историческое расследование. М.: Крафт+, 2009. Т. 1. 784; Т. 2. 760 с.

Грибовский В.Ю. Эскадренные броненосцы типа «Бородино». Герои Цусимы. М.: Яуза; Гангут; Эксмо, 2012. 208 с.

Дискант Ю.В. Порт-Артур, 1904 / пер. с польск. М.: АСТ, 2002. 368 с.

Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Борьба на море. М.: Наука, 1990. 256 с.

Кладо Н.А. Современная морская война. СПб., 1905. 484 +38 с.

Лисицын Ф.В. Броненосцы Первой мировой. М.: Яуза; Эксмо, 2020. 432 с.

Лихарев Д.В. Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. Историографические проблемы: монография. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2009. 167 с.

Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989. 254 с.

Наумов И.В. Развитие военно-морского искусства в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Лаборатории древних технологий, 2015. № 4 (17). С. 61–73.

Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). СПб.: Тип. Морского Мин-ва, 1910. Т. 4. 315 с.

Петров М.А. Трафальгар (1805). Цусима (1905). Ютландский бой (1915) : Критико-историч. очерк трех великих морских сражений. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 138 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну. СПб., 1910а. Т. 1. 784 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну. СПб., 1910b. Т. 2. 760 с.

Sorokin P.A. (1952) Port-Arthur defense. Moscow. 272 p. (In Russ.)

Chistyakov V.N.(1988) A quarter of an hour at the end of an admiral's career. *Znamya = Flag.* No. 10. P. 185–206. (In Russ.)

Chistyakov V.N. (2008) A quarter of an hour at the end of the admiral's career. Moscow: Russian panorama. 255 p. (In Russ.)

(1911) Der Japanisch-Russische Seekrieg 1904/1905. Amtliche Darstellung des Japanischen Admiralstabes. Berlin. Vol. 1. 356 p. (In Russ.)

Information about the authors

Igor V. Naumov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: histor@istu.edu

Jan Wisniewski,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher,
Nicolaus Copernicus University in Torun (Poland),
11, Gagarin street, 87-100 Torun, Poland,
✉ e-mail: jawili@wp.pl

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received October 1, 2020.
Received October 26, 2020.
Accepted November 16, 2020.

Сорокин П.А. Оборона Порт-Артура. М., 1952. 272 с.

Чистяков В.Н. Четверть часа в конце адмиральской карьеры // Знамя, 1988. № 10. С. 185–206.

Чистяков В.Н. Четверть часа в конце адмиральской карьеры. М.: Русская панорама, 2008. 255 с.

Японо-русская морская война 1904/1905 гг. Официальное представление японского адмиральского штаба. Берлин 1911. Т. 1. 356 с.

Сведения об авторах

Наумов Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: histor@istu.edu

Висьневски Ян,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник,
Университет Николая Коперника в Торуни (Польша),
ул. Гагарина 11, 87-100 Торунь, Польша,
✉ e-mail: jawili@wp.pl

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 26 октября 2020 г.
Принята к публикации 16 ноября 2020 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).083
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-214-225

К вопросу о поставках в Россию вооружения и снаряжения из-за границы в 1914–1916 гг.

© В.В. Синиченко

Академия управления МВД России, г. Москва, Россия

Аннотация: Первая мировая война вынудила стран-участниц перейти к мобилизации не только военных резервов, но и всей экономики. Военно-экономическая мобилизация нарушила планы на военно-техническое сотрудничество стран-союзниц. Сначала Франция, а потом Великобритания признали, что они не способны удовлетворить постоянно растущие потребности российской армии в военном снаряжении и вооружении. Военный кризис – поражение русской армии на восточном фронте в 1915 году – совпал с кризисом поставок военного оборудования из-за рубежа. С осени 1915 года основным поставщиком российской армии, из числа иностранных подрядчиков, становятся фирмы Америки (США и Канады) и Японии. На протяжении 1916 года предприниматели этих стран наращивали военные поставки в Россию. США стали не только основным поставщиком цветных металлов, но и той военной техники, а также ее элементов, которая не производилась в достаточном количестве в России, – моторов для аэропланов и морских судов, орудий, пороха и иных химических веществ. Значительную часть американских поставок составили станки для российских машиностроительных предприятий и подвижной железнодорожный состав – паровозы, вагоны, а также новинка того времени – тепловозы. Критически важным поставщиком для российской интендантской службы стали американские и японские компании. Поставки шинельного сукна, летнего обмундирования цвета хаки (сукна пыльно-землянистого оттенка), кавалерийских седел, сапог, кожи составляли половину того, что потребляла русская армия за 1916 год. Таким образом, еще до вступления США в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 года США стали ценным производителем военной продукции для России.

Ключевые слова: Первая мировая война, импортные поставки, вооружение, военное снаряжение, военно-техническое сотрудничество, мобилизационные запасы, артиллерия, снаряды, интендантство, военные заводы

Для цитирования: Синиченко В.В. К вопросу о поставках в Россию вооружения и снаряжения из-за границы в 1914–1916 гг. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 214–225. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-214-225

To the issue of arms supplies and equipment to Russia from abroad in 1914–1916

© Vladimir V. Sinichenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract: The First World War forced the participating countries to move to mobilize not only the military reserves, but also the entire economy. Military-economic mobilization violated plans for military-technical cooperation of allied countries. First, France and then Great Britain recognized that they were not able to meet the ever-growing needs of the Russian Army for military equipment and weapons. The military crisis – the defeat of the Russian Army on the eastern front in 1915 coincided with the crisis of the supply of military equipment from abroad. Since the fall of 1915, the main supplier of the Russian Army from among foreign contractors became the firms of America (USA and Canada) and Japan. Throughout 1916, entrepreneurs of these countries increased military supplies to Russia. The United States has become not only the main supplier of non-ferrous metals, but also of those military equipment, as well as its elements, which were not produced in sufficient quantities in Russia – engines for airplanes and naval ships, guns, gunpowder and other chemicals. A significant part of American supplies was made up of machines for Russian engineering enterprises, as well as rolling stock – steam locomotives, cars, as well as a novelty of that time – diesel locomotives. American and Japanese companies became the critical suppliers for the Russian quartermaster service. Deliveries of overcoat cloth, summer khaki uniforms (dusty-earthen cloth), cavalry saddles, boots, leather made up

half of what the Russian Army consumed in 1916. Thus, even before the United States entered the war on the side of the Entente on April 6, 1917, the United States became a valuable producer of military products for Russia.

Keywords: World War I, imports, weapons, military equipment, military-technical cooperation, mobilization reserves, artillery, shells, quartermaster, military factories

For citation: Sinichenko V.V. (2021) To the issue of arms supplies and equipment to Russia from abroad in 1914–1916. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 214–225. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-214-225

Характерной особенностью Первой мировой войны стал колоссальный расход материальных средств и использование всех отраслей народного хозяйства воюющих стран для удовлетворения материальных потребностей вооруженных сил.

Потенциала, имеющегося на 1 августа 1914 г., казенного военно-промышленного комплекса стран-участников мировой войны и накопленных ими в мирное время мобилизационных запасов вооружения стало не хватать для продолжения военных действий уже к началу 1915 г. О «снарядном голоде», наступившем для русской артиллерии весной 1915 г., написано немало работ отечественными исследователями (Шигалин, 1956; Китанина, 2003; Бовыкин, Тарновский, 1957; Голиков, 1981; Барсуков, 1928; Бескровный, 1986; Алексеев, 2015; Сидоров, 1960).

Как отмечают современные историки, недостаток тяжелой артиллерии и снарядов к ним ощущался не только в 1915 г., но и летом 1916 г. во время знаменитого Брусиловского прорыва (Залесский, 2015. С. 79). Поэтому военно-политическое руководство Российской империи было вынуждено осуществлять снабжение армии в военный период не только за счет расширения и модернизации казенных и частных российских заводов, но и значительного увеличения импортных поставок. Так, за границей было куплено около 2,5 млн винтовок. Кроме того, из Америки поступило 33 808, а из Англии и Франции – 8590 пулеметов. Для примера, в самой России в годы войны изготовили более 3 млн винтовок и 28 000 пулеметов (Шигалин, 1956. С. 45–85).

Причина отставания продукции военного производства России заключалась в том, что в 1914 году объемы производства казенных военных заводов и ряда частных предприятий, выполнявших военные заказы, считались вполне достаточными для пополнения мобилизационного запаса. Военно-политическим руководством России предполагалось вести непродолжительную войну без привлечения других частных и казенных предприятий. План мобилизации гражданской промышленности отсутствовал. А когда такая потребность возникла, оказалось, что организацию производства оружия и боеприпасов приходилось начинать с перевооружения самого производства, часто за счет поставок импортного оборудования (Сенин, 2014; Виноградов, 2010; Головин, 2014; Листиков, 2006).

Как отмечается в коллективной монографии «Первая мировая война: влияние на экономику России и мира», Первая мировая война оказала влияние на развитие процессов, важных для современной экономической политики. К ним относится, прежде всего, государственное регулирование частного сектора экономики, которое в России было менее успешным чем в других воюющих державах (Первая мировая война…, 2016. С. 170).

В сборнике научных статей «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» в некоторых статьях развивается мысль, что именно мобилизация всей отечественной промышленности и транспорта была наиболее слабым и малоуспешным проектом царского правительства в чрезвычайных условиях военного напряжения (Седов, 2009. С. 9; Бокарев, 2009. С. 21).

Отметим, что Россия приобретала за границей не только вооружение и снаряжение, но и сырье, необходимое для производства военной продукции. Так, за счет отечественного производства военная промышленность России обеспечивалась: по меди – на 85 %, по цинку – на 27,3 %, по свинцу – на 2,3 %. Около 60 % всех добываемых химическим

путем продуктов ввозились из-за границы (Маевский, 1957. С. 122–138).

Из всех русских военных заказов, сделанных до начала войны, 80 % приходилось на Францию. Однако вскоре после начала войны эта страна, нуждаясь в вооружении для своей армии, после утраты ее северной части, где находилась значительная часть фабрик и заводов, ввела мораторий на военные заказы для частных зарубежных фирм. Даже выполнение всех казенных российских заказов санкционировал лично французский военный министр. Естественно, в условиях, когда германская армия подошла к Марне, выполнение российских заказов было приостановлено (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 3). В этих условиях Россия постаралась сделать заказы в Великобритании.

С 9 октября 1914 года, более чем через два месяца после начала войны, стали проводиться регулярные совещания при государственном казначействе и кредитной канцелярии Министерства финансов России, посвящённые заграничным заказам для надобностей государственной обороны (РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 2. Л. 9).

Межведомственная комиссия для рассмотрения вопроса была образована из представителей следующих ведомств: военного и морского министерств, министерства финансов, министерства торговли и промышленности и государственного контроля.

Как видно из материалов комиссии, еще по довоенным планам военное и морское министерства на 10 августа 1914 года имели заказы за границей на общую сумму в 118,8 млн руб.

На конец 1914 года министерства увеличили сумму заказов на вооружение и снаряжение на нужды фронта еще на 123 ,8 млн руб.

По ведомствам эти суммы распределялись следующим образом:

Сухопутное ведомство – 187 млн руб.

Морское ведомство – 27,5 млн руб.

Главное артиллерийское управление (ГАУ) – 9 млн руб.

«Красный крест» – на санитарные и эвакуационные части – 3,5 млн руб.

Кроме того, Министерство торговли и промышленности России заказало в Великобритании шерсть для пошива шинелей на сумму 500 000 руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 2. Л. 1–3).

Заказы были распределены по следующим странам:

Англия – 115 млн руб.

Япония – 44 млн руб.

США – 31,5 млн руб.

Франция – 6 млн руб.

Швеция – 0,5 млн руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 2. Л. 4–6).

Как видим, в первые полгода после начала войны Великобритания стала основной страной, которая снабжала армии Российской империи военным снаряжением и вооружением из числа стран импортеров военно-промышленной продукции.

Уже в сентябре 1914 года, по инициативе английского министра иностранных дел лорда Э. Грэя, был создан Англо-русский комитет, отвечавший за все русские заказы. Связь с комитетом со стороны России осуществлял генерал-майор Э.К. Гермониус (Сидоров, 1973. С. 31).

Российские заказы в Лондоне реализовывались через два министерства. Военные (ружья, пушки, патроны, интендантское имущество) – через английское военное министерство, а именно Комитет контрактов, который возглавлял директор г-н Винтур.

Взаимодействие русского комитета с английским военным министерством осуществлял с российской стороны – полковник Беляев, действовавший по указаниям Э.К. Гермониуса. Все прочие заказы (металлы, станки, взрывчатые вещества) шли через английское Министерство вооружения и снабжения. Оно само подыскивало фирму, с которой русская сторона вступала в переговоры, иногда министерство давало разрешение русско-английскому комитету поместить заказ у фирмы самостоятельно. В последних случаях оно санкционировало заказ и все условия сделки. Сношение с Министерством вооружения и снабжения вел секретарь Комитета г-н Вирпш, также действующий по указанию генерала Э.К. Гермониуса. Сношения по

заказам Морского министерства велись главным образом помощником морского агента – инженер-механиком, капитаном 2-го ранга Блоком и самим военно-морским агентом – флигель-адъютантом Волковым, на котором, кроме того, лежали сношения с Адмиралтейством по заказам, помещаемым через Адмиралтейство или с его разрешения, и счетная часть – по заказам Морского ведомства (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 28).

В 1915 году в Англии действовала и чрезвычайная комиссия во главе с вице-адмиралом А.И. Русиным для ведения переговоров с британским правительством о регулировании различных заказов на военные нужды. Это достаточно известный в историографии момент русско-английского военно-технического сотрудничества (Лебедев, 1964; Игнатьев, 1966).

Однако мы можем в дополнение к проведенным исследованиям, на основании анализа документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, выделить следующую тенденцию. В 1915 году произошло усиление поставок вооружения, а не военного снаряжения, в отличие от 1914 года.

Так, в сентябре 1915 г. возник большой заказ Главного артиллерийского управления (ГАУ) на 54 тяжелых орудия – 305 мм пушек и 43 200 для них снарядов. Заказывалось также 340 – 203 мм и 152 мм гаубиц и 340 000 снарядов к ним; 400 – 75 мм пушек и 800 000 75 мм снарядов, а также 520 горных пушек калибром 75 мм и снаряды к ним из расчета 1400 выстрелов на орудие (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 7–10).

Кроме того, заказ ГАУ предполагал закупку 21 300 пулеметов и 2000 патронов на 1 пулемет; 15 000 телеграфных аппаратов; 2100 оптических прицелов; 301500 шрапнелей; 2 млн взрывателей; 350 000 ручных гранат; 1 млн винтовок; 300 млн винтовочных патрон; 1 млн пистолетов и 250 млн патрон к ним; 240 000 пудов пороха; 2 000 пудов ртути; 220 000 пудов хлопка (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 11–13).

Для выполнения «большого заказа» в Великобританию и затем Францию на переговоры осенью 1915 года был направлен начальник Морского Генерального Штаба вице-адмирал А.И. Русин, снабженный широкими полномочиями по заключению контрактов и соглашений (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 2)

По приказу военного министра и решению Особого совещания по делам обороны от 20 сентября 1915 г. миссия в составе 8 чинов проследовала 3 октября от Петрограда до Архангельска, а затем на корабле отправилась в Англию (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 2). В состав миссии вошли от Главного военно-технического управления – генерал-майор Савримович, от Главного артиллерийского управления – полковник Федоров, офицер Генерального Штаба генерал-майор Кельчевский и представитель Особого Совещания – военный советник Терне. От морского ведомства были командированы – старший лейтенант Романов и лейтенант Любомиров.

9 октября 1915 года крейсер с миссией подорвался на мине и ушел обратно в порт отправления и только 9 ноября она прибыла в Лондон.

Инициатора совещания – военного министра Великобритании лорда Герберта Китченера – в Лондоне в это время не было: он находился на Балканах. Поэтому конференцию проводил британский министр вооружения, будущий (с 1916 г.) премьер-министр Англии, Ллойд Джордж. Он взял на себя труды помочь российской миссии с размещением заказов в Англии. Как писал А.И. Русин об английском министре, «мы встретили человека, вполне сочувствовавшего нашим интересам и ясно представляющего себе положение на нашем театре военных действий». На конференцию в Лондон прибыл из Франции министр вооружения и снабжения – Тома, а от Италии представителем был генерал Марафини.

Первое заседание было посвящено почти целиком речам Ллойд Джорджа, председателей миссии и обсуждению основных задач совещания. Английское и французское министерства снабжения, объединив к началу совещания институты по снабжению своих армий, к этому времени в значительной мере установили контроль над промышленностью своих стран для решения вопроса военно-технического сотрудничества и снабжения сво-

их армий и флота. Министры – Ллойд Джордж и Тома организовали полный обмен сведениями о всех своих потребностях в тех или иных материалах или предметах и взаимной помощи. Заказы в Америке производились обеими странами в согласии друг с другом и всякая конкуренция между ними была устранена (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 16–17). Российской стороне было указано, что ее запросы поступают к английскому и французскому правительствам спорадически, без всякого плана и системы.

Так, в англо-русский комитет приходили заявки от разных ведомств и учреждений, независимо друг от друга, и поэтому британская сторона получить ясную и исчерпывающую картину о российских нуждах не могла (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 18). Точно также вела себя на английском рынке и Италия (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 19).

Английской стороной была отмечена, как писал А.И. Русин, громадность наших пожеланий в области тяжелой артиллерии и указано на невыполнимость их в полном объёме (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

Ллойд-Джордж отмечал, что Великобритания не сможет поставлять в Россию тяжелую артиллерию или артиллерию калибром свыше 6 дюймов (152 см). Эти орудия были нужны на западном фронте, где в условиях позиционной и фортификационной войны все решали большие калибры. Тем не менее Англия и Франция обещали уступить России третью часть всей их производительности 105 мм орудий (3,5 дюйма).

В то же время министры вооружений и снабжения Англии и Франции просили российские власти упорядочить и централизовать процесс заказов у частных фирм этих стран. По заявлению Тома был, например, случай, когда Россия поместила на одном из заводов Франции, изготавливавшем уже снаряды для 75 мм орудий, заказ на свои снаряды в 76 мм, назначив высшую цену. И завод, соблазнившись барышами, остановил производство французских снарядов, приняв русский заказ. Поэтому французское правительство было вынуждено установить контроль над частными заводами Франции и поставить все производство снарядов только через разрешение военного министра (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

По предложению Тома создавалось центральное статистическое бюро для учета всех потребностей союзников в вооружении и снаряжении (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

На конференции было решено, что необходимые для армии винтовки и патроны Россия должна изготовлять сама и для этого надо провести модернизацию ее металлургических и машиностроительных заводов. Предполагалось осуществить масштабные поставки в Россию станков из Англии и Америки (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 21).

Англия и Франция предупреждали Россию, что они не смогут закрыть ее потребности в цветных металлах, что могут поставлять не более 100 тонн алюминия и 50 тонн ферровольфрама в месяц. Недостающие и иные цветные металлы – марганец, медь и пр. рекомендовалось закупать на рынках нейтральных стран (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 22).

Отметим, что, по мнению русской делегации, для производства стали империи было нужно 2500 тонн ферровольфрама (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 22).

В целом вопрос о заготовлении цветных металлов, как писал А.И. Русин, «для нас весьма серьезен и срочен и оставление его в настоящем положении – без того чтобы этим делом занималось специально компетентное лицо, грозит если не оставить Россию без нужных металлов, то во всяком случае с миллионными убытками. Цены на металлы растут. Например, медь, которую можно было закупить на 1916 г. по 86 фунтов стерлингов, стоит теперь свыше 100 фунтов. Необходимо срочно передать комитету программу заготовки металлов за границей к исполнению и дать ему полномочия закупать металлы по мере возможности» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 23).

До тех пор, пока Россия не наладила собственного масштабного производства винтовок, союзники решили выдать из английского арсенала 60 000 винтовок японского образца (Арисаки), из французского – 39 000 винтовок (Лебеля), 80 000 старых винтовок (Гра Кропачека, образца 1878 г.) и

около 460–480 000 совсем уже устаревших винтовок системы «Гра» образца 1874 г. Италия обещала выделить России из своих запасов около 500 000 винтовок системы «Веттерли» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 23).

Наибольшее внимание и время пришлось уделить вопросу изготовления для России патронов в Англии. После нескольких обсуждений была установлена цифра в 45 млн патронов в месяц, которые Англия обещала поставлять России до лета 1916 г. Все изготавливаемые для русской армии патроны должны были быть японского образца под японскую винтовку системы «Арисаки».

Франция обещала ежемесячно поставлять 30 млн патронов для ружей систем «Гра» и «Гра Кропачека», а для винтовок системы «Веттерли» были размещены заказы на 300 млн патронов в Италии и Америке.

Некоторое количество патронов планировалось поставить одновременно с винтовками – 48 млн японских из Англии, 15 млн для системы «Лебеля», 75 млн «Гра» из Франции и 14 млн для системы «Веттерли» из Италии (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 23). Кроме того, по инициативе Ллойд-Джорджа Англия обещала в феврале, марте, апреле 1916 г. поставить в Россию 300 – 4,5 дюймовых гаубиц (своего образца с полным снабжением (снаряды только без пороха). Английское правительство уступало России право на заказ 6- и 8-дюймовых гаубиц (152 мм и 203 мм орудий) на заводе «Мидвел» в Америке. Заказ предполагал поставку 200 – 6- и 200 – 8-дюймовых гаубиц, сдача которых должна была начаться в июле 1916 г. и завершиться в декабре 1916 г. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 23–24).

26 ноября 1915 г. состоялось личное свидание А.И. Русина с военным министром Великобритании лордом Китченером. Лорд Китченер был неприятно поражен уступкой России 4,5 гаубиц и в отличие от Ллойд-Джорджа был явным противником перевооружения России за счет Англии. Он рекомендовал России самостоятельно договариваться с промышленными кругами США и Канады.

25 ноября 1915 г. по приглашению Тома и согласованию с Петроградом миссия прибыла в Париж. Французская сторона дала согласие на поставки 15 % изготовляемых ею авиационных двигателей в Россию.

6 декабря 1915 г. миссия вице-адмирала А.И. Русина отправилась обратно в Россию (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 24).

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилась составленная А.И. Русиным «Записка о работе наших организаций в Лондоне и Париже». Как видно из этого документа, вице-адмирал выступал против использования Швеции как страны транзита военных грузов из Англии в Россию. Затруднения, чинимые шведской торговле Англией, шведы вымещали на России. Так, значительное количество товаров, идущих в Россию, задерживалось в Швеции (на общую сумму 12 млн крон на январь 1916 г.). При этом часть непропущенных товаров продавалась даже в Германию. Германская агентура в Швеции следила за движением грузов и разумеется старалась помешать поставкам вооружения и снаряжения в Россию (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 25).

Для оказания дипломатического давления на Швецию и освобождения грузов А.И. Русин предлагал препятствовать поставкам туда пищевых продуктов и клеверных семян, о которых они так просят (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 26).

По мнению начальника морского генерального штаба, для русско-английского комитета в Лондоне был необходим специалист по интендантской линии, поскольку имеющиеся в его составе специалисты не разбирались в вопросах военного снаряжения.

Поэтому он предлагал послать в Лондон представителя от Центрального военно-промышленного комитета и союза земств и городов. Эти учреждения, писал А.И. Русин, являются крупными заказчиками, а их интересы никем не представляются в Англии. Необходимо было, по мнению вице-адмирала, назначить в комитет и особое лицо для решения вопроса о поставке в Россию металлов, а также выдать доверенность представителям Комитета на заключение контрактов и приемку продукции для ускорения процедуры поставок вооружения и снаряжения в Россию.

Просил вице-адмирал и об установлении быстрой телеграфной связи и ускоренной расшифровке телеграмм между Петроградом и Лондоном (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 28).

С большим уважением А.И. Русин отзывался о работе военного атташе во Франции – генерал-майора графа Игнатьева и военно-морского агента во Франции капитана 2 ранга Дмитриева.

Он отмечал, что мобилизация промышленности во Франции проведена с большей системой и планомерностью, чем в Англии. Во Франции правительство взяло в свои руки всю промышленность страны, работающую на изготовление предметов обороны, и контролировало как работу заводов, так и поставки на них всех материалов. Произошла во Франции и милитаризация труда.

Оценивая ситуацию с отсутствием новых военных заказов России во Франции, А.И. Русин писал: «Надо иметь ввиду, что в рабочих руках Франция ощущает главный недостаток, и, уступая нам то или иное, она не только лишает себя отпускаемых предметов, но жертвует нам самое дорогое – рабочее время, рабочие руки. Хотя французская армия и поражает обилием своего снабжения, но надо помнить, что неприятель уже год как стоит в 50-ти верстах от Парижа… Поэтому, если лондонская организация имеет форму торговой конторы, то французская – правительственного учреждения, каждый (русский) заказ гр. Игнатьев обсуждает с Министром Снабжения, а более существенный с Главнокомандующим» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 32).

Несмотря на трудности организации поставок из Франции в Россию вооружения согласно «Ведомости авиационного имущества, в первую треть 1916 г.», Франция обещала России осуществить в начале 1916 г. крупные поставки авиационного оборудования.

Аэропланы:

«Бреге» истребитель, с моторами «Рено» или «Сальмсона» – 25 штук;

«Бреге» бомбардировщик с 220-сильным двигателем «Рено» – 25 штук;

«Вуазен» – с 150-сильным мотором «Сальмсона» – 50 штук;

«Моран» с 11-сильным мотором «Рона» – 50 штук;

«Ньюпор» с 80-сильным мотором «Рона» – 100 штук;

«Спад» истребитель с теми же двигателями – 50 штук;

«Генри Фарман» с 150 сильным мотором «Сальмсона» – 50 штук.

Моторы:

1. «Сальмсона» – 300 сил – 5 штук;
2. «Сальмсона» – 200 сил – 100 штук;
3. «Сальмсона» – 150 сил – 400 штук;
4. «Гном» – 100 сил – 200 штук;
5. «Рон» – 80 сил – 400 штук;
6. «Рон» – 110 сил – 50 штук;
7. «Рон» – 150 сил – 10 штук;
8. «Рено» – 110 сил – 50 штук;
9. «Рено» – 200 сил – 50 штук;
10. «Клерже» – 200 сил – 10 штук;
11. «Анзани» – 40 сил – 50 штук;
12. «Анзани» – 60 сил – 80 штук;
13. «Анзани» – 100 сил – 25 штук;
14. «Анзани» – 125 сил – 25 штук;
15. «Анзани» – 160 сил – 10 штук.

«Испано Сюиза» – 140 сил – 50 (РГВИА. Ф. 369. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 42–47).

Кроме того, по дополнительному соглашению России и Франции до 16 апреля 1916 г. Париж обещал поставить в Россию аэропланы «Вуазен» с 150 сильным двигателем «Сальмсона» – 200 штук; «Парасоль» с 80 сильным «Рон» – 50, «Моран» с 110 сильным «Рон» – 100; моторы «Сальмсона» 150 сил – 300; «Рон» 80 сил – 500; «Рено» 220 сил – 30 штук (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20. Л. 49).

Итак, в период переговоров чрезвычайной комиссии во главе с вице-адмиралом А.И. Русиным с британским правительством о регулировании различных заказов на военные нужды выяснилось, что Великобритания не сможет выполнить «Большой заказ ГАУ» и осуществить требуемые поставки цветных металлов. Она сама испытывала трудности в снабжении всем необходимым своей растущей по численности сухопутной армии и армии своих доминионов.

Так, помощник морского министра России докладывал еще 26 сентября 1915 г. начальнику морского генерального штаба: «Из телеграммы, полученной от коммерческого агента в Лондоне видно, что английское правительство ныне категорически запретило свободный вывоз из Англии металлов – меди, свинца, цинка, сурьмы, инструментальной стали и пр. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 220).

В то же время Центральный военно-промышленный комитет 28 сентября 1915 г. доносил Верховному главнокомандующему, что для нужд военной промышленности России, в первую очередь, придется выписать металлы, а именно: медь, олово, цинк, сурьму и ферросплавы, ранее закупаемые на английском рынке. Отказ Великобритании в поставках ценного сырья вызывает необходимость переориентации на закупки в США, страны Южной Америки, а также Китай (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 159).

По сводной справке военно-санитарного ведомства по предметам санитарного снабжения цены в Великобритании на медикаменты и реактивы были осенью 1915 г. повышены на 50 %. Поэтому из-за перегруженности британской фарминдустрии русское ведомство перешло на заказы медикаментов в США (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 192).

Как выше отмечалось и уже указывалось в отечественной литературе, военный министр Британии фельдмаршал Г. Китченер, в конце 1915 г. выступил с инициативой размещать русские военные заказы именно в США, как английские заказы, при условии, что Россия обеспечит эти военные заказы передачей Англии части своего золотого запаса (Лебедев, 1964. С. 74).

В этих условиях российское руководство через Англию и самостоятельно пошло на значительное расширение военных заказов в Канаде и Америке.

В основном из США доставлялась техника и машины. Так, из заказанных весной 1915 г. почти 4400 автомобилей на долю американских фирм пришлось 2/3 всех заказанных грузовиков. Кроме того, американцы почти монопольно поставляли в Россию станки и моторы для авиации, флота и военной промышленности, а также железнодорожный состав.

Заказы размещались не только в США, но и в Японии. Так, вице-адмирал А.И. Русин 22 ноября 1915 г. докладывал морскому министру, что «Английское военное министерство уступило нам еще 30 млн японских патронов, которые в непродолжительном времени будут отправлены и сданы в течение месяца. Кроме того, английское правительство дипломатически возбудило ходатайство в Японии об уступке нам из боевых комплектов еще 150 млн патронов» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 230).

Соответственно встал вопрос и о поставках в Россию японских винтовок системы «Арисаки» из арсеналов Японии.

Усиление роли США и Японии в военных поставках в Россию в 1916 и 1917 гг. можно увидеть по архивным документам.

Объяснительная записка (от 15 февраля 1917 г.) и ведомость по предметам военно-технического имущества, подлежащего заказу за границей с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г., дает нам следующую картину:

1) Колючей проволоки из США было заказано весом 23 793 000 пудов; а из России только 1 100 000 пудов. Получено из США было всего 21 797 000 пудов.

2) Экскаваторы. Было заказано 12 из США по цене 20 000 руб. за машину. Все получены.

3) 720 фрезерных станков по цене 3000 руб. за станок было заказано и получено из США.

4) Было заказано и получено 275 радиопередатчиков для аэропланов из Англии фирмы «Стирлинга» и Франции фирмы «Мульштека».

5) Был заказан и получен детонирующий шнур фирмы «Мицубиси» из Японии общей длиной 100 000 метров.

6) Был заказан и получен в полном объёме тротил весом 91 000 пудов из Японии.

7) Были доставлены 24 дизельных мотора «Баффало» из США для российских 12 канонерских лодок.

8) Были доставлены 24 газотурбинных мотора фирмы «Скриппс» из США для российских скоростных катеров.

9) Были доставлены из США 24 мотора фирмы «Стерлинг», предназначенные для установки на дозорные катера.

10) Моторы фирмы «Винтор» были поставлены Великобританией на 16 российских миноносцев.

11) Было поставлено в Россию 1 млн японских ручных грелок с угольным патроном и 600 000 ножных грелок тоже из страны восходящего солнца.

12) Из США в Россию прибыло 100 000 пудов алюминия для строительства аэропланов.

13) 40 000 телефонных аппаратов в 1916 г. предоставила Япония и 50 000 США. Англия, к примеру, поставила в Россию в 1916 г. только 6500 телефонов.

14) Наконец, в Россию было поставлено 25 новейших американских тепловозов фирмы «Балдвин», а также более 300 паровозов из США.

Еще было заказано 4310 из Великобритании и США (оплачено 3510 и получено 2342) автомобилей грузовых и 3517 (получено 1709) легковых (здесь американская доля оставила 1/3, остальное пришлось на Италию и Великобританию), а также 2232 санитарных автомобилей (оплачены, но не получены в срок).

Было заказано за границей 367 бронированных автомобилей, 34 бронепушечных автомобиля, 265 тракторов и 6288 мотоциклов. Эти поставки также были удовлетворены не полностью, а только на 80 % (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 79–83).

Отметим, что до Первой мировой войны российско-американские экономические отношения были незначительными, хотя американские добывающие фирмы уже на рубеже XIX–XX вв. начали проникновение на русский Дальний Восток и в Сибирь, вступали в конкуренцию с российским интересами в Маньчжурии (Ганелин, 1969. С. 10–11).

В 1914 году импорт России из США не превышал 80,2 млн рублей, но в дальнейшем произошёл резкий рост: в 1915 – 258,7, в 1916 – 422,4, в 1917 году – 486,3 млн рублей. При этом русский экспорт в США во время войны постоянно сокращался: если в 1914 году он составлял 8,8, то в 1915 – 3,8, в 1916 – 1,4 млн рублей (Ганелин, 1969. С. 241–243).

Односторонний характер торговых отношений говорит о том, что США в годы Первой мировой войны превратились в главного поставщика для России не только военного вооружения, но и снаряжения. Об этом говорит ведомость «О состоявшихся сделках по заказам предметов военно-технического имущества в Америке», «Объяснительная записка к ведомости предположительных заграничных заказов интендантского снабжения на срок до 1 января 1917 г.», хранящиеся в фондах РГВИА (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 47–117).

Так, общая годовая потребность в так называемом «серошинельном сукне» исчислялась Главным интендантским управлением армии России летом 1915 г. в 32 млн аршин. Суконные фабриканты в заседании Комитета под председательством А.Д. Протопопова, высчитав производительность русских фабрик (24 млн аршин в год), пришли к заключению о необходимости заказать за границей 8 млн аршин или 6 млн ярдов шинельного сукна (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 149).

Интендантская служба армии России решила перестраховаться и прописала потребность выше планируемой на 50 % и заказала 12 млн аршин (а это 9 млн ярдов) сукна за границей (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 149). Из этого числа заказ на 6 млн ярдов был поручен военному агенту в Америке полковнику Гольчевскому. Остальной заказ сукна также предполагался разместить в США или Канаде, но позже, по оценке работы американских фирм (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 149).

Потребность в седлах была определена на год (1916 г.) в 160 тыс. штук, из которых в России можно получить 100–110 тыс. штук. Поэтому с разрешения помощника военного министра остальной заказ в 50 тыс. седел передавался за границу и тоже в США.

Предполагая, что по недостатку кожи в России с 1 июня 1916 г. по 1 января 1917 г. также придется прибегнуть к дополнительному заграничному заказу седел – вся потребность заграничного заказа

определялась интендантами в 70 000 седел (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 149).

Годовая потребность в шипах для подков была исчислена на срок до 1 июня 1916 г. в 458 млн штук. В результате 100 млн штук шипов поступило от американского завода «Неверслин» и ему впоследствии был дан еще один на заказ на 150 млн шипов. Остальные 208 млн шипов были заготовлены на отечественном рынке при содействии Всероссийского городского и земского союзов и главным образом – Центрального военно-промышленного комитета (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 150).

В итоге за границей, главным образом в США, было заказано шинельное сукно – 15 млн ярдов сукна, по цене 3 руб. 50 коп за ярд или на общую сумму в 52 млн 500 тыс. рублей; защитное сукно (летнее цвета хаки) – 13 млн ярдов или 45 млн 500 тыс. рублей; седла верховые – 70 000 штук или 125 руб. за штуку, на общую сумму 8 млн 750 тыс. руб.; шипы для подков – 100 млн или на общую сумму 2 млн 300 тыс. руб.

Еще тыловая служба заказала в США сапоги – 3 млн штук по цене 11 руб. за пару или на сумму в 33 млн руб. Там же была заказана кожа для сапог – 360 000 пудов по цене кожи 32 руб. за пуд, на сумму 11 млн 520 тыс. руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 151).

Таким образом, для интендантской службы армии России США, Канада и другие доминионы Великобритании на Тихом океане должны были поставить в Россию обмундирование и снаряжение на сумму свыше 150 млн руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 155). Из Японии, к примеру, поступило за 1916 г. для армии России защитное сукно 770 000 пудов, серошинельное сукно 2 760 000 пудов, а также сапоги 1 млн пар и 15 000 седел для кавалерии, 1 млн патронных подсумок на общую сумму в 20 млн 195 тыс. 868 руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 157).

Итак, мы можем выделить три этапа в развитии поставок военной техники и военного снаряжения из-за границы в годы Первой мировой войны.

Во-первых, 1914 г. – это военное снабжение по старым планам. Перезаказ в начале войны военной техники и снаряжения в Великобритании, вместо Франции.

Во-вторых, октябрь 1914 г. – сентябрь 1915 г. – это закупка дополнительного вооружения и снаряжения, прежде всего, в Великобритании.

В-третьих, 1916 и 1917 гг. – это перенос значительной части военных заказов для русской армии в США и Канаду в первую очередь, и Японию во вторую.

Библиографический список

Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Изд-во Лема, 2015. 768 с.

Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. 230 с.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с.

Бовыкин В.И., Тарновский К.Н. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 19–31.

Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред.

References

Alekseev T.V. (2015) Special meeting on state defense and military-economic mobilization in Russia during the First World War (1914–1917). St. Petersburg: Publishing House of Lema. 768 p. (In Russ.)

Barsukov E.Z. (1928) The work of industry on the combat supply of the Russian Army in the World War. Moscow. 230 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. (1986) The army and fleet of Russia at the beginning of the twentieth century. Essays on military-economic potential. Moscow: Science. 240 p. (In Russ.)

Bovykin V.I., Tarnovskii K.N. (1957) Concentration of production and development of monopolies in the metal-working industry of Russia. *Voprosy` istorii = Issues of History*. No. 2. P. 19–31. (In Russ.)

Bokarev Yu. P. (2009) Mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative Research Experience. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii KhKh veka» : sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. = Mobilization Model of Economics: His-*

Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 9–22.

Виноградов В.В. Англо-русское военно-экономическое сотрудничество в начале Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Гуманитарный вектор. 2010. № 3(23). С. 30–32.

Ганелин Р.Ш. Россия и США, 1914–1917 гг.: очерки истории российско-американских отношений. Л.: Наука, 1969. 423 с.

Голиков А.Г. Первая мировая война и российские монополии // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 103–114.

Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. 720 с.

Залесский К.А. Алексей Еромлаевич Эверт – забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий. № 1 (14). 2015. С. 53–85.

Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М.: Наука, 1966. 400 с.

Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 146 с.

Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.). М.: Международные отношения, 1964. 379 с.

Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006. 452 с.

Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 392 с.

Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. 200 с.

Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века»: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 7–9.

Сенин А.С. Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 63–79. URL: https://readera.org/140129658

torical Experience of Russia of the Twentieth Century: a collection of materials from the All-Russian Scientific Conference. Chelyabinsk: Entsiklopediya. P. 9–22. (In Russ.)

Vinogradov V.V. (2010) English-Russian military-economic cooperation at the beginning of the First World War (1914–1915). *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector.* No. 3(23). P. 30–32. (In Russ.)

Ganelin R.Sh. (1969) Russia and the USA, 1914–1917: essays on the history of Russian-American relations. Leningrad: Science. 423 p. (In Russ.)

Golikov A.G. 1981) World War I and Russian monopolies. *Voprosy` istorii = Issues of History.* No. 6. P. 103–114. (In Russ.)

Golovin N.N. (2014) Russia in the First World War. Moscow: Veche. 720 p. (In Russ.)

Zalesskii K.A. (2015) Eromlaevich Evert – Forgotten General of Forgotten War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies.* No. 1 (14). P. 53–85. (In Russ.)

Ignat`ev A.V. (1966) Russian-English relations on the eve of the October Revolution. Moscow: Science. 400 p. (In Russ.)

Kitanina T.M. (2003) Russia in the First World War. 1914–1917. Economics and economic policy. In 2 pt. Pt. 1. The economic policy of the tsarist government in the first years of the war. 1914 – mid.1916. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 146 p. (In Russ.)

Lebedev V.V. (1964) Russian-American economic relations (1900–1917). Moscow: International relations. 379 p. (In Russ.)

Listikov S.V. (2006) USA and revolutionary Russia in 1917: to the question of alternatives to American politics from February to October. Moscow: Science. 452 p. (In Russ.)

Maevskii I.V. (1957) Economics of Russian industry in the conditions of the First World War. Moscow: Gospolitizdat. 392 p. (In Russ.)

(2016) World War I: influence on the economy of Russia and the world. Collective monograph. Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 200 p. (In Russ.)

Sedov V.V. (2009) Mobilization economics: from practice to theory. *Mobilizatsionnaya model' ehkonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka»: sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. = Mobilization model of economics: historical experience of Russia of the twentieth century. A collection of materials from the All-Russian scientific conference*. *Chelyabinsk, November 28–29, 2009.* Chelyabinsk: Entsiklopediya. P. 7–9. (In Russ.)

Senin A.S. (2014) Organization of supply of the Russian Army with weapons and ammunition during the First World War. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. Ehlektronnyi sbornik. Vyp. 2. = XX century and Russia: society, reforms, revolutions. Electronic collection.*

Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой Мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 580 с.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой Мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.

Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. 332 с.

Сведения об авторе

Синиченко Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия,
✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Заявленный вклад автора

В.В. Синиченко выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 6 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10 февраля 2021 г.
Принята к публикации 24 февраля 2021 г.

Iss. 2. Samara. P. 63–79. Available at: https://readera.org/140129658 (In Russ.)

Sidorov A.L. (1960) The financial situation of Russia during the First World War (1914–1917). Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 580 p. (In Russ.)

Sidorov A.L. (1973) The economic situation of Russia during the First World War. Moscow: Science. 656 p. (In Russ.)

Shigalin G.I. (1956) Military economy in the First World War (1914–1918). Moscow: Voenizdat. 332 p. (In Russ.)

Information about the author

Vladimir V. Sinichenko,
Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher at the Research Center,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
8, Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh street, Moscow 125130, Russia,
✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Contribution of the author

V.V. Sinichenko carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received January 6, 2021.
Received February 10, 2021.
Accepted February 24, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(100)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-226-239

Prisoners of war and women: between loyalty and treason (gender aspects of captivity during the First World War)

© Alexander V. Anufriev[a], Dmitrii V. Kozlov[a], Eszter Kaba[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] Institute of Political History of Hungary, Budapest, Hungary

Abstract: The First World War changed the lives of women no less than direct participation in the war for men. In the absence of the head of the family, it was necessary not only to replace him, but also to take responsibility for the maintenance of family members, children or elderly parents. During the war, women had to make some decisions without precedents before. Mostly women started working, but their wages were much lower than those of men doing similar work. There was no great help from the state. In addition, women who were in a civil marriage, according to the law, did not receive anything at all in return for the lost income of a conscripted to the army man. The waiting time for the men was endless, but after 1918, the women hoped that their husbands would return home from the battlefield and from the pow camps. The article cites written primary sources that clearly and figuratively reveal the research problem: petitions, letters, records in metric books. Some statistical data are also given, and relations with the population of Siberia, including the Cossack population, are briefly highlighted. The internal political situation in Russia, the revolution and Hungarian-Russian diplomatic relations made it difficult to return for prisoners of war. The prisoners had to wait a long time for their return to their homeland, where they returned finally in the early 1920s. The women's expectations were complicated by the fact that even after the start of state repatriation, no one could be sure that their husbands would necessarily return home with this or that group of prisoners of war. So women actually had two choices: either they faithfully waited for their husbands to return, or, having rethought the values of marital fidelity, sought new male support periodically.

Keywords: First World War, Russian captivity, prisoners of war, women, waiting, loyalty, infidelity, marriage, missing persons, family

Acknowledgements: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for the Russian Language and Culture in Hungary as part of research project No. 19-59-23007.

For citation: Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. (2021) Prisoners of war and women: between loyalty and treason (gender aspects of captivity during the First World War). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 226–239. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-226-239

Военнопленные и женщины: между верностью и изменой (гендерные аспекты плена во время Первой мировой войны)

© А.В. Ануфриев[a], Д.В. Козлов[a], Э. Каба[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[b] Институт политической истории, г. Будапешт, Венгрия

Аннотация: Первая мировая война изменила жизнь женщин не меньше, чем непосредственное участие в войне мужчин. В отсутствие главы семьи жене приходилось не только замещать его, но и принимать на себя ответственность за содержание членов семьи, детей или престарелых родителей. Во время войны им пришлось принять ряд принципиально новых решений, ранее не имевших прецедентов. В основном женщины начали работать, но их заработная плата была намного меньше, чем у мужчин, выполняющих аналогичную или похожую работу. Отсутствовала большая помощь со стороны государства. Кроме того, женщины, состоявшие в гражданском браке, согласно закону, не получали вообще ничего взамен утраченного дохода призванного на службу мужчины. Время ожидания мужчин было бесконечным, но

после 1918 года женщины надеялись, что их мужья вернутся домой с поля боя и из лагерей военнопленных. В статье цитируются письменные первоисточники, наглядно и образно раскрывающие исследовательскую проблему: прошения, письма, записи в метрических книгах. Приведены и отдельные статистические данные, кратко освещены отношения с населением Сибири, в том числе с казачьим. Внутриполитическая обстановка в России, революция и венгерско-российские дипломатические отношения затрудняли возвращение военнопленных. Многим пленным пришлось долго ждать своего возвращения на родину, куда они вернулись в начале 1920-х годов. Ожидания женщин осложнялись еще и тем, что даже после начала государственной репатриации, никто не мог быть уверен, что мужья обязательно вернутся домой с той или иной группой военнопленных. У этих женщин на самом деле было два выбора: либо они предано ждали, пока их мужья вернутся, либо, переосмыслив ценности супружеской верности, периодически искали новую мужскую поддержку.

Ключевые слова: Первая мировая война, русский плен, военнопленные, женщины, ожидание, верность, измена, брак, пропавшие без вести, семья

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007.

Для цитирования: Ануфриев А.В., Козлов Д.В., Каба Э. Военнопленные и женщины: между верностью и изменой (гендерные аспекты плена во время Первой мировой войны) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 226–239. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-226-239

The First World War changed the lives of women no less than direct participation in the war for men. In the absence of the head of the family, it was necessary not only to replace him, but also to take responsibility for the maintenance of family members, children or elderly parents. Mostly women started working, but their wages were much lower than those of men doing similar work (Zalai Katalin, 2017a; Zalai Katalin, 2017b). There was no great help from the state. In addition, women who were in a civil marriage, according to the law, did not receive anything at all in return for the lost income of a conscripted to the army man. It was especially difficult for women to become the head of the family, because until then they were always forced to be on the sidelines (Kaba Eszter, 2017). During the war, they had to make a number of separate decisions that had no precedent before. Letters, postcards to the front supported family ties, briefly reporting on household chores and the state of the economy (Hanák Péter, 2009).

The waiting time for the men was endless, but after the armistice of 1918, the women hoped that their husbands would return home from the battlefield and from the pow camps. The process of returning home did indeed start from Italy and the Western front, but the situation of those women whose husbands were in Russian captivity was different. The internal political situation in Russia, the revolution and Hungarian-Russian diplomatic relations made it difficult to return for prisoners of war. Russia in 1918 initiated the return of prisoners from the European part, but this did not extend to Siberia and Turkestan, as well as to the Russian Far East. The prisoners had to wait a long time for their return to their homeland, where they returned finally in the early 1920s (Kolontári Attila, 1983; Petrák Katalin, 2012).

The women's expectations were complicated by the fact that even after the start of state repatriation, no one could be sure that their husbands would necessarily return home with this or that group of prisoners of war. So women actually had two choices: either they faithfully waited for their husbands to return, or, having rethought the values of marital fidelity, sought new male support periodically. It`s Interesting, women sometimes found such support among Russian prisoners of war in Hungary, while male prisoners of war sought it in Russia itself. It is important to note that the study of different models of behavior of wives of prisoners of war can be considered as a description of the gender aspects of the captivity of the First World War. It is an integral part of new approaches to the history of captivity, starting from the analysis of captivity as a complex socio-cultural phenomenon associated with the

problems of identity, loyalty, adaptation of prisoners of war. A number of recent studies have allowed a new approach to this topic. Captivity in this case is considered by historians as an integral part of the history of the First World War (Davis, Gerald H., 1983; Davis, Gerald H., 1987; Davis, Gerald H., 1993; Gergileva A.I., 2007; Grekov N.V., 1997; Herwig, Holger H., 1997; Kalvoda Josef, 1983; Krammer Arnold, 1983; Moritz Verena, 1998; Pastor Peter, 1983; Rachamimov Alon, 2000; Shleikher I.I., 2001).

Waiting women

A model of faithful wives can be considered Camilla Telkessi, the wife of army captain Cornel Karcis. The captain, who was born in Budapest in 1882, was captured along with his partner in March 1915 after the assault on Przemysl. He escaped from captivity in 1920. By his own admission, his escape was like "in the movies". First, he traveled from Siberia for 25 days to Petrograd. But when he got there, he was unlucky, he was arrested by the Cheka. After his arrest, he was forced to work, unloading firewood from ships on the Neva. He, like many other officers, was held hostage by the decision of the revolutionary Tribunal. The prisoner was sent to a military prison, where he fell ill with scurvy, and then underwent surgery for appendicitis. As soon as he began to recover, he ran again. In the summer of 1921, after crossing lake Ladoga, he found himself in Finland, from there he returned home to Hungary, where, like his fellow prisoners, he was first placed in a filtration camp in Chot. It was there that he informed the family of his return home. During the seven years of his absence, the spouses wrote countless letters to each other. In letters full of love, he called his wife: "My sweet chamomile!" and his wife addressed him: "My good Cornel!" Despite the absence of his father, two children (the eldest Clara and the youngest Janicek, born after his departure to the front) were brought up to love him. The son in his letter to his father in the camp wrote: "Dear dad! I wait for You, to see You атд to kiss Your hand!"[1] It is clear that a high social position and material wealth of Camilla Telkessi gave her more opportunities and made it easier fate in comparison with those women when the husbands have gone to the front, were the sole breadwinners. Better living conditions and the possibility of regular written contact with the husband it made possible for the image of the father to persist in the family and even more widely among the people around the family. The situation was different with women who were forced to work. There was little time left in the face of constant financial difficulties. The image of the head of the family was often preserved only in a single photo. The fate of the rural population was especially difficult – for those who were engaged in agriculture, workers were worth their weight in gold. And often during the war the prisoners of war from Russia were involved in such agricultural activities by the state. And sometimes such prisoners could take the place of the absent head of the family.

Lovers of prisoners of war

In private Hungarian letter of this time there is a statement: that love knows no national borders and the relationship between Eva Yalinek from Laskafalun and the Russian prisoner of war Stepan Eremko is evidence of this. And this was not unique case (Mohács newspaper. 18 number. 1917. May 6). So it became widely known the case of Miss Dimitris Nicolein suffering of parting with his Russian lover. However, the police then found the body of a dead baby in a basket with land. Police began questioning a woman who initially claimed the baby was stillborn. Then she confessed to killing her own child. Miss Dimitris arrested (Mohács newspaper. 23 number. 1917. June 10). But her story wasn't unique either. Often children grew up and men returned from captivity treated them as their own. But often the infidelity of women did not go unnoticed, and it could end the tragedy. In March 1918, Maliy Jene, a 32-year-old former infantryman who was described by his neighbors as an exceptionally friendly man, returned from Russian captivity and learned that in his absence, his wife was looking for happiness in someone else's arms. It was reported that at first

[1] Family correspondence is available to E. Kaba with help of János Karcis.

this man accepted the situation, but a few days later he cut his wife's throat with a bayonet. The former prisoner of war was court-martialed. Based on the testimony in court, it can be concluded that his wife during the war practically became a prostitute-apparently, she was pushed to this by the need to support the children, and then himself. But the husband was not sentenced to death or to a long term of imprisonment. The killing was described as a consequence of the trauma and shock of participating in the war actions. The judges found that he was in a state of mental disorder at the time of the murder, It is interesting that most often military trauma was considered as "temporary problem" but at this case, rather as an exception, it was considered as a cause of mental disorder (Ferenc Erős, 2015).

The problem of fidelity / infidelity did not concern only women living at the rural area. The war contributed to the emancipation of sexual life, which, in particular, was reflected in the increase of the number of sexual diseases. Sometimes this, due to the need for long-term treatment, affected the non-recognition of soldiers as fit for military service. In turn, this could be one of the sources of the shortage of manpower for the army of the Austro-Hungarian monarchy. The topic of loyalty and infidelity, the discussion of casual relationships, often became part of the correspondence between the front and the rear. Women wrote to the front about the "weight of war" when discussing their female acquaintances. At the same time, fearing infidelity, they asked if their husbands found comfort in communicating with women. The years of war, the time spent apart, look like a heavy burden on a marriage, especially if you look at it from the point of view of women. Women get used to living in the same environment, so even their possible infidelity in accordance with the mores of that era looked like the destruction of this environment. The problem of infidelity of men or their sexual relations with prostitutes (including at the front) was most often not considered by society as a threat to marriage.

The relationship of the sexes in the village was quite complicated. In the period 1914-1918, a new generation of women who did not have husbands, who went to the front, grew up. But often in the village you could meet Russian prisoners of war as potential male partners. They were in Hungary for many years – the revolution in Russia affected their return to their own homeland as well as the Hungarian prisoners of war. In 1922, one of the last Russian prisoners of war recorded in writing his thoughts about returning to Russia. Prisoners during their stay in Hungary, thanks to their economic activities, integrated into the life of the villages that received them, many of them found wives. There is no exact information about the number of marriages of prisoners. The Ministry of Defense in 1918 mentioned the need to regulate the marriages of prisoners of war, referring to the experience of Russia. In Russia, it was always necessary to inform the relevant authorities about the desire to marry. It was also required to note information at the personal documents of both parties.

Relatives and friends often opposed marriages with Russian prisoners of war, at many cases interested families even tried to prevent the lovers from meeting. In Baimok (now Serbia), the ban of the head of the family, Simon Kollar, on his daughter meeting with a Russian, led to a tragedy. The Kollar family had a Russian prisoner of war for two years, and during that time he fell in love with the owner's daughter, who reciprocated. When Mika Elemani (in other places Gelovani) Zacharias asked daughter to marry him, Simon Kollar refused to marry his daughter to a Russian, whom he sent away from his farm then. The man found a new job nearby and continued to date the girl. One day when the parents went to the city, the man decided to visit his beloved on a farm in Baimok. But after the unexpected return of the parents, a heated quarrel began. The prisoner of war drew the weapon with which he shot his fiancee and her parents. He himself was badly wounded. Zacharias fled the scene, but after a few hours he voluntarily surrendered to the police and was arrested. Some people who lived in mixed marriages later settled in Hungary. However, this was only a small part. After the beginning of the exchange of prisoners, many of them returned to their homeland in the hope of a better life. So did our hero, he went

to Russia. This was reported by the newspaper "Pesht" in May 1922. The article also claimed that in addition to the Russian prisoners, a former Hungarian prisoner of war returned to Russia, because he was confused in calculations and faced financial difficulties (Pesti newspaper. 107 number. 1922. May 12).

The fate of the wives of soldiers who went missing

There was also a group of wives who saw their husbands last when they were going to the front and when they said goodbye to them at the train station. The women continued to wait endlessly. It was hard both psychologically and financially. After all, a family with remaining children did not fall under the category of war widows and orphans who could claim benefits. After the agreements on the exchange of prisoners of war and after the return of prisoners of war, it became clear that the number of missing persons was more than ten thousand people, so that a significant number of families were in such an incomprehensible status.

As we have said before, the return of prisoners of war from the Russian captivity continued for years. Officially, the state completed the transportation of prisoners in September 1922. In 1921, the Ministry of Interior issued the Decree on the preparation of National census (Metropolitan Gazette. 36 number. 1921. August 26). According to this census, it can be seen that many missing persons made themselves known for the last time in 1918 and earlier. The previous practice of declaring a missing person dead was revised in 1922. On June 13, the press announced that the Minister of Justice had issued a new decree on the issuance of a death certificate. Such legislation existed before, but it has been expanded. Under the new regulation, relatives could demand that missing persons be declared dead if this happened before January 1, 1920. In practice, this meant that their husband and father had not shown any signs of life since. A death report could also be filed if someone was captured, but there was no news since January 1920.

This provision was especially important for those whose husbands had not returned from Russian captivity by the specified date, since if they initiated the process of declaring the missing person dead, then the woman who remained a widow after the war and the children were considered war orphans and had the right to help. The aid itself was ridiculously small - 12 crowns a year for war orphans who lost their fathers, but even then, only for a limited period: boys could receive this benefit until the age of 16, girls - until the age of 14. But many were forced to go to the beginning of such a procedure for purely financial reasons. There were other people who decided otherwise, and until the late twenties and early thirties hoped for the return of their breadwinners – they carefully followed the short news reports from the Soviet Union that appeared in Hungarian newspapers, hoping to meet the names of their relatives.

The situation of wives brought from Russian captivity

A separate group of women who came to Hungary with their husbands who returned from Russian captivity also deserves attention. The surviving diaries and memoirs show that the endless life in the camp and the constant longing for female companionship was hard for all prisoners. For example, food, money or other aid items intended for prisoners were often delivered to the camps by Red Cross representatives. And the sight of these ladies from the Red Ccross turned into a ritual for the prisoners. After the visits, they spent days discussing the appearance of the ladies, their voices, and those prisoners who were able to get a gentle female handshake (Ehrenstein Leopold, 1937). Such an unnatural situation was sometimes overcome by choosing a girlfriend in Russia. Women were often searched even with the help of the newspapers (Kaba Eszter, 2018). But when the prisoners wanted to bring their girlfriend with them to Hungary, due to a number of legal issues, this led to problems and rested on financial issues.

The government needed certain funds for the repatriation of captured residents of Hungary, these funds were always not enough. Therefore, Hungarian officials often turned to both citizens of the

country and compatriots abroad to collect additional assistance. As an example, it can be cited a fundraising campaign in America from Hungarians there, which was conducted by former Prime Minister Karol Husar (Karol Husar's agitation journey in America // Pest newspaper. 128 number. 1920. May 29). Naturally, such events also worked to unite society. But in such limited financial conditions, the additional costs of Russian women and children born in marriage meant that it was impossible to send someone else from the captured soldiers and officers to their homeland. But even in the event of a possible joint return to Hungary, there was no guarantee that the family would survive. But the possible divorce of the spouses created new problems, because women who were left alone could hardly find work and integrate into society without knowledge of the language. A similar situation was also observed if the husband fought in Russia in the Red army and was a member of the Communist party, or fell under another "suspicion of sympathy for the Bolsheviks" and as a result ended up in prison or in an internment camp – which also led to the loss of the "Russian family" breadwinner. However, many prisoners of war fought hard for the preservation of their families, so in the end, the government decided after the conclusion of prisoner exchange agreements in 1920, that women and children should be included in the total number of returning prisoners.

At the end of the summer of 1920, the press first reported that nine prisoners of war returning from Siberia had married in captivity and their wives were traveling with them (Pesti newspaper. 183 number. 1920. August 3). Later, the flow of such news increased. There were reports of children (Pesti newspaper. 184 number. 1920. August 4). In 1921, the report on the return of one of the groups was already about 44 women (Pesti newspaper. 63 number. 1921. March 21). Then, such reports have become commonplace. Then the politicians' concerns about Russian wives began to be confirmed. Many men grew cold to their Russian women and "forgot" their soulmate in the filtration camp. An illustrative situation is given in one of the newspapers of 1921 (Pesti newspaper. 138 number. 1921. June 25). There was talking about crossing in a boat from the filtration camp. When one of the women tried to climb into the boat after her betrothed, he suggested that she go away, because there was no room for her in the boat. And if she did not agree, then she could return to her Siberia. An old boatman, the prisoner's brother, who was present, asked why the man did not want to take the woman with him. Brother replied that he was not going to drag her to his village, so that everyone would laugh at him because of this "ugly". The boatman replied that the Russian was a woman with arms and legs like all the Hungarian women in the village. Soldier asked: "Who? That "muska", the cow with the eyes of fish?" The boatman philosophically remarked that if it was ground, there would be flour. The prisoner stood his ground, declaring that he did not want it. But boatman asked brother why she was so good in captivity. To which he received the answer that it was a completely different situation. Boatman: "Why the other one? Did she cook for you, did laundry, was she affectionate and loyal?" The soldier answered all these questions affirmatively. But then his brother Gabor, the boatman, asked what the prisoner wanted else. The article continues further. But in the brief given dialogue, the widespread attitude of Hungarian prisoners of war to their Russian wives is clearly visible. Such mixed marriages (according to the Soviet definition) often ended by divorce, even if the obstacles to return were overcome. In this case, the question about the recognition or non-recognition of the institution of Soviet marriage in Hungary arose.

Bela Furtkovits, Deputy Director of the United Capital savings Bank, served as a senior Lieutenant in the war, and after being captured in Russia, he met a Russian woman in Moscow, who according to the local law, was also supposed to marry. He brought his wife Claudia Kostina to Hungary, where they had two children. But then amorous feelings of Furtkovits have cooled, and he married second time. Russian wife filed for Furtkovits to court for child support. The court of first instance dismissed the petition, finding that Furtkovits married was not

officially. She did not recognize the court's decision and appealed to the Royal Court. The Royal Court ordered compensation for the damage caused to the woman. At the same time, the court pointed out that a marriage concluded under Soviet laws should be considered valid until the court recognized it as invalid. Then it was held a new trial, and the woman's judgment was set the contents in the amount of three million crowns at the expense of the monthly income of Forthwith in the amount of fifteen million crowns (All Soviet marriages are valid until the court breaks it down // Pesti Review. 122 number. 1926. June 2).

Gyorgy Bartoszek's wife, who was left with a child, was also given a good allowance. She gave birth to the child in the clinic and recognized Bartoszek as the father of the child. In court after the verdict in favor of the woman, Bartoszek allegedly said: "Why did you follow me to Hungary? After all, I will not go to Russia if someone calls me?" (Russian-Hungarian marital tragedies before the Criminal Tribunal // Órai newspaper. 206 number. 1926. September 12).

Shandor Lovassy was prosecuted for bigamy, but was acquitted on the grounds that the institution of the Soviet marriage was considered invalid in Hungary. Shoemaker Shandor also married in Russia in 1920 and was married according to the rite of the Orthodox Church. Together with his wife a year later, he returned to Hungary. A few months later, his wife gave birth to a little girl, Lovassi wanted to register his child, but all attempts were in vain. All the priests declared the marriage invalid, so the child from this marriage was declared born outside the law. He was named only by the name of the mother. Lovassy did not attach much importance to this issue (Siberian love before the Budapest tribunal // Pesti newspaper. 207 number. 1926. September 12). He left his family then, went to Budapest, and married once more. In this case, it is particularly shocking that the new wife knew about the Russian wife and even about the child.

The existing contradictory judgments strongly influenced public opinion, the question of the legality of a marriage concluded in Russia was also important for those who returned to Hungary with their wives and children. The unclear legal situation baffled notaries and civil servants, for example, when it was necessary to find out whether children born in mixed marriages and registered on the basis of Russian documents should be recognized or not? Often interested persons were invited to the Ministry of Internal Affairs on an individual basis to answer specific questions there. For a long time, even lawyers did not come to a common conclusion on this problem. In 1926, the court adviser Kornel Stehlo expressed an opinion on this issue that differed from the opinion of the member of the Royal Court Laszlo Sömjén.

In October 1926, in a column in the Budapest newspaper, K. Stehlo gave clear legal arguments in favor of the legality of the Soviet marriage. In his view, legitimacy should be assessed, starting from a purely legal and unemotionally moral basis. In order to clarify the legal situation, it`s enough to know the Hungarian act no. 34 of act No. 113. § 4. It states about "the validity of the marriage in respect of formalities related to marriage, during marriage itself". Legality must be assessed in accordance with the current legislation, so it is not necessary to ensure that marriages in Russia meet the formal requirements established by Hungary. They must comply with the requirements of (Soviet) legislation in Russia. This legal provision applies even if – as it was in one case -Russian law was not known at all (Stehlo Kornél: The question of the validity of Soviet marriage // Budapest newspaper. 239 number. 1926. October 9). L. Sömjén held the opposite view and defended it in the Ministry of Justice. From his point of view, marriages concluded in Soviet Russia were just an administrative forced action. Therefore, in Hungary, it can only be a question of considering mixed marriages. Prior to this, one of the Church denominations also came to the conclusion that Soviet marriages in Hungary were invalid, even if the conclusion of marriages under Soviet laws was considered legally binding. When it asked about the rule of law in the Soviet Union and the immorality of Soviet morality, Sömjén explained that he had a very specific argument in favor of the insignificance of

Soviet marriages. He claimed that a lot of prisoners of war did not consider such a marriage valid, as they were limited in their means of subsistence, and there was also the influence of Russian wives and relatives on their minds. In addition, in the case of consideration of this circumstance, a prisoner of war would not have received permission to return to his homeland with his wife from Russia, if before the draft he was already married and cohabited with a woman (Sömjén L., 1926).

K. Stehlo responded to the article of L. Sömjén in Budapest newspaper (Sztehlo Kornél: Soviet Marriages // Budapest newspaper. 249 number. 1926. November 26). He pointed out that, as it could be seen from the article by L. Sömjén, the Ministry of Justice considered the appropriate legislative section unsuitable for the consideration of Soviet marriages. This is done on the grounds that the Soviet government is considered as an established state entity, which is temporary, so Soviet laws cannot be considered state legislation of the Russian people. That is, the Soviet law contradicts the "spirit of European civilization". In this case, there is no Christian moral conviction as a basis for regulating marriage. That is, it may not even be about marriage, but about consent to the institution of a concubine. Based on this logic, a Hungarian citizen who formally enters into a Soviet marriage, in fact, does not marry and cannot be considered married. According to K. Stehlo, it contradicts the reality of Soviet legislation in accordance with which marriages are concluded by mutual consent and in the presence of the registering party. In fact, compliance with these conditions is a sufficient reason to consider these relations legal in Hungary as well. In his answer K. Stehlo also stressed that his opponents, while not recognizing the legality of marriages concluded in Russia, actually favor men who return home and leave their wives and children or their families in Russia, while forgetting about their possible bigamy and not considering it as a crime.

Thus, we see the absence for many years of a unified position on Soviet marriage. But in the debate about its legality, the scales were clearly tipped in favor of men. The marriage was considered truly valid only when it was re-confirmed by the Hungarian authorities, and it was legalized that after marriage with a man, there were those whom he personally recognized. In 1929, the Royal Court finally issued a ruling stating that it considered Soviet marriages invalid, since they were concluded in the Registry Office, but before that they were not consecrated by the Church (Catholic or Orthodox), which was considered a necessary condition for the legality of marriages. Interestingly, this ruling was contradicted by a decree issued at the same time by the Ministry of Justice that Russian citizens (in this case, women from Russia) in Hungary cannot claim that their marriage is invalid as long as the Soviet Union uses Soviet legislation, that is, as long as it exists. On this basis, they cannot marry once more in Hungary. This created a paradox – it turned out that Hungary recognized the marriage of a Russian citizen concluded under Soviet laws as valid, but this marriage turned out to be concluded with a formally "non-existent" Hungarian citizen (Szászy I., 1938).

In the 1930s, news about Soviet Russia related to prisoners of war reappeared on the pages of newspapers. But this time it was not only about divorces, but also about joyful events. It was about families who returned from captivity and were accepted by Hungarian society and the law. In one of the evening newspapers in 1938, a special photo report was published about the baptism of four children born in a Hungarian-Russian marriage. Their godparents were the Commissioner of police and the famous aristocrat count Bethlen Martha (Az Est. 178 number. 1938. August 9).

Women and prisoners of war in Russian captivity

The events of 1917 destroyed a fairly rigid wall separating prisoners of war from the local population. Of course, much depended on the location of the prisoners of war. In large camps separated from cities (Irkutsk, Verkhneudinsk, Krasnoyarsk), contacts were reduced to a minimum, and in places where prisoners of war were placed outside the garrisons in the settlements themselves (Sretensk, Nerchinsk, the camp in Chita itself), such contacts became commonplace. Isolated from their homeland

and family, the prisoners of war also sought contacts with local women. In the Central and regional archives, you can find a variety of documents that present a whole range of different stories. The authorities tried to prevent close contacts of prisoners of war with the local population and were extremely negative about official marriages and the desire of prisoners of war to accept Russian citizenship. But it was impossible to completely eradicate the contacts. The files of the Irkutsk provincial Gendarme Department contain a huge amount of factual material: from reports about contacts with prostitutes and sentimental stories "about eternal love" and common parties to material about the alleged "propaganda" of the local garrison. So, on March 7, 1916. when peasant of Verkhneudinskaya County Matrona Linareva tried to send a parcel to the prisoner S. Schwartz, she was detained. The investigation revealed that the parcel was intended for officer of the Austro-Hungarian army Novatny which Linareva "has a close affair and often visited him in Peschanka" (State Archive of Irkutsk Region. F-600. Op. 1. D. 1262. L. 67), in the same case file there is a report of the gendarme captain Popov that: "the canteen" Petrograd "in the city of Chita is visited by prisoners of war accompanied by the lower ranks of the guard, where drunkenness occurs, together with the ranks of the guard" (State Archive of Irkutsk Region. F-600. Op. 1. D. 1262. L. 103).

In contacts with prisoners of war, quite high-ranking persons were also noticed, so the head of the provincial Gendarme Department noted: "… the apartment of the widow of major General Moskvin was visited by prisoners of war officers … Mrs. Moskvina is Polish and all prisoners of war officers are poles; not suggesting anything illegal, still feel uncomfortable for a Russian woman to enter into compromising relations with the officers of the warring us States" ended writing a proposal to the military Governor of Transbaikalian area "to remove named entities (she and her sister) from outside Berezovsky's garrison" (State Archive of Irkutsk Region. F-600. Op. 1. D. 1262. L. 164). In Chita on February 12, Maria Stelman was detained while trying to hand over to the prisoner of war Max Heine a package in which there were 4 letters, two bottles of beer, sausage and lard, on the letter Geike's hand was written "after all, after the war I will leave you". In Troitskosavsk, the gendarmerie came to the attention of engineer S. Vasiliev, who with his cohabitant-a black woman Alice Blyash: "Arranges drinking parties in his apartment to which he invites prisoners of war" (State Archive of Irkutsk Region. F-600. Op. 1. D. 1062. L. 529).

Persons found to have illicit relations with prisoners of war were punished administratively. M. Kormiltseva for "relations with prisoners of war without proper permission" by the decree of the Irkutsk Governor-General of 30.04.1916 was subjected to "a fine of 50 rubles, and in case of insolvency-arrest for 2 weeks" (State Archive of Irkutsk Region. F-600. Op. 1. D. 1062. L. 238). Over time, the position of the official authorities softened, first easing in terms of accepting Russian citizenship and officially marrying local residents the Slavs received, prisoners of war of the Austro-Hungarian and German armies, who were traditionally considered close by blood and religion. Similar processes were noted by Russian prisoners of war in Austro-Hungarian captivity. According to an eyewitness: "Everyone who could, signed up for field work, mines or factories. By the end of the war, hundreds of thousands of prisoners were living in Czech, German and Hungarian villages without any supervision, under the responsibility of their masters. Many of them returned to the camp for the winter, but there were lucky ones who broke out of the camps forever and stayed in the villages for years. Widowed or out of touch with their husbands, peasant women soon got along with new workers, and the simple order of village life took its toll… And since all this happened everywhere and took on a mass character, the neighbors also ceased to be shy, the prisoner put on the clothes of the absent owner and became completely his own" (Levin K., 1936).

In September 1918, the "Rules on the admission of foreign prisoners to Russian citizenship" were approved. And in April 1919, there was an order for the Irkutsk military district, regulating the issues of marriage between prisoners of war and

local residents. In accordance with this document, all restrictions on marriage for Slavic prisoners of war were removed, and other prisoners of war could marry in "case of moral necessity", this term meant, first of all, the presence of common children or the pregnancy of a woman. However, the prisoner of war was obliged to provide:

1) a document on the absence of a registered marriage in the homeland

2) the petition of the woman herself

3) some kind of characterization (either from the pow community, or from the camp commandant, or from the organization where he works).

In a personal petition, candidate had to justify his desire to marry (most often this was accompanied by a request for acceptance of Russian citizenship) and indicate further plans for life. Formally, the first point was the most difficult, because often prisoners of war did not have such documents, and it was virtually impossible to request them in the most difficult situation of 1917–1920. Authorities often counted for this document a guarantee of other prisoners, so officers – prisoners of war camp in Krasnoyarsk testified that the ensign of the Austro-Hungarian army Albert Lett blank and has no restrictions on marriage with the girl Serafima Nikitina (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 246), sometimes the priest could give such a document, after a conversation with the couple, the Dean of the Irkutsk Church has allowed the marriage of a Catholic pow F. Sabo with girl M. Vdovina (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 216–217).

It should be noted that marriages were absolutely officially concluded before. But for this it is necessary that a serious advocate stands behind the prisoner of war. So at the beginning of 1919, a prisoner of war officer of the Austro-Hungarian army, Hungarian by origin Andrei Wilhelmovich Hamburger, married the girl Zoya Petrovna Silantieva, the daughter of a national teacher. By this time, he was living freely in Irkutsk (the house on the corner of Troitskaya and Basninskaya No. 5/55) and he was the chief engineer of Irkutsk.

By education, he was a hydraulic engineer, since 1916 he worked as a specialist in the Zairkutny camp (it was he who designed and built artesian wells in the pow camps of Irkutsk), since 1917 he was invited to the engineering service by the Irkutsk mayor. During the year, he prepared a project for the settlement of the Ushakovka riverbed, carried out the repair of the Znamensky and Prison bridges, and was also responsible for the operation of the pontoon bridge. In his petition to the commander of the district, the Irkutsk mayor gave the following description of Andrey Vilhelmovich: "he showed himself as an outstanding technical worker, highly educated, talented and exceptionally able-bodied".

In his personal petition, A. Hamburger asked not only for marriage, but also for the adoption of Russian citizenship, pledging to become Orthodox. The request was granted, the applicant was granted citizenship and officially married (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 65–69). Petitions of this kind from qualified specialists (engineers, doctors, etc.) were not exception, but the norm. The local authorities of Eastern Siberia needed such professionals, tried to "get" them out of the camp, offered various preferences; and the young girls, who were not spoiled by male attention, saw in these prisoners of war "a beautiful candidate for marriage". Several such examples can be cited at once (engineer Y. Kraus (an officer – prisoner of war of the Krasnoyarsk camp) asked permission to marry a woman doctor A. Ivanova, saying that they were expecting a child; a prisoner of war doctor of the same Krasnoyarsk camp A. Prakhner married a girl A. Silina and took Russian citizenship; a pilot, a prisoner of war R. Miller married a girl F. Khukalenko, indicating the reason that the bride was expecting a child). Sometimes the story of the relationship resembled an exciting tabloid novel, so the prisoner of war officer of the Austrian army E. Fabra, petitioning in December 1918. about the marriage with the girl L. Yushkova, reported that they met in the Kurgan camp, fell in love with each other, and after his transfer to the Krasnoyarsk camp, the bride followed him, in July they got engaged, and now they are asking for permission to enter into a legal marriage

(Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 277–279).

The petitions of prisoners of war for marriage are also of interest. So pow from Zairkutny town Walter Trenchard requesting marriage with Mary Kinder and explained the need to justify marriage through the bride's family in running the household: “a large farm is breeding … keeping such a huge economy without male labor hard for her. They have no men” (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 271). But the most popular reason was either the bride's pregnancy, or already having a common child. The record holder in this regard was the Irkutsk prisoner of war E. Eleshir, at the time of the petition for marriage in December 1918, he lived with E. Fedorova for 4 years and had 2 children together and reported that his wife was “pregnant again from me” (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 286). It is worth noting the characteristic of the future husband, which is given by the bride, in the document of consent to marry. Usually it was a standard document stating that “the Maiden *name* agrees to marry a prisoner of war *name*. *Date, signature*”. But there were exceptions, so inhabitant of Irkutsk P. Koshkina, describing the prisoner of war Yu. Grkovich in his receipt says: “Knowing Julius Alexandrovich Grkovich as an honest man, I agree to marry him” (Russian State Military Archive. F. 39515. Op. 1. D. 301. L. 264). There are a lot of Interesting facts for analysis in the metric books of Irkutsk churches. Until 1917, the authors failed to identify in them the facts of marriages of local residents with prisoners of war. But already in the metric book for 1919 of Irkutsk Transfiguration Church contains records of the marriage of the prisoner of war Hungarian engineer Szécsény Desideria with I. Afanasyeva Elena Nikolaevna and the captain of the Czechoslovak troops of Franek Vyacheslav Iosifovicha with Nesterevoy Anna Agafonova, Elias Ludwig Yakovlevich paramedic of Czech-Slovak army with Titova Cleopatra Petrovna, Janda Jan Pavlovich, Dr., Colonel of the medical service of the Czech-Slovak army with Polivanova Natalia Filippovna, the Lieutenant of the 2nd Czechoslovak regiment Hare Franz Antonovich with Kurbatovoj Mail Afanasyevna. Total of all 107 records of marriages there are 5 records of marriages of former prisoners of war, and this is only in one of the churches of Irkutsk (State Archive of Irkutsk Region. F. 266. Op. 3. D. 49, 77, 95, 105, etc.).

Thus, it is worth noting that there is much less contact with the local population (compared to the Western part of the country). Pow camps in Eastern Siberia were located in military camps, with a fairly strict (until 1917) access regime. The camps, which were “overloaded” with prisoners of war, lost a significant part of their inhabitants in the summer of 1916. They were sent to agricultural work in the Volga region. Some of the prisoners of war were used for work on the territory of the camps, and the rest, for the most part, worked in teams in large settlements. The use of prisoners of war in agriculture on the territory of the Irkutsk military district was extremely rare. An interesting feature is due to the fact that most of the large camps of the Irkutsk military district were located on the territory of the Trans-Baikal Cossack army. The attitude of the local (primarily Cossack) population to the prisoners was sharply hostile. P. Krasnov, describing the Cossack units, wrote: “Especially many of the Cossacks fled. It should also be said that the Cossacks in captivity were treated strictly. In the Austro-German army there was a belief that the Cossacks did not give mercy to the enemy, that they did not take prisoners, and therefore in the camps they took revenge on the Cossacks. And one more thing. In the Cossack units, captivity, according to tradition, was considered not a misfortune, but a disgrace, and therefore even wounded Cossacks tried to escape in order to wash away the shame of captivity” (Krasnov P.N., 2006). Naturally, in these conditions, even widowed Cossacks tried not to irritate the village society, and if there were contacts with prisoners of war, they were not advertised. After the February revolution, with the gradual return of front-line soldiers (wounded, vacationers, deserters) to the village, prisoners were not so much needed in farms. Therefore, in 1917, the prisoners were expelled from the village to the city. To this must be added the hostile attitude of the front-line soldiers towards the enemy

and their confidence that all the prisoners slept with Russian women while their husbands fought with the same Germans (Lyukshin D., 2002). Often, unlike in the European part of Russia, prisoners of war in Siberia were not able to return home, but they were involved in the vicissitudes of the Civil War.

References

Davis, Gerald H. (1983) The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) Essays on World War I: Origins and Prisoners of War, New York: Columbia University Press. P. 162–96.

Davis, Gerald H. (1987) Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921, Eastern European Quarterly, 21. P. 147–163.

Davis, Gerald H. (1993) National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918, Journal of Contemporary History, vol. 28/1. P. 31–52.

Ehrenstein Leopold (1937) Der Fall der Festung Przemysl. Der sibirische Engel Elsa Brandstrom. Bratislava (Pressburg), 148 p. (In Germ.)

Ferenc Erős (2015) Trauma es erőszak – szocialpszichologiai megkozelitesben, Rubicon, 1. P. 78–89. (In Hung.)

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia: February 1917–1920. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University. 125 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917). *Nemtsy. Rossiya. Sibir'. Sb. Statei = Germans. Russia. Siberia. Collection of articles.* Omsk. P. 154–180. (In Russ.)

Hanák Péter (2009) Nep levelek az első vilaghaborubol. In: Szabó Dániel (szerk.): Az első vilaghaboru. Budapest. P. 634–666. (In Hung.)

Herwig, Holger H. (1997) The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London: Arnold. 490 p.

Kaba Eszter (2017) “Azt akarjuk, hogy olyan segelyt adjanak, hogy megelhessunk belőle” – A hadigondozas rendszerenek működese a haboru eveiben. In: Egry Gábor, Kaba Eszter (szerk.): 1916 – a fordulat eve? Tanulmanyok a Nagy Haborurol. Budapest. P. 351–410 (In Hung.)

Kaba Eszter (2018) “Draga jo szuleim!” Kohanyi Kalman naploja az orosz fogsagbol, 1914–1915. Multunk, 2. P. 26–62. (In Hung.)

Kalvoda Josef (1983) Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution, in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, Distributed by Columbia University Press, New York. P. 215–238.

Kolontári Attila (1983) Magyar–szovjet diplomaciai, politikai kapcsolatok, 1920–1941. Budapest. (In Hung.)

Krammer Arnold (1983) Soviet Propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921, in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn

Библиографический список

Davis, Gerald H. (1983) The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) Essays on World War I: Origins and Prisoners of War, New York: Columbia University Press. P. 162–96.

Davis, Gerald H. (1987) Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921, Eastern European Quarterly, 21. P. 147–163.

Davis, Gerald H. (1993) National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918, Journal of Contemporary History, vol. 28/1. P. 31–52.

Ehrenstein Leopold (1937) Der Fall der Festung Przemysl. Der sibirische Engel Elsa Brandstrom. Bratislava (Pressburg), 148 p. (In Germ.)

Ferenc Erős (2015) Trauma es erőszak – szocialpszichologiai megkozelitesben, Rubicon, 1. P. 78–89. (In Hung.)

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: февраль 1917–1920 гг. Красноярск: Изд-во Сибирского государственного технологического университета, 2007. 125 с.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.

Hanák Péter (2009) Nep levelek az első vilaghaborubol. In: Szabó Dániel (szerk.): Az első vilaghaboru. Budapest. P. 634–666. (In Hung.)

Herwig, Holger H. (1997) The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London: Arnold. 490 p.

Kaba Eszter (2017) “Azt akarjuk, hogy olyan segelyt adjanak, hogy megelhessunk belőle” – A hadigondozas rendszerenek működese a haboru eveiben. In: Egry Gábor, Kaba Eszter (szerk.): 1916 – a fordulat eve? Tanulmanyok a Nagy Haborurol. Budapest. P. 351–410 (In Hung.)

Kaba Eszter (2018) “Draga jo szuleim!” Kohanyi Kalman naploja az orosz fogsagbol, 1914–1915. Multunk, 2. P. 26–62. (In Hung.)

Kalvoda Josef (1983) Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution, in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, Distributed by Columbia University Press, New York. P. 215–238.

Kolontári Attila (1983) Magyar–szovjet diplomaciai, politikai kapcsolatok, 1920–1941. Budapest. (In Hung.)

Krammer Arnold (1983) Soviet Propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921, in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn

College Press, Distributed by Columbia University Press, New York. P. 239–264.

Krasnov P.N. (2006) Memoirs of the Russian Imperial Army. Moscow: Iris-press. 598 p. (In Russ.)

Levin K. (1936) Notes from captivity. Moscow: Soviet writer. 272 p. (In Russ.)

Lyukshin D. (2002) Yes, they follow our women. Prisoners of war in Peasant Russia. *Rodina = Motherland.* No. 10. P. 24–27. (In Russ.)

Moritz Verena (1998) Die österreichische-ungarischen Kriegsgefangenen in der russischen Wirtschaft 1914 bis Oktober 1917. Zeitgeschichte, 25, P. 380–389. (In Germ.)

Pastor Peter (1983) Hungarian POWs in Russia during the Revolution and Civil War', in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, Distributed by Columbia University Press, New York, P. 149–62.

Petrák Katalin (2012) Emberi sorsok a 20. szazadban. Magyar hadifoglyok es emigransok a Szovjetunioban a ket vilaghaboru kozott. Budapest. (In Hung.)

Rachamimov Alon (2000) Imperial Loyalties and Private Concerns: Nation, Class and State in the Correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia 1916–1918, Austrian History Yearbook, 31. P. 87–105.

Shleikher I.I. (2001) Prisoners of war of the First World War: problems of capture, transportation and detention in Siberian camps. *Iz proshlogo Sibiri = From the past of Siberia.* Novosibirsk. Iss. 4. Pt. 1. P. 54–97 (In Russ.)

Sömjén L. (1926) Szovjetházasságok, Magyar Jogi Szemle, 9. P. 368–384 (In Hung.)

Szászy I. (1938) Nemzetkozi maganjog. (Az MTA Jogtudomanyi Bizottsaganak kiadvanysorozat). 9, Budapest. P. 378, 413, 430 (In Hung.)

Zalai Katalin (2017a) Haborus "nőugyek". In: Kaba Eszter (szerk.): Haborus mindennapok – mindennapok haboruja. Magyarorszag es a Nagy Haboru – ahogy a sajto latta (1914–1918), Budapest. P. 225–288. (In Hung.)

Zalai Katalin (2017b) A nők "baljos" terfoglalasa. A nők gazdasagi mobilizacioja az első vilaghaboru idejen. In: Egry Gábor, Kaba Eszter (szerk.): 1916 – a fordulat eve? Tanulmanyok a Nagy Haborurol. Budapest. P. 229–264. (In Hung.)

College Press, Distributed by Columbia University Press, New York. P. 239–264.

Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. Москва: Айрис-пресс, 2006. 598 с.

Левин К.Я. Записки из плена. Москва: Советский писатель, 1936. 272 с.

Люкшин Д. Да, за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27.

Moritz Verena (1998) Die österreichische-ungarischen Kriegsgefangenen in der russischen Wirtschaft 1914 bis Oktober 1917. Zeitgeschichte, 25, P. 380–389. (In Germ.)

Pastor Peter (1983) Hungarian POWs in Russia during the Revolution and Civil War', in Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, Distributed by Columbia University Press, New York, P. 149–62.

Petrák Katalin (2012) Emberi sorsok a 20. szazadban. Magyar hadifoglyok es emigransok a Szovjetunioban a ket vilaghaboru kozott. Budapest. (In Hung.)

Rachamimov Alon (2000) Imperial Loyalties and Private Concerns: Nation, Class and State in the Correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia 1916–1918, Austrian History Yearbook, 31. P. 87–105.

Шлейхер И.И. Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. Ч. 1. С. 54–97.

Sömjén L. (1926) Szovjetházasságok, Magyar Jogi Szemle, 9. P. 368–384 (In Hung.)

Szászy I. (1938) Nemzetkozi maganjog. (Az MTA Jogtudomanyi Bizottsaganak kiadvanysorozat). 9, Budapest. P. 378., 413., 430 (In Hung.)

Zalai Katalin (2017a) Haborus "nőugyek". In: Kaba Eszter (szerk.): Haborus mindennapok – mindennapok haboruja. Magyarorszag es a Nagy Haboru – ahogy a sajto latta (1914–1918), Budapest. P. 225–288. (In Hung.)

Zalai Katalin (2017b) A nők "baljos" terfoglalasa. A nők gazdasagi mobilizacioja az első vilaghaboru idejen. In: Egry Gábor, Kaba Eszter (szerk.): 1916 – a fordulat eve? Tanulmanyok a Nagy Haborurol. Budapest. P. 229–264. (In Hung.)

Information about the authors

Alexander V. Anufriev,
Lecturer of the Department of the History of Russia,
Irkutsk State University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Dmitrii V. Kozlov,
Cand. Sci. (History), associate professor, Director of the Center for Advanced Studies and Education at ISU,
Irkutsk State University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: dvk@home.isu.ru

Сведения об авторах

Ануфриев Александр Валерьевич,
преподаватель кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Козлов Дмитрий Викторович,
кандидат исторических наук, доцент, директор Межрегионального института общественных наук при ИГУ,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: dvk@home.isu.ru

Esther Kaba,
Senior Archivist-Librarian,
Institute of Political History of Hungary,
1054 Budapest, Alkotmány u. 2, Hungary,
✉ e-mail: vh1.kaba@gmail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received January 21, 2021.
Received February 12, 2021.
Accepted February 24, 2021.

Каба Эстер,
старший архивист-библиотекарь,
Институт политической истории Венгрии,
1054 Budapest, Alkotmány u. 2, Hungary,
✉ e-mail: vh1.kaba@gmail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 21 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 12 февраля 2021 г.
Принята к публикации 24 февраля 2021 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.3
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261

Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав

© Л.В. Ланник

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: История Гражданской войны в России и на ее окраинах до сих пор слабо вписана в контекст Великой войны, несмотря на самые весомые к тому основания. Исследователи часто рассматривают логику действий иностранных акторов, исходя из внутрироссийских процессов, что ведет к искажениям или игнорированию ряда явлений. Причины этого не только в политической конъюнктуре и традиционализме, но и в нехватке необходимых источников. Публикуемый впервые документ призван привлечь внимание к проблеме влияния Центральных держав на события на Дальнем Востоке как в России, так и в Китае в 1918 году. В обнаруженной в архиве внешней политики РФ аналитической записке дается описание ситуации в Восточной Азии в 1917–1918 гг., рассматривается первый период Гражданской войны в России в этом регионе. Ее автор, инженер Кляйе, ставил перед собой не только гуманитарную задачу спасения соотечественников в Восточной Азии. Он передавал ценную информацию о расстановке сил в Китае и возможных союзниках Центральных держав среди российских и китайских элит и оценивал соотношение сил и роль подданных Германии и Австро-Венгрии в вооруженных конфликтах на Транссибирской магистрали. Автор высказывал ряд предположений о генезисе восстания Чехословацкого корпуса и о мотивах действий, так называемых, интернационалистов. Этот меморандум должен был заставить политиков Берлина и Вены не допустить трагедии их соотечественников на другом конце Евразии и побудить к активному вмешательству в борьбу за контроль над Дальним Востоком, в том числе установив контакт с Колчаком и другими лидерами антибольшевистских сил в регионе. Публикация подобных источников позволит переоценить представление о возможностях всех сторон в разгоравшейся Гражданской войне, опровергнуть устоявшееся мнение о неизменной антантовской ориентации ряда лидеров Белого движения.

Ключевые слова: Гражданская война, великая война, интервенция, Центральные державы, военнопленные, интернационалисты, репатриация, Транссибирская магистраль, Китай, восстание Чехословацкого корпуса, А.В. Колчак

Для цитирования: Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261

The beginning of the Intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers

© Leontiy V. Lannik

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The history of the Civil War in Russia and on its borderlands is still rather poorly coincided with the context of the Great War despite the substantial reasons for this. Researchers often consider the logic of actions of foreign actors basing first of all on the internal Russian processes, which leads to distortions or ignoring a number of phenomena. The reasons for this are not only political conjuncture and traditionalism, but also the lack of necessary sources. The document, published for the first time, is (and was) intended to focus attention to the problem of the influence of the Central Powers on the events in the Far East, both in Russia and in China in 1918. The document was found in the Archive of Foreign Policy of Russian Federation. His author, engineer Kleie, had set not only the humanitarian mission of saving his compatriots in East Asia. He conveyed valuable information about the balance of power in China and possible allies for German coalition within Russian and Chinese elites, and assessed the balance of power and the role of the citizens of Germany and Austria-Hungary in the armed conflicts along the Trans-Siberian Railway. The author made a number of assumptions about the genesis of the uprising of the Czechoslovak Corps

and about the motives of the actions of the so-called internationalists. This memorandum was intended to force the politicians of Berlin and Vienna to prevent the tragedy of their compatriots on the another edge of Eurasia and to encourage active intervention in the struggle for control of the Far East, including establishing contact with Kolchak and other leaders of anti-Bolshevik forces in the region. The publication of such sources could allow to reassess the pool of possibilities of all parties in the Civil War, that was just spreading in 1918, to overturn the established opinion about the constant Entente orientation of a number of leaders of the White Movement.

Keywords: the Civil War, the Great War, intervention, the Central Powers, war prisoners, internationalists, repatriation, Trans-Siberian Railway, China, revolt of Czechoslovak Legion, A.V. Kolchak

For citation: Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261

История Гражданской войны и интервенции в России до сих пор пишется в основном в рамках давно проторенных путей. Крупные достижения по ряду локальных сюжетов и публикация значительного количества прежде недоступных источников смогли изменить фактологию, но до смены парадигмы в восприятии так и не дошло. В том числе потому, что многие из альтернатив, предлагавшихся традиционной советской версии, не выдержали аргументированной критики или не были фундированы в той мере, которая необходима для согласия на пересмотр весьма серьезно разработанной за многие десятилетия (пост)советской концепции[1]. Однако это вовсе не означает отсутствия в последней лакун или уязвимых мест, а также преодоления унаследованной предвзятости по ряду вопросов. В целом крайне неконструктивное отделение Гражданской войны на развалинах Российской империи от общего контекста финала Великой войны и ее первичных последствий сохраняется, причем в истории некоторых регионов в 1917–1922 гг. это дает о себе знать особенно болезненно. Едва ли не более всего это касается Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Классическая советская версия исходила из приоритета внутриполитического генезиса конфликтов в ходе распада Российской империи, упорно подчиняя желаемой (как правило, социально-экономической) логике ход событий иностранной интервенции и любых сепаратистских движений. Именно так анализировались и действия внешних акторов и сил, оказывавших определяющее влияние на судьбы тех регионов России, что надолго оказались за пределами досягаемости Москвы. В исторических трудах упорно навязывали удобные для создаваемой исторической концепции мотивы тем империалистическим державам, которые не могли и не стремились соответствовать пропагандистским представлениям о их целях, что в 1918 г., что во все последующие десятилетия. Это позволило создать масштабную версию истории «внутренней» Гражданской войны даже там, где фактология, казалось бы, исключала даже попытки такого подхода. Для встраивания в идеологизированные версии в исторические труды был перенесен почти без всякого критического осмысления целый ряд пропагандистских конструктов, например, об идейных борцах за мировую революцию из числа военнопленных, так называемых интернационалистах. Пристально искали (и находили) доказательства связи и даже управления действиями лидеров любых антибольшевистских сил из-за рубежа, однако и в этом случае оставались верны желанию свести действия внешних сил к исключительно внутрироссийскому целеполаганию. Сохранилась по сей день и во многом объяснимая, но далеко не всегда оправданная фактологией, антантоцентричность в анализе внешних факторов, в то

[1] Не вдаваясь в масштабный обзор историографии Гражданской войны и интервенции в целом или в отдельных регионах, достаточно упомянуть целый пласт трудов, посвященных анализу историографии специально и выходящих с завидной регулярностью (Гражданская война в России…, 2018; Россия в годы Гражданской войны…, 2018). Отдельные этапы развития отечественной историографии Гражданской войны рассмотрены в масштабной серии работ Г.М. Ипполитова.

время как роль Центральных держав в событиях на далекой восточной периферии была сведена к тем же интернационалистам и к месту «повода» для активных действий Антанты. Истинные мотивы (в том числе иллюзорные) Германии и Австро-Венгрии, оценка ими открывшихся с заключением Брестского мира перспектив оказалась вне рамок анализа, хотя источниковая ситуация оснований к такой «зоне умолчания» давно уже не дает. Это вынуждает к предположению, что основной причиной указанных недостатков являются не объективные трудности, а инерция привычных концепций, постоянно подкрепляемых разработкой все более локальных сюжетов, что считается вполне соответствующим и общемировой историографической манере увлечения так называемыми case-studies.

Сохранению слегка модернизированной советской концепции истории Гражданской войны даже там, где не было и географических оснований для ее протекания, как исключительно внутреннего конфликта, способствовала эволюция и зарубежных исследований. При огромном внимании к Великой войне огромная доля европейской и американской историографии по-прежнему относится к сюжетам, связанным не просто с европейскими, а почти исключительно с Западным театром военных действий. Лишь в начале XXI в. приступили к последовательным усилиям по приданию войне 1914–1918 гг. облика по-настоящему мировой, а не околоевропейской. Однако этот процесс далеко не окончен и по сей день, не взирая на ряд крупных успехов по «открытию» новых полигонов для схватки между Антантой и Центральными державами во всех регионах мира (Streets-Salter, 2019). По политическим причинам не развивавшиеся ранее за пределами социалистического лагеря темы (о тех же интернационалистах) с ликвидацией последнего были попросту закрыты. Сменившие их исследования по истории военнопленных, мигрантов, некомбатантов и различных иных категорий жертв Великой войны (в том числе отечественные) (Иконникова, 2004; Нагорная, 2010; Суржикова, 2014), как правило, существенно смещали акценты с историко-политических на гуманитарные, а потому к положительным сдвигам в истории участие подданных Центральных держав в Гражданской войне на окраинах России не привели[2]. Тема страданий в плену, охотно развиваемая публицистами еще межвоенного периода, обрела новое качество и объемы (Wurzer, 2005), однако от желания подчеркнуть военные свершения солдат и офицеров Четверного союза, оказавшихся лишенными возможности репатриироваться и после Брестского мира, зарубежные специалисты, как правило, предпочитают дистанцироваться, хотя и вынуждены затрагивать ряд аспектов данной проблемы при изучении вопросов долгого возвращения на родину (Nachtigal, 2006). Такое положение особенно бросается в глаза на фоне активного развития исследований по истории ряда других категорий репатриантов, особенно бойцов национальных частей, чехословацких, польских, сербских и др. (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус…, 2018[3]; Radziwiłłowicz, 2017).

Наконец, существенной проблемой для выстраивания более полной и менее однозначной версии истории Гражданской войны в ряде регионов России и сопредельных государств, а также для перехода к иному подходу к вопросу о соотношении различных конфликтов на последней стадии Великой войны, затянувшихся до 1923 г. в целом ряде стран (Война во время мира… 2014; Borodziej, Górny, 2018), является трансфер научных достижений и полнота их учета не только на международном уровне, но даже в рамках только российского исторического сообщества. Целый ряд трудов краеведческого характера, имеющих ценные аргументы и факты для более масштабного полотна событий, редко выходит за пределы локальных дискуссий. С другой стороны, местные энтузиасты почти не имеют возможности доказать значимость своей работы по уточнению фактологии и даже по вводу в оборот

[2] Одним из очень немногих, но ярких исключений является ставшая базовой работа, так и не переведенная за почти 20 лет на русский язык (Leidinger, Moritz, 2003).

[3] Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920: Документы и материалы. В 2 т. Том 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 / Сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1021 с.

нетривиальных сведений об особенностях тех или иных инцидентов специалистам, занимающимся более общими темами, но часто крайне не точно представляющими себе многие локальные нюансы анализируемых процессов. При взаимном невнимании или искреннем неведении складываются все условия для «переоткрытий» либо неконструктивных дискуссий по заведомо несовместимым версиям с разного уровня методологией и тезисами.

Ценность публикуемого ниже документа не сводится к путевым заметкам или пересказу мало известных страниц истории Великой войны и ее эха в якобы не затронутых ею напрямую странах. Записка австрийского инженера, проехавшего из Китая по Транссибирской магистрали накануне восстания Чехословацкого корпуса, имела вполне практические цели. При общем ее гуманитарном пафосе – попытки спасти соотечественников от депортации из Китая в Австралию – автор ее ставил куда более масштабную задачу: обратить внимание Берлина и Вены на огромный регион. На момент составления документа, в июне, а затем в августе 1918 г. были все основания полагать, что Первая мировая война вскоре окончится победой Германии на континенте, ведь Россия уже повержена, а Франция (и вслед за ней Италия) вскоре будет добита. Это означало – по мнению многих дипломатов и военных – переход к затяжному противостоянию установившей гегемонию в Евразии с талассократиями Запада, которое может в той или иной форме затянуться на десятилетия. Еще в середине 1918 г. закладывалась идея об антибританской и антиамериканской оси Берлин – Москва – Токио[4], о которой впоследствии будут не раз вспоминать вплоть до июня 1941 г. Огромные возможности видели в будущей континентальной экспансии и представители деловых кругов, торгового и промышленного капитала, которые и сделали возможной миссию, описанную в документе.

Для оценки не столько реальных перспектив, сколько предполагаемых рядом дипломатов и военных возможностей по воздействию Центральных держав на ситуацию на Дальнем Востоке, необходимо учитывать неоднозначность восприятия участия в войне против германской коалиции не только Китая, но и Японии. Несмотря на ряд разочарований, последовавших с августа 1914 г. (Шацилло, 2015), в Германской империи к 1918 г. продолжали рассчитывать на возможность взаимовыгодного компромисса с Японией. Получаемые известия о разногласиях в лагере Антанты в связи с вопросом о допустимости и масштабах открытой японской интервенции на Дальнем Востоке только усиливали надежды и даже иллюзии скорого разрыва между Токио и Вашингтоном, что откроет дорогу к будущим торгам о разделе сфер влияния в постимперской России. Определенные расчеты строили и на германофильские настроения, особенно сильные в армейской элите Японии. Таким образом, распад Российской империи не только не покончил с прежними иллюзиями Берлина, но даже придал им новый импульс, ведь слишком заманчивыми должны были казаться открывающиеся возможности для экспансии на континенте, которой Германия – в отличие от США и Великобритании – не намерена была мешать. При определенных обстоятельствах в Берлине были даже готовы пожертвовать захваченными Японией колониями на берегах Тихого океана ради ее выхода из Великой войны и хотя бы нейтралитета на ее финальной стадии. У такой «дальневосточной опции» были весьма влиятельные лоббисты в Берлине, в том числе тогдашний глава колониального ведомства В. Зольф, который впоследствии некоторое время возглавлял германскую дипломатию, а в 1920–1928 гг. заложил основы нового и очень конструктивного этапа германо-японских отношений[5]. Кроме того, не

[4] В этом убеждал германский Адмиралштаб вице-адмирал А. Хопман, который с мая по декабрь 1918 г. из Севастополя координировал все действия Центральных держав в акватории Черного моря, а также участвовал в подготовке экспансии в Закавказье. См. текст его отчета от 13 июня: *Hopman A.* Bericht, 13. Juni // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. 750 P. P. 517–519.

[5] См. целый ряд материалов, в том числе даже о попытках японо-турецких контактов (Japan und die Mittelmächte…, 1986). К сожалению, за последующие 30 лет

оставляли без внимания Дальний Восток некогда работавшие там П. фон Хинтце (возглавлявший германскую дипломатию в июле – начале октября 1918 г.), А. Мумм фон Шварценштейн (бывший в 1918 г. послом в Киеве), один из ведущих сотрудников «русского отдела» в АА на протяжении ряда лет А. фон Мальцан и др. Немало было и тех, кто по собственному опыту осознавал широкие перспективы Восточной Азии, и среди военных, хотя далеко не все из них к 1918 г. оставались на важнейших постах. Так, например, лишился должной возможности влиять на германскую политику Э. фон Фалькенгайн, некогда прослуживший в Китае несколько лет как до восстания ихэцюаней, так и после. В середине 1918 г. он командовал 10-й германской армией, оккупировавшей Литву и Белоруссию, и ни при каких обстоятельствах не смог бы повлиять на решения фактически возглавлявшего германскую Ставку Э. Людендорфа.

Совершенно иного рода, но не менее привлекательными, выглядели и надежды на эффект от поражения и распада Российской империи в Китае и, в частности, на его отношения с Центральными державами. В Берлине и Вене вполне могли надеяться, что устранение российского давления и резкое ослабление позиций России усилит антивоенные и антиантантовские круги в Китае. Последние и до 1918 г., пользуясь слабостью центрального правительства и нарастающим конфликтом военных клик, добивались немалых уступок германским эмиссарам, желавшим рискнуть дальнейшим пребыванием в Китае, несмотря на официальное объявление войны[6]. Как видно, в том числе из текста публикуемого источника, эта авантюра могла дорого стоить остававшимся в Поднебесной подданным Центральных держав. Однако даже как раз к весне 1918 г., а особенно после подписания Брестского мира, не было оснований считать, что у Германии не осталось средств, чтобы воздействовать на позицию или пекинского кабинета или хотя бы части влиятельных китайских военных. Общий рост военного престижа Центральных держав по итогам «победы на Востоке», оформленной в серии мирных договоров в марте–мае 1918 г., мог возыметь определенную проекцию и на Дальнем Востоке. Условием этому были решительные действия не столько военнопленных, сконцентрированных в этом регионе, сколько активная политика Берлина и Вены по закреплению своего влияния всеми имеющимися средствами, в том числе за счет более активного противодействия транспортировке Чехословацкого корпуса. Уже в конце июня 1918 г. представитель от антибольшевистских сил в Сибири вел переговоры с германскими дипломатами в Петрограде и Москве об условиях возможного компромисса[7]. Сведения о возможности успешной инфильтрации агентов почти в любые регионы распавшейся Китайской империи от совершившего уникальное путешествие, спасаясь из Афганистана, молодого германского дипломата В. фон Хентига, пересекшего в 1918 г. всю территорию Поднебесной (Hentig, 1962. S. 185–199), сильно запоздали или затерялись в бумагах на Вильгельмштрассе так же, как в итоге десятки лет лежала в архиве НКИД и публикуемая ниже записка.

Представляется, что при всей предвзятости публикуемого свидетельства о событиях в Восточной Азии, на российском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, в нем содержится ценная информация о позиции Центральных держав в регионе. Интересны не только своеобразные теории заговора относительно истинных целей знаменитой и во много роковой переброски Чехословацкого корпуса во Владивосток, но и оценки проис-

крупных достижений в исследовании германо-японских контактов накануне и в годы Великой войны обнаружить не удалось. Косвенно эта тема затрагивается некоторыми российскими специалистами (см., напр.: Шулатов, 2014).

[6] См. ряд документов о положении и предлагаемых перспективах от эмиссаров и подданных Центральных держав в Китае в годы Великой войны (Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927…, 2006. P. 167–182, 335–336, 359–367).

[7] Соответствующее секретное донесение посла в Москве графа Мирбаха сохранилось, но до сих пор не публиковалось: PA AA. RZ 201/2004. Bl. 23–27a. Именно это позволяет до сих пор полагать А.В. Колчака исключительно верным Антанте политиком.

ходившего в полосе Транссибирской магистрали, общий эмоциональный тон записки, настойчивость автора, его попытка привлечь внимание Берлина и Вены к обстановке в Китае. Очевидно стремление инженера продемонстрировать свою возможную полезность в будущем и, как ему казалось, неизбежном наращивании активности Центральных держав в прежде слабо доступных регионах Евразии, его желание убедить в необходимости срочного вмешательства в обстановку, в том числе по гуманитарным соображениям, а также исходя из уверенности в скором свержении большевиков по всей России, что потребует радикального пересмотра всех прежних ситуативных альянсов и поиска новых партнеров. Разумеется, важен не только факт неточности подобной прогностики, которую тогда, весной – летом 1918 г., разделяли почти все германские эмиссары в Советской России и в государствах-лимитрофах[8], а то представление о вполне возможных путях новых направлений германской гегемонистской политики в Евразии, которое здесь попытался дать автор, хорошо знакомый с ситуацией на Дальнем Вос токе.

При всех очевидных лишь апостериорно ошибках Кляйе (Kleie) в предположениях и оценках его нельзя счесть мечтателем или авантюристом. Несмотря на специфическую этику отношений между Веной и Берлином, австрийский инженер не сомневается в том, что для реализации его предложений обращаться следует в первую очередь именно к главе Центральных держав, а потому писал и в германские ведомства. Мотивации придавало и то, что он был офицером запаса прусской армии, то есть некогда был подданным Кайзеррейха, а не Габсбургской монархии. Он далеко не идеалист: при всем его неприятии большевиков, которых он полагал виновниками анархии и трагедии своих соотечественников в плену, он не идеализирует и тех, кто ведет с ними войну за власть. Весьма характерна эмоциональная оценка автором этой записки первого антибольшевистского руководителя Востока России атамана Г.М. Семенова. По его адресу без лишних объяснений сыплются эпитеты: «Известный разбойник», «банды грабителей», «один парень, некто». В этом явный антибольшевик оказывается чуть ли не солидарен с выражениями в адрес атамана, принятыми в советской историографии (Познанский, 1973; Светачев, 1983). Это неплохо иллюстрирует всю сложность расстановки сил вдоль Транссибирской магистрали, переплетение интересов различных держав и местных группировок, которое исключает столь любимые из-за своего удобства бинарные оппозиции при анализе событий.

Особенности хранения данной записки позволяют сделать определенные выводы и предположения о путях ее попадания в архив НКИД, а затем в АВП РФ, а также об общем качестве обработки подобных известий не только в 1918–1919 гг., но и в последовавшие за этим десятилетия. Она сохранилась почти случайно, в громадном и далеко не всегда систематически разобранном фонде Г.В. Чичерина в деле с характерным названием «Австрия. Разное», занимая в нем более 90 % страниц. Надписи на данном экземпляре записки позволяют предположить, что копия публикуемой аналитической записки попала к большевистским дипломатам при выезде из Москвы миссий Центральных держав 7–8 августа 1918 г.[9], вполне возможно, случайно. Оригинал, судя по всему, был заблаговременно увезен автором, а еще одна копия вывезена сотрудником австро-венгерского генерального консульства, которое возглавлял кадровый дипломат Г. де Поттере. Более вероятен вариант, что эта бумага оказалась в руках НКИД после захвата остававшихся в советской столице дипломатических представительств Австро-Венгрии и Германии уже в ноябре 1918 г., когда – несмотря на отчаянные действия консулов – советским инстанциям досталась по меньшей мере часть дипломатических архивов.

[8] Массу примеров этого можно найти в трудах В. Баумгарта, опубликовавшего целый корпус источников и изложившего свое пока не имеющее достойной альтернативы видение германской Ostpolitik в 1918 г. (Baumgart, 1966).

[9] О причинах этого см., подр.: Ланник, 2020а.

Однако такая версия оставляет вопросы к поставленной на первой странице дате «1918 г. 12 августа». Последняя могла относиться к моменту получения данной записки одним из советских сотрудников, в том числе не обязательно из НКИД, а например из ЧК. Судя по тому, что документ был отнесен к австрийским безотносительно деталей его содержания по-видимому даже первичной обработки его, хотя бы ознакомления с ним сотрудника НКИД, владеющего немецким языком, не состоялось. Это же обстоятельство делает более вероятной версию, что проставленная карандашом дата явилась простым дублированием датировки на последней странице документа, причем произведенным, возможно, при позднейшем формировании и обработке архивного дела, то есть уже в начале 1920-х гг. При пересмотре и реорганизации фондов бывшего НКИД в начале 1950-х гг. данное дело так и не объединили с другими и не оценили содержащуюся в нем информацию на предмет содержания. Именно это и привело к тому, что более века данный документ, по-своему ценный для истории не Австрии, а Дальнего Востока и Китая пролежал в безвестности в лишь недавно оцифрованных фондах архива внешней политики РФ. Вполне возможно, что ряд иных аналитических записок подобного содержания от подданных Австро-Венгрии и/или Германии, сумевших добраться до посольств или консульств в Москве или иных городах Советской России, так и не был переправлен адресатам, а сгинул в вихре последующих событий, что только усиливает значимость данного документа при попытке реконструировать особый взгляд на перспективы Центральных держав на Дальнем Востоке в тот недолгий исторический период, когда они имели основания рассчитывать на успешную экспансию в прежней российской сфере влияния по всей Евразии[10].

* * *

Источник: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. Д. 3. П. 1. Л. 3–14[11].

В императорское и королевское австро-венгерское министерство иностранных дел, Вена[12].

Со дня разрыва дипломатических отношений между Китаем и Центральными державами[13] подданные Австро-Венгрии и Германии были поглощены вопросом о том, «удастся ли остановить уже катящийся камень».

В первое время царила некоторая нервозность, принимались меры, тогда еще бывшие явно чрезмерными, так что пришлось передавать австро-венгерские и германские концессии китайцам, а находившиеся к тому моменту в Тяньцзине солдаты[14] были интернированы в Пекине,

[10] См. о складывавшейся в 1918 г. Брестской системе международных отношений и ее перспективах: Ланник, 2020b. С. 33–70.

[11] Машинопись со следами небольшой рукописной правки. На бумаге разрывы, однако на читабельности текста это не отражается. Структура и заголовки в оригинале сохранены без изменений.

[12] На первой странице оригинале от руки по-русски: «12 августа 1918 г.». Другим почерком по-немецки: «Von Konsul Dr. Stumvoll mitgenommen nach Wien», то есть: «взято консулом доктором Штумфоллем в Вену». Доктор Ф. Штумфолль в эти месяцы был главой паспортного отдела австро-венгерской миссии в Берлине и мог быть в Москве в командировке по решению различных вопросов паспортного контроля. Характерно, что он в 1909–1912 гг. был на дипломатической работе в Шанхае и Тяньцзине, так что выбор именно его в качестве посредника для передачи документа о Дальнем Востоке не случаен. Скорее всего автор был знаком со Штумфоллем лично.

[13] Разрыв дипломатических отношений последовал 14 марта 1917 г., объявление Китаем войны Германии и Австро-Венгрии – 14 и 21 августа 1917 г. соответственно. Ухудшение положения подданных Центральных держав происходило постепенно, в том числе благодаря разногласиям в китайских элитах (Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927…, 2006. S. 121–126).

[14] После подавления восстания ихэцюаней именно Тяньцзинь окончательно стал основным центром размещения иностранных концессий, обладавших крайне широкой автономией и вооруженной охраной. Об обстановке в Китае в 1900–1919 гг. (История Китая…

однако при этом китайцы постоянно заявляли, что это все лишь «формальности», на которых настаивают антантовские посольства.

Но страны Антанты не успокоились, они были едины в своей цели непременно заставить Китай объявить войну и использовали для этого любые средства: шельмование – подкуп – маскировку воинственных выпадов и т. д. – до тех пор пока наконец в августе 1917 г. не добились своего, причем главную и наиболее коррумпированную роль в этом сыграл премьер-министр Дуань Цижуй[15].

В то время как в 1915 и 1916 гг. австрийские и германские фирмы еще могли продолжать свой бизнес сделками по обходным маршрутам, в основном через Северную Америку, то с объявлением войны, всякие деловые контакты – даже самые мелкие контракты – прекратились.

Уже после разрыва отношений были приняты меры к надзору за австрийцами и немцами, так что поездки теперь были дозволены только при наличии особого паспорта. Кроме того, приходилось лично докладываться китайским властям, ведь они перебрались уже почти на все переданные им концессии. Затем были уволены служащие Тяньцзиньской дороги и таможенники, а вот школы продолжали работу. Закрыли и газеты в Шанхае и в Тяньцзине, зато пока разрешали типографии. В Шанхае англичане настояли на закрытии Немецкого клуба, но в Тяньцзине он еще 13 апреля этого года был открыт.

Вместо газет австрийцы и немцы теперь общались телеграммами, а также получали русские и шведские, а иногда и швейцарские газеты, которые переводились и тем делались доступными более широкому кругу читателей. (Автор этих строк в течение всей войны вплоть до отъезда в Германию бесплатно переводил из русской прессы для этих газет и для агитации в китайской прессе).

Миссии Антанты настаивали на дальнейших шагах против нас, они требовали интернирования, а то и депортации и принудительного закрытия всех фирм. Было ясно, что они имеют в виду лишь одну цель, а именно полного уничтожения всех позиций Австро-Венгрии и Германии в Китае.

Несмотря на все эти настояния, китайцы поначалу оставались к ним почти глухи, что, однако, следует объяснить не симпатией их к нам, а верной оценкой своего внутриполитического, крайне неустойчивого положения. Однако был отдан строгий запрет на поездки австрийцев и немцев по Китаю, станции взяты под строгую охрану, что, впрочем, не помешало тому, что целый ряд господ и одна дама – благодаря паспортам, сфабрикованным китайцами же – выехали из Китая.

Тогда 6 апреля[16] посланники Англии, Франции и «в первый раз»[17] Японии вместе явились к Дуань Цижую и «строго» потребовали депортировать всех австрийцев и немцев – вместе с женами и детьми – в Австралию, а также принудительной ликвидации всех их фирм, то есть конфискации всего австрийского и германского имущества, оцениваемого в сотни миллионов таэлей – результата напряженной и успешной работы на протяжении 25–30 лет.

Дуань Цижуй – припертый к стенке – уступил, однако заявил, что судов для проведения депортации нет. Но тут вперед вышел японец и заявил, что необходимым тоннажем обладает Япония, которая вполне может его предоставить, ведь и ее правительство желает депортации ав-

Т. 6, 2014. С. 311–376; История Китая… Т. 7. М., 2013. С. 15–58).

[15] Генерал Дуань Цижуй (1865–1936) с апреля 1916 г. по октябрь 1918 г. почти непрерывно возглавлял ряд правительств созданной в 1912 г. Китайской республики, временно исполняя в июле 1917 г. обязанности и ее президента. Был известен прояпонской ориентацией, что вызывало существенное недовольство не только в Китае, но и у ряда держав Антанты.

[16] Уже в 1918 г.

[17] Кавычки авторские. Япония долго уклонялась от дальнейшей эскалации своего конфликта с Центральными державами, не желая наращивать военные усилия в регионах вдали от Восточной Азии. С этим в Германии и Австро-Венгрии связывали огромные надежды, намереваясь при необходимости подкупить Японию согласием на передачу захваченных ею германских колоний, чтобы та вышла из состава Антанты.

стрийцев и немцев, да и американец[18] с этим согласился.

8 апреля известный и в целом прогермански настроенный генерал Чжан Сюнь[19] обратил внимание своего друга господина Кордеса[20] на это решение, заявив, что дело теперь уже «гнилое», а потому надо действовать.

Тогда «Дойче банк»[21] и ряд фирм решили отправить надежного человека в Берлин, который бы сообщил об этом императорскому правительству и запросил бы о проведении контрмер.

Выбор господина Кордеса (и «Дойче банка»), фон Ханнекена и Адо Нольте пал на автора этих строк, ведь у него были наибольшие шансы успешно пробраться, с учетом возраста, совершенного знания русского языка и знакомства с российскими особенностями.

Меня телеграфно вызвали в Пекин и спросили, решусь ли я совершить эту поездку.

Я не колебался ни минуты, вполне осознавая, что на кону стоит благо и судьбы около 7 тысяч австрийцев и немцев, тут же согласившись, хотя предполагал, что если меня задержат в Маньчжурии и обнаружат при мне депеши и письма, то попросту поставят к стенке.

Я заявил, что помимо прямых расходов, не приму в оплату за эту миссию ничего, кроме чего-нибудь на память, если моя миссия вообще кончится благополучно.

В ночь с 12 на 13-е[22] я выехал из Тяньцзиня, и сам факт моего отправления был крайне секретным, об этом знали лишь мои начальники, фрау фон Ханнекен и один из служащих венской фирмы «Каниц и Ко», которого я взял с собой в Германию, ведь он владел русским языком, а также хотел успеть еще принять участие в войне. В Харбине английские таможенники провели строжайшую проверку паспортов, а англичанин, занимавшийся моими бумагами, потребовал «трижды» просмотреть их, почему – не знаю, ведь документы были «в полном порядке».

Так как прямой путь из Харбина в Иркутск был невозможен из-за известного разбойника Семенова, которого газеты, что весьма своеобразно, называют генералом, хотя он на самом деле всего лишь хорунжий, то есть лейтенант[23]. Он подорвал рельсы под Даурией, чтобы прикрыть свои банды грабителей от деятельных отрядов большевиков. Поэтому пришлось мне сделать изрядный крюк через Пограничную – Никольск-Уссурийский – Хабаровск, чтобы добраться до Амурской железной дороги, а уже по ней проделать неблизкий путь через Читу в Иркутск.

[18] То есть дипломатический представитель США.

[19] Чжан Сюнь (1854–1923), китайский генерал. Летом 1917 г. попытался вернуть малолетнего императора Пу И на трон, сформировав правительство. Однако всего через 12 дней монархический путч провалился. Чжан Сюнь вынужден был отказаться от дальнейшей политической карьеры.

[20] Генрих Кордес (1866–1927), германский дипломат и банкир. С 1892 г. на дипломатической службе, почти сразу же был отправлен в Китай, где сделал успешную карьеру. Женился на китаянке. В 1900 г. был ранен в ходе убийства германского посла фон Кеттелера, что стало одним из основных поводов к интервенции иностранных держав для подавления восстания ихэтуаней. После 1901 г. уволился с дипломатической службы. Стал директором Немецко-Азиатского банка, сыграл важнейшую роль в развитии германского экономического влияния в Китае вплоть до 1917 г., а частично и после.

[21] Точнее, Немецко-Азиатский банк.

[22] Апреля 1918 г.

[23] Это неверно. Г.М. Семенов уже к 1917 г. стал есаулом, то есть капитаном, а сам себя генералом весной 1918 г. не именовал, претендуя лишь на звание атамана. В чин генерал-майора произведен в июле 1919 г. В январе – феврале 1918 г. по железной дороге по маршруту Ярославль – Иркутск – Харбин – Дайрен проследовали 4000–5000 военнослужащих Сербской бригады, часть которых у станции Маньчжурия вступила в войска Семенова. В составе Семенова были подразделения из бывших военнопленных-сербов из австро-венгерской армии, а потому у офицеров из Центральных держав, намеренных репатриироваться, были основания опасаться семеновцев. См. подр. о югославянском факторе в Гражданской войне, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке: Капустин Л.Г., Ладыгин И.В. Сербские и другие югославянские добровольцы в Сибири в годы Гражданской войны 1918–1922 гг. URL: http://bsk.nios.ru/content/serbskie-i-drugie-yugoslavyanskie-dobrovolcy-v-sibiri-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1922-gg (дата обращения 18.02.2021); Наумова, Зиновьева, 2018.

По Китайской железной дороге – до Никольска-Уссурийского[24] – вагоны 1-го класса еще были сносные, а вот оттуда до Хабаровска и дальше они находились в самом прискорбном состоянии. Кроме того, вообще для любых пассажиров из штатских некоторая разница в классе сказывалась лишь при оплате. То есть платить приходилось за 1-й и 2-й классы, а вот доведется ли проехаться именно в таких вагонах – вопрос был уже другой, решение которого зависело от тех или иных проявлений добродушия «товарищей», то есть ехавших тут же солдат. А тут еще и цена билета, превосходившая тариф мирного времени в 7 раз.

Например, мое купе на 4 персоны 1-го класса пришлось делить не только со своим спутником, но и 4 солдатами-«инвалидами», которые еще и занимались контрабандой опиума, как раз для этой цели постоянно – и бесплатно – катаясь между Иркутском и Харбином туда-сюда. При этом железнодорожники не осмеливались запросить у них документы, ведь они ж тоже были «товарищи», что и достаточно было, чтобы они полагались неприкосновенными. Зато благодаря этому и мы с моим спутником оказались под защитой; ведь членов станционных советов, которые постоянно намерены были проверять паспорта и уж особенно тщательно багаж, удавалось быстро отвадить, убедив, что в вагоне едут только «товарищи».

Вот так мы прибыли в Хабаровск, где пришлось пересесть на другой поезд, а небольших чаевых по 10 рублей на каждого хватило, чтобы я и мой спутник получили двухместное купе 1-го класса. На другой день я узнал, что в особом международном вагоне едет генеральный уполномоченный короля Швеции – по проблемам военнопленных в Сибири – граф Карл Бонде, которому я представился, сообщил о своей миссии и просил дозволения далее ехать под его защитой, на что он немедленно и самым любезным образом согласился[25]. Поэтому я тут же перебрался в вагон графа и теперь был в полной безопасности.

Мой переезд весьма пригодился 4 венгерским офицерам. Эти господа были из партии офицеров, которая ехала из Хабаровска в Читу – 1400 офицеров, австрийцев и венгров, – на одной из станций они пошли в деревню купить хлеба, где им и сказали, что их эшелон должен пропустить наш, а когда они вернулись, поезд уже давно ушел. Железнодорожники отказывались отправлять офицеров иначе как 3-м классом[26], чему я и положил конец, предложив им наше купе. Кондуктору пришлось с этим согласиться, ведь мы оба на другие места в вагоне не претендовали, так что 4 офицеров были счастливы возможностью вновь поспать, наконец, по-человечески. До этого их пихали в товарные вагоны по 36 человек, так что все время приходилось спать по четверо, а остальным оставалось как-то пристраиваться между багажом. Еще более они счастливы были, когда я щедро снабдил их сигарами, ведь они уже очень, очень давно не видели сигар. Двоих из них звали: ротмистр Арпад фон Бешермейи и лейтенант Коломан фон Пайор, из конного дивизиона императорского королевского 7-го артиллерийского полка.

Кроме этих четверых офицеров от эшелона отстали и еще 2 офицера, господа лейтенанты Деметер фон Лёрентай, из гонведных гусар, и Фишер, драгун. Они представились графу Бонде, который также разместил их в своем вагоне, где и ехали до Иркутска, откуда намеревались выехать домой в эшелоне инвалидов, организованном датским вице-консулом. Должно быть, они уже давно прибыли домой.

[24] То есть по участку КВЖД на китайской территории.

[25] Характерный пример прогерманской деятельности шведских представителей в Сибири, выражавшихся в том числе в активной критике режима содержания военнопленных в России и различных средствах (в том числе незаконных) смягчить их участь и облегчить побег или обмен на родину. Подр. о деятельности скандинавских дипломатов и Красного Креста в этой сфере (Wurzer, 2005. S. 411–430.

[26] Что было недопустимо согласно довоенным представлениям об офицерской чести и достоинстве, которые кадровые военные, особенно в отличавшейся повышенным аристократизмом габсбургской армии пытались соблюдать и в условиях плена. Об особенностях офицерства австро-венгерской армии см.: (Schmitz, 2014).

Из Иркутска до Петрограда[27] я уже ехал под видом шведского курьера, на экспрессах. Так как мне достался международный спальный вагон, проверяющие господа из (того или иного) Совета докучали очень редко, а если они становились более настойчивыми, то вполне удовлетворялись тем, что я – «курьер». Да и вообще следует сказать, что Советы на этих станциях обходились с иностранцами весьма осторожно, а вот своих же русских грабили. Так, на Амурской дороге вагон графа, на котором помимо шведского флага был, правда, и Красный Крест, не тронули вовсе, зато ночью отобрали у остальных пассажиров более 35 тысяч рублей. Одна дама, ехавшая в вагоне 1-го класса, имела неосторожность надеть золотые наручные часы, броши и браслеты, так что их попросту отобрали. А у одного бедняги забрали купленные им всего за день до того новые сапоги, зато великодушно позволили оставить себе старые. У еще одного изъяли 25 пар сапог, причем мне объяснили это следующим образом: всякая спекуляция строго запрещена, а потому все, что они забрали, принадлежит Родине.

Прежде чем мы добрались до Байкала, графа предупредили из пункта нашего назначения, что там утвердился в роли местного «властителя» какой-то казачий[28] старшина, который грабит всех проезжающих, а русских офицеров подвергает непродолжительному трибуналу. Тогда граф приказал раздать револьверы, однако до дела не дошло, ведь когда мы проезжали эту станцию, господин «комендант» как раз был в отъезде, так что никого в поезде не тронули, напротив, подчиненные его были крайне вежливы.

Город Иркутск – где я вынужден был дожидаться экспресса 2 суток – находился в прискорбном состоянии. Он сильно пострадал от боев, которые вели при захвате власти большевики, активно применявшие пулеметы. Дома и вывески над лавками были превращены в решето, на улицах постоянно крутилась, вселяя беспокойство, так называемая «анархистская» кавалерия, так что вечером никто не рискнул и носа показать из дома.

Зато большевики в городе и особенно на вокзале вели себя очень корректно. Так, проверка документов началась на станции уже в 7 утра, что при царском правительстве было бы попросту немыслимо…

Я еще в Чите дал шведскому посланнику в Петрограде[29] телеграмму на английском языке, на бланке посольства и за подписью графа Бонде[30]:

«Франц Урбиг. Дирекции «Дисконто Гезелльшафт» Берлин.

От консула в Пекине Генриха Кордеса сообщаю:

Англия и Франция, теперь еще при поддержке Японии и с молчаливого согласия Америки, вынуждают Китай депортировать немцев и австрийцев с женщинами и детьми в Австралию. Вместе с этим планируется принудительно ликвидировать все фирмы, уничтожив на долгие годы нашу торговлю. Единственным действенным путем избежать этой опасности является угроза вышеуказанным правительствам контрмерами по принципу талиона в отношении их подданных, находящихся под властью Германии. Требуются немедленные действия. По поручению, инженер Кляйе».

Как я узнал от посланника в Петрограде, эта телеграмма так никогда и не пришла, зато он получил мою телеграмму из Иркутска. Этот текст я

[27] В оригинале употребляются, разумеется, традиционные немецкие варианты топонимики, однако при переводе избраны действовавшие на тот момент русские их аналоги: Петроград, Двинск и т. д.

[28] В оригинале – ein alter Kosak, по-видимому имеется в виду все же не возраст, а командный пост или должность, а возможно и конкретное звание. Опять характерный пример распространенных в Германии предубеждений в адрес казаков, в годы Великой войны ставших едва ли не синонимом «грабителей», в том числе под влиянием шумной кампании после вторжения русских армий в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Здесь большевистский комиссар Дашков назван казаком.

[29] Эдварду Брендстрёму, военному атташе, а затем послу в России с 1906 по 1920 г., отцу знаменитого «ангела Сибири» Эльзы Брендстрём.

[30] В оригинале приводится ее немецкий перевод.

передал оттуда еще раз, причем осторожности ради и ему, и одновременно графу Мирбаху в Москву[31]. Господин посланник заверил меня, что он немедленно переправил депешу в Берлин, куда она прибыла задолго до моего приезда.

Из Петрограда я выехал в Германию с первым же эшелоном обмениваемых «инвалидов»[32]. В Пскове поезд был принят командиром бригады[33] с музыкой, а после приветственных речей я тут же доложил ему, сообщив о своей миссии и попросив поскорее передать оригинальный текст телеграммы в Берлин по указанному в ней адресу и во внешнеполитическое ведомство. Это и было сделано. Так же я попросил разрешения покинуть данный эшелон с лицами, подлежащими обмену, чтобы иметь возможность ехать дальше, в Брест-Литовск к генералу Гофману[34]. Это тоже немедленно было одобрено, и я был отправлен скорым поездом – через Двинск – в Брест-Литовск.

Там я передал господину генералу Гофману письмо от господина фон Ханнекена, а тот обещал мне немедленно принять участие в судьбе немцев и австрийцев, для чего он намерен был связаться с Его Превосходительством Людендорфом[35].

Я вряд ли ошибусь, если скажу, что тогда же в связи с переданным мною письмо господина фон Ханнекена в беседе с генералом Гофманом упоминалась угроза такой меры: «Будут депортированы в Месопотамию французские заложники из вновь занятых – на тот момент – областей, говорилось о 1000 человек, а также английские пленные, взятые в ходе недавних на тот момент сражений»[36].

Здесь, в Берлине, – что я вынужден признать с сожалением, – мне подали мало надежды, указав на то, что у нас не так много пленных, да и приходится опасаться, что после таких действий существенно ухудшится участь находящихся в руках англичан немцев и австрийцев и т. д. Поэтому я обратился к депутату рейхстага доктору Штреземану[37], лидеру национал-либералов, ко-

[31] Германский посол в Советской России граф Мирбах прибыл в Москву 23 апреля 1918 г., вручив верительные грамоты на следующий день. Так как автор уже знает о его пребывании в Москве, это означает (с учетом скорости распространения информации), что данная телеграмма могла быть отправлена по меньшей мере около 1 мая, а то и несколько позже. В действительности, скорее всего, автор был в Иркутске не ранее середины, а то и конца мая. 6 июля 1918 г. Мирбах был убит в результате покушения.

[32] Кавычки авторские. Неизвестно, является ли это в данном случае особенностями орфографии автора или его указанием на то, что в эшелоне были далеко не только увечные. Советская Россия и Центральные державы еще 9–10 февраля 1918 г. после переговоров в Петрограде договорились об обмене ряда категорий военнопленных и интернированных, включая возрастных, тяжело больных и инвалидов. Этот обмен, несмотря на боевые действия, возобновившиеся с 18 февраля, начался почти немедленно и продолжался до поздней осени 1918 г.

[33] Псков с 25 февраля 1918 г. до 25 ноября 1918 г. был оккупирован германскими войсками. Имеется в виду генерал-майор фон Шербенинг, командир 37-й ландверной пехотной бригады, находившейся в Пскове почти весь период его Первой германской оккупации.

[34] Генерал-майор Макс Гофман (1869–1927) с лета 1916 г. до января 1919 г. был начальником штаба германского Главнокомандования на Востоке, играя важнейшую роль во всей германской политике на Востоке, в том числе в ходе переговоров в Бресте зимой 1917–18 гг.

[35] Генерал от инфантерии Эрих Людендорф (1865–1937) с лета 1916 г. до конца октября 1918 г. занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера и фактически возглавлял германскую Ставку, обладая столь широкими возможностями воздействия на политику и экономику, что встречаются утверждения об установлении в этот период в Германии военной диктатуры.

[36] 21 марта 1918 г. стартовала серия германских наступлений на Западном фронте, приведшая к ряду тактических и оперативных успехов. Германские войска заняли ряд территорий во Фландрии, Артуа и особенно в Шампани. Угроза выглядит не вполне обдуманной, ведь большая часть Месопотамии, включая Багдад уже к осени 1917 г. была под контролем англо-индийских войск, а планы по отвоеванию региона османскими войсками так и не были реализованы даже частично.

[37] Густав Штреземан (1878–1929), был одним из самых влиятельных политиков поздней Германской империи и в годы Веймарской республики, побывав рейхсканцлером и министром иностранных дел. В указанный период он нередко выступал посредником между военными, оппозицией в рейхстаге и германскими дипломатами, выступая в поддержку

торый немедленно выразил готовность озаботиться судьбой немцев и австрийцев в Китае. Кроме того, я направил просьбу о поддержке моей миссии и гофмейстрине Ее Величества Ее Превосходительству графине фон Брокдорф.

Результат через Гаагу[38] заключался в том, что англичанам пришлось уступить, ведь иначе угрожали разорвать с ними переговоры. Их принудили отдать контрприказ в последний момент, когда уже готовили грузить австрийцев и немцев вместе с женами и детьми на корабли. Разгоревшаяся по этому поводу буря негодования в английских газетах в Китае была столь мощной, что «Дэйли Ньюс» телеграфировала для «Таймс», что разочарование среди союзников в Китае просто не имеет границ, ведь полагали, что грабеж на сумму явно не менее миллиарда уже практически в кармане. Но не только это, а куда более важно – и сейчас, и позже – то, что «Англия теперь потеряла в Китае лицо» – то есть престиж, – «в последний момент сдав назад», и ничто не могло более засвидетельствовать перед китайцами мощь Центральных держав и бессилие Англии, чем это вынужденное отступление…

Военнопленные[39].

В Хабаровске я видел первых пленных, это был вагон с больными и инвалидами под руководством одного австрийского врача. От него я услышал, – и позднее мне подтвердили это в Чите офицеры, – что в Спасской с нетерпением ждут освобождения 18 тысяч австрийских и германских пленных, да и в Шкотово, в 40 верстах за Владивостоком, в Никольске-Уссурийском и во многих других местах еще чают своего избавления пленные.

Я видел множество отрядов пленных вдоль Амурской железной дороги, которая – как мне рассказали русские техники – идет от Хабаровска до Бочкаревой[40] по гнилому болоту, а прокладывали ее «только военнопленные»[41]. Сама дорога еще не вполне готова к эксплуатации, а потому используется только потому, что один парень, некто Семенов, никого не пропускает, стоя под Маньчжурией[42]. Приходится им[43] работать, но все они просят – даже клянчат, – чтобы их наконец вызволили из их прискорбного и бедственного положения. На станции Бочкарева как раз расположен один из таких отрядов, а в Благовещенске на Амуре расположен лагерь на несколько тысяч человек.

Пленные, которых заставили работать в этом районе, явно сильно страдают не только от тяжести труда, ведь принуждают выходить на работы даже больных, а тут еще и недостаточное питание, а также крайне нездоровый климат этих болотистых мест. Таковы откровенные утверждения русских техников, которые, словно извиняясь, указали на то, что крайне сложно раздобыть и доставить сюда достаточное количество провианта. Зато они признали, что действительно доходит и до неприемлемых ситуаций, особенно при расчете с пленными, которые должны получать оплату за свой труд, однако на самом деле не получают ни гроша[44].

За Бочкаревой мы обогнали поезд с 1400 пленными офицерами, в основном австрийцами и венграми. Последние ехали из знаменитого ла-

аннексий и сыграв немалую роль в преодолении ряда политических кризисов в 1916–1918 гг.

[38] То есть благодаря посредничеству Нидерландов, нередко вступавшихся за интересы Германии перед Антантой, даже ценой серьезного недовольства Великобритании.

[39] Среди обширной историографии по истории военного плена относительно австро-венгерских военнослужащих, оказавшихся в России, следует особо отметить: (Nachtigal, 2003).

[40] В оригинале: Botschkarowa. Станция Бочкарево – ныне г. Белогорск Амурской области).

[41] Автор явно цитирует своих собеседников, но данное утверждение совершенно не верно. Большая часть Амурской железной дороги была построена еще до прибытия в регион массы военнопленных.

[42] То есть станцией Маньчжурия, которую есаул Семенов занимал с февраля до 27 июля 1918 г., а затем с середины августа.

[43] То есть отрядам военнопленных.

[44] В оригинале: «ни геллера».

геря под Красной Речкой, а первых держали в Хабаровске.

В так называемом штрафном лагере Красная Речка содержались исключительно венгры и немцы. Обращались с ними чрезвычайно сурово, например, им нельзя было переходить из одного барака в другой, никогда! Даже окликать друг друга запрещали, ведь иначе на них сразу же орали. (Ротмистр фон Бешермейи и лейтенант Коломан фон Пайор).

А вот австрийским офицерам жилось неплохо, им можно было поселиться на квартирах в городе, гулять по своему усмотрению, даже поддерживать связь с семьей (лейтенант Фишер и лейтенант Деметер фон Лёрентай[45]).

Только после заключения мира офицеры в Красной Речке и в других подобных лагерях получили несколько большую свободу передвижения, однако лишь за несколько дней до их транспортировки им дозволили самостоятельно провести некоторые закупки, причем всегда через посредничество русских, которые их при этом самым наглым образом обманывали.

Явно еще хуже приходилось офицерам в лагере Даурия (7 верст от маньчжурской границы). Этот лагерь находился в крайне безотрадной и пустынной местности (автор этих строк довольно долгое время искал там залежи железной руды), где нет почти ничего и никого. Главный инженер, начальник 2-й дистанции на перегоне Борзя говорил мне дословно: «Как же мы всегда жалели бедняг, однако не могли им помочь, нам запрещали». В этом лагере офицерам даже пришлось собственноручно копать колодцы, чтобы обеспечить себя питьевой водой. Это мне сообщил один сотоварищ из австрийцев, а позднее в Чите подтвердил прусский лейтенант Эльке.

В Чите мы застали полный город военнопленных, австрийских и германских офицеров и нижних чинов. Последние даже открыли свою пивную, под названием «Даурия», посетителями которой были и офицеры, и солдаты, и гражданские. Там можно было хорошо и дешево поесть, да и еду – особенно с учетом обстоятельств – следует признать вполне хорошей.

Офицеры – ротмистр Баумрукер фон Робельсвальд и лейтенант резерва Эльке, а также другие рассказывали, что в воскресенье утром, 21 апреля, весь офицерский лагерь был окружен «интернациональной красной гвардией» – состоявшей из австрийских немцев и главным образом из венгров, вооруженных пулеметами, а затем днем эта гвардия – свои же солдаты – дочиста ограбила офицеров, а многих из них даже оскорбляли. Всем офицерам пришлось снять знаки различия, у них отобрали денщиков, заметив, что теперь офицеров нет, так что обслуживать они должны себя сами. Один офицер отказался открыть свой чемодан, так что его попросту разбили прикладами. Я сам был свидетелем того, как так называемый ротный в этой гвардии – один венгерский вахмистр – потребовал от лейтенанта фон Лёрентая немедленно снять его петлицы и другие знаки отличия, а так как он не желал этого сделать, то они были попросту оборваны. А этот парень еще и показал на свой пулемет и пригрозил, что даже вагон делегата Красного Креста – то есть графа Бонде – не помешает ему добиться своего.

В то же воскресенье в городе у делегата Красного Креста – шведского ротмистра – было украдено 154 тысячи рублей. Этого офицера, несколько тугого на ухо, в 7 утра, – после того как в соседней комнате схватили, заткнули рот и упрятали в подвал его слугу, – вырвали прямо из постели, приставили ему к голове три револьвера и заставили открыть сейф. Затем ему тоже вставили кляп и переодели – не обращая внимания на его просьбы насчет шубы, – и оставили лежать на полу, при стоявшем морозе в 4 градуса. В этом положении его и обнаружил около 10 утра секретарь.

Такая «интернациональная гвардия» существует почти во всех местах, где есть крупные лаге-

[45] Выше автор пишет, что лейтенант Деметер был из гонведных гусар, то есть австрийцем (даже при этническом немецком происхождении) он считаться никак не мог, ведь гонведные части комплектовались подданными Транслейтании, венгерской части двуединой монархии.

ря – в Омске и т. д. В Красноярске этой гвардией командует прусский унтер-офицер-одногодичник[46].

Большинство заставил вступить в нее главным образом голод, ведь в Омске я видел одного германского солдата в самом жалком состоянии, который на вопрос о причинах его ужасного вида, ответил, что ему приходится выживать на один фунт хлеба в день, ведь он отказывается вступить в красную гвардию. То же подтвердили мне и многие офицеры, добавившие, что бойцов интернациональной гвардии кормят так хорошо и обильно, что иного и желать нельзя, да еще платят им по 50 рублей в месяц.

Императорское германское правительство потребовало, чтобы эта интернациональная красная гвардия была разоружена. Из Москвы будто бы отдали об этом приказ, однако его встретили здесь одними насмешками, ведь каждый знает будто бы наверняка, что Троцкий это приказывал не всерьез. Это доказывает, что данная гвардия существует и сегодня, сражаясь с чехословаками, ведь те австро-венгерские и германские военнопленные, против которых ныне Англия призвала на помощь Японию, это, безусловно, как раз эти люди, завербованные агентами Троцкого и ныне вступившие в красную гвардию.

Неплохо живут австро-венгерские офицеры (1400 человек) и около 4 тысяч нижних чинов в лагерях в Верхнеудинске и в Березовке. В офицерской кантине можно дешево и хорошо питаться: обед из двух блюд стоит 1 рубль 75 копеек, бутылка сносного пива – 45 копеек. Да и солдаты из разных бараков в ответ на мои вопросы сообщили, что едой вполне можно довольствоваться. Обе группы как офицеры, так и нижние чины, коротают время занятиями музыкой и театром. Мы как-то присутствовали на представлении солдатской труппы, – давали «Весенний ветер», – и я мог только подтвердить, что все удалось, а актеры играли с удовольствием и любовью к делу, даже несмотря на вполне подходящие по высоте тона голоса у «дам». Такая труппа с музыкальным сопровождением смогла бы успешно выступать в любом провинциальном городе. Театр, рассчитанный примерно на 600 зрителей, был заполнен до последнего места, а публика – в том числе немало русских, и настоящие светские дамы – осталась вполне довольна.

Я полагаю, что должен отметить относительно эвакуации военнопленных, что работа идет крайне медленно, хотя шведские эмиссары прилагают очень большие усилия, однако же занимающие высшие посты русские действуют недостаточно энергично. Как правило, поступают жалобы на дефицит вагонов, хотя на запасных путях виднеются стоящие сотни «теплушек», да и Троцкий вполне смог найти вагоны, чтобы отправить на Дальний Восток многие тысячи чехословаков, ведь только по Амурской дороге мне навстречу проехало около 10 тысяч их. Я знаю местных жителей, знаю язык, на котором с ними надо разговаривать, а уж тем более то, каковы нынешние так называемые правители этой страны. Тут нужно не жалеть денег, и тогда многие, многие тысячи наших несчастных уже могли бы быть дома, вместо того чтобы, вполне вероятно, долгое время подвергаться всем неурядицам и хаосу в тамошней местности. Следует оказывать хотя бы малейшую помощь, ведь «Вспомогательную акцию Тяньцзиня» по требованию англичан с 1 мая китайцам пришлось закрыть[47].

[46] То есть поступивший на службу добровольцем претендент на сдачу – после года службы – экзамена на офицерский чин. В течение года он повышался в звании до унтер-офицера. В данном случае имеется в виду доброволец, не успевший до пленения выслужить положенный срок, а потому не ставший офицером. Ближайший русский аналог – вольноопределяющийся в унтер-офицерском чине. Привлечение инструкторами пленных офицеров и унтер-офицеров признавала и советская историография, в том числе работы, где критиковалась общая мифологизация объема движения т.н. «интернационалистов» на Дальнем Востоке и в Сибири. См., напр.: (Познанский, 1973. С. 95–96, 109–111.

[47] По другим данным это было сделано только с 31 мая 1918 г. (Krasser, 2015. S. 128–145).

Вспомогательная акция фрау Эльзы фон Ханнекен.

Смогла выручить многие сотни тысяч австрийских и германских военнопленных и интернированных, спасая жизни тысячам из этих попавших в беду людей. Эта миссия и имя «тетушки фон Ханнекен» – как ее прозвали австро-венгерские военнопленные в Сибири (ведь Эльза фон Ханнекен – уроженка Австрии), – станет одной из самых прекрасных страниц человеколюбия и самопожертвования ради блага военнопленных за всю историю этой самой ужасной и кровопролитной из всех войн. И до тех пор пока жив хотя бы один из тех бедняг, кто мучается на чудовищных заснеженных полях Сибири, – а уж автор-то этих строк вполне знает, о чем пишет, – имя Эльзы фон Ханнекен не будет забыто, ведь его с благодарностью поминают в молитвах. Надо было видеть, каким блеском вспыхивали глаза тех, кому я передавал привет от этой дамы и сколь печальны были все – от старших офицеров до последнего солдата, – когда граф Бонде получил в Чите телеграмму, что «столь благочестивым» англичанам удалось-таки добиться закрытия с 1 мая этой вспомогательной организации. Ведь она давно уже была им словно бревно в глазу, так что они преследовали ее самым беспощадным образом, пользуясь для этого в Тяньцзине любой возможностью. Сколь многие затем спрашивали меня «Что же с нами теперь будет? Кто же поможет нам? Сколько же нам здесь оставаться? Если бы нам только можно было домой – да мы пешком пошли, только бы прочь отсюда»…

Когда пришли первые сообщения из Сибири о лишенных всего и вся пленных, фрау фон Ханнекен тут же выступила с инициативой: «Мы должны помочь беднягам», – воскликнула она[48]. Она обратилась во все инстанции в Сибири, в каждое полицейское управление (автор этих строк написал русские адреса на сотнях почтовых карточек), она отправила туда с крупными суммами трех американских профессоров (к сожалению, один из них – Фуллер – расценил столь серьезную миссию как увеселительную поездку)[49], чтобы доставить нуждающимся первую помощь и проложить каналы, по которым можно было бы регулярно направлять им вспомоществование. После того как американцы вернулись, фрау фон Ханнекен обратилась в Русско-Азиатский банк в Тяньцзине, чтобы через него «надежно» переводить деньги в Сибирь. Тогдашний поверенный в делах банка – Карл Кляйе – позднее ставший директором банка в Чанчуне (Маньчжурия), – осуществлял переводы, а директор иркутского отделения Русско-Азиатского банка господин фон Витте – кузен графа Витте, – переводил деньги по различным филиалам в Сибири. Там и выплачивали деньги представителям из лагерей. (Впоследствии за это обоих господ по запросу русского генерального консула в Тяньцзине Тидеманна уволили со службы «за оказание помощи врагу». Таковы были начатки «Тяньцзиньской вспомогательной акции», позднее набравшей столь значительные обороты давшей работу массе служащих, в основном, из нуждавшихся в заработке беженцев.

С утра до вечера фрау фон Ханнекен оставалась на службе устроенного ею же предприятия, лично вскрывая каждое письмо и отдавая соответствующие распоряжения. Кто же теперь сжалится над беднягами, при установившемся ныне под английским управлением хаосе?

Я хотел бы дать лишь несколько примеров того, как обращаются с пленными, для чего проведу такое сравнение. Здесь в Германии я посетил два лагеря военнопленных – в Херслебене и в Деренбурге под Хальберштадтом. У русских и французов прекрасные, просторные помещения, у каждого – отдельная кровать с пуховым одеялом, хотя они всего лишь простые сельскохозяй-

[48] Начало «Вспомогательной акции Тяньцзинь» было положено еще в октябре 1914 г. См.: (Wurzer, 2005. S. 436–438).

[49] США объявили войну Австро-Венгрии лишь в декабре 1917 г., так что посредничеством американцев фрау фон Ханнекен могла пользоваться по меньшей мере до лета 1917 г.

ственные рабочие[50]. В Сибири же офицерам приходится лежать на голых досках, а укрыться им нечем, не считая того, чем удалось разжиться самостоятельно или приобрести со временем на свои средства. Даурия – по-видимому самый ужасный лагерь во всей Восточной Сибири от Новониколаевска. Люди в нем умирают от тифа сотнями, о несчастных никто не заботится, они испускают дух, лежа в собственных нечистотах. Однако самые тяжкие преступления допущены в отношении тех пленных, кого заставили работать на строительстве Мурманской магистрали[51]. Ротмистр Баумрукер фон Робельсвальд – из драгун – получил оттуда письмо, которое он намерен позднее опубликовать, согласно которому там погибают «более 75 %» пленных[52].

Весьма своеобразной креатурой был, видимо, первый комендант в лагере под Красноярском, ведь он насчет военнопленных офицеров – особенно германских – всегда выражался так: «Для этого сброда у меня только темницы».

Чехословаки.

Я уже отмечал, что на Амурской железной дороге, а именно между Хабаровском и Бочкаревой, навстречу мне проехали якобы 10 тысяч человек в 10 эшелонах. Все эти люди были очень хорошо одеты и накормлены, оружия при них я не видел, даже у офицеров. Мы узнали – и от офицеров, и от солдат, – что они поедут на фронт во Францию, куда будут доставлены через Южную Америку. Кроме того и то, что их будто бы всего 50 тысяч, командует ими французский генерал[53], они подразделяются на 3 дивизии, из которых 2 уже сформировано и находятся в пути, а третья продолжает комплектоваться.

Эти данные – сообщаемые людьми, которые в них вполне верили, – являются абсолютным нонсенсом, ведь где бы взяли тоннаж для такого количества войск. На всем дальневосточном побережье наберется способных на рейс в Америку судов совокупностью вместимостью едва в 20 тысяч тонн, не считая немногочисленных японских пароходов. Поэтому у этих войск явно иная цель.

В моем отчете в королевское прусское военное министерство от 23 мая, а также в императорское и королевское министерство иностранных дел от 28 мая – возвращенном мне цензурой – указывалось, что в феврале сего года в Тяньцзинь было доставлено около 3 тысяч «ирредентистов», которые якобы тоже должны были ехать во Францию. Однако спустя короткое время они сменили в качестве полиции американцев, которые отправились в Маньчжурию.

Таким образом, Антанта планировала устроить силами этих людей нечто совершенно особенное, ведь в Харбине я видел еще 500–600 бельгийцев[54], и все они указывали одинаковую цель поездки.

[50] Автор сознательно закрывает глаза на крайне тяжелое положение российских военнопленных в лагерях Центральных держав. Смертность нижних чинов, в том числе от туберкулеза, была крайне высока, наблюдалось массовое истощение от голода. Ни о каких отдельных кроватях и пуховых одеялах не было и речи. Подобные условия гарантировались лишь старшему и высшему офицерскому составу и только до тех пор, пока не последовала серия взаимных репрессий в отношении военнопленных. Подр. см.: (Нагорная, 2010. С. 99–133; Гущин, 2020. С. 131–160).

[51] Оно продолжалось главным образом с конца 1915 по середину 1917 гг. Военнопленные были задействованы на протяжении большей части этого срока, многие из них совершили побеги (Нахтигаль, 2011).

[52] Даже при крайне резких оценках условий содержания в российском плену в современной европейской историографии данная цифра представляется завышенной в разы. Она нередко сопоставляется с данными относительно смертности в германском плену, однако при этом даже в новейших исследованиях руководствуются статистикой из работы, выполненной по заказу министерства рейхсвера еще в 1921 г., что характеризует и полноту, и беспристрастность предоставляемых данных (см.: Doegen, 1921. S. 56–57).

[53] Имеется в виду формально возглавлявший Чехословацкий корпус, объявленный частью французской армии, глава французской военной миссии в России генерал Ж. Лавернь (Галкина, 2020).

[54] Масштабы бельгийских военных миссий в России оцениваются как куда более скромные, хотя весной

Граф Бонде и я тогда сочли, что все эти войска должны быть направлены только против большевиков, и что предположительно они придут на смену люмпенам и уголовникам из отрядов Семенова. Ведь последние при первых же большевистских гранатах разбегутся как зайцы, о чем нам сообщили венгерские и германские офицеры, которые видели бои, разгоревшиеся неподалеку от офицерского лагеря военнопленных Даурия.

Тогда в Чите – 22 и 23 апреля – мы беседовали с целым рядом офицеров об этих перебросках войск. О них явно должно было быть известно нынешним правителям – особенно Троцкому. Эти офицеры были ближе к истине, что и показывают нынешние действия Антанты в Сибири.

21 июня об этом было доложено во внешнеполитическое ведомство в Берлине[55].

Относительно взятия Омска[56] и других станций на Транссибирской магистрали чехословаками я позволю себе обратить внимание на следующее:

Примерно через месяц после заключения мира в Брест-Литовске, годами находившиеся на английском жалованье харбинские «Новости жизни» стали указывать на то, какая опасность угрожает России, если немцы начнут все дальше продвигаться в Сибирь. Заявлялось, что Германия с помощью Советского правительства с легкостью сможет вооружить своих и австро-венгерских военнопленных, занять магистраль и таким образом взять под свой контроль сообщение с Сибирью.

Затем тон статей харбинских и владивостокских газет стал все более беспокойным, писали, что военнопленные «уже вооружены» и «заняли магистраль», а Иркутск, якобы, уже в их руках. А вот в иркутской «Сибирь» – ведь ее английскими деньгами не снабжали – об этом не было ни слова.

В начале февраля из китайского Тяньцзиня в Иркутск приехал французский консул Буржуа, якобы, чтобы выяснить, как именно в ходе боев в городе между большевиками и юнкерами был убит агент французского консульства. Все это была совершенная ложь, ведь с агентом ровно ничего не случилось, он спустя короткое время объявился в Харбине жив и здоров, где и был назначен консулом. А вот господин Буржуа очень скоро уже был назначен генеральным консулом в Иркутске, да и в Русско-Азиатском банке в Тяньцзине с момента его отъезда уже знали, что он отправился в Иркутск «с секретной чрезвычайно важной миссией». (Зять господина Буржуа – Бэндинелл (англичанин) – поверенный в делах в банке, а мой сын – Карл Кляйе – долгие годы служил на этой же должности в Тяньцзине, пока ему не пришлось уволиться оттуда за то, что он – немец).

Поэтому все цитируемые выше сенсационные известия шли от мсье Буржуа, либо от англичан и по их приказу транслировались в мир через «Tientsin&Peking Times», а также «Daily News», откуда их перепечатывали и русские газеты.

Тогда потребовали, чтобы вмешались японцы, однако неудачно, ведь их время еще не пришло.

К тому моменту в Харбин прибыл крупный русский финансист Путилов[57], за голову которого большевики назначали 2 миллиона награды. Кроме того, там же был и адмирал Колчак[58] и другие представители русской высшей буржуазии. В Харбине и Пекине постоянно шли переговоры, хотя в печать из них не просочилось и пол-

1918 г. корпус бельгийских броневиков действительно перебрасывался во Владивосток (Бойен, 2006).

[55] Автор имеет в виду упоминавшееся выше донесение графа Мирбаха, о котором он, видимо, был осведомлен. В нем в том числе упоминалось о том, что великий князь Михаил (расстрелянный еще 13 июня 1918 г.) бежал в Омск и намерен с помощью Антанты бороться за трон. Возможно, данное донесение было частично основано на свидетельствах именно этого эмиссара из Китая.

[56] Омск был захвачен антибольшевистскими силами 6–7 июня 1918 г.

[57] А.И. Путилов (1866–1940), сыгравший большую роль в подготовке Корниловского мятежа, перешел на нелегальное положение сразу же после его провала в начале сентября 1917 г. Возглавляя Русско-Азиатский банк с 1910 г. Путилов выехал на Дальний Восток, где сыграл крупную роль в финансировании местных антибольшевистских сил и в их связях с Антантой. В дальнейшем жил в эмиграции.

[58] В оригинале: Kolschag.

слова. Господин Путилов, генерал Хорват, Колчак, граф Езерский[59] и другие постоянно разъезжали между Харбином и Пекином. Я сам выехал 9 апреля из Тяньцзиня в Пекин в одном вагоне с Путиловым, генералом Хорватом, адмиралом Колчаком и графом Езерским (причем с Путиловым, Хорватом и Езерским, главным управляющим Русско-Азиатского банка в Китае и Японии я был знаком лично).

21 июня в своем отчете я указал, что столь долго и систематически подготавливаемая атака на большевиков, «правильная» контрреволюция не может иметь ничего общего с неким местным мятежом чехословаков, как это любят представлять в газетах. Я тогда сомневался в том, что Троцкому удастся быстро восстановить порядок в ходе переговоров с чехословаками. И я оказался прав.

При этом мне вспоминается и еще одни момент. Утром 10 апреля в русской миссии состоялась очень резкая стычка с генеральным консулом Розовым насчет моего сына, которому при его увольнении из Русско-Азиатского банка не отдали документы. Я потребовал вернуть все бумаги и указал при этом на заключенный между Германией и Россией мир, на что господин Розов ответил мне: «Какой еще мир?», а я ему: «Что это за мир – не Ваше и не мое дело, однако факт в том, что мир подписан, и у Вас нет более права изымать документы моего сына». На это господин Розов ответил мне дословно: «Мир, ну, подождите, что там еще будет»[60]. Я полагаю, что эти – пусть и не обдуманные – слова господина, высказанные 10 апреля, вполне ясно отражают намерения Антанты.

Далее 21 июня я указал еще и на то, что Советское правительство в Москве и Петрограде едва ли пока ощутило, что любой местный мелкий Совет давно вытворяет, что ему угодно, – что и доказала казнь бывшего царя[61].

Уже 21 июня я выразил мнение, что господа Ленин и Троцкий сотоварищи уже давно проигрались, так что к власти придет другое правительство, но кто же?

Народ ненавидит большевиков, а особенно крестьяне. Об этом я лично слышал как в Сибири, так и в России от самых различных кругов, но при этом представители образованных классов тосковали «по немцам», которые восстановят, наконец, порядок и спокойствие. Сколько же высших чинов, офицеров, говорили мне: «Когда же наконец придут ваши», ведь даже в Маньчжурии я слышал это от главного контролера на Китайской Восточной железной дороге, который добавил: «Мы Вас с распростертыми объятиями встретим». «Буржуазия», то есть имущие слои, особенно те, кто смог изрядно обогатиться на военных заказах, разумеется, ставят на Антанту, ведь они надеются на новую прибыль тем же путем.

В одном, однако, едина вся Россия, что верхи, что низы, богатые и бедные – ни один человек не желает признавать Брест-Литовск[62].

Берлин-Лихтерфельде-Вест, Альбрехтштрассе, 15,

12 августа 1918 г.

Подпись (от руки, неразборчиво)[63], горный инженер и королевский прусский лейтенант в отставке.

---

[59] Граф В.С. Езерский был затем членом правления КВЖД, которой в течение более 15 лет, с момента пуска в эксплуатацию руководил генерал-лейтенант Д.Л. Хорват.

[60] В оригинале приведена транскрипция латиницей: «Mir – na podoschditje schto tam jescho budet», а также перевод на немецкий.

[61] В Германии достаточно быстро и без должного исследования вопроса пришли к выводу, что казнь императорской фамилии в Екатеринбурге стала неожиданностью для Совнаркома, ведь намерение ее провести не раз опровергали через прессу сами большевики, а советский полпред Иоффе был новостью о расправе заметно обескуражен, узнав о случившемся от германской стороны. Ряд документов из германского дипломатического архива (PA AA) до сих пор не публиковался, фрагменты донесений Иоффе из Берлина см.: Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи / Сб. док-тов и материалов. АНИР. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 7. 318 с. С. 214, 229.

[62] То есть Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г.

[63] Она представляет собой вензель, который должен обозначать фамилию – Кляйе и инициал имени.

Библиографический список

Бойен Р. Бельгийский корпус броневиков в Русской армии // Последняя война Российской империи / под ред. В.П. Козлова. М.: Наука, 2006. С. 226–232.

Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923 : сб. стат. / под ред. Р. Герварта и Д. Хорна. М.: НЛО, 2014. 397 с.

Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в событиях 1917–1918 гг. // Русский сборник. Т. 28. М.: Модест Колеров, 2020. С. 162–212.

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / под ред. В.В. Калашникова. СПб.: ЛЭТИ, 2018. 407 с.

Гущин Ф.А. Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии 1914–1917. М.: Кучково поле, 2020. 520 с.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета, 2004. 177 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / под ред. С.Л. Тихвинского. М., 2013–2020.

Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020a. № 4. С. 189–212.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020b. 528 с.

Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Югославяне в политике белогвардейских правительств, 1918–1920 гг. // Славянский мир в условиях современных вызовов. Русин. 2018. № 54. С. 211–229.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 318 с.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 310 с.

Россия в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; Спб.: ЦГИ, 2018. 607 с.

Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 334 с.

References

Boien R. (2006) The Belgian Armored Car Corps in the Russian Army. *Poslednyaya voina Rossiiskoi imperii = The Last War of the Russian Empire.* Moscow: Nauka. P. 226–232. (In Russ.)

Gervart. R., Khorn D. (2014) War in Time of Peace: Paramilitary conflicts after the First World War 1917–1923. Moscow: NLO. 397 p. (In Russ.)

Galkina Yu.M. (2020) French Military Mission in Russia during the events of 1917–1918. *Russkii sbornik = Russian Collection.* Vol. 28. Moscow: Modest Kolerov. P. 162–212. (In Russ.)

Kalashnikov V.V. (2018) The Russian Civil War: a look through 100 years. Problems of history and historiography. St. Petersburg: LETI. 407 p. (In Russ.)

Gushchin F.A. (2020) Victims of storms of steel. Captured and dead generals of the Russian Imperial Army 1914–1917. Moscow: Kuchkovo pole. 520 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918). Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University. 177 p. (In Russ.)

Tikhvinskiy S.L. (2013–2020) The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 Vol. Moscow. (In Russ.)

Lannik L.V. (2020a) The Helfferich Mission in Mocsow: a forgotten episode in Soviet-German relations in summer 1918. *Rossiya i sovremennyi mir = Russia and Modern World.* No. 4. P. 189–212. (In Russ.)

Lannik L.V. (2020b) After the Russian Empire. The German occupation in 1918. St. Petersburg: Evraziya. 528 p. (In Russ.)

Nagornaya O.S. (2010) Other military experience: Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922). Moscow: Novyi khronograf. 440 p. (In Russ.)

Naumova N.I., Zinov'eva V.I. (2018) The Yugoslavians in the politics of the White Guard governments, 1918–1920. *Slavyanskii mir v usloviyakh sovremennykh vyzovov = Slavic World in the conditions of modern challenges.* Rusin. No. 54. P. 211–229. (In Russ.)

Nakhtigal' R. (2011) Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 318 p. (In Russ.)

Poznanskii V.S. (1973) Essays on the History of the Armed struggle of the Soviets of Siberia with the counter-revolution in 1917–1918. Novosibirsk: Nauka. 310 p. (In Russ.)

Pavlov D.B. (2018) Russia during the Civil War of 1917–1922: Essays on History and Historiography. Moscow; St. Petersburg: TsGI. 607 p. (In Russ.)

Svetachev M.I. (1983) Imperialist intervention in Siberia and the Far East (1918–1922). Novosibirsk: Nauka. 334 p. (In Russ.)

Суржикова Н.В. Военный плен в русской провинции. М.: РОССПЭН, 2014. 418 с.

Шацилло В.К. Берлин и японская «политика надувательства» (к вопросу о германо-японских сепаратных переговорах в 1916 г.) // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 2. М., 2015. С. 95–106.

Шулатов Я.А. Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 S.

Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bände / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt: Theiss, 2018. 960 S.

Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927. Vom Kolonialismus zur „Gleichberechtigung". Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner: De Gruyter. B., 2006. 508 S.

Doegen W. Kriegsgefangenen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland / berarb. und hrsg. im Auftrage des Reichswehrministeriums. B.: Verl. Für Politik und Wirtschaft, 1921. 337 S.

Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1962. 497 S.

Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / hrsg. von J. Kreiner. Bonn: Bouvier, 1986. 253 S.

Krasser J. K.u.K. in Ostasien. 1900–1922. Graz: J. Krasser, 2015. 255 S.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2003. 754 S.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. Paderborn u.a., 2006. S. 239–266.

Nachtigal R. Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen: 1914–1918. Remshalden: Greiner, 2003. 391 S.

Radziwiłłowicz D. Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja // Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1. Olsztyn, 2017. S. 23–43.

Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fugen dinge". Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn; Schöningh, 2014. 434 S.

Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 233 P.

Surzhikova N.V. (2014) Military captivity in the Russian province. Moscow: ROSSPEN. 418 p. (In Russ.)

Shatsillo V.K. (2015) Berlin and the Japanese "policy of swindling" (on the issue of German-Japanese separate negotiations in 1916). *Pervaya mirovaya voina – prolog XX veka = World War I – Prologue of the XX Century.* Moscow. Pt. 2. P. 95–106. (In Russ.)

Shulatov Ya.A. (2014) The fight against German espionage in the Far East during the First World War: Russian-Japanese cooperation. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region.* No. 2. P. 33–51. (In Russ.)

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 S.

Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt: Theiss, 2018.

Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927. Vom Kolonialismus zur „Gleichberechtigung". Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner: De Gruyter. B., 2006. 508 S.

Doegen W. Kriegsgefangenen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland / berarb. und hrsg. im Auftrage des Reichswehrministeriums. B.: Verl. Für Politik und Wirtschaft, 1921. 337 S.

Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1962. 497 S.

Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / hrsg. von J. Kreiner. Bonn: Bouvier, 1986. 253 S.

Krasser J. K.u.K. in Ostasien. 1900–1922. Graz: J. Krasser, 2015. 255 S.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2003. 754 S.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. Paderborn u.a., 2006.S. 239–266.

Nachtigal R. Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen: 1914–1918. Remshalden: Greiner, 2003. 391 S.

Radziwiłłowicz D. Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja // Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1. Olsztyn, 2017. S. 23–43.

Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fugen dinge". Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn; Schöningh, 2014. 434 S.

Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 233 P.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1971. 750 S.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. 626 S.

Сведения об авторе

Ланник Леонтий Владимирович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН,
119334, г. Москва, Ленинский пр., 32а, Россия,
✉ e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Л.В. Ланник выполнил исследовательскую работу, перевел источник, откомментировал его и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 февраля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 2 марта 2021 г.
Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1971. 750 S.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. 626 S.

Information about the author

Leontiy V. Lannik,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32A, Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia,
✉ e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Contribution of the author

L.V. Lannik carried out a research work, translated the primary source, commented it and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received February 18, 2021.
Received March 2, 2021.
Accepted March 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)+94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-262-271

Причины провала призыва мусульман советского Туркестана в Красную армию (1918–1924 гг.)

© В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Аннотация: Статья посвящена малоисследованной актуальной и дискуссионной проблеме, связанной с попытками руководства Туркестанской Советской республики развернуть в 1918–1924 гг. массовый призыв мусульманского населения в ряды Красной армии. Настоятельная необходимость решения этой задачи определялась как собственно кадровыми проблемами армии, так и требованием смены методов борьбы с басмаческим движением, которое стало реально угрожать самому существованию республики. Однако мероприятия органов советской власти и командования армии, направленные на воплощение в жизнь принятого решения, осуществлялись на фоне очень сложных процессов во внутриполитической и социально-экономической жизни региона. Наряду с проблемой басмачества, остро стоял вопрос неприятия местным населением реформ, которые новая власть в очень грубых формах начала проводить в области бытового уклада, обычаев и традиций. Болезненно воспринимались попытки вторжения административных органов в вопросы конфессиональной жизни коренных народов. Крайне негативное воздействие на людей производили моральная распущенность, вседозволенность, бесконечные реквизиции и грабежи, которыми отличались части Красной армии. В этих условиях мусульмане рассматривали саму возможность сотрудничества с советской властью, а тем более службу в Красной армии, как национальное предательство. В результате кампания по мобилизации мусульманского населения Туркестана в ряды армии оказалась крайне неудачной и закончилась провалом. Научная новизна исследования заключается в том, что автор на основе вновь выявленных и впервые вводимых в научный оборот архивных источников, материалов ряда научных работ, показывает: неудачи мероприятий, направленных на привлечение мусульманского население в Красную армию, явились результатом непродуманной политики в области межнациональных отношений, игнорирования особенностей конфессионального характера и национального менталитета коренного населения региона, а также проблемами дисциплинарного характера в Красной армии.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Туркестан, мусульмане, Красная армия, басмаческое движение, советская власть, национальные отношения, конфессиональный вопрос, традиции, мобилизация

Для цитирования: Бармин В.А. Причины провала призыва мусульман советского Туркестана в Красную армию (1918–1924 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 262–271. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-262-271

Reasons for the failure of the conscription of Muslims of Soviet Turkestan to the Red Army (1918–1924)

© Valerii A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract: The article is devoted to a scarcely investigated, topical and debatable problem related to the attempts of the leadership of the Turkestan Soviet Republic to deploy mass conscription of the Muslim population into the ranks of the Red Army in 1918–1924. The urgent need to solve this problem was determined both by the actual personnel problems of the army, and by the requirement to change the methods of fighting with the Basmach movement, which became a real threat to the very existence of the republic. However, the measures taken by the Soviet power and the command of the army, aimed at implementing the adopted decision, were carried out against the background of very complex processes in the internal political and socio-economic life of the region. Along with the problem of Basmachism, there was an acute issue of rejection by the local population of the reforms that the new government began to carry out in very rough forms in the field of everyday life, customs and

traditions. The attempts of the administrative authorities to intrude into the issues of the confessional life of the indigenous peoples were perceived painfully. An extremely negative impact on people was produced by moral licentiousness, permissiveness, endless requisitions and robberies, which flourished in the Red Army. Under these conditions, the Muslims considered the very possibility of cooperation with the Soviet regime and serving in the Red Army, as a national betrayal. Consequently, the campaign to mobilize the Muslim population of Turkestan into the ranks of the army was extremely unsuccessful and finally failed. The novelty of the study lies in the fact that the author, on the basis of newly discovered archival sources and materials of various scientific works which are first introduced into scientific circulation, shows that the failures of measures aimed at attracting the Muslim population to the Red Army were the result of an ill-conceived policy in the field of interethnic relations, ignoring the peculiarities of confessional character, and the national mentality of the indigenous population of the region, as well as disciplinary problems in the Red Army.

Keywords: October Revolution, Turkestan, Muslims, Red Army, Basmach movement, Soviet power, national relations, Confessional question, traditions, mobilization

For citation: Barmin V.A. (2021) Reasons for the failure of the conscription of Muslims of Soviet Turkestan to the Red Army (1918–1924). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 262–271. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-262-271

После распада Советского Союза республики, входившие в его состав, приступили к строительству собственной государственности. Этот процесс обозначил необходимость решения весьма сложной задачи, связанной с пересмотром созданных в период существования СССР концепций исторического развития народов теперь независимых республик. В ходе этой работы анализу и переосмыслению подверглись и продолжают подвергаться многие сюжеты национальной истории. В отдельных случаях существовавшее ранее историческое полотно, особенно периода новейшей истории, перекраивается почти полностью.

Весьма сложным и противоречивым периодом в новейшей истории бывших советских республик остаются годы Гражданской войны. Сегодня в значительной части работ современной историографии среднеазиатских республик бывшего СССР (как, впрочем, и в большинстве других – В.Б.) события, связанные с этой войной, рассматриваются исключительно как противоестественная, насильственная деформация исторического пути развития народов, попытка лишения их самобытности, менталитета и возможности создания собственных независимых государств. В этом контексте все виды протестных движений. которые возникали и действовали в условиях создания и укрепления советской власти в регионе, подаются исключительно как справедливые и оправданные. При этом часто не принимается в расчет то, какие силы стояли за такими движениями и какие конечные цели они преследовали. Киргизская исследовательница Т.Н. Садыкова, касаясь этой проблемы, пишет: «В советское время понятие басмач и басмачество имело оттенок крайнего осуждения. После распада СССР отношение к басмачам в независимых республиках Средней Азии постепенно пересматривается» (Садыкова, 2016. С. 108).

Следует сказать, что в ряду спорных, вызывавших и ранее неприятие в научных кругах и у широких слоев населения проблем собственной истории, вопрос басмаческого движения вообще занимает отдельное место. Причины массовости и масштабности этого движения, широкий спектр участвовавших в нем социальных слоев и групп региона советская историческая наука относила, прежде всего, к тотальной неграмотности и невежеству населения, традиционному и бездумному его подчинению своим баям и представителям имамата. Последние, по мнению советских историков, пользовались этим обстоятельством и, защищая свои классовые интересы, опираясь на помощь зарубежья, возглавляли и вели людей на борьбу с советской властью. Такая оценка событий давалась, например, в работе Ю. Алескерова «Интервенция и Гражданская война в Средней Азии», крупном труде авторского коллектива ученых А.И. Зевелева, Ю.А. Полякова и Л.В. Шишкиной «Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов», монографии А.Н. Хейфеца «Советская

Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918–1920)», публикациях В. Абылгазиева «Крах политического бандитизма» и А. Коканбаева «Борьба с басмачеством и упрочение советской власти в Фергане», а также многих других. (Алескеров, 1959; Зевелев, Поляков, Шишкина, 1986; Хейфец, 1964; Абылгазиев, 1984; Коканбаев, 1958). Например, в работе «Из истории Гражданской войны в Узбекистане» ее автор А.И. Зевелев прямо утверждает, что социальную базу басмаческого движения составляли «… феодалы, бывшая родовая знать и бывшие владельцы крупных земельных угодий», а также «… нарождавшаяся буржуазия и бывшие уголовные преступники» (Зевелев, 1959. С. 102–103). Это утверждение было заложено и в фундаментальных обобщающих работах по истории Гражданской войны таких, например, как пятитомная «История Гражданской войны в СССР» (История Гражданской войны в СССР…, 1960) или энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (Гражданская война и военная интервенция в СССР, 1983). Авторы статьи о басмачестве в этой энциклопедии вообще определили басмачество исключительно как «форму классовой борьбы против Советской власти» (Гражданская война и военная интервенция в СССР, 1983. С. 54). Интересно то, что своеобразную установку относительно социального состава басмачества будущим советским исследователям дал командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе. В своем письме к В.И. Ленину знаменитый военачальник Красной армии сообщал главе советского правительства, что в отряды басмачей объединились те, кто мечтает стать властителями края и новыми ханами (М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, 1941. С. 308)[1]. Как показало будущее, эта установка была положена в основу большинства работ, посвященных исследуемой теме. В то же время в западной историографии она не нашла сторонников. Петербургский исследователь А.И. Пылев отмечает, что по поводу этих утверждений между советскими и зарубежными исследователями шли острые дискуссии (Пылев, 2003. С.29).

Анализ содержания этих дискуссий не входит в нашу задачу, вместе с тем необходимо отметить, что за рамками концепции советских ученых оказывались вопросы многочисленных ошибок самой новой власти в области внутренней политики, которые вызывали у людей жесткое неприятие и толкали их на организованное вооруженное сопротивление. В череде этих ошибок наиболее существенными стали попытки радикальной ломки сложившихся обычаев и традиций, насильственное внедрение новых форм бытового уклада, просчеты в выстраивании межнациональных отношений и особенно грубое вмешательство в конфессиональную область жизни населения. Наличие возникавших в связи с этим многочисленных проблем отражено во многих архивных документах партийных и советских органов республики. Но эти источники многие годы были недоступны широкому кругу исследователей. В то же время любые попытки дать отличную от официальной точки зрения оценку причинам возникновения и многолетнего существования басмаческого движения жестко пресекались способами, далекими от принципов научной полемики. В результате возможность глубокого научного анализа этого сюжета и формирование нового взгляда на явление басмачества, построенное на серьезной источниковой базе, появились только после распада советского государства. При этом характеристики и оценки басмаческого движения в постсоветской историографии существенно отличаются от тех, что давались представителями советской исторической науки. Некоторые современные исследователи вообще приходят к выводу, что ««басмачество» — понятие, созданное советской властью с целью демонизации (мифологической стигматизации) своих противников» (Бляхер, Ярулин, 2016. С. 109).

Вместе с тем до настоящего времени в истории этого сложного и неоднозначного народного движения остается много малоисследованных вопросов, а то и просто белых пятен. Это обстоятельство в свою очередь не позволяет восстановить картину рассматриваемых событий в комплексе и определяет необходимость «… нового обращения к указанной проблеме с целью более тщательного

[1] М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. Москва: Военное издательство, 1941. 472 с.

анализа на основе вновь выявленных архивных источников, ранее по разным причинам недоступных исследователям или оставшихся за рамками их внимания» (Бармин, 2018а. С. 88.) Один из таких вопросов касается мероприятий руководства Туркестанской Советской республики, направленных на привлечение в ряды Красной армии представителей мусульманского населения.

Успешная реализация этих мероприятий должна была, по мнению проводников идеи, помимо прочего, помочь и в борьбе с басмачеством. Содержание указанных мероприятий и причины их провала пока не нашли должного отражения в российской историографии и требуют серьезного исследования. Автор предлагаемой статьи не претендует на исчерпывающее раскрытие указанной проблемы; он видит свою задачу в попытке выявить наиболее существенные причины, заставившие советское руководство и военное командование Красной армии Туркестанской республики обратиться к проблеме призыва на военную службу представителей мусульманского населения и определить обстоятельства, которые мешали реализации этого решения.

Октябрьская революция 1917 г. в Петрограде вызвала цепную реакцию установления советской власти во всех крупных городах и регионах России. Однако процесс этот при относительной скоротечности, тем не менее не был одномоментным, отличался своеобразием, временными рамками и событийным содержанием в каждом конкретном эпизоде (Бармин, 2017. С. 21). Эти факторы особенно наглядно проявлялись в национальных окраинах огромной страны. Например, «В Ташкенте советская власть была провозглашена всего через несколько дней после победы революции в Петрограде. В то же время события, связанные с процессом укрепления этой власти, отличались большими сложностями и обусловили то, что задача распространения её фактического контроля над краем была решена только ко второй половине 20-х гг.» (Бармин, 2017. С. 21). Через шесть месяцев после установления новой власти, 30 апреля 1918 года, на V Краевом съезде Советов его делегаты «…провозгласили создание Туркестанской Советской Республики» (ТСР) (Батыров, Минц, 1967. С. 476). Второй пункт постановления съезда о создании Республики гласил: «Туркестанская Советская Федеративная Республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503. Л. 16).

Вновь созданная республика охватила своими границами основную часть региона, который назывался ранее Туркестанским генерал-губернаторством. В нее вошли, в частности, Самаркандская, Семиреченская, Ферганская и Сырдарьинская области. Вместе с тем в условиях начавшейся Гражданской войны уже к лету 1918 года ТСР оказалась в практической изоляции, будучи отрезанной от Москвы фронтами противостоящих друг другу войск Красной армии и белогвардейских правительств. Одновременно с этим на внутренних фронтах ей пришлось бороться с английской интервенцией и хорошо вооруженными подразделениями Закаспийского временного правительства, опиравшегося на поддержку тех же англичан. Наряду с этим все большую опасность для республики стали представлять отряды басмачей. При этом сама Красная армия советского Туркестана представляла собой в этот период отряды плохо вооруженных и слабо обученных бойцов (Куц, 1964. С. 30).

Прорвать блокаду и восстановить связь с центром удалось только в январе 1919 года, когда части Красной армии смогли занять Оренбург. Но и после этого внутриполитическая и социально–экономическая ситуация в ТСР продолжала оставаться крайне сложной. Политические, экономические и социальные проблемы усугублялись кадровым дефицитом и тотальной безграмотностью коренного населения. Учитывая то, что местные партийные и советские власти оказались не в состоянии справиться с нарастающим валом проблем, грозивших непредсказуемыми последствиями, руководство Советской России в феврале 1919 года направило в Ташкент сформированную из группы опытных и авторитетных деятелей партии «Особую

временную комиссию СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана». О серьезности проблем, которые предстояло решать этой комиссии, говорило то, что в ее составе оказались: М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак – и ряд других не менее известных людей. Об этом же свидетельствовали и полученные ею полномочия. Комиссия имела право «…представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств…» (Советское содружество народов, 1972. С. 96–97)[2].

Одной из наиболее острых проблем, которые встали перед руководством советского Туркестана, явилась проблема басмачества. Отряды басмачей (Тюрк. – «налетчики») начали создаваться как форма народного вооруженного сопротивления действиям новых властей, приступивших к радикальной ломке обычаев, культурных и национальных устоев, а также некоторых элементов бытового уклада коренных народов Туркестана. При этом направленный удар власть наносила по конфессиональным обрядам (абсолютное большинство населения исповедовало ислам. – В.Б.) и традициям мусульман. Крайне негативными явлениями этого процесса, помимо прочего, стали грубейшие, часто откровенно преступные формы реализуемых мероприятий. Практически все они сопровождались нарушением общепринятых на Востоке норм морали и поведения. Одновременно с этим нараставшее возмущение жителей Туркестана стали вызывать активно реализуемые в крае меры «военного коммунизма».

На первом этапе своего развития басмаческое движение представляло собой региональное явление, ограниченное районом города Коканда и возникшее после разгрома Советами «Кокандской автономии», существовавшей с 27 ноября 1917 года по 18 февраля 1918-го. Но движение быстро набирало силу и после проведения национального размежевания оно очень быстро охватило территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении и южные районы Казахстана. Командование частей Красной армии, вступивших в борьбу с отрядами басмачей, докладывало в конце 1918 года, что только в Ферганской области они объединяют более 7 тысяч вооруженных бойцов (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1480. Л. 1). При этом активную помощь движению с момента его зарождения начали оказывать правящие круги Англии, Афганистана, а также проживавшие в Синьцзяне русские купцы и бежавшие в эту китайскую провинцию белогвардейцы (Зевелев, Поляков, Чугунов, 1981. С. 56).

Борьбу с повстанческим движением серьезно затрудняло то, что отряды басмачей возникали и действовали, как правило, в районах проживания своих бойцов, возглавлялись местным баем или человеком, имевшим до революции проблемы с законом (многие влиятельные курбаши – руководители басмаческих отрядов − в период царизма имели судимости за грабежи и разбои. − В.Б.), опирались на поддержку местного населения и практиковали партизанскую тактику борьбы. При этом басмачи избегали столкновений с крупными подразделениями Красной армии. Обычно они строили свою тактику «…на стремительных налетах на кишлаки, небольшие городки, расстрелах представителей советской власти и уничтожении небольших гарнизонов Красной армии. «После таких операций басмачи скрывались в труднодоступных районах в горной местности или в песках» (Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В и др., 2017. С. 282).

На первом этапе борьбы с басмачеством советское руководство Республики и командование Красной армии пытались решить проблему с помощью усиления террора, в том числе, и против мирного населения. Однако этот метод не только не дал результатов, но, более того, значительно обострил ситуацию. В результате в Совнаркоме Туркестана сделали однозначный вывод что «… это только ожесточило население и увеличило количество отрядов, бойцы которых с оружием в руках включались в борьбу с большевиками» (Михайлов, 1990).

В поисках новых методов борьбы с басмачеством в штабе Туркфронта в 1922 г. были разработа-

[2] Советское содружество народов (Объединительное движение и образование СССР). Сборник документов. 1917–1922. Москва: Политиздат, 1972. 335 с.

ны специальные рекомендации для командиров и политработников частей Красной армии. Этот документ под названием «Указания по организации борьбы с басмачеством» был направлен во все части и подразделения. Авторы «Указаний» в преамбуле признавали, что борьба с басмачеством «… до сих пор не дала каких-либо ощутительных результатов» (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 671. Оп. 1. Д. 2. Л. 14).

Была дана в этих рекомендациях и оценка репрессивным методам борьбы с басмачеством. Авторы заявляли, что несправедливость со стороны властей, головотяпство любого военного «…несет за собой недовольство среди населения, побуждает его снова уйти к басмачам». Создатели «Указаний» требовали от бойцов и командиров учитывать не только сложившуюся военную ситуацию, но принимать во внимание «… настроения, и нужды населения», и действовать так, чтобы оно стало «…активным помощником в борьбе с басмачеством» (РГВА. Ф. 671. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–16).

Одновременно с этим в среде партийного и советского руководства республики, у командования Красной армии, крепло убеждение, что без вовлечения в работу советских органах местных кадров, без мобилизационных мероприятий, направленных на массовый приток в армейские ряды представителей коренных народов региона, добиться положительных результатов в борьбе с басмаческим движением не удастся. В передовице печатного органа ЦК КПТ и ЦИК ТСР газеты «Известия», посвященной этой проблеме, заявлялось, что решить вопрос разгрома басмаческого движения только войсковыми методами не удастся. Автор передовицы высказывал убеждение, что положительных результатов в развернувшейся борьбе можно будет достигнуть только в том случае, если само население придет на помощь Красной армии (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1530. Л. 5 об.).

Важным элементом активизации работы по привлечению мусульман к работе в государственных органах и службе в армии стало инструктивное письмо Центрального комитета РКП(б) «О необходимости широкого привлечения трудящихся местных национальностей к государственной деятельности», направленное ЦИК и Крайкому партии Туркреспублики 10 июля 1919 г. в виде радиограммы. В нем руководству Туркестана настойчиво рекомендовалось проводить широкое вовлечение местного населения в деятельность государственных учреждений. При этом членство в партии при назначении на должность не должно играть определяющей роли. Одновременно с этим ЦК РКП(б) требовал «…Прекратить реквизиции мусульманских имуществ без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всякие трения, создающие антагонизм» (Иностранная военная интервенция и Гражданская война…, 1963. С. 135–136)[3]. В этом контексте на повестку дня руководством республики был поставлен вопрос о массовом призыве мусульман в войска действующей армии, а в более широком плане – формировании отдельных воинских частей, укомплектованных командным и рядовым составом из числа коренного населения.

Обсуждение этой проблемы приобрело столь серьезное значение, что в январе 1920 г. на 3-й конференции Компартии Туркестана с отдельным докладом по вопросу о мобилизации мусульман в ряды Красной армии выступил заместитель председателя Туркомиссии В.В. Куйбышев. Весьма показательным было в этом отношении и само название доклада «О привлечении мусульман к защите социалистического Отечества» (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 52. Л. 15).

В представленном делегатам докладе В.В. Куйбышев убеждал аудиторию в необходимости широкого привлечения мусульман в Красную армию, заявлял, что мусульманин с оружием в руках страшен только тогда, «…когда он пойдет против социалистической революции». Значит, задачей советской власти, полагал В. В. Куйбышев, является создание условий, когда мусульманин будет заинтересован в защите этой власти. По сути «...мусульмане здесь, на Востоке, – утверждал докладчик, – являются защитниками социалистического строя» (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 34. Л. 16). Этот

[3] Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1963. Т. I. 692 с.

постулат должен был подвести слушателей к выводу о необходимости массового привлечения мусульман в Красную армию.

Но ратуя за привлечение в Красную армию мусульман, он в то же время категорически отвергал идею формирования отдельной мусульманской армии. Такая позиция была понятна и объяснялась устойчивым недоверием партийного и советского руководства к армии, сформированной только из представителей местного населения. Поэтому докладчик совершенно определенно заявил: «… не должно быть отдельной мусульманской, туркестанской … армии, а должна быть единая российская армия, широко пользующая принцип привлечения в свои ряды широких мусульманских масс» (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 17–18).

Настаивая на привлечении мусульман в армию, В.В. Куйбышев хорошо понимал и те трудности, с которыми столкнется практическая реализация этой задачи. Было очевидно, что массовый призыв мусульман потребует соответствующего командного состава. В связи с этим докладчик предлагал озадачиться подготовкой красного мусульманского командного состава, «…чтобы мусульмане могли обучаться на родном языке», срочным открытием курсов мусульманских военных инструкторов и курсов подготовки политических работников, «…которые могли бы вести работу просвещения и привлечения широких масс в ряды армии» (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 18–19).

Однако мероприятия по широкому привлечению мусульман в Красную армию с первых дней их реализации столкнулись с очень серьезными проблемами. С одной стороны, решения 3-й конференции Компартии Туркестана начали проводиться в жизнь, казалось бы, довольно активно. В частности, в ноябре 1919 г. была создана мусульманская партийная школа, которая приступила к подготовке партийных работников для территориальных партоорганизаций и комиссаров для мусульманских частей Красной армии. При политотделе Туркфронта начал работу подотдел, в рамках которого были учреждены секции интернационалистов и мусульманская (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 5). Началось формирование отдельных воинских частей, укомплектованных только бойцами-мусульманами. Так, в феврале 1920 года в состав Туркфронта была включена туркменская конная бригада. Чуть позже закончили формирование две отдельные конные мусульманские бригады, объединившие в своих рядах созданные ранее подразделения, укомплектованные в основном мусульманами (РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 720. Л. 5). Одновременно с этим власти советского руководства Туркестана, выполняя рекомендации Москвы, начали отказываться от наиболее радикальных мероприятий, направленных на ломку сложившегося уклада быта и традиций мусульманского населения края (Абашин, 2015. С. 148).

Узбекский исследователь Х.Ш. Иноятов в своей работе, посвященной историографии Гражданской войны в Средней Азии, отмечает, что в исследованиях по истории борьбы с басмачеством, опубликованных в 40–50-х гг. широко представлены сюжеты боевых действий красноармейских подразделений, которые были укомплектованы «представителями местных национальностей» (Иноятов, 1974. С. 17). Но на самом деле ситуация развивалась не столь однозначно. «Мероприятия по массовому призыву мусульманского населения в действующую армию проходили с большим трудом» (Бармин, 2018b. С. 18). Распоряжения государственных органов, грозные приказы штабов Красной армии и предпринимаемые жесткие меры в большинстве случаев не давали заметного результата. Население уклонялось от призыва. Отмечая эти факты, Политический отдел 1-й Революционной армии Туркестанского фронта в приказе от 29 июля 1920 года подчеркивал, что темпы мобилизации крайне низкие, а её результаты неудовлетворительны (РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 720. Л. 13). Для налаживания работы по призыву мусульман в армию Политотдел требовал усилить работу всех местных мобилизационных аппаратов (Лысенко, Бармин, Анисимова и др., 2018. С. 143).

Но все предпринимаемые усилия в этом направлении, в конечном счете, так и не дали ожидаемых результатов. В личном составе Красной армии Туркестана бойцы-мусульмане по-прежнему

составляли меньшинство. Архивные документы свидетельствуют, что мероприятия по призыву мусульман в армию оказались провалены практически повсеместно.

Причины этого провала многофакторны и одновременно очевидны. В условиях, когда новая власть грубо и оскорбительно вторгалась в многовековой уклад жизни населения, попирала верования людей и моральные принципы, принятые в мусульманском обществе, всякая попытка привлечь на свою сторону, а тем более заставить защищать эту власть с оружием в руках, вызывала у мусульман жесткое сопротивление. Еще одним важным негативным фактором являлось отношение местного населения к самой Красной армии. В Туркестане все хорошо знали о беззаконии, моральной распущенности и бесконечных грабежах, которыми отличались в рассматриваемый период бойцы Красной армии и в ходе боевых действий, и в местах постоянной дислокации. Эти факты вполне откровенно признавали и многие крупные военачальники Красной армии Туркестанской республики. Так, например, командующий частями Красной армии в Фергане М. Сафонов посчитал для себя возможным выступить по этой проблеме на страницах печатного органа ЦК КПТ и СНК Туркестана газеты «Известия». В своей статье он откровенно заявлял: «Грабительством были поражены все Ферганские гарнизоны, а местные власти либо не решались ничего предпринять из-за угроз со стороны грабителей, либо наоборот проявляли… необычную предприимчивость, по части пропавших в их широких карманах контрибуций и пр.» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 75).

В этих условиях сам факт согласия мусульманина на службу в Красной армии рассматривался его родственниками, односельчанами и просто соплеменниками как своеобразное национальное предательство. В результате мобилизационные мероприятия наталкивались на сопротивление всего общества, на отторжение в умах людей самой возможности служить новой власти. Там же, где с неимоверным трудом мусульманские части все-таки удавалось сформировать, командование сталкивалось с новыми проблемами. Такие части имели плохую выучку, демонстрировали крайне слабую боеспособность и отличались чрезвычайно высоким уровнем дезертирства. Уже после первых столкновений с врагом большая часть бойцов этих подразделений просто разбегалась, при этом многие из них, получив оружие, пополняли ряды басмаческих отрядов. Такая ситуация сохранялась довольно долго. Архивные документы свидетельствуют, что призыв в армию мусульманского населения Туркестана советским властям удалось организовать в соответствии с требованиями законодательства только во второй половине 20-х гг.

Подводя итоги предпринятому исследованию, можно сделать вывод, что мероприятия партийных и советских органов ТСР, командования Туркфронта, направленные на практическое решение задачи массового призыва мусульманского населения Республики в Красную армию в период активной фазы борьбы с басмачеством, не дали требуемых результатов. Причина провала этих мероприятий крылась в целой череде ошибок, допущенных руководством региона при решении общественно-политических и социально-экономических проблем, стоящих перед краем. Глубина и сложность проблем определяла необходимость использования в работе с населением элементов толерантности, тщательного учета этнических и конфессиональных особенностей, ментальности и традиций. Однако в деятельности властных структур, не имеющих подобного опыта работы, все эти требования игнорировались. Ситуация усугублялась повсеместным беззаконием, нарушением норм этики и морали. Результатом множества допущенных властями ошибок явилось массовое движение басмачества и многолетнее устойчивое недоверие людей к советской власти. В этих условиях всякая попытка привлечь к защите этой власти представителей мусульманского населения была обречена на провал.

Библиографический список

Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 779 с.

References

Abashin S. (2015) Soviet kishlak. Between colonialism and modernization. Moscow: New Literary Review. 779 p. (In Russ.)

Абылгазиев В. Крах политического бандитизма. Фрунзе: Госиздат КирССР, 1984. 96 с.

Алескеров Ю. Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. 234 с.

Бармин В.А. Деятельность частей Красной армии, советских и партийных органов как фактор возникновения и развития басмаческого движения в Туркестане в 1918–1922 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. Новосибирск: Изд-во Новосибирского высшего военного командного училища. 2017. № 1 (10). С. 21–25.

Бармин В.А. О деятельности партийных и советских органов Туркестана по привлечению мусульманского населения в ряды Красной армии как важном факторе борьбы с басмачеством в 1918–1924 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. Новосибирск: Изд-во Новосибирского высшего военного командного училища. 2018b. № 1 (14). С. 15–19.

Бармин В.А. О некоторых причинах возникновения басмаческого движения в Туркестане в 1918–1923 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: Изд-во Томского государственного университета. 2018a. № 53. С. 88–92.

Батыров Ш.Б., Минц И.И. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Изд-во «Фан», 1967. 769 с.

Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф. Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // «Полития»: Анализ. Хроника. Прогноз. М.: Полития, 2016. № 2. С. 109–123.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия, 1983. 720 с.

Зевелев А.И. Из истории Гражданской войны в Узбекистане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. 607 с.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981. 244 с.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В. Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М.: Мысль, 1986. 255 с.

Иноятов Х.Ш. Краткая история историографии Гражданской войны в Средней Азии. 1974. Ташкент: Наука, 1974. 68 с.

История гражданской войны в СССР: в 5 томах. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 420 с.

Коканбаев А. Борьба с басмачеством и упрочнение Советской власти в Фергане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1958. 77 с.

Куц И.Ф. Годы в седле. М.: Воениздат, 1964. 152 с.

Abylgaziev V. (1984) The collapse of political banditry. Frunze: State Publishing House of the KirSSR. 96 p. (In Russ.)

Aleskerov Yu. (1959) Intervention and Civil War in Central Asia. Tashkent: State Publishing House of the UzSSR. 234 p. (In Russ.)

Barmin V.A. (2017) Activity of the Red Army units, Soviet and Party bodies as a factor in the emergence and development of the Basmach movement in Turkestan in 1918–1922. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs.* Novosibirsk: Novosibirsk Higher Military Command School. No. 1 (10). P. 21–25. (In Russ.)

Barmin V.A. (2018b) On the activities of the Party and Soviet bodies of Turkestan aimed at attracting the Muslim population to the ranks of the Red Army as an important factor in the fight against Basmachism in 1918–1924. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs.* Novosibirsk: Novosibirsk Higher Military Command School. No. 1 (14). P. 15–19. (In Russ.)

Barmin V.A. (2018a) On some reasons for the emergence of the Basmach movement in Turkestan in 1918–1923. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. Tomsk: Tomsk State university. No. 53. P. 88–92. (In Russ.)

Batyrov Sh.B. Mints I.I. (1967) Victory of Soviet power in Central Asia and Kazakhstan. Tashkent: Publishing house “Fan”. 769 p. (In Russ.)

Blyakher L.E., Yarulin I.F. (2016) Who are the Basmachi? Soviet myth-making and stigmatization of the Civil War in Central Asia. *“Politiya”: Analiz. Khronika. Prognoz = “Politia”. Analysis, Chronicle, Forecast*. No. 2. P. 109–123. (In Russ.)

(1983) Civil War and Military Intervention in the USSR: Encyclopedia. 2nd edition. Moscow: Soviet Encyclopedia. 720 p. (In Russ.)

Zevelev A.I. (1959) From the History of the Civil War in Uzbekistan. Tashkent: State Publishing House of the UzSSR. 607 p. (In Russ.)

Zavelev A.I., Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. (1981) Basmachism: origin, essence, collapse. Moscow: Nauka. 244 p. (In Russ.)

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Shishkina L.V. (1986) Basmachism: The Truth of History and the Fictions of the Falsifiers. Moscow: Mysl. 255 p. (In Russ.)

Inoyatov Kh.Sh. (1974) Brief History of the Historiography of the Civil War in Central Asia. 1974. Tashkent: Nauka. 68 p. (In Russ.)

(1960) History of the Civil War in the USSR: in 5 vol. Vol. 5. Moscow: State publishing house of political literature. 420 p. (In Russ.)

Kokanbaev A. (1958) Struggle against Basmachism and the consolidation of Soviet power in Fergana. Tashkent: State Publishing House of the UzSSR. 77 p. (In Russ.)

Kuts I.F. (1964) Years in the saddle. Moscow: Voenizdat. 152 p. (In Russ.)

Лысенко Ю.А. Бармин В.А., Анисимова И.В. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. 384 с.

Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б., Тарасова Е.В., Гончарова Н.П. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения пост советской Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2018. 384 с.

Михайлов В.Ф. Хроника великого джута // Юность. М.: Правда, 1990. № 1. С. 83–84.

Пылев А.И. Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. Сер. 2. Вып. 2. № 10. С. 29–33.

Садыкова Т.Н. Борьба с Советской властью на юге Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. Бишкек: Изд-во научных журналов и детской художественной литературы, 2016. № 11. С. 108–110.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918–1924 гг.). М.: Наука, 1964. 471 с.

Lysenko Yu.A. Barmin V.A., Anisimova I.V. et al. (2017) Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the Revolutions of 1917. Barnaul: Altay State University. 384 p. (In Russ.)

Lysenko Yu.A., Barmin V.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B., Tarasova E.V., Goncharova N.P. (2018) Civil War in the Steppe region and Turkestan (1918–1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia. Barnaul: Altay Pedagogical University. 384 p. (In Russ.)

Mikhailov V.F. (1990). Chronicle of the great jute. *Yunost '= Youth.* Moscow: Pravda. No. 1. P. 83–84. (In Russ.)

Pylev A.I. (2003) On the ideological currents of the Basmach movement in Central Asia in the initial period (1918–1920). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University.* St. Petersburg: St. Petersburg State University. Ser. 2. Iss. 2. No. 10. P. 29–33. (In Russ.)

Sadykova T.N. (2016) Struggle against Soviet power in the south of Kyrgyzstan. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana = Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan.* Bishkek: Publishing house of scientific journals and children's fiction. No. 11. P. 108–110. (In Russ.)

Kheifets A.N. (1964) Soviet Russia and neighboring countries of the East during the Civil War (1918–1924). Moscow: Nauka. 471 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Бармин Валерий Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, Россия,
✉ e-mail: valbarmin@mail.ru

Information about the author

Valerii A. Barmin,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of World History, Faculty of History,
Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya street, Barnaul 656031, Russia,
✉ e-mail: valbarmin@mail.ru

Заявленный вклад автора

В.А. Бармин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

V.A. Barmin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 28 декабря 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 18 января 2021 г.
Принята к публикации 8 февраля 2021 г.

Article info

Received December 28, 2020.
Received January 18, 2021.
Accepted February 8, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470+571)«19»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-272-276

Метаморфозы российского общества глазами православного духовенства Крыма: рецензия на монографию «Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах» А.С. Пученкова, В.В. Калиновского*

© П.А. Новиков, М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на книгу А.С. Пученкова, В.В. Калиновского «Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах». В ней вслед за авторами представлено новое авторское осмысление роли православного духовенства Крыма в смутные лихолетья революций и Гражданской войны, его адаптация к вызовам времени, т. к. до этого история Таврической епархии не была серьезно освещена в научных трудах. В рецензии отмечается значимость опубликованной монографии в истории России.

Ключевые слова: Таврическая епархия, Синод, Русская православная церковь, Белое движение, большевики, обновленчество, духовенство, Гражданская война, Крым, общественные настроения

Для цитирования: Новиков П.А., Чирикова М.В. Метаморфозы российского общества глазами православного духовенства Крыма: рецензия на монографию «Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах» А.С. Пученкова, В.В. Калиновского // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 272–276. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-272-276

Metamorphoses of Russian Society through the Eyes of the Orthodox clergy of the Crimea: a review of the monograph Puchenkov A.S. and Kalinovskiy V.V. “Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920”*

© Pavel A. Novikov, Marina V. Chirikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is a review of the book by A.S. Puchenkov, V.V. Kalinovsky “The Spiritual Outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920”. Following the authors, it presents a new author's understanding of the role of the Orthodox clergy of the Crimea in the troubled times of Revolutions and Civil War, its adaptation to the challenges of the time, since before that the history of the Tauride diocese was not seriously covered in scientific works. The review notes the significance of the published monograph in the history of Russia.

Keywords: Taurian diocese, Synod, Russian Orthodox Church, the White movement, the Bolsheviks, Renovationism, clergy, Civil War, Crimea, public sentiment

For citation: Novikov P.A., Chirikova M.V. (2021) Metamorphoses of Russian Society through the Eyes of the Orthodox clergy of the Crimea: a review of the monograph Puchenkov A.S. and Kalinovskiy V.V. “Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 272–276. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-272-276

---

* Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

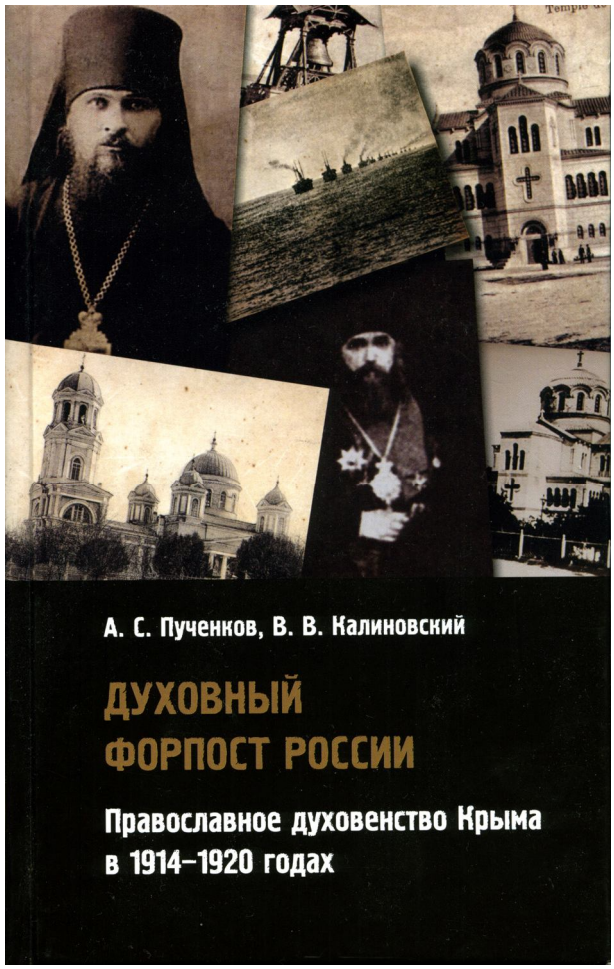
* Puchenkov A.S. and Kalinovskiy V.V. (2020) Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920. St. Petersberg: Vladimir Dal'. 407 p.

В 2020 году вышла работа преподавателей СПбГУ Пученкова А.С. и Калиновского В.В. «Духовный форпост России», посвященная православному духовенству Крыма в период с 1914 по 1920 гг. (Пученков, 2020b).

Профессор А.С. Пученков широко известен российской общественности монографиями «Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.)» (Пученков, 2012; Пученков 2016) и «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории» (Пученков, 2013), а иркутянам запомнился содержательным докладом «Александр Васильевич Колчак: штрихи к психологическому портрету» 5 февраля 2020 г. на конференции «1920 г. в истории России» (Пученков, 2020a. С. 11–12).

Издания, посвященные периоду Гражданской войны, всегда привлекают внимание в первую очередь потому, что этот период крайне неоднозначно оценивается историками. Отсутствие единодушия или какой-то более-менее объективной оценки побуждает продолжать изыскания. Поэтому новая аргументированная интерпретация предреволюционных и собственно революционных процессов всегда вызывает живой интерес не только у специалистов, но и широких читательских кругов. Хочется отметить объективный подход А.С. Пученкова и В.В. Калиновского. Вдумчиво анализируя исторические источники, они выявляют как достижения, так и просчеты в повседневной практике духовенства Крыма.

В целом монография петербургских ученых содержит много сведений, позволяющих восстановить картину церковной жизни Таврии в ретроспективе событий Великой войны, революционных потрясений и гражданского противостояния. Авторы и сами отмечают, что одной из задач, которую они поставили перед собой в процессе написания книги, была попытка взглянуть на сложные для России и общества времена глазами одного сословия – духовенства. Выбор Таврической епархии также не был случаен, здесь проявились все мрачные характеристики той эпохи, здесь же были утрачены последние иллюзии о возможности примирения. По сути, таврическое духовенство олицетворяет собой трагедию всего российского общества во втором десятилетии XX в.

Авторам удалось в ретроспективе проследить динамику изменений, происходивших как в Таврической епархии в частности, так и в русской православной церкви в целом.

«Симфония» церкви и государства, предопределенная византийской традицией, обязывала духовенство поддерживать решения светских правителей, обеспечивая им общественную поддержку. И несмотря на то, что с начала XVIII века отношения этих важных социальных институтов переживают кризис, данный принцип действует, особенно в сложные исторические периоды. Так, в начале Первой мировой войны русская православная церковь, наряду со всеми патриотически настроенными силами страны, выступила за вступление России в войну в защиту православного народа Сербии.

Именно с этого временного промежутка начинается исследование А.С. Пученкова и В.В. Кали-

новского. В первой главе авторы сконцентрировали внимание на жизни епархии Крыма в первые годы Великой войны. Учёные определили роль церковных служителей в формировании патриотических настроений в тылу и в рядах русской армии и флота; в организации благотворительных акций в пользу раненных, а также семей земляков, погибших в боевых действиях; в создании больничного фонда и др. В среде духовенства царил патриотический подъем, выразившийся в стремлении многих из них, включая архиепископа Димитрия (Абашидзе), лично участвовать в военных походах в качестве флотских/армейских священников. Активная поддержка царской власти, молебны и крестные ходы, призванные укрепить дух армии и мирного населения Тавриды, говорят о том, что местные священники и не подозревали о назревающей общероссийской катастрофе.

Однако интуитивно многие ощущали происходящие изменения в стране, в мировоззрении общества, в отношении части населения к церкви и т. д. Серьезные метаморфозы происходят и в самой Русской православной церкви, и в епархиях, на местах. Новые веяния заставляют церковь и её служителей адаптироваться, порой бессознательно, к новым условиям, применять новые формы взаимодействия с мирянами. Об этих преображениях свидетельствуют дневники и письма архиепископа Димитрия, священника А.П. Эндеки и др. По ним можно проследить как патриотическая эйфория сменялась пораженчеством; происходило падение авторитета царской власти и правительства; усиливалась радикализация масс; происходила политизация населения.

В конечном счете все эти тенденции привели Российскую империю к Февральской революции, ликвидации самодержавия и поставили перед Синодом и церковью вопрос о её роли в новом государстве, в новых условиях. Однако, как показало время, надежды на благополучное будущее, построение нового демократического государства и усовершенствование института культа не оправдались.

По мере роста революционных настроений, увеличения количества безрезультатных попыток Временного правительства справиться с многочисленными политическими и социально-экономическими проблемами, в обществе шёл процесс деградации. Примерами, иллюстрирующими такое положение вещей, изобилует вторая глава рассматриваемой монографии, среди них: рост криминала, разочарование в правительстве, недоверие ко всем привычным формам совместного общежития, отказ от Бога, порой принимавший формы воинствующего атеизма.

Авторы исследования демонстрируют множество ситуаций, которые подтверждают, что местное духовное начальство и простые священники ежедневно прилагали максимум усилий для поддержания порядка. Вести пропаганду через печатные органы в полном объеме было невозможно из-за дороговизны услуг типографий, а также отказа некоторых из них выпускать «Епархиальные ведомости». Приведены в монографии и наиболее одиозные случаи краж церковного имущества, разбойных нападений на церковных служащих и даже убийств представителей духовенства.

По мере ослабления властных структур и порядка в стране описанные выше метаморфозы нарастают, но катастрофический размах они приобретают после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. Активная антирелигиозная и антицерковная пропаганда новой власти, падая на удобренную почву всеобщего недоверия, культивировала в массах настоящую ненависть к любому проявлению самодержавного прошлого, в том числе и к церкви. Остановить это, охватившее все социальные группы безумие, как показали авторы в третьей главе рецензируемого труда, если и могли священники, то только те из них, кто сумел даже в эти смутные времена остаться верен себе и своему сану.

В своей работе А.С. Пученков и В.В. Калиновский отразили отношения самого духовенства к новым реалиям, попытки найти своё место в круговороте событий. Неожиданным выглядит факт, что священнослужители неоднозначно относились к лидерам Белого движения. Первоначально крымчане возлагали большие надежды на офицеров антибольшевистского движения в наведении

порядка и стабилизации общества. Однако вскоре эти ожидания сменились разочарованием. Ни Деникин, ни Врангель оказались неспособны воспользоваться историческими возможностями, предоставленными им эпохой и обществом.

Часть духовенства связывала углубление кризиса с быстрым моральным разложением российского общества, с кризисом веры, с утратой привычного образа жизни и отсутствием более-менее внятных представлений о будущем. В самой монографии, на наш взгляд, исследователи сумели грамотно расставить исторические акценты.

К несущественным недостаткам монографии можно отнести некую диспропорцию в главах. На фоне первых двух глав, третья заметно меньше (почти на треть), хотя с точки зрения содержательной линии и доведена до логического завершения: исхода части Белого движения и российского общества за рубеж. Предполагаем, что причина такой разницы в объёме связана с утратой многих ценных источников в ходе описанных смутных событий.

Зато авторам удалось просто, доходчиво, без излишней наукообразности рассказать об этом печальном периоде в истории Крыма и России. Это – достоинство работы, именно оно делает её увлекательной не только для профессиональных историков, но и для широкой читательской аудитории.

Крайне интересным кажется и личностный контекст исследования, предложенный учеными. Так, в ход исторического развития региона умело вплетены жизнеописания многих представителей духовенства Таврической епархии, особая роль была отведена местному архиепископу Димитрию (Абашидзе). Все это сделало материал более живым, разбавило сухие факты конкретными жизненными историями.

Еще одним достоинством данной монографии является обращение Пученкова и Калиновского к малоизученным и редко освещаемым в исторических трудах вопросам церковного строительства в этот период. Например, знакомство и изучение епархиальных съездов и работы Всероссийского съезда духовенства и мирян представляется очень перспективным в дальнейшем.

Не формально авторы отнеслись и к приложению, завершающему этот труд, в нем собраны сведения о многих персонажах книги, об их последующей судьбе. Для подготовки этого именного указателя были привлечены мемуары, архивные источники, сведения из документов Русской православной и Русской зарубежной церкви.

Библиографический список

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб: Полторак, 2012. 338 с.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., исп. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.

Пученков А.С. Александр Васильевич Колчак: штрихи к психологическому портрету // Белая Сибирь. Коллективная монография. 2-е изд., исп. и доп. Иркутск, 2020а. С. 9–16.

Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

References

Puchenkov A.S. (2012) General Denikin's National Policy (Spring 1918 – Spring 1920). St. Petersburg: Poltorak. 338 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2016) General Denikin's National Policy (Spring 1918 – Spring 1920). Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga. 399 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2013) Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919 Essays on political history. St. Petersburg: Nestor-istoriya. 352 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2020a) Alexander Vasilievich Kolchak: strokes for a psychological portrait. *Belaya Sibir' = White Siberia*. Collective monograph. Irkutsk. P. 9–16. (In Russ.)

Puchenkov A.S., Kalinovskii V.V. (2020) Spiritual Outpost of Russia: Orthodox Clergy of Crimea in 1914–1920. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 407 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,

Information about the authors

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Чирикова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: chirikovamv@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 9 февраля 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 22 февраля 2021 г.

Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Marina V. Chirikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: chirikovamv@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received February 9, 2021.

Received February 22, 2021.

Accepted March 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 72.03+728
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-277-280

Будущее столицы Монголии: рецензия на книгу «Градостроительное развитие г. Улан-Батор» А.Г. Большакова и Н. Нямдорж*

© В.И. Терентьев

Московская духовная академия, г. Сергиев Посад, Россия

Аннотация: В рецензии рассматривается монография А.Г. Большакова и Н. Нямдорж, посвященная проблеме градостроительного развития столицы Монголии Улан-Батору. Отмечается важность подобных исследований, продолжающих традицию отечественных работ и подчеркивающих, в целом, проблему развития современных городов. Интерес к Улан-Батору вызван в первую очередь последовательным несоблюдением плана застройки и развития города, что приводит к катастрофическим последствиям, которые можно наблюдать уже сейчас.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, архитектура, градостроительство, памятники, наследие, город, пространство

Для цитирования: Терентьев В.И. Будущее столицы Монголии: рецензия на книгу «Градостроительное развитие г. Улан-Батор» А.Г. Большакова и Н. Нямдорж // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 277–280. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-277-280

The future of the capital of Mongolia: a review of the book “Urban Development of Ulan Bator” by A.G. Bol’shakova and N. Nyamdorzh*

© Vladislav I. Terentyev

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia

Abstract: The review observed the monograph by A.G. Bolshakov and N. Nyamdorzh, dedicated to the problem of urban development of the Mongolian capital Ulaanbaatar. The importance of such studies, continuing the tradition of domestic works, and emphasizing the problem of the development of modern cities are noted. Interest in Ulaanbaatar is caused, first of all, by the consistent non-observance of the plan for the construction and development of the city, which leads to disastrous consequences that can be observed already now.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, architecture, urban planning, monuments, heritage, city, space

For citation: Terentyev V.I. (2021) The future of the capital of Mongolia: a review of the book “Urban Development of Ulan Bator” by A.G. Bol’shakova and N. Nyamdorzh. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 277–280. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-277-280

Улан-Батор представляет собой исключительный пример дезорганизованной градостроительной политики: перенаселенность, практически полное отсутствие открытых пространств для массовых прогулок, фантастическая точечная застройка зданиями повышенной этажности, проблема юрточных кварталов, – все это широко известные обстоятельства, формирующие современный уникальный архитектурно-городской стиль самой холодной столицы мира. Несмотря на регулярные

* Большаков А.Г., Нямдорж Н. Градостроительное развитие города Улан-Батора: монография. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2019. 102 с.
* Bolshakov A.G., Nyamdorzh N. (2019) Urban development of Ulaanbaatar: monograph. Irkutsk: IRNITU. 102 p.(In Russ.)

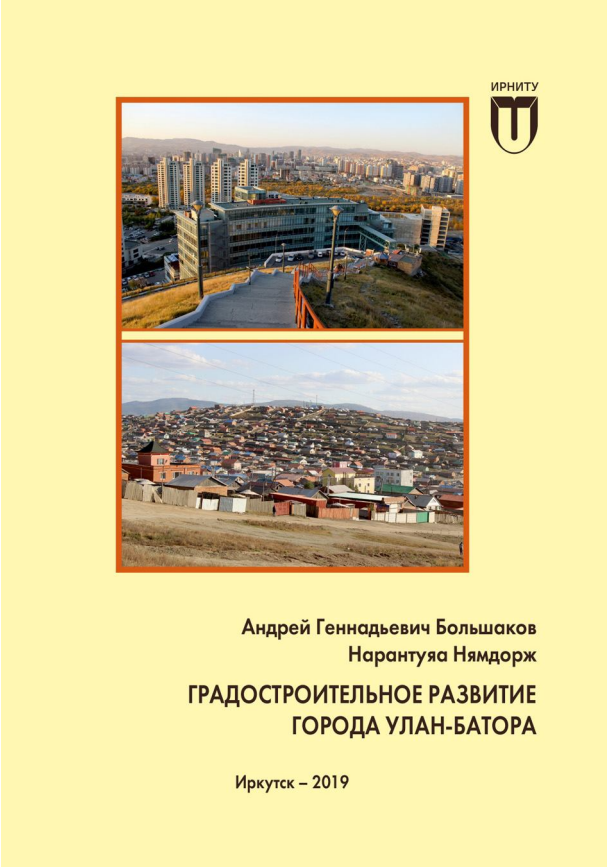
официальные сообщения о разрешении вопросов самостроя, озеленения, расширения сети детских садов, школ и дорожно-парковых зон, проблема Улан-Батора как комфортного жилого пространства чрезвычайно актуальна.

Слабая проработка истории архитектуры и градостроительства Монголии конца XIX – XX в., в особенности – роли «русско-советского архитектурно-градостроительного наследия» в этом процессе уже отмечалась специалистами (Духанов, Литвинова, 2018. С. 156). В этой связи рецензируемое издание А.Г. Большакова и Н. Нарантуи (в книге – Н. Нямдорж) довольно успешно продолжает традицию совместных российско-монгольских исследований градостроительного опыта в Монголии, в котором роль нашей страны колоссальна. Таким путем работа, описывая социокультурное влияние России на своих соседей, имеет непосредственное отношение и к советскому периоду отечественной истории.

Во введении к монографии авторами обозначены три проблемы, которые фактически и составляют условный «архитектурный код» Улан-Батора, требующий незамедлительно разрешения: неуправляемое развитие юрточных районов; оставшееся единичное архитектурное наследие, окруженное неадекватной современной застройкой и «неясность путей развития жилых кварталов» (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 5).

Первая глава раскрывает факторы формирования архитектуры Монголии и этапы становления и развития столица. Отдельно рассматриваются современные особенности городской застройки.

Авторы уже практически на первых страницах монографии обсуждают вариант решения проблемы «юрточных кварталов» и, в целом, предлагают способ «упорядоченного развития города» в виде «организации малых городов-спутников на осях вылетных автодорожных магистралей» (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 15). Попытки перепланировки юрточных районов стоили 104 млрд тугр. (2,5 млрд руб.) и не принесли никаких результатов (Большаков, Нямдорж. 2019. С. 16). Также затрагивается практически не известная и по-настоящему не ощущаемая исследователям из России иная

проблема: отсутствие стандартов, «ограничивающих деятельность ресторанов и других увеселительных заведений в ночное время» (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 17).

Во второй главе рассматриваются типологические особенности социалистических микрорайонов, планировка и застройка районов центральной площади и двух столичных монастырей: Гандантэгченлин и Чойджин ламын сум. В этой же главе описываются принципы реконструкции юрточных кварталов в центральной части города. Авторы указывают на очевидные моменты, с которых должно начаться решение вопроса юрточных районов: создание инженерной и рекреационной инфраструктуры, бытового и культурного обслуживания (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 43). Среди прочего, А.Г. Большаков и Н. Наранту обращают внимание на современную оценку микрорайонов социалистического периода, являющихся, по их словам, «типовыми, монотонными, скучными». Тем не менее в них, по утверждению самих авторов, объективно решены жилищно-бытовые и санитарно-

гигиенические вопросы, проблемы, связанные с обеспечение детскими садами и школами (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 29).

Третья глава продолжает тему, затронутую в заключительном разделе второй главы, а именно пути развития и реновации юрточных районов. Раздел построен на анализе проекта Консультационной команды Азиатского банка развития и Японского фонда сокращения бедности. Подробные подсчеты затрат позволяют авторам прийти к выводу, согласно которому имеющийся генплан перестройки жилых кварталов до 2030 года невозможно воплотить при имеющемся муниципальном бюджете. Заметным отличием данного раздела является графический материал, детально иллюстрирующий представленный текст. Отдельный интерес представляют материалы опроса о согласии или несогласии жителей юрточных районов на реновацию (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 64–66).

Заключительная глава посвящена проблеме сочетания традиции и модернизации в пространстве Улан-Батора. Здесь авторы определяют три принципа, которые позволят максимально продуктивно решить проблему юрточных кварталов: создание правовой базы для переселенцев, подготовка территории, конкретные проекты организации новых кварталов (Большаков, Нямдорж, 2019. С. 68).

Фактически рецензируемая монография является подробной экскурсией по одному из самых интересных городов Азии, демонстрирующему уникальный опыт социалистической застройки традиционного архитектурного пространства, фактически планомерно уничтожаемого сегодня. Абсолютным плюсом монографии является колоссальное, по нынешним временам, количество (70 для почти стостраничной книги) иллюстративного материала: фотографий, рисунков, схем, таблиц, генпланов, проектов реконструкций.

Монография описывает яркий пример непоследовательной градостроительной политики и того, к чему приводит попытка капиталистической модернизации социалистической архитектуры, кажущейся современному обывателю пространством заурядным, скучным и напоминающим прошлое, от которого необходимо избавляться.

Будущее Улан-Батора, в действительности, исключает любое архитектурное наследие. Это заметно уже сейчас на детально рассмотренной А.Г. Большаковым и Н. Нямдорж практике безразличного отношения к монастырским ансамблям столицы, представляющим неоценимую культурно-историческую ценность. В этой же логике выстраивается заявленная администрацией столицы «реконструкция» исторического центра города путем сноса ряда зданий, являвших собой классику социалистической архитектуры: Государственного театра оперы и балета, Драматического театра, Национальной библиотеки, Музея политических репрессий (ликвидирован в октябре 2019 г.) и Природно-исторического музея (снесен в ноябре – декабре 2019 г.).

Библиографический список

Большаков А.Г., Нямдорж Н. Градостроительное развитие города Улан-Батора: монография. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2019. 102 с.

Духанов С.С., Литвинова О.Г. Отечественный архитектурно-градостроительный опыт в Монголии второй половины XIX–XX вв.: современное состояние вопроса // Региональные архитектурно-художественные школы. 2018. № 1. С. 150–156.

References

Bolshakov A.G., Nyamdorzh N. (2019) Urban development of Ulaanbaatar: monograph. Irkutsk: IRNITU. 102 p. (In Russ.)

Dukhanov S.S., Litvinova O.G. (2018) Russian architectural and urban planning experience in Mongolia in the second half of the 19th–20th centuries: the current state of the issue. *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly = Regional schools of architecture and art.* No. 1. P. 150–156. (In Russ.)

Сведения об авторе

Терентьев Владислав Игоревич,
кандидат исторических наук, независимый исследователь,
Московская духовная академия,

Information about the author

Vladislav I. Terentyev,
Cand. Sci. (History), independent researcher,
Moscow Theological Academy,
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia,

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия, Россия,
✉ e-mail: vlad33@bk.ru

Заявленный вклад автора

В.И. Терентьев выполнил научное рецензирование, обобщил полученные оценки и написал рукопись.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 7 сентября 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 3 января 2021 г.

Принята к публикации 11 января 2021 г.

✉ e-mail: vlad33@bk.ru

Contribution of the author

V.I. Terentyev made the research work, on the basis of the results conducted the synthesis and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 7, 2020.

Received January 3, 2021.

Accepted January 11, 2021.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–2500 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 200–2500 words, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (38) 2021

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 31.03.21. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 36,25.
Тираж 500 экз. Заказ 67. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83